

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте

Гэлбрэйт: возвращение

Под ред. С.Д. Бодрунова

**Культурная революция
Москва 2017**

ББК 65.011.3

И.А. Благих, С.Д. Бодрунов (*руководитель*), Л.Н. Даниленко, А.М. Кулегин, С.В. Куликов, С.К. Лебедев, И.В. Лукоянов

Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. С.Д.Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с. ISBN 978-5-902764-85-4

Полвека отделяют нас от публикации книги Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» (The New Industrial State), ставшей вехой в мировой социально-экономической литературе. В этой книге он во многом предвосхитил «повестку дня» экономических дискуссий начала нынешнего века – дискуссий о роли реиндустриализации, о путях создания нового типа материального производства, о возрождении общественного регулирования рыночной экономики и многих других вопросах сегодняшней экономики.

Одной из его важнейших заслуг стала содержательная разработка важнейших проблем индустриальной экономики – феномена, остающегося господствующим вопреки всем постиндустриальным мифам. Разумеется, за прошедшие полвека индустриальная экономика существенно преобразилась. Сегодня мы говорим о знаниеинтенсивном материальном производстве и о новом индустриальном обществе второго поколения

Гэлбрейт напрямую связал прогресс новой индустриальной экономики и «планирующих систем» (корпораций) с необходимостью государственного регулирования рынка, показав взаимную обусловленность нового качества индустрии, особой роли корпораций и государственного регулирования.

И сегодня мы ведем творческий диалог с Гэлбрейтом, мы опираемся на его разработки как на отправную точку наших собственных исследований. Мы включили в эту книгу по большей части уже сделанные ведущими учеными России ранее разработки, в которых они на протяжении последних десятилетий вели заочный, не всегда явный, диалог с разработками Гэлбрейта, творчески, критически развивая или переосмысливая его идеи, предлагая свои, оригинальные решения поставленных им проблем.

Введение к книге написано сыном Джона Кеннета Гэлбрейта, известным американским ученым, профессором Джеймсом К. Гэлбрейтом.

© Бодрунов С.Д., 2017

© ИНИР им. С.Ю.Витте, 2017

© Культурная революция, 2017

Содержание

	С.Д. Бодрунов Предисловие.....	5
	Дж. К. Гэлбрейт «Новое индустриальное общество»: актуальность для XXI века.....	11
25	часть 1 Новое индустриальное общество: возвращение концепции?	
	С.Д. Бодрунов Новое индустриальное общество второго поколения: переосмысливая Гэлбрейта.....	27
	Д.Е. Сорокин Продолжая Гэлбрейта: техноструктура, государство и гражданское общество	72
	Г.Н. Цаголов Революция Гэлбрейта и развитие теории конвергенции	82
	К.А. Хубиев Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд?	114
155	часть 2 План, рынок и корпорации: 50 лет спустя	
	А.А. Пороховский Роль и судьба корпораций	157
	А.В. Бузгалин, А.И. Колганов По ту сторону Гэлбрейта: креатосфера, рынок и корпорации в начале XXI века	181
	М.И. Воейков Капитализм, новое индустриальное общество и современное государство.....	250
	А.Е. Городецкий Теория планирующих систем Гэлбрейта и уроки российских административных реформ.....	285

319 часть 3 Гэлбрейт: предвидение реиндустриализации?

В.Т. Рязанов Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансовократия или новая технологическая революция?.....	321
А.И. Московский «Новое индустриальное общество» Гэлбрейта и стратегия индустриализации России.....	349
М.Ю. Павлов Будущее индустриального производства: технологии, институты, пространства.....	366

397 приложения слово Джону Кеннету Гэлбрейту

Дж. Гэлбрейт Новое индустриальное общество <i>фрагменты из книги</i>	399
Дж. Гэлбрейт Экономические теории и цели общества <i>фрагмент из книги</i>	417
PS.	
Ст. Меньшиков Великий Гэлбрейт. Слово прощания	421

Предисловие

Сергей Дмитриевич Бодрунов

Президент Вольного экономического общества России,
Директор Института нового индустриального развития им. С.Ю.Витте,
д.э.н., профессор

Sergey D.Bodrunov

The President of Free Economic Society (Russia),
The Chairman of S.Y.Vitte Institute of new industrial development,
Dr. of Economics, Professor

Foreword

Уважаемый читатель!

Перед Вами – необычная книга. Она соединила в себе размышления ведущих ученых России о книге выдающегося мыслителя США – Джона Кеннета Гэлбрейта. И не потому, что мы испытываем некий трансцендентный трепет перед североамериканской экономической мыслью – скорее, наоборот, авторы книги в большинстве своем индифферентны либо даже порой критичны по отношению к формируемому в первую очередь именно в этой стране мейнстриму современной экономической теории, а потому, что этот мыслитель сумел полвека назад проанализировать проблемы, не просто остающиеся актуальными, но становящиеся все более актуальными сегодня.

Полвека отделяют нас от публикации книги «Новое индустриальное общество» (The New Industrial State), ставшей вехой в мировой социально-экономической литературе. Она получила очень широкое распространение в США и в других странах мира, Ее перевели на русский язык и издали в СССР. Более того, ее изучение входило в обязательную программу экономических факультетов советских университетов. Она быстро стала чрезвычайно популярной, но вызвало сначала осторожную, а затем и очень жесткую критику со стороны экономико-теоретической «элиты» США.

Ее пытались предать забвению в эпоху торжества «рыночного фундаментализма», но она вновь становится популярна: в США выходит новое издание с предисловием сына Джона Кеннета Гэлбрейта – профессора экономики Джеймса Кеннета Гэлбрейта (авторизованная и подготовленная

специально для российского читателя версия этого текста открывает нашу книгу).

В чем же причина такой популярности?

Ответ, на наш взгляд, неоднозначен.

С одной стороны, эта книга говорит о вопросах, которые по-настоящему важны – о производстве и корпорациях, об их манипулятивном воздействии на потребителя и о необходимости государственного регулирования, о возможности формирования нового, отличного от господствовавшего тогда, в середине XX века и сохраняющегося до сих миропорядка...

С другой стороны, Гэлбрейт говорит об этом на языке и в рамках господствующих в среде экономистов и социологов «основного течения». Он не чужой, он не переходит меру, которая каменной стеной отделяет марксистов и других левых от большинства обществоведов современного мира. Предлагая изменять мир и, в частности, экономику, он не переходит меры, не требует качественной ломки, оставаясь в рамках фиксации объективных процессов, обуславливающих целесообразность некоторых реформ существующих институтов.

Как таковой Гэлбрейт, став в некотором смысле фрондером, остался «своим». И это стало предпосылкой для его известности.

Но основанием для его заслуг стала содержательная разработка важнейших проблем *индустриальной экономики* – феномена, остающегося господствующим вопреки всем постиндустриальным мифам.

Не претендуя на историко-биографический очерк (в книге читатель найдет обширный материал о жизни и творчестве Гэлбрейта), выделим лишь некоторые наиболее значимые для современной экономики положения, развитые этим ученым.

Первое. В книге «Новое индустриальное общество», полувековой юбилей которой мы отмечаем, Гэлбрейт доказал: мы живем и будем жить в индустриальной экономике. Это система, где определяющую роль играет материальное производство, предполагающее постоянный прогресс технологий, имеющее свои объективные законы развития и – добавим мы от себя – любое игнорирование этих законов, ведущее к деиндустриализации, вызывает деградацию экономики и общества. Это фундаментальное положение в конце XX века было объявлено устаревшим, но не прошло и нескольких десятилетий, как «победное шествие» так называемой «постиндустриальной» экономики обернулось для наиболее развитых стран глубочайшими проблемами, заставив поставить в повестку дня задачи *реиндустриализации*.

Гэлбрейт вернулся.

Но это возвращение не означает, что мир не изменился за последние 50 лет. Отнюдь. Индустриальная по своему содержанию экономика существенно преобразилась. «Умные фабрики», «индустрия 4.0», производство «точно вовремя» и т.п. – все это стало реальностью уже десятилетия назад. Сегодня мы говорим о *знаниеинтенсивном материальном производстве* и о *новом индустриальном обществе второго поколения* (мы называли его НИО.2), чему автор этих строк в немалой степени посвятил свой текст в данной книге. Но и это уже – не самый передний край науки: мы исследуем проблемы рождения ноосферной цивилизации...

Второе. Формой, адекватной для организации индустриального производства, по мнению Гэлбрейта, являются корпорации, становящиеся своего рода «плановыми системами». Этот вывод нам представляется важным не только в теоретическом, но и в практическом отношении, причем едва ли не в первую очередь для россиян. Нам уже не раз приходилось доказывать, что возрождение отечественной экономики следует связывать с восстановлением роли промышленности (современной, качественно иной, чем ранее!) в качестве ее базовой компоненты, проведения в жизнь соответствующих реиндустриализационных мер, что возможно прежде всего на путях формирования производственно-научно-образовательных комплексов, включающих образовательные структуры как свою составную часть. Таким *ПНО-структурам* в первую очередь (хотя и не единственно) по плечу решение стратегических проблем перехода к качественно новым, знаниеемким технологиям. И здесь размышления Гэлбрейта о роли корпораций, о присущих им проблемах и путях их преодоления, о соотношении власти и функций собственников и технотрактуры – все это приобретает особую актуальность.

Третье. Автор «Нового индустриального общества» много внимания уделил анализу взаимодействия рынка и государства. Эта тема, как хорошо известно, является предметом экономических дискуссий уже более столетия. Именно здесь проходят наиболее жесткие водоразделы между разными направлениями экономической науки. На первый взгляд, Гэлбрейт – всего лишь один из тех, кто в очередной раз высказался в пользу значимой регулирующей роли государства. Но все далеко не столь просто. Этот ученый не просто занял определенную позицию в принципиальной дискуссии (что само по себе не маловажно). Он сумел раскрыть оригинальную систему аргументов, обосновывающих *перспективность и эффективность государственного регулирования*.

В частности, Гэлбрейт напрямую связал прогресс новой индустриальной экономики и «планирующих систем» (корпораций) с необходимостью

государственного регулирования рынка. Последнее в его работах получило статус не просто благопожелания, выдвигаемого левыми политиками и их теоретическими адептами, а экономически, производственного обоснованного императива. Эта связь, конечно же, не является открытием Гэлбрейта. И его предшественники по институциональной экономической теории, и – еще ранее – марксисты немало писали о том, что крупное индустриальное производство предполагает, как минимум, государственное регулирование рыночной экономики. Но автор «Нового индустриального общества» пошел дальше, связав воедино новое качество индустрии, особую роль корпораций и государственное регулирование.

Наконец, Гэлбрейт принадлежал к кругу ученых, считавших перспективной идею конвергенции капитализма и социализма. Автор этих строк – и это важно сразу подчеркнуть – не принадлежит к числу адептов этой теории в том упрощенном виде, как она представлена во многих работах, но видит в ней важное рациональное зерно: прогресс индустриального общества действительно постепенно ведет к необходимости использования, с одной стороны, рыночных и частных, с другой – общественных и плановых начал. Но это – не искусственная конструкция ученых и политиков, придумывающих модели формального соединения неких (определенных по не слишком ясным критериям) позитивных сторон разных общественных систем, схемы которых придумали марксисты и пытались воплотить в жизнь политики XX века. Это – органическое «вырастание» нового общественного устройства, нового качества экономических отношений и институтов, являющееся следствием всеобщего прогресса материального производства, кристаллизующихся на базе реальных вызовов, продиктованных последним. Именно этот подход и обосновывает в данной книге автор этих строк, и ценность работ Гэлбрейта в этом отношении состоит в том, что он также ищет материальные основания для будущей конвергенции, на которую он надеялся 50 лет назад и которая даже в XXI веке все еще выглядит как будущее.

Безусловно, выделенные выше четыре блока разработок Гэлбрейта далеко не исчерпывают значение его наследия. К ним принадлежит и методология институциональных исследований, и оригинальный взгляд на проблемы конвергенции, и исследование роли техноструктуры, и анализ новых целевых установок и регулирующих функций корпораций и т.д. Но, как уже было замечено, это предисловие не претендует на очерк в жанре истории экономической мысли. Наша задача была в другом: показать важнейшие реперные точки книги «Новое индустриальное общество», юбилею которой посвящена наша книга, и раскрыть то, как, в каких областях и почему они актуальны сегодня, 50 лет спустя.

На эти цели ориентирована и вся книга: мы с коллегами в Институте нового индустриального развития (ИНИРе) им.С.Ю.Витте, который уже почти два десятилетия исследует данные вопросы, объединили в предлагаемой монографии идеи известных ученых, чьи работы посвящены проблематике, акцентированной выше.

Подчеркнем замысел книги. Он состоял не в том, чтобы собрать воедино некую толику юбилейных славословий, биографических и исторических очерков. Нет. Мы включили в книгу по большей части уже сделанные авторами ранее разработки, в которых они на протяжении последних десятилетий вели заочный, не всегда явный, диалог с разработками Гэлбрейта, творчески, критически развивая или переосмысливая его идеи, предлагая свои, оригинальные решения поставленных им проблем.

В результате в книгу вошли как существенно переработанные для настоящего издания, но ранее уже публиковавшиеся материалы, так и специально написанные для этой книги тексты, в которых, однако, отражены результаты многолетней предшествующей работы их авторов.

Еще раз подчеркнем: наша главная задача состояла и состоит в том, чтобы дать целостную картину того, как на почве постсоветской России взошли ростки тех семян, которые Гэлбрейт заронил 50 лет назад. Уже более десяти лет прошло с тех пор, как этот мыслитель ушел от нас. Но с нами остались его размышления, его идеи, его не укладывающийся в прокрустово ложе «общепринятых» доктрин взгляд на происходящее в нашем мире. И сегодня мы ведем творческий диалог с Гэлбрейтом, мы опираемся на его разработки как на отправную точку наших собственных исследований. То, что он высказал когда-то, сейчас становится импульсом, позволяющим сделать новые шаги вперед.

Поэтому мы видим своим долгом как можно шире показать актуальность научного наследия Гэлбрейта, и поэтому данная книга будет представлена участникам Санкт-Петербургского экономического конгресса 2017 года. Гэлбрейт возвращается.

И мы хотим показать, что возвращение его – неслучайно.

Он во многом предвосхитил «повестку дня» экономических дискуссий начала нынешнего века – дискуссий о роли реиндустриализации, о путях создания нового типа материального производства, о возрождении общественного регулирования рыночной экономики и многих других вопросах сегодняшней экономики.

Он оказался в чем-то учителем, в чем-то – незримым собеседником, в чем-то оппонентом для ряда видных ученых-экономистов нашей страны (тексты ряда из них представлены в нашей книге).

Он оказался востребован в современной России, ибо в нашей стране особенно остро стоят поставленные этим ученым еще тогда, когда еще не было Российской Федерации, а Советский Союз казался вечным.

Поэтому Гэлбрейт возвращается. Проверенный жизнью и подтвержденный практикой – критерием истины. И мы надеемся, что предлагаемая книга станет нашим скромным вкладом в этот процесс.

В завершение хотелось бы выразить благодарность за помощь в подготовке книги и ценные советы А.И.Колганову, различного рода организационную работу Г.А. Маслову.

«Новое индустриальное общество»: актуальность для XXI века^{1, 2}

Джеймс Кеннет Гэлбрейт

Профессор Школы по связям с общественностью
им. Линдона Джонсона Техасского университета в г. Остин
Председатель организации «Объединенные экономисты
за сокращение вооружений» (ECAAR)
Визит-профессор кафедры Общей экономической теории
Московской экономической школы МГУ имени М.В.Ломоносов

James K. Galbraith

Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Affairs,
University of Texas at Austin, Chairman of the "Economists Allied
for Arms Reduction"(ECAAR) organization,
Visit-professor at the department of General Economic theory,
Moscow Economic School at Lomonosov Moscow State University

The New industrial state: relevance for the 21st century

«Новое индустриальное общество» – великая теоретическая работа моего отца. Книга была впервые опубликована в 1967 году, почти через десять лет после триумфа «Общества изобилия». Помимо критики ортодоксальной экономики, работ К. Маркса и идей Дж.М. Кейнса, в «Новом индустриальном обществе» представлена полноправная альтернатива неоклассическому подходу. В этой книге Дж.К. Гэлбрейт сформулировал своё видение коммерческой фирмы как организации и концепцию экономики организаций, которые вместе образуют «систему планирования».

Экономика организаций противопоставляется экономике рынков. В «общепринятой модели», по Гэлбрейту, во главу угла ставятся предпочтения потребителей: фирмы предлагают свою продукцию разборчивым клиентам, продают то, что могут продать, распродают остаток со скидкой, а потом анализируют, как в будущем усовершенствовать этот процесс. Гэлбрейт ввел понятие «обратной модели»: для крупных фирм отправной точкой является разработка нового продукта и технологии его производства,

¹ Этот и последующие статьи публикуются в авторской редакции

² Перевод с английского выполнен Н. Щеголевой

то есть по результатам анализа предложения проводится исследование рынка и принимается решение о выпуске продукции, и далее привлекаются рекламные ресурсы и специалисты для оценки финансовых возможностей потенциальных потребителей в целях обеспечения высокого уровня продаж.

Гэлбрейт принимал эту систему как данность и не выступал против неё. Комплексные технологии диктуют *необходимость* контролирования рынков. Продукция, без которой немыслима современная жизнь: автомобили, реактивные двигатели, электроэнергия, микрочипы и кабельное телевидение, – представляет собой результат длительного опытно-конструкторского и производственного процесса и кропотливой работы широкой сети специалистов. Для координации их действий требуется скрупулезное планирование. Порой прогнозы и планы расходятся с реальностью, и тогда производитель вынужден действовать на свой страх и риск, но это – редкость. Если бы компания Boeing сомневалась в том, что 787 Dreamliner будет востребован, проект самолета так и остался бы на бумаге.

Крупные коммерческие фирмы часто полностью перекраивают рынок, что достигается посредством интегрирования: сегмент, в котором ранее действовала открытая система продаж, заменяется системой, в рамках которой продажи осуществляются внутри корпорации или между крупным, стабильным предприятием и небольшими фирмами, его специализированными поставщиками, на которых перекладываются риски. Таким образом, степень неопределенности снижается не благодаря «уникальной способности предвидения» или профессиональной манипуляции вероятными сценариями («диверсификация портфеля»), а в результате формирования структурированных групп, достаточно крупных для того, чтобы иметь возможность контролировать свое будущее. В политике такими группами являются страны и партии, в экономике – корпорации.

По мнению Гэлбрейта, если рынок начинает контролировать крупная организация, она стремится к обретению полного контроля, и экономическая теория, разработанная для описания деятельности небольших фирм и частных предпринимателей, утрачивает свою актуальность. Устаревающая экономическая модель зиждется на оптимизации, состоящей в определении кратчайшего пути к конечной цели. Но у организаций нет конечной цели, зато присутствуют акционеры, члены правления, руководство и заинтересованные стороны с разными возможностями, интересами и задачами. Решения принимаются коллегиально; руководящая роль управленцев ограничена необходимостью заручиться поддержкой подчиненных. Личность, основа традиционной экономики, утрачивает свое значе-

ние. Власть в фирме принадлежит структуре, которую Гэлбрейт именовал «техноструктурой».

Как и все организации и предприятия, созданные человеком, техноструктура работает, главным образом, «на себя». Все члены правления, как правило, согласны, что первоочередной задачей является поддержание организации в работоспособном состоянии, ее выживание. В том, что касается прочих интересов, возможны варианты: обычно необходимо обеспечить в какой-либо мере, хотя бы минимальной, удовлетворение интересов всех ключевых заинтересованных лиц, а это означает, что ничьи интересы не могут быть удовлетворены в полной мере. Работа организации немыслима без компромисса, и в этих условиях самый большой куш достается тому, кто ближе к кормушке.

В частности, в задачи техноструктуры не входит получение максимальной прибыли для передачи её законным владельцам корпорации – держателям акций, ведь они не входят в узкий круг тех, кто принимает важные решения, поэтому маловероятно, что к требованиям акционеров будут прислушиваться. Гэлбрейт объяснял данный конфликт интересов следующим образом: «Представьте себе активного, любвеобильного и не склонного к воздержанию мужчину, который отказывается от обладания прелестными, не связанными обязательствами женщинами, чтобы максимально увеличить шансы других мужчин, о существовании которых он знает лишь понаслышке».¹ Много лет спустя, когда экономисты мейнстрима обратили внимание на это противоречие, они назвали его «проблемой принцепала-агента».

Организации взаимодействуют между собой. В «Новом индустриальном обществе» подробно описан механизм формирования штата сотрудников корпорации, способы воспитания лояльности сотрудников по отношению к компании, подходы к планированию деятельности организации, а также секторальная координация действий и борьба с конкурентами. Последнее достигается, прежде всего, путём установления фиксированных цен. Таланты моего отца впервые были отмечены, когда он работал в государственной структуре и занимался контролем цен (во время Второй мировой войны). Приобретенный опыт позволил ему понять простую истину: цены легко контролировать, если они уже находятся под контролем.

Если продукция является стандартной, а ценообразование – открытым, цены с легкостью контролируются через олигополию; время от времени

¹ Galbraith John Kenneth. The New Industrial State, 3d ed. (Boston: Houghton Mifflin, 1978).P. 125.

разгораются ценовые войны, но они могут пагубно сказаться на бизнесе, поэтому происходят крайне редко. Иногда техническое разнообразие и сложность продукции затрудняют контроль цен, и это приводит к противоправным действиям:

«В начале 1960-х годов компании General Electric, Westinghouse, Allis-Chalmers, Ingersoll-Rand и другие производители электрооборудования были привлечены к ответственности за сговор в отношении цен на тяжёлое электрооборудование. Ряд руководителей высшего звена получили реальные, но очень небольшие тюремные сроки, хотя традиционно считается, что менеджеры такого уровня в принципе не могут быть признаны виновными вне зависимости от тяжести выдвигаемых обвинений... Ошибка этих руководителей состояла не в том, что они вступили в ценовой сговор, а в том, что организовали его в отрасли, где фиксирование цен крайне затруднено. Точно так же устанавливались цены на электромоторы или бытовые приборы, но в этой сфере в сговоре не было необходимости».¹

Сфера применения системы планирования и технотруктуры гораздо шире, чем довольно простой вопрос ценообразования. С большим, хотя и не стопроцентным успехом, фирмы управляют «специфическим спросом» на разрабатываемую и распространяемую ими продукцию. Приверженцы теории суверенитета потребителя были шокированы этим предположением, но Гэлбрейт занял более толерантную позицию. Когда люди живут в достатке и речь идет не о товарах первой необходимости, манипулирование спросом далеко не самый большой грех. На государственном уровне, особенно если речь идет о поставках вооружений, создаются идеальные условия для технотруктуры: постоянный покупатель, долгосрочные перспективы, защита от убытков. В более широком смысле система планирования формирует политический консенсус вокруг возведенного в ранг святости экономического роста: устойчивое увеличение совокупного спроса предполагает гарантированную прибыль и, следовательно, стабильный рост коммерческих фирм. Однако рост работает в первую очередь на благо организации и только потом в интересах прочих участников процесса.

Система планирования обуславливает весьма специфическую особенность современного высшего образования, которая заключается в популярности универсальных навыков ведения бизнеса и девальвации высшего технического образования (естественных и точных наук, инженерных специальностей), а также таких традиционных специальностей как дизайн, музыка, чертежное дело и изобразительные искусства. Экспертов,

¹ Там же. Р. 201

представляющих эти области знания, мы в настоящее время импортируем. Гэлбрейт объяснял данное явление таким образом: техноструктура в целом не нуждается в мастерах и людях творческих профессий. Ей требуются гибкие молодые люди, готовые подстраиваться под задачи и принципы организации и выполнять все, что попросят. В этом корпорация напоминает дипломатическую службу или армию, а совсем не средневековую гильдию. Вопреки мнению, в последнее время популярному среди адептов экономики труда, система образования направлена не на обучение навыкам, а на воспитание человека, готового принимать выдвигаемые требования.

Гэлбрейт восхищался Марксом, но в своих работах часто спорил с его идеями. Когда общество живет в изобилии, классовый конфликт неизбежно уменьшается. При успешном планировании даже рядовые работники отождествляют свои цели с целями фирмы, в результате чего профсоюзы утрачивают свое первостепенное значение. Следовательно, необходимо выработать новые формы выражения несогласия, ориентированные на преодоление социального неравенства – богатства небольшого количества людей и нищеты абсолютного большинства, а также связанных с этим экологических, эстетических и культурных проблем. Вполне возможно, что в стремлении к получению образования и обеспечению достойного медицинского обслуживания и стабильной занятости, трудовой контингент из «богатых» стран в большей степени разделяет идеи Гэлбрейта, чем те, кто на словах горячо выступает в их поддержку.

Дж.М.Кейнс верил, что управление совокупным спросом может привести к полной занятости. По его мнению, как только полная занятость будет достигнута, классическая экономика свободного рынка будет как никогда актуальна. Гэлбрейт не питал таких иллюзий. Разница между позициями Кейнса и Гэлбрейта во многом объясняется тем, что, хотя Кейнс по большей части игнорировал технологические изменения, в то время как Гэлбрейт на основании своего опыта более глубоко понимал их природу. Он осознавал, что система планирования в той или иной форме всегда будет присутствовать в современном обществе. В этом отношении Гэлбрейт выступал против ортодоксальной точки зрения в более значительной степени, чем Кейнс.

Публикация «Нового индустриального общества» пришлась на расцвет американского кейнсианства, и хотя до его упадка было еще очень далеко, Гэлбрейт уже тогда отмечал, что на пике популярности основные принципы теории Кейнса были искажены его последователями. Кейнс увлёкся проблемами планирования и подчинил управление спросом интересам этой системы. Как было отмечено выше, на смену полной занятости в спи-

ске политических приоритетов пришел экономический рост. Колебания показателей экономического роста незамедлительно привлекали внимание политиков, а рост безработицы оставался незамеченным, если только он не угрожал политической стабильности системы. Система планирования задавала такие темпы роста, которые обеспечивали стабильное развитие входящих в нее компаний, но не позволяли восстановить былое влияние и роль профсоюзов. Что касается экономического роста как результата предоставления налоговых льгот, льготы способны обеспечить полную занятость, но успех этой меры маловероятен.

С момента публикации «Нового индустриального общества» прошло пятьдесят лет. Сейчас Гэлбрейта в основном критикуют за то, что он не предвидел кардинальных негативных изменений в структуре американского бизнеса, которые начались в 1970 году и продолжались не одно десятилетие. В этом процессе можно условно выделить четыре этапа. Первый: японский вызов, который особенно сильно ударил по автомобилестроению и сталелитейной отрасли. Второй: промышленной коллапс 1980-х годов. Третий: в 1990-е годы образовался технологический пузырь, который, говорят, способствовал утверждению контролирующей роли собственника-капиталиста, такого как Б.Гейтс или С.Джобс. Наконец, страну потрясли корпоративные скандалы с участием компаний Enron, Tyco и WorldCom и других корпоративных гигантов.

Не составляет никакого труда обвинить автора в том, что он не смог предвидеть будущее. Так, значимость работ К.Маркса часто отрицают из-за того, что он верил в торжество революции во всем мире, а этого не произошло. Гэлбрейт писал об американских корпорациях на пике их могущества, в то время как его критики делали вид, что корпорации не обладали никакой властью. Затем автора «Нового индустриального общества» пригвоздили к позорному столбу за то, что он не смог предсказать упадок конкретных фирм – упадок, который, в соответствии со своеобразной логикой критиков, каким-то образом подтверждает, что на деле корпорации никогда не были наделены властью. В свою очередь, мой отец продолжил свою работу, решительно отказавшись вступать в полемику, и «Новое индустриальное общество» было со временем забыто. Жаль, что судьба книги сложилась таким образом, потому что изложенные в ней идеи, хоть и были высказаны применительно к существовавшей на тот момент системе планирования, прекрасно объясняют произошедшие изменения, пережитые нами кризисы и промышленный спад.

Японский вызов конца 1970-х годов не может служить доказательством превосходства конкурентных рынков. Скорее, он стал следствием вторже-

ния одной системы планирования на территорию другой. Была ли в Японии система планирования? Бесспорно. Она существовала в виде традиционного для этой страны объединения правительства и *кейрецу* (корпоративных сетей) в рамках системы, созданной в ходе американской оккупации, в которой Гэлбрейт сам принимал участие на ранних этапах. Японская система планирования развивалась на протяжении нескольких десятилетий, пока не стала достаточно сильной, чтобы бросить вызов американским производителям.

И как американцы ответили на брошенный им вызов? Они нашли *политическое* решение и ввели «добровольное ограничение экспорта», которое по иронии судьбы придумали ставленники Р.Рейгана, именовавшие себя сторонниками свободного рынка. Надо отдать должное этим людям: вместо того чтобы открыть Америку для свободного рынка, что имело бы катастрофические последствия для американского бизнеса, они заключили сделку с японцами, позволив им постепенно увеличить свою долю на рынке и модернизировать выпускаемую продукцию. Результатом стал управляемый крах американских фирм, что было наименьшим из двух зол: в противном случае случился бы неуправляемый крах. Катастрофа произошла позже, по заключении соглашений о «свободной торговле» (первым из которых стало подписанное Б.Клинтоном Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)), которые до последнего отстаивала администрация Б.Обамы.

Справедливости ради следует отметить, что в «Новом индустриальном обществе» Гэлбрейт не смог предсказать более глубокий промышленный кризис начала 1980-х годов. В третьем издании книги, вышедшем в 1978 году, он утверждал, что финансовый сектор постепенно утрачивает контроль над выделением средств, то есть возможность решать, кого казнить, а кого помиловать применительно к компаниям, работающим в промышленности и торговле. На тот момент данное утверждение отражало истинное положение дел. Никто, даже большинство банкиров, насколько нам известно, до 1979 года, когда П.А. Волкер был назначен председателем Федеральной резервной системы, не подозревал, что высшие финансовые круги готовятся вернуть утраченные позиции. Волкер отложил начало конца света, а именно введение устойчивых процентных ставок в размере 20 процентов, до вступления Рейганом в должность в 1981 году.

Рейган и Волкер намеревались восстановить миропорядок в том виде, в каком он существовал до «Нового курса» – до профсоюзов, до баланса сил, и, прежде всего, до внедрения системы планирования. К власти должны были прийти рынки, а именно рынки капитала. Высокие процентные

ставки позволили бы отделить жизнеспособные компании от неперспективных. Банки предоставляли бы кредиты лучшим, способствуя вытеснению всех остальных и принуждая тех, кто прошел отбор, повышать показатели производительности труда. Гэлбрейт считал, что данный план действий неосуществим. Банкиры, несмотря на имеющиеся у них рычаги влияния, не подходили на роль управленцев. Они далеко ушли от образа добродушного банковского служащего из маленького городка, лично знакомого со всеми клиентами и хорошо знающего их положение дел. Современный банкир находится на самом верш корпоративной и политической иерархий, не являясь экспертом ни в одной из этих областей. В частности, он не способен постичь объем и содержание технической работы, без которой невозможно управление крупной корпорацией, и, следовательно, банкир не может на практике отвечать за внедрение стратегий развития или увеличение производительности. Власть банковского сектора была по большей части губительна, так как позволяла притеснять предпринимателей и доводить компании до банкротства, не предоставляя никаких механизмов для создания нового бизнеса взамен разрушенного. Через несколько лет в похожей ситуации оказалось население СССР при распаде страны. Рынки ничего не могут создать спонтанно.

Так как реальные процентные ставки превышали любые мыслимые темпы экономического роста, рядовые компании не имели возможности погашать кредиты в срок, поэтому неудивительно, что правила корпоративного финансового управления перестали действовать. Психологами доказано, что люди обычно прибегают к обману, если они поставлены в невыносимые условия, выполнение которых невозможно проверить. Применительно к рассматриваемой ситуации это означает, что компании фальсифицировали свои финансовые показатели, тем самым улучшая (разумеется, не ухудшая) свои позиции на рынке, что подрывало принцип честной конкурентной борьбы. Обман был раскрыт с большим опозданием. Нетрудно было предположить, что господство высоких процентных ставок приведет к корпоративной и банковской катастрофе. Гэлбрейт и в самом деле предсказал это на основании наблюдений за формированием государственной политики в начале 1980-х единственной ошибкой «Нового индустриального общества», вышедшего несколькими годами ранее, была уверенность автора в том, что современное правительство, находясь в здравом уме и твердой памяти, не может установить столь высокие процентные ставки.

Меры, предпринятые Рейганом и Волкером, привели к долговому кризису, последствия которого ощущались по всему миру на протяжении двух

десятилетий и негативно отразились на экономике Латинской Америки, Африки, Евразии и Дальнего Востока, а также привели к деиндустриализации ключевых регионов Америки. Система планирования в том виде, в котором она существовала до 1980 года, обрушилась, но не полностью: система, которая возникла позже, когда в 1990-е годы экономика наконец-то восстановилась, представляла собой все ту же систему планирования, контролируемую технотструктурой.

События 1980-х годов ослабили крупные промышленные фирмы. Стало очевидным, что путь к светлому будущему, по крайней мере, для некоторых людей, лежит вне области промышленного производства. В финансовый сегмент пришли движимые жаждой наживы хищники. Чуть позже в сфере технологий появилась потребность в специалистах с исключительным воображением, талантливых ученых, гениях механики или людях, обладающих способностью убеждать венчурных инвесторов в наличии вышеперечисленных способностей. Области технотструктуры, наиболее тесно связанные с вычислительной техникой, отказались от формата крупного промышленного предприятия. В отличие от, например, аэродинамических труб, микропроцессоры и программное обеспечение могли применяться во многих областях. Их потенциал возрастал, если производство не было привязано к какой-либо конкретной платформе, например, продукции компании IBM. Рентабельность небольших компаний могла быть гораздо выше, если они освобождались от уплаты долгов и прочих выплат, которые остались крупным корпорациям в наследство от эпохи, когда профсоюзы имели реальную власть, а капитал был дешевым.

Таким образом, технологический бум был связан с резким подъемом новых фирм, использовавших венчурное финансирование и поставлявших на мировой рынок кремниевые чипы и программное обеспечение. Этот период был отмечен новыми нападка на позицию Гэлбрейта в отношении технологических изменений. Действительно ли они являются результатом деятельности инженеров и «людей организации»? Не связаны ли они с активно развивающейся новой разновидностью основательно забытого популярного экономического архетипа – крепкого частного предпринимателя? Другими словами, какое объяснение можно дать успеху Б.Гейтса?

Однако при помощи теории Гэлбрейта можно объяснить феномен Гейтса. Компании Microsoft нужен был «крутой» маркетинговый ход. Образ молодого эксцентричного гения прекрасно для этого подходил. Миф о суперзвезде придал необходимый лоск фирме, успех которой изначально опирался на эксклюзивную франшизу (с компанией IBM, для которой Microsoft поставлял операционную систему), патентную защиту, а затем частично

на весьма сомнительные манипуляции на рынке. Позже личное богатство Гейтса стало олицетворением власти Microsoft, а создание благотворительного фонда Гейтса способствовало улучшению и укреплению его репутации. Все вышеперечисленное успешно применялось раньше и продолжает использоваться в бизнесе. В структуре Microsoft генеральный директор всегда был главным бизнесменом, а не руководителем отдела научных разработок; техническая продукция корпорации всегда разрабатывалась большими малоэффективными группами, что отражалось на качестве выпускаемых товаров.

Техноструктура развивалась. Новая экономика приобрела иные формы и характеризовалась перераспределением баланса сил в пользу инвестиционных банков и финансового рейдерства, что привело к снижению стабильности по сравнению с экономикой 1960-х годов. Центры экономического роста переместились в другие регионы, на восточное и западное побережья, и в целом США превратились в страну, управляемую финансовыми и техническими элитами, бросившими на милость корпоративных хищников приходящие в упадок обширные промышленные регионы (похожая ситуация сложилась и на постсоветском пространстве). Таким образом, десятилетиями закладывались предпосылки для политического успеха Д.Трампа.

Гэлбрейт не предполагал, что современные корпорации могут быть разрушены с такой легкостью, но предвидел такую возможность. Хотя авторитетные экономисты возложили вину за кризис в сфере ссуд и сбережений на систему страхования депозитов (объясняя это тем, что «риски недобросовестных действий» якобы усиливаются при наличии системы страхования депозитов), Гэлбрейт (и впоследствии экономисты мейнстрима Дж. Акерлоф и П. Ромер¹) видел причины сложившейся ситуации в разрушении социальных и правовых норм. По словам У.К. Блэка, ведущего специалиста по «мошенническим действиям контролирующих инстанций», можно либо верить, что банкротство корпорации Enron стало случайным следствием некорректно сформированного рынка, либо считать, что на рынок было оказано влияние в преступных целях². Корпорация Enron представ-

¹ *Akerlof George and Romer Paul, "Looting: The Economic Underworld of Bankruptcy for Profit," in Brookings Papers on Economic Activity 1993:2, Macroeconomics, ed. William C. Brainard and George L. Perry (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1994).*

² *Black William K. The Best Way to Rob a Bank Is to Own One (Austin: University of Texas Press, 2005).*

ляла собой сложную организацию, и именно эта сложность, присущая техноструктуре, позволяла осуществлять и скрывать мошеннические действия. Тем не менее, в конечном счете, прокурорам, присяжным и сторонникам Гэлбрейта не составило труда вынести приговор. В связи с крахом ссудосберегательных компаний было возбуждено большое количество уголовных дел, по которым суд вынес тысячи обвинительных приговоров. После дела Enron руководителям высшего звена наконец-то были предъявлены обвинения и вынесены приговоры. К сожалению, после того как в преддверии Великого финансового кризиса 2007–2009 годов были выявлены еще более массовые случаи мошенничества в финансовой сфере, правительство заняло менее жесткую позицию и не привлекло к ответственности равным счетом никого; как следствие, доверие населения к финансовой системе так и не было восстановлено.

Почему правительство в данном случае не справилось со своей обязанностью по управлению страной? Можно утверждать, что в новом тысячелетии модель крупной корпорации перешла на правительственный уровень, то есть американцы стали жить при «корпоративной республике», чьи методы, нормы и культура управления по сути идентичны методам, нормам и культуре управления корпорации:

- Когда управление страной осуществляется группами, многие из которых работают в условиях секретности, решения по вопросам национальной безопасности, финансовой политики, правового регулирования и пр. могут приниматься ангажированными лицами в интересах клик, рвущихся к власти и стремящихся расчистить себе путь;
- В существующем аппарате по связям с общественностью отчетливо видны характерные черты корпоративной пропагандистской машины корпорации: неспособность или упорное и умышленное нежелание сообщать достоверную информацию;
- Нынешний Конгресс напоминает некомпетентный, не имеющий собственного мнения и голосующий по указке Совет директоров;
- Наконец, элементом политической системы являются акционеры, они же избиратели или номинальные работодатели, время от времени голосующие на выборах, исход которых предопределен.

Аналоги всех этих элементов находят свое отражение в структуре корпорации, описанной в «Новом индустриальном обществе».

Однако есть и ряд отличий. «Корпоративное спокойствие» времен Дж. Буша – Д. Чейни испарилось с наступлением финансового кризиса,

поэтому Б.Обама предложил более традиционную модель, которая просуществовала восемь лет. Управление государством осуществлялось посредством техноструктуры, в частности, ее передовыми представителями: ключевые позиции в правительстве заняли в основном экономисты, лояльно относящиеся к банкам, и юристы, отстаивающие интересы банкиров. В результате стороны, представляющие корпоративные интересы в других сферах, были вечно недовольны, несмотря на то, что правительство практически во всем шло им навстречу. В итоге широкая общественность сформировала представление о финансовых и профессиональных элитах как о группах, руководствующихся исключительно своими интересами, некоем «новом классе», создание которого применительно к Югославии и другим развивающимся социалистическим странам много лет назад предсказал великий теоретик М. Джилас.

События развивались драматично и стремительно: возмущение переросло в протест против засилья стоящих у власти профессионалов, и выборы подвели черту под политико-бюрократическим режимом. В начале 2017 года управление страной перешло к крупнейшим американским олигархам, группе миллиардеров, разбавленной генералами корпуса морской пехоты. Во главе страны встал бизнесмен старой школы, специализирующийся на строительстве казино и отелей, человек-бренд, по сути, антипод «человека организации». Гэлбрейт высказал бы свои сомнения относительно того, что этот новый тип руководителя способен выполнить поставленные задачи. С течением времени реальная власть при Д.Трампе перейдет к его подчиненным, которые смогут эффективно выполнять свои обязанности при условии создания собственной техноструктуры. В противном случае произойдет обвал всей структуры управления, и США окажутся в ситуации, сходной с положением Советского Союза в последние годы своего существования, то есть будут иметь правительственный аппарат, расходы по содержанию которого столь сильно превысят эффект от его деятельности, что станет невозможным обеспечивать поддержку членов этого аппарата.

Парадокс Гэлбрейта заключается в том, что великий создатель теории организаций работал в одиночку; он был интеллектуальным предпринимателем. В то же время академическая когорта, отвергавшая его идеи, состояла сплошь из «людей организации», конформистов, трясущихся над своими академическими франшизами. Вряд ли они оставят индивидуальный след в истории, так как слишком ревностно придерживаются общепризнанных теорий. Крамольные мысли Гэлбрейта в итоге были признаны в открытом пространстве, в то время как в стенах университетов им

не дали хода аналоги современных корпоративных специалистов по связям с общественностью.

Гэлбрейт предвидел это: «Маловероятно, что критически мыслящий читатель удовлетворится социальной географией Соединённых Штатов, которая, отказываясь рассматривать Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес и прочие населённые пункты крупнее городка Сидар-Рэпидс, утверждает, что вся страна состоит из небольших городков, застроенных домами с образцовыми палисадниками»¹. Однако именно по такому принципу выстроена программа обучения экономистов. В результате студенты верят, что если они не сменят специализацию, через несколько лет в магистратуре им наконец-то будет предоставлена возможность изучения крупных фирм и сложных организаций. Те немногие, которые доходят до этого этапа, в конце концов испытывают разочарование.

«Новое индустриальное общество» – книга неидеальная. Это в значительной степени монография о Соединённых Штатах Америки и американских корпорациях послевоенного периода. На момент публикации еще не существовало проблем развитого азиатского капитализма, конфедеративного европейского капитализма и посткоммунистических российских компаний. Читать эту книгу немного труднее, и она несколько менее интересна, чем другие работы Гэлбрейта. Я нахожу в ней ряд идей (например, введение ограничений на инвестирование средств в бедные страны; этот подход объясняет неудачи Индии, но полностью опровергается на примере Китая), от отсутствия которых, по-моему, книга бы только выиграла. И все же «Новое индустриальное общество» является вехой в развитии экономической мысли. В своей книге Гэлбрейт отмечал, что организация заменяет рынок не только в окружающем нас мире, но и на уровне тонких процессов восприятия и понимания. Экономисты фактически не скрывают, что за пятьдесят лет с момента выхода книги в 1967 году они утратили былую незыблемую уверенность в концепции свободного рынка как организационного принципа. Тем не менее, на данный момент нет никакой внятной альтернативы этой концепции. «Новое индустриальное общество» представляет собой этап, который экономика обязательно должна пройти, чтобы получить необходимый толчок для дальнейшего развития.

¹ Galbraith John Kenneth. The New Industrial State, 3d ed. (Boston: Houghton Mifflin, 1978). P.132

Литература

1. *Galbraith John Kenneth*. The New Industrial State, 3d ed. (Boston: Houghton Mifflin, 1978).
2. *Akerlof George and Romer Paul*, “Looting: The Economic Underworld of Bankruptcy for Profit,” in *Brookings Papers on Economic Activity* 1993:2, Macroeconomics, ed. William C. Brainard and George L. Perry (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1994).
3. *Black William K.*, The Best Way to Rob a Bank Is to Own One (Austin: University of Texas Press, 2005).

часть 1 Новое индустриальное
общество: возвращение
концепции?

section 1 Is there the resumption
of The New Industrial State conception?

Новое индустриальное общество второго поколения: переосмысливая Гэлбрейта¹

Сергей Дмитриевич Бодрунов

Президент Вольного экономического общества России,
Директор Института нового индустриального развития им. С.Ю.Витте,
д.э.н., профессор

Sergey D. Bodrunov

The President of Free Economic Society (Russia), The Chairman of S.Y. Vitte
Institute of new industrial development, Dr. of Economics, Professor

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые положения книги Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» под углом зрения современного состояния тех процессов и явлений, которые анализировал Гэлбрейт. Этот анализ противопоставляется постиндустриальным концепциям, чересчур поспешно провозгласившим закат материального производства и значения индустрии. Современное развитие, напротив, демонстрирует сохранение индустриальным производством своей ключевой роли и, более того, переход индустрии на новую ступень технологического прогресса, позволяющего преодолеть ряд противоречий, отмеченных Гэлбрейтом. Это новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) создает возможность избежать ряда социальных конфликтов и способно вдохнуть вторую жизнь в творчески переосмысленную концепцию конвергенции.

Ключевые слова: материальное производство, индустрия, индустриальные технологии, постиндустриальное общество, деиндустриализация, реиндустриализация, конвергенция

The New Industrial State of the second generation: rethinking Galbraith

Abstract. In this paper the main lines of J.K.Galbraith book «The New Industrial State» are considered from the perspective of contemporary state of those processes and phenomena which were analyzed by Galbraith. This analysis is confronted with postindustrial concepts, which proclaimed the sunset of

¹ В основу статьи положены дополненные и переработанные материалы из книги: Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Главы 2, 8 и 15. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016.

material production and industry too hastily. Current development, in contrary, is demonstrating the preservation of the key role of industrial production, and, furthermore, the transition of industry on to the new step of technological progress, which make possible the solution of some contradictions noticed by Galbraith. This New Industrial State of the second generation (NIS.2) makes the possibility to avoid some social conflicts and is capable to breathe the second life in the creatively revised concept of convergence.

Keywords: material production, industry, industrial technologies, postindustrial society, deindustrialization, reindustrialization, convergence

Выход полвека назад книги Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество»¹ стал событием в интеллектуальной жизни не только мирового экономического сообщества, но и значительной части господствовавшего тогда экономико-политического класса. Она стала символом переосмысления современной Гэлбрейту производственно-экономической системы, прежде всего – системы, сложившейся в США, на тот момент – одной из двух господствовавших в мире держав.

Прав ли оказался автор «Нового индустриального общества» в своих прогнозах? И как мы – ученые, оценивающие его идеи сегодня, можем продолжить и развить то наследие, которое этот выдающийся ученый оставил нам – исследователям XXI века?

В своем очерке я остановлюсь только на двух аспектах наследия этого ученого – теориях нового индустриального общества и конвергенции.

Десятилетия, прошедшие с момента выхода книги «Новое индустриальное общество», казалось бы, отодвинули на второй план идеи Гэлбрейта. Мир оказался в плену идей постиндустриализма. Однако последние годы заставляют заново обратиться к платформе индустриального развития.

1. Миражи постиндустриализма: Гэлбрейт должен вернуться

Волна постиндустриальных иллюзий охватила пространство социально-экономических исследований едва ли не сразу вслед за работами Гэлбрейта. Начавшись с книг Д. Белла о постиндустриальном обществе² и Э. Тоффлера

¹ *Galbraith J.K. The New Industrial State. Houghton Mifflin Co., Boston, 1967. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.*

² *Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.*

о «третьей волне»¹, парадигма отрицания ведущей роли материального производства стала завоевывать все новых и новых сторонников и обретать все новые и новые обличья. В дополнение к тезису об «обществе услуг» пришли теории «информационного общества» и информационной экономики, их продолжили концепции «общества (экономики) знаний», потом цифровой, дигитальной и т.п. экономики... Огромную популярность вслед за Д.Беллом приобрели Т.Сакайя, М.Кастельс и мн. др.² В России одно время стали весьма популярны книги В.Л. Иноземцевым – своего рода энциклопедии западного постиндустриализма³.

Однако мировой экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. охладил казавшийся непреодолимым энтузиазм авторов и поклонников этих теорий. Движение «по ту сторону» материального производства обернулось на практике не столько ростом эффективности, производительности и благосостояния, сколько экспансией посредничества и, прежде всего, финансового, ставшего немаловажным фактором упомянутого мирового кризиса.

Да и материальное производство, как быстро выяснилось, никуда не исчезло. Более того, за десятилетия кажущегося нарастания процесса «постиндустриализации» на Юге развернулась мощная волна индустриализации, приведшая к резкому увеличению доли промышленного производства в этом регионе и, как следствие, возрастанию роли и доли в мировом совокупном работнике рабочих и инженеров, занятых в сугубо индустриальной сфере (См. табл. 1).

К моменту выхода из мирового кризиса перед экономикой Севера открылась картина не просто догоняющего развития промышленного Юга, но и по ряду параметров догнавшего их мира бывших колониально-периферийных стран.

¹ Toffler A. The Third Wave. L.: Pan Books Ltd in association with William Collins Sons & Co. Ltd, 1980.

² См., напр.: Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2006; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

³ См.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000; Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика, 2003.

табл. 1 Распределение занятых по секторам экономики, весь мир и регионы (%)

	1998	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Промышленный сектор							
Весь мир	21,1	20,7	21,1	21,5	22,1	22,7	23,2
Развитые страны и государства ЕС	27,9	25,6	25,3	25,0	25,0	25,0	25,1
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	27,7	25,6	25,3	25,5	25,5	25,4	25,3
Южная Азия	15,4	18,7	19,4	20,1	21,0	21,8	22,6
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,8	21,6	21,8	22,2	22,4	22,6	22,9
Северная Африка	20,0	19,2	19,7	20,8	21,7	22,7	23,6
Африка южнее Сахары	9,5	9,5	9,7	9,7	9,9	10,1	10,3
Сектор услуг							
Весь мир	38,1	40,7	41,5	41,9	42,4	42,9	43,3
Развитые страны и государства ЕС	66,3	69,8	70,4	70,8	70,9	71,1	71,2
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	45,5	51,7	52,6	53,2	54,2	55,1	56,0
Южная Азия	25,1	27,9	28,5	29,0	29,5	30,0	30,4
Латинская Америка и Карибский бассейн	56,8	59,0	58,9	58,9	59,6	60,3	60,9
Северная Африка	44,1	46,1	45,1	44,8	44,5	44,2	43,9
Африка южнее Сахары	22,9	25,1	25,9	26,3	26,7	27,4	28,0
Аграрный сектор							
Весь мир	40,8	38,7	37,5	36,5	35,5	34,4	33,5
Развитые страны и государства ЕС	5,8	4,6	4,3	4,2	4,0	3,9	3,7
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	26,8	22,7	22,1	21,2	20,4	19,5	18,7
Южная Азия	59,5	53,4	52,1	50,8	49,5	48,2	46,9
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,4	19,4	19,3	18,9	18,0	17,1	16,2
Северная Африка	35,9	34,7	35,3	34,5	33,8	33,1	32,4
Африка южнее Сахары	67,6	65,4	64,4	64,0	63,4	62,5	61,7

Источник: Глобальные тенденции занятости. Январь 2009 г. /
Международная организация труда. Geneva: ILO, 2009. С. 36.

Так перед мировой экономической практикой и призванной ее адекватно отражать теорией встал во весь рост вызов новой индустриализации.

Давайте вспомним ныне изрядно позабытые положения книги Гэлбрейта, положив в основу выделения ее важнейших положений параметры, позволяющие, на наш взгляд, наиболее адекватно отразить взаимосвязь материально-технических и собственно экономических сторон, определяющих специфику того или иного типа экономики¹.

Начнем наш анализ мы с характеристики тех изменений, которые, с точки зрения Гэлбрейта, происходят в материально-технической базе экономики. Он начинает с фиксации того, что в материальном производстве происходит «применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства. Машины заменили примитивный ручной труд, и, по мере того как они все шире используются для управления другими машинами, они начинают выполнять более простые функции человеческого мозга»². Эти процессы вызывают рост концентрации, укрупнение производства, что, в свою очередь, требует все более крупных вложений капитала, а также привлечения все более высококвалифицированных специалистов. Результат (напомним, речь идет об экономике середины XX века) – развитие крупных корпораций как основного типа хозяйственных организаций, господствующих в экономике и способных привлечь необходимый для такого производства капитал. Прежде всего, они – с точки зрения Гэлбрейта – были в середине XX века в состоянии мобилизовать рабочую силу требуемой квалификации и обеспечить научно-технический прогресс.

Другой стороной этой медали стал феномен, который Гэлбрейт обозначил как *упадок профсоюзов*. «Число членов профсоюзов в США достигло максимума в 1956 г. С тех пор занятость продолжала расти, а число членов профсоюзов в целом уменьшалось»³.

¹ См. также: Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Монография. М.: Тривант, 2009; Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем. Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. М.: ИНФРА-М, 2005.

² Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Серия «Антология экономической мысли». Эксмо, 2008. С. 28.

³ Там же. С. 30.

Однако еще более значимым явлением стали *структурные изменения в профессиональном составе рабочей силы*. Существенно возросло число лиц, желающих получить высшее образование, и наряду с этим, в несколько более умеренной степени, увеличились реальные возможности для его получения.

На основе описанных выше технологических изменений, изменений в масштабе и структуре производства и занятости происходит не только возрастание роли корпораций как формы организации производства, становящейся базовой на уровне основного производственного звена, но и расширяются сферы их деятельности. «Семьдесят лет назад, – пишет Гэлбрейт, – деятельность корпораций ограничивалась такими отраслями, в которых производство должно вестись в крупном масштабе (железнодорожный и водный транспорт, производство стали, добыча и переработка нефти, некоторые отрасли горнодобывающей промышленности). Теперь корпорации охватывают также бакалейную торговлю, мукомольное дело, издание газет и увеселительные предприятия – словом, все виды деятельности, которые некогда были уделом индивидуального собственника или небольшой фирмы»¹.

В это же время становится совершенно очевидным начавшееся задолго до этого *разделение предпринимателя-собственника, организатора производства и получателя дохода*. Гэлбрейт, продолжая размышления ряда авторов начала и первой трети XX века (Т. Веблен², А. Берли и Г. Минз³, С. Чейз⁴ и др.) и в чем-то пересекаясь с идеями К.Маркса о разделении капитала в акционерных обществах на капитал-собственность и капитал-функцию, отмечает, что в начале XX века «корпорация была инструментом ее владельцев и отражением их индивидуальности. Имена этих магнатов – Э. Карнеги, Дж.Д. Рокфеллер, А. Гарриман, Э.У. Меллон, С. Гутгенхайм, Г.Форд – были известны всей стране. Они и сейчас известны, но главным образом благодаря художественным галереям и благотворительным фондам, основанным ими или их потомками, которые подвизаются ныне в сфере политики. Те, кто возглавляет теперь крупные корпорации, безвест-

¹ Там же.

² Veblen T. The Engineers and the Price System, 1921. Kitchener: Batoche Books, 2001. <http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/veblen/Engineers.pdf>

³ Berle Adolf A. and Gardiner C. Means. The Modern Corporation and Private Property. N.Y.: The Macmillan Company, 1932. <http://www.unz.org/Pub/BerleAdolf-1932>

⁴ Chase, Stuart. A New Deal. New York: The Macmillan company, 1932. (Название этой книги – «Новый Курс» – было использовано Ф. Рузвельтом для своей предвыборной программы).

ны. В течение жизни нынешнего поколения люди, живущие за пределами Детройта и не связанные с автомобильной промышленностью, не знали, кто в данный момент возглавляет корпорацию “Дженерал моторс”¹.

Эта тенденция, ныне общеизвестная и несколько абсолютизируемая, как показала жизнь, Гэлбрейтом, с одной стороны, стимулирует повышение эффективности деятельности за счёт распределения функциональных обязанностей между специалистами и широкого привлечения профессионалов к деятельности по управлению. Однако, с другой стороны, рост власти технократии скрывает и иной процесс – все большей концентрации капитала в одних руках, ибо топ-менеджеры, несмотря на их гигантские доходы, остаются в основном и главным функцией от деятельности реальных хозяев корпорации. В этом смысле вывод Гэлбрейта о том, что к власти в корпорациях и в экономике приходит технократия («техноструктура корпорации», по его терминологии) является, на наш взгляд, все же односторонним.

Рост корпоративного капитала неизбежно привел и к изменению экономической роли государства. В новых условиях (для Гэлбрейта это была середина XX века) «государство берет на себя задачу регулирования совокупного дохода, расходуемого на приобретение товаров и услуг, в масштабе всей экономики. Оно стремится обеспечить достаточно высокий уровень покупательной способности, позволяющий реализовать всю продукцию, которую может произвести существующая в данный момент рабочая сила»².

Вследствие этих изменений, продолжает свою логику автор «Нового индустриального общества», во-первых, существенно *возросла роль планирования*. «Привлечение крупного капитала и соответствующая организация производства требуют – задолго до того, как можно будет воспользоваться его результатами, – предвидения и, более того, принятия всех возможных мер, которые гарантировали бы, чтобы это предвидение действительно сбылось»³, – таков весьма важный вывод Гэлбрейта, к которому мы еще вернемся ниже.

Во-вторых, *потребительский спрос стал объектом управления*. Гэлбрейт справедливо подчеркивает, что характер техники и связанные с ней потребности в капитале, а также время, которое занимает разработка и производство продукции, еще более настоятельно диктуют необходимость государственного регулирования спроса.

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество... С. 30.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 31.

Корпорация, рассматривающая вопрос о производстве автомобиля новой модели, должна иметь возможность убедить людей купить его. Столь же важно, чтобы население располагало необходимыми для этого средствами. Это приобретает решающее значение, когда производство требует весьма крупных и долгосрочных капиталовложений, а продукция может с равной степенью вероятности попасть на рынок и во время депрессии, и во время подъема. Таким образом, возникает необходимость стабилизации совокупного спроса. И эту роль – *формирования спроса*, а не только его учета – выполняют и государство, и – что еще более важно – корпорации. Именно последний вывод особо подчеркивает Гэлбрейт: «Решения о том, что подлежит сбережению, принимаются главным образом несколькими сотнями крупных корпораций. Решения о том, куда будут направлены капиталовложения, принимаются примерно таким же числом крупных фирм, а также теми из (значительно большего числа) частных лиц, кто покупает жилища, автомобили и электробытовые приборы. Не существует рыночного механизма, который согласовывал бы решения о сбережениях с решениями о капиталовложениях»¹.

Последний вывод позднее, в эпоху возвращения неолиберальной модели рыночной экономики, Гэлбрейт признал некоторым преувеличением, но, на наш взгляд, он в определенных условиях верен, и в ряде стран в настоящее время он вновь становится актуальным.

В итоге Гэлбрейт делает вывод: имеется глубокое концептуальное различие между малым предприятием, находящимся полностью под контролем отдельного лица и обязанным всеми своими успехами этому обстоятельству, и корпорацией. Это отличие можно рассматривать как рубеж, отделяющий миллионы мелких фирм от тысячи гигантов, он лежит в основе широкого *разделения экономики на «рыночную систему» и «планирующую систему»*.

Как легко убедится читатель, многие из этих, не случайно нами систематизированных и пространно цитируемых положений, сохраняют свою актуальность, хотя ряд из них – будем откровенны – требуют существенного переосмысления.

Чтобы отделить зерна от плевел и пойти дальше, вспомним основные положения постиндустриальных критиков материального производства.

Сторонники постиндустриальных теорий видят, на наш взгляд, только достаточно примитивно трактуемое «прямое» влияние технологических и структурных сдвигов на систему общественного устройства. Более того,

¹ Там же. С. 60.

реальные глубокие изменения в образе жизни относительно узкого слоя работников, связанных с современными информационными, телекоммуникационными и медийными технологиями, они склонны транслировать чуть ли не на все общество, или, во всяком случае, на большую его часть. Зная и понимая, что постиндустриальные восторги применимы отнюдь не ко всей распухшей сфере услуг, и даже указывая на растущие в связи с этим социальные противоречия, поклонники постиндустриального общества склонны в своих выводах подзабывать это, подчеркиваемое ими самими обстоятельство.

В результате рождается красивая картинка то ли ближайшего будущего, то ли уже настоящего. Большинство населения владеет персональными компьютерами, а значит, потенциально может рассматриваться как частные собственники, способные к ведению собственного бизнеса, «самозанятые». И вот уже можно не обращать внимания на руины индустриального Детройта, превращенного в постиндустриальную пустыню. В их глазах это – лишь призраки отжившего свое промышленного прошлого. Гораздо более заманчиво представлять себе, как среди этой пустыни вырастают миражи «электронных коттеджей», соединенных паутиной всемирной Сети. Их населяют представители современного «креативного класса», занятые производством электронных игрушек для «продвинутых» пользователей, дизайном одежды, призванной лишь блистать на подиумах, изобретением гаджетов, способных за очень немалые деньги выполнять бесполезные, но очень заманчивые функции. А другие, столь же «креативные» менеджеры, маркетологи и финансисты, думают о том, как заставить потребителя «слопать» все это, или хотя бы поверить в бесконечные перспективы роста биржевых котировок акций, выпускаемых «креативными» корпорациями, контролирующими работу этих якобы «самозанятых»...

В этом мире нет ни насущных «низких» потребностей, ни противоречий социально-экономических интересов. Да, есть конкуренция, но она вознаграждает достойных: самых знающих, самых креативных, не покусившихся на превращение своих способностей и своих человеческих отношений в «человеческий капитал» и в «социальный капитал». Здесь все – высокообразованные специалисты и профессионалы. Да, где-то на краю этого блистательного нового мира маячат посудомойки, горничные, продавцы, шоферы и грузчики, и где-то совсем далеко, за океаном, строчат по двенадцать часов в день модные платья или делают кроссовки, или собирают компьютеры, или жарятся в сталелитейных цехах какие-то мексиканцы, китайцы, корейцы или филиппинцы... Но что поделать – кто не сумел проявить достаточно способностей, чтобы прорваться в виртуаль-

ную реальность постиндустриального общества, тот остался за его бортом. Сами виноваты...

Как сладко выйти из опасностей «техногенного будущего», из сумрака индустриальной реальности и творить свою виртуальную реальность, превращая ее в большие деньги – впрочем, тоже становящиеся все более и более виртуальными. Но кого это волнует до тех пор, пока мираж виртуального мира еще не рассыпался при столкновении с мрачной действительностью?

И при виде этих красивых миражей можно забыть, что при резко сократившейся численности работников, которые кормят, обувают, одевают все население, производят все материальные продукты (без которых «креативный класс» беспомощен) и обеспечивают функционирование гигантски выросшей техносферы, именно эти работники создают основы благополучия всего современного общества, находящегося в неизмеримо более высокой степени зависимости от своей индустриальной техносферы, чем когда-либо ранее в истории.

Принципиальная ошибка постиндустриалистских представлений о современном обществе – в том, что теория постиндустриализма фактически отвергает индустриальную основу развития современного социума, утверждая, что современное общество «переросло» индустриального эпоху, свернуло с основного (технологического!) тренда своего развития. Авторы теорий постиндустриализма рассматривают, как правило, структуру экономики, структуру ВВП, экспорта, количество занятых в тех или иных секторах общественного производства и тому подобные количественные показатели, характеризующие состояние экономики, и, видя *количественные* изменения в сторону снижения показателей индустриальных эффектов, делают ошибочный, на наш взгляд, вывод в оценке *качественной* – вывод об «уходе» индустриального пути развития в историю.

«Блеск и нищету» философии *безоглядного* постиндустриализма (а, безусловно, отнюдь не все «постиндустриальные» тенденции есть полный блеф или мираж) можно наглядно обнаружить, заглянув на ее изнанку. Зачарованные реальным ростом значения «производства» новых знаний и необходимости организации массового распространения, хранения и переработки отражающей эти знания информации, увлеченные открывшимися в этой сфере возможностями, постиндустриалисты фетишизируют роль «создателей», преобразователей и распространителей знаний и информации, придавая им самодовлеющее значение. Любой информационный мираж, «белый шум», становится символом движения по пути постиндустриального прогресса. Конечно, отчасти в этом есть резон – особенно на финансовом рынке, где правят бал умельцы создавать из виртуального «бе-

лого шума» немалые доходы, отсасывая их из сферы реальной экономики. И для этих дельцов становится неважно, что это за знания, каково содержание информации, для чего они служат и т.д. Главное – суметь превратить любую виртуальность (неважно, стоят за ней потенциально полезные знания или чистая симуляция, мираж) в реальные деньги.

Маркс, предвидевший колоссальный рост роли знаний в производстве, глядя еще из середины XIX века, был гораздо более прозорлив, не возводя панегирики науке и знаниям «вообще», а четко указав на значение именно технологического применения науки, знания. Знания нужны обществу не для «выдумывания креативных решений», а для *развития (на основе их использования) современного материального производства, удовлетворяющего* реальные, а не виртуальные, *несимулятивные потребности* человека¹.

Неолиберальная модель рыночной экономики, ставшая господствующей в конце XX – начале XXI веков, во многом опиралась на названные выше представления о новой технологической основе экономики. С их точки зрения для такой – постиндустриальной, информационно-сетевой – технологической основы единственно адекватным является строй, в котором основной сферой бизнеса должна и может быть сфера услуг, главным пространством накопления капитала – финансовые транзакции, господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и роста – свободный рынок, распространяющийся на все сферы жизни общества. Родился миф о «новой экономике», якобы открывающей развитым странам дорогу к бескризисному росту и развитию. И хотя этот миф разбился о волны кризиса 2007–2009, идеи, лежащие в его основе, по-прежнему имеют широкое хождение. Доминирование этой позиции, не случайно называемой многими учеными «рыночным фундаментализмом»², оказалось прямо сопряжено с развертыванием ряда весьма специфических процессов.

Во-первых, получил развитие процесс финансиализации, который стал не просто ростом сферы жизнедеятельности различного рода финансовых институтов, но и существенным новым фактором формирования специфической модели регулирования экономики, отношений собственности, типом роста и т.п.³ Следствием финансиализации стали, в частности, су-

¹ См.: Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М., Культурная революция, 2016.

² Гринберг Р.С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 59–72.

³ Lapavistas C., Levina I. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010.

щественные изменения в выборе приоритетов инвестиций (они стали все более направляться из производственной сферы в сферу финансовых трансакций, а сами производственные инвестиции оказались в зависимости от странных миражей финансового рынка), перемещения контроля за собственностью и основных прав собственности к финансовым институтам, ускоренное развитие финансовой сферы как одного из основных (а в ряде случаев – основного) источника роста ВВП и т.п. процессы.

В конечном итоге все это привело к раздуванию так называемых «финансовых пузырей» и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису.

Во-вторых, следствием постиндустриальной волны стал массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора в «страны Юга» и ускоренная индустриализация полупериферийных, а затем – и периферийных стран, захватившая едва ли не половину населения планеты Земля. Следствие этого процесса – рост гео-политико-экономического влияния и могущества таких стран, как Китай и Индия, в целом сообщества БРИКС – оказалось крайне важным фактором, определяющим новые вызовы, которые встали перед лицом стран «центра».

В-третьих, в экономиках многих «стран Севера», прежде всего, США, развернулся процесс деиндустриализации, который привел к формированию совершенно нового фактора мирового гео-политико-экономического развития – возникающей производственной зависимости стран Центра от стран периферии. Прибавив к этому формирующийся как реальность выход Китая на современные рубежи производства высокотехнологичной продукции и, как следствие, угрозу (для США и ЕС) выхода второй экономики мира из-под технологической зависимости от экономик Центра, мы осознаем еще один вызов, заставляющий и теоретиков, и практиков развитых экономик серьезно задуматься о проблемах восстановления материального производства, проблемах развития новой индустриальной экономики.

Постиндустриальная «виртуализация» производства и человеческих потребностей привела, помимо всего прочего, не только к перекосам в структуре общественного производства, но и к замедлению темпов научно-технического прогресса на фоне кажущегося взрывного роста инноваций. Широкое распространение приобрела симуляция инноваций, направленных лишь на то, чтобы выделить свой продукт или услугу на рынке, придать им видимость новизны, в лучшем случае – незначительно улучшить потребительские характеристики, а то и служить культивированию ложных потребностей. Такую опасность столкновения интересов экономических структур и реальных потребностей общества отмечал еще Гэлбрейт:

«Все чувствуют, что многие новшества в потребительских товарах есть не что иное, как обман. Считается само собой разумеющимся, что наиболее заметной чертой широко разрекламированных изобретений окажется их неспособность к работе или же выяснится, что они просто опасны»¹. Он полагал, что таково вообще неизбежное следствие развития описываемого им нового индустриального общества, характеризующегося господством техноструктуры: «Остается лишь установить тот факт, что, поскольку технический прогресс становится организованным и спланированным, он также полностью переходит на службу техноструктуре. Так как теперь он служит техноструктуре, а не потребителю, он, как и следовало ожидать, вступает в противоречие с целями общества»².

Можно заметить, что идеология постиндустриализма с его пренебрежением к совершенствованию технологического базиса материального производства фактически прикрывает закрепление такого своекорыстного подхода, тормозя приход объективно назревающих перемен. Не случайно принципиально новые технологии, способные изменить лицо современного материального производства, до сих пор занимают весьма скромные ниши в общем объеме выпуска, и революционная трансформация технологических основ всего материального производства пробивает себе дорогу отнюдь непросто.

Эта проблема крайне актуальна, конечно же, не только для США и ЕС. Для многих стран постсоветского пространства и, в частности, России, где процессы деиндустриализации зашли чрезвычайно далеко, задачи воссоздания современного, качественно нового материального производства так же становятся краеугольными.

Так перед нами в полный рост встает вопрос о грядущем (или уже возникающем?) *новом облике* нового индустриального общества (НИО), новом индустриальном обществе второй генерации, о НИО.2.³

Прежде всего следует заметить, что при всех изменениях, которые произошли в материальном производстве на протяжении последнего столетия, включая сюда и сокращение его доли в ВВП, и «информационную революцию», именно материальное производство остается основой самого существования экономики. И при этом материальное производство все также

¹ Дж.К. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества. Глава XV. Новая экономическая теория технического прогресса. <http://ek-lit.narod.ru/glb015.htm>

² Там же.

³ См.: Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка, М., Культурная революция, 2016.

остается производством по преимуществу индустриальным. Именно оно является той основой, которая, обеспечивая непрерывный рост производительности труда в материальном производстве на основе научного и технологического прогресса, создает, если на то пошло, возможность роста занятости в секторах сферы услуг.

История конца XX – начала XXI века не подтверждает факт перехода развития человечества к какому-то *иному типу удовлетворения потребностей* общества, кроме как возможных исключительно на *технологической, индустриальной основе*. При этом *новая* технологическая база общества получает *качественно иной* технологический, институциональный и т.д. характер. Принципиальная ошибка «постиндустриалистов» – стоит еще раз подчеркнуть – заключается в том, что они, исследуя тенденции развития экономики и общества, стали рассматривать не столько качественные изменения во всех компонентах индустриального производства – в технологиях, организации производства, характере индустриального труда и, конечно, индустриальном продукте/услуге, происходящие в рамках шестого и последующих технологических укладов, сколько традиционные количественные экономические характеристики и показатели отраслевой структуры выпуска и занятости (причем, заметим мимоходом, взятые из традиционной экономической статистики, которую – ох, не зря – многие считают «кривым зеркалом» экономики!)

Господство *индустриального способа производства* определяет собой развитие в широчайших масштабах технологического применения *научного знания*, постоянные перевороты в технологической основе производства. Это, в свою очередь, ведет как к *расширению возможностей удовлетворения* материальных (и не только материальных!) потребностей людей, так и к формированию принципиально новых, ранее не существовавших потребностей. В результате *меняются характеристики* самой человеческой жизни – содержание деятельности человека в рабочее время, уровень его квалификации, образования, культуры, черты повседневного быта, весь облик социальной среды, и, в конечном счете, **общественное устройство**.

Было бы нелепо отрицать существенно возросшее значение сферы услуг, особенно в таких областях, как НИОКР, образование, здравоохранение, информатика и телекоммуникации, профессиональные (деловые) услуги. Однако несложно заметить, что именно эти сектора услуг, на которые «постиндустриалисты» указывают как на символ бурного роста «сервисной экономики», развиваются отнюдь не как самодовлеющие явления. Их развитие самым тесным образом зависит от их приложения как раз к материальному производству. Недаром столь большое значение в сфере

услуг получает в последнее время сектор «индустриальных услуг», то есть услуг, прямо опирающихся на материальные процессы производства и ориентированных на обслуживание этих процессов.

Даже если относить «производство» знаний к сфере услуг (что сомнительно, ибо знания, как «продукт производства», не подпадают, например, под такие признаки услуг, как потребление непосредственно в момент их оказания, невозможность хранения и т.д.), то это «производство» в экономическом отношении имеет тот смысл, который заключен в возможности его технологического применения. Знания нужны, прежде всего, для перехода на все новые и новые ступени технологического и, соответственно, общественного прогресса. Этот прогресс все более принимает формы, заставляющие нас повернуться лицом не к миру шоу-бизнеса, рекламы, медийных проектов и прочих подобных «креативов», а к проблеме реформирования материального производства на основе новейших достижений науки.

Мир стоит на пороге новой технологической революции, и неизбежные перемены затронут всю глобальную экономику, начиная с наиболее развитых и наиболее динамично развивающихся стран. Совокупность этих сдвигов как раз и ведет к тому, что можно назвать, отталкиваясь от терминологии Гэлбрейта, **новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2, в терминологии, выдвинутой нами)¹**.

И в этом смысле мы можем сказать, что в споре с «постиндустриалистами» правы оказались не они, а Гэлбрейт: будущее – за индустриальным производством. И если автор «Нового индустриального общества» 50 лет назад показал, каким оно стало во второй трети XX века, то **мы можем и должны показать, каким оно становится в первой трети XXI века**.

Это общество будет *новым* не только по **технологическому базису**, но и по **всем остальным элементам общественной системы**, изменения которых станут **объективно неизбежным следствием перемен в технологии и в производственных отношениях**. С другой стороны, само движение к НИО.2 также невозможно без тех изменений в экономических отношениях и институтах, которые обеспечивают и стимулируют сдвиги в сторону роста **знаниеемкости** материального производства. Вся совокупность этих технологических и экономических перемен *неизбежно сопровождается* и **эволюцией общественного устройства** во всей его целостности – от базисных социально-экономических отношений до надстроечных, вплоть до перемен в социальной психологии и культурных стереотипах.

¹ См. там же.

К сожалению, исследование подобных взаимозависимостей с легкой руки многих теоретиков «постиндустриального общества» нередко скатывается к примитивному технологическому детерминизму. «Постиндустриалисты» частенько подменяют тщательную реконструкцию прогнозируемой проекции технологических сдвигов на всю сложную совокупность общественных отношений и структур простым, порой – до примитивности, представлением об «автоматических» переменах, которые новации в сфере технологии уже сами по себе вызывают в характере общественных отношений людей. Чего стоят, например, рассуждения о том, что возможность владения персональным компьютером автоматически «ликвидирует» все значение собственности на средства производства, ибо теперь каждый может быть собственником – и, следовательно, все прежние отношения, покоившиеся на неравном распределении собственности на средства производства, на концентрации капитала и т.д., тают, как дым. С момента появления такого рода рассуждений прошло уже не менее трех десятилетий, но они так и остались тем, чем были с самого начала – пустыми фантазиями.

Изменения, вытекающие из технологического прогресса, несмотря на их неизбежность происходят отнюдь не автоматически, более того – отнюдь не без борьбы со старыми экономическими и социальными формами, стремящимися законсервировать и увековечить себя, не взирая на настоятельные требования новых условий производства. Да и относительную инерционность социальных структур следует принимать во внимание.

Принцип материалистического подхода к истории отнюдь не устарел, и перемены в технологическом и экономическом базисе общества будут так или иначе вынуждать совершенствоваться и все остальные сферы общественной жизни, приспособляясь к зову экономической необходимости. Тот же самый пример с персональным компьютером при более глубоком исследовании показал бы, что владение таким компьютером и обеспечиваемый им доступ к информационным и телекоммуникационным сетям *потенциально* действительно несут в себе заряд очень глубоких социальных перемен. Однако для того, чтобы эти перемены произошли, отнюдь недостаточно самого по себе появления общедоступного персонального компьютера и сети Интернет. Для этого, во-первых, информационная и телекоммуникационная революция должна войти «в плоть и кровь» основной производственной деятельности большинства людей, базовой технологией нового – победившего! – технологического уклада, и – стать основой резкого возрастания *знания* и *интенсивности* материального производства и *знания* *емкости* производимого продукта. А пока – при огромной

широте функций компьютера и Интернета – он для большинства людей служит как средство развлечений, покупок и бытового общения, на работе же – как средство механизации рутинного документооборота в деловом общении. Хотя понятно, что *объективно* движение в сторону «включения» ее в качестве одной из основных компонент новой *индустриальной революции* происходит.

Во-вторых, даже реальный переворот в уровне вовлечения людей в знаниеинтенсивные производственные процессы (в том числе и при помощи персонального компьютера) создает лишь *необходимость* в перестройке экономических, институциональных, социальных и т.д., структур, что происходит лишь со временем и не без борьбы, требует поиска новых, более подходящих общественных форм, которые не падают нам в руки сразу в готовом виде.

Тем не менее – это вовсе не значит, что перемены откладываются на некое неопределенное будущее. Нет, они уже идут. Первые признаки таких перемен, как и предчувствие их грядущих перспектив, уже получили отражение в работах экономистов, социологов, футурологов.

Вновь, после нескольких десятилетий забвения «восстают из пепла», пробивают себе дорогу и приобретают популярность идеи «интегрального» или «конвергентного» общества. Однако пока сторонники этих идей не идут много дальше изначальных концепций сторонников конвергенции двух систем, которые желательность такой конвергенции выводили из стремления объединить «лучшие» черты этих систем, избавившись от их пороков.

2. «Зерна» и «плевелы» конвергенции: постсоветский контекст

Новое столетие оказалось весьма критичным и по отношению к теории конвергенции, одним из авторов которой принято считать Гэлбрейта. Мир XXI века стал примером не столько сочетания «лучших сторон» сосуществовавших в XX веке капитализма и «реального социализма», сколько ползучим отказом от прошлых достижений социализации в странах «ядра» и своего рода «негативной конвергенцией» в странах бывшей «мировой социалистической системы», интегрировавших скорее худшие, нежели лучшие черты своего прошлого и капитализма.

Так, в России на развалинах советской экономики стали складываться отношения, соединяющие отношения капитала и труда образца позапрошлого века, с одной стороны, а с другой – бюрократизм и волюнтаризм государственного руководства прошлого (известно, что после разрушения «адми-

нистративно-командной системы» бюрократическая страта в России выросла, а коррупция превратилась в один из атрибутов управляющей подсистемы).

Можно ли на этой основе сделать вывод о провале идей Гэлбрейта, предлагавшего некое соединение достижений рыночной и плановой систем? Отнюдь.

Но прежде, чем мы покажем, почему считаем во многом актуальными положения автора «Нового индустриального общества» в этой сфере, посмотрим внимательнее на саму идею конвергенции, тем более, что Гэлбрейт был отнюдь не единственным ее автором. Среди сторонников концепций конвергенции (как и «интегрального общества») наиболее известны такие ученые, как российско-американский социолог Питирим Сорокин, и такие известные представители американской науки, как У. Ростоу. Не были чужды этим идеям также французы Р. Арон, Ф. Перру, голландец Я. Тинберген. Некоторое время отдавал дань теориям конвергенции и американский политолог З. Бжезинский. У нас в стране проповедником идеи конвергенции выступал академик А.Д. Сахаров.

По мысли П.А.Сорокина, капиталистическая и социалистическая система соединятся в «единый интегральный социальный, культурный и личностный строй в человеческой вселенной, который будет включать в себя большинство позитивных ценностей и будет свободным от серьезных дефектов каждого типа»¹. Он поясняет: «В будущем доминирующей формой общества и культуры будет не капиталистическая, не коммунистическая, а скорее промежуточная – интегральный тип между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни. Этот новый тип будет иметь унифицированную систему интегральных культурных ценностей, социальных институтов и типов личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических моделей»²

Схожие мотивы присутствуют и у А.Д. Сахарова, который, однако, основной акцент делает на необходимости сотрудничества в решении острейших глобальных проблем человечества: «Кратко резюмируя, конвергенция – реально происходящий исторический процесс сближения капиталистиче-

¹ Sorokin P. A. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type // International Journal of Comparative Sociology, 1(2), 1960, pp. 143. Русский перевод см. в: Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени /. Пер. с англ., послесл. и прил. Т. С. Васильевой; Институт социологии РАН. М.: Наука, 1997. С. 115–116.

² Цит. По: Тириакьян Э.А. Питирим Сорокин: мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 1. С. 23.

ской и социалистической мировых систем, осуществляющийся в результате встречных плюралистических изменений в экономической, политической, социальной и идеологической сферах. Конвергенция является необходимым условием решения глобальных проблем мира, экологии, социальной и геополитической справедливости»¹.

Подобного рода подходы к конвергенции, замешанные на моральном императиве сближения и сотрудничества, вели к расхожей интерпретации этой идеи в духе лозунга «взять все лучшее из каждой из систем и соединить вместе».

Сейчас нельзя удовлетвориться такой постановкой вопроса. Старая концепция конвергенции оказалась несостоятельной. Хотя ее прогноз опирался на некоторые реальные признаки сближения социалистической и капиталистической систем (формирование социального государства и развитие многообразных форм государственного регулирования экономики в странах развитого капитализма; рыночные реформы в социалистических странах), ни эти признаки, ни наличие у множества различных государств общей индустриальной основы отнюдь не привели к формированию «интегрального общества». Нарастание кризиса социалистической системы вскоре поставило под вопрос любые прогнозы о «сближении» систем.

Хотя во второй половине XX века Россия (СССР) стала успешно развивающейся индустриальной державой, опирающейся на растущий промышленный и технологический потенциал, это развитие было не лишено серьезных проблем. В 80-е годы XX века ясно проявилось увеличение технологического отставания от стран – лидеров мировой экономики. Необходимость преодоления этого отставания в промышленно-технологическом развитии была одним из мотивов критики сложившейся тогда плановой экономической системы и требования рыночных реформ.

Критическое отношение автора к концепции конвергенции предполагает, однако, понимание того, что Гэлбрейтом было предложено существенно более сложное обоснование этой концепции. Оно включает понимание возможности сочетания элементов капиталистических и социалистических общественных отношений в одном общественном организме в силу того, что обе этих противоборствующих общественных системы опираются на схожий индустриальный способ производства. Вот что он пишет: «Конвергенция связана прежде всего с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной

¹ Сахаров А.Д. Конвергенция, мирное сосуществование. http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_70.html

техникой и со сложной организацией как важнейшим следствием названных факторов...»¹ (курсив наш). Выделение нового индустриального базиса как основы для соединения рыночных и плановых начал – это то, что существенно отличает концепцию Гэлбрейта от тех по преимуществу носящих характер *этических императивов* построений, о которых мы упомянули выше, и это то, что мы можем и должны использовать в настоящее время.

Как мы уже заметили, история последних десятилетий предложила нам не конвергентный, а иной сценарий эволюции. Так, в постсоветской России с началом периода рыночных реформ позиция государства в отношении промышленности изменилась на противоположную. После краха социалистической системы на смену прежним идеям конвергенции пришли известные разговоры о «конце истории» и окончательном торжестве системы либерального капитализма.

Сам термин «промышленная политика» практически исчез из официального лексикона. Возобладал «либералистский» взгляд на развитие экономики, густо замешанный на идеях идеологов постиндустриализма. Они полагали, что человечество (во всяком случае – лидирующие, так называемые «экономически развитые» страны) вступило в фазу «постиндустриального общества», в структуре экономики которого удельный вес промышленности и, соответственно, занятых в промышленности постоянно сокращается, с увеличением соответствующих долей сферы услуг.

Результатом такого «поворота» в отношении промышленности, повлекшего принятие соответствующих решений в сфере государственной экономической политики, вкупе с адекватной новым представлением о роли промышленности ее приватизацией и наложившегося на складывающуюся ситуацию разрушения индустриальной кооперации в связи с политическими коллизиями конца 80-х – начала 90-х годов («развал СССР», разрыв традиционных хозяйственных связей и др.), явился крупнейший со времен окончания Второй мировой войны промышленный спад в российской экономике.

Если принять 1991 год за базовый, то рассчитанный по приведенным в таблице данным Росстата кумулятивный индекс промышленного производства по итогам 1998 года составил 48,2%, то есть совокупное промышленное производство в стране сократилось более, чем в 2 раза (см. также табл. 2). Российская экономика пережила масштабную деиндустриализацию. Причиной ее была так называемая «шоковая» (несмотря на попытки использования градуалистского подхода в некоторых областях го-

¹ Дж.К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, М.: Прогресс, 1969. С. 453–454.

сударственной политики, в сфере промышленности были осуществлены шоковые преобразования) экономическая политика. При этом авторами реформ совершенно не была понята и учтена важнейшая особенность индустриальной системы – ее инерционность, предполагающая получение позитивного эффекта лишь по прошествии некоторого (порой –достаточно длительного!) времени с момента начала воздействия на нее. Предприятиям не дали времени и не создали условий для адаптации к разрыву межреспубликанских хозяйственных связей и к новой, «рыночной» модели российской экономики.

табл. 2 Индекс промышленного производства в России,
% к предыдущему году

Год	Индекс промышленного производства
1992	84,0
1993	86,3
1994	78,4
1995	95,4
1996	92,4
1997	101,0
1998	95,2

Источник: данные Росстата.

Еще раз следует подчеркнуть, что теоретические обоснования для такого пренебрежения национальной промышленностью строились при этом на либералистских представлениях о «сокращении роли государства в экономике» (пресловутая концепция государства – «ночного сторожа»), а также на упомянутых выше рассуждениях о наступлении «постиндустриального этапа» в развитии мировой экономики, поскольку с позиций постиндустриализма промышленность признавалась «непрогрессивным» и неперспективным элементом национальной экономики, не заслуживающим существенной государственной поддержки. Ныне, с позиций сегодняшнего дня, ошибочность этих взглядов представляется очевидной, но в 1990-е гг. тон в дискуссиях об экономической политике России задавали экономисты либерального направления; на соответствующей основе строилась и реальная политика государства (по факту, к сожалению, во многом продолжающаяся до сих пор).

В результате этого в России началась рукотворная деиндустриализация экономики. Причем негативный эффект от нее не сводится лишь к умень-

шению объемов промышленного производства – как абсолютному, так и относительному, в форме уменьшения доли промышленности в ВВП (ВВП).

Не проводя здесь подробного анализа имеющихся статистических материалов, отметим, что из-за существенного сокращения отечественного производства доля импорта, например, в станкостроении и легкой промышленности сегодня превышает 90%, в тяжелом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании – 80%. К сожалению, аналогичная, если не более серьезная, ситуация сложилась и в других базовых секторах российской экономики: пищевой промышленности, добывающей промышленности, энергетике, связи и т.д. Так, например, если в 2000 году машин, оборудования, транспортных средств Россия импортировала на 10,6 млрд долл., то спустя 14 лет – уже на 152,4 млрд долл., то есть. наблюдается рост в 15 раз¹. Сегодня Россия критически зависима от импорта.

Автор настоящей статьи (и не только он!) полагает, что нынешнее сложное состояние российской экономики является именно следствием длительно развивавшихся процессов ее деиндустриализации². Это объективно повышает *роль промышленной политики* в современной экономической системе, делает ее одним из основных инструментов разрешения накопившихся проблем и противоречий не только экономического, но и социального развития, т.к. развитие промышленности, даже если абстрагироваться от ее стратегической роли, сопряжено с ростом и улучшением структуры занятости, развитием среды жизнедеятельности человека, улучшением качественных характеристик «человеческого капитала» и др. Геополитические и геоэкономические вызовы, с которыми сталкивается российская экономика и общество в последние годы, существенно обострили те противоречия, которые были заложены в предшествующие десятилетия экономической эволюции. При этом данные противоречия, по нашему мнению, достигли уровня угрозы национальной безопасности. В результате сегодня стоит задача поиска новой модели экономического роста, базирующейся на более полном использовании собственных возможностей и ресурсов.

¹ Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Внешняя торговля: изменения структуры и динамики. Выпуск 12. Апрель 2016. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. С. 8.

² См.: Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1(35). С. 19–49; Попов А.И. Создание новой модели развития: модернизация и условия перехода к инновационной экономике // Известия С.-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 4. С. 18–26.

Почему декларировавшиеся ранее подходы и принципы к экономическому регулированию сегодня требуют пересмотра? В стране долгое время проводилась экономическая политика, номинально имевшая, в принципе, *верные стратегические цели* создания современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития. С целями, задачами и приоритетами, сформулированными в многочисленных государственных стратегиях, программах и иных документах, нельзя не согласиться. Однако те *средства*, которые были выбраны для достижения целей развития – прежде всего, сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой поддержания институтов теневого рынка и «ручного» государственного управления – вызвали стагнацию экономики, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Более чем двадцатилетняя реализация либерально-монетарной модели развития, отягощенной бюрократизмом и коррупцией, привела к развалу промышленного производства, снижению устойчивости экономики, драматическому повышению уровня зависимости от импорта, которая особенно ярко проявляется в высокотехнологичных отраслях.

Появились даже утверждения о своего рода «негативной конвергенции» – о соединении на постсоветском пространстве не лучших, а худших черт капитализма и социализма. «Современная конвергенция, прежде всего, приводит к взаимной гравитации и интеграции иррационалистических, дисфункциональных структур США и бывшего Советского Союза» – утверждал, например, социолог Н.Б. Покровский еще в 1993 году¹. В наше время эту же мысль высказывал Г.Н. Цаголов².

Однако современное пробуждение интереса к концепциям конвергенции возникло не на пустом месте. Весьма часто нынешние рассуждения об «интегральном» или «конвергентном» обществе угадывают («ухватывают»!) общее направление эволюции, ведущей к такого рода обществу, но, как правило, не объясняют, на каких же объективных основаниях поκειται переход к «интегральному обществу» в современных условиях (ибо старые объяснения, как уже было показано, нас удовлетворить не могут).

¹ Докл. доц. соц. ф-та МГУ Н.Б. Покровского на юбилейной сессии Общества развития американской философии в Вандербилтском университете (Нэшвилл, штат Теннесси), 1993 г. http://ecsocman.hse.ru/data/106/202/1217/006_Pokrovskij-brauning.pdf

² См.: Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество – седьмая формация // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н.Цагорова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 126.

А эти условия уже сильно отличаются от тех времен, когда идея конвергенции завладела умами таких выдающихся ученых как Гэлбрейт – грядущее бросает нам новые вызовы.

Основной аргумент современных сторонников интегрального общества – что такое общество способно продемонстрировать более высокую экономическую эффективность и более высокую результативность человеческого развития – в общем, *верен*. Так, Г.Цаголов постоянно обращает внимание на то, что демонтаж социалистической системы не означал отказ от попыток провести синтез плановых (социалистических) и рыночных (капиталистических) регуляторов, и там, где обеспечивается оптимальное их сочетание, это дает превосходные экономические результаты. «Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне “объективны” и имеют место в истории человечества не случайно. Однако обе они внутренне противоречивы, неустойчивы, и требуют взаимодействия и поддержки. Именно поэтому наиболее быстрорастущие и гармонично развивающиеся страны мира приняли интегральную систему за основу их жизнеустройства» – пишет он¹.

Верна и та позиция, которая видит перспективы интегрального общества в неразрывной связи с новой технологической революцией. Этот аспект подчеркивает академик С.Ю. Глазьев: «Происходит переход на новый технологический уклад, характеризуемый широким применением нано-, биоинженерных и информационно-коммуникационных технологий. За счет бурного распространения новых технологий, кардинально улучшающих ресурсоэффективность и снижающих энергоемкость производства, передовые страны выйдут на длинную волну экономического роста. Чтобы не отстать, Россия вынуждена будет искать решения не только в научно-технической и производственных сферах, но и в выработке новой стратегии развития и модели общественно-экономического устройства»².

Это – верные *посылки*.

Однако, на наш взгляд, следует раскрыть *характер необходимой связи* между прогрессом в технологическом основании производства и «интегральными» тенденциями в экономической и общественной системе, показать, как и почему это «лучшее будущее» не просто желательно, но может явиться закономерным итогом перемен, происходящих в фундаменте общественного производства.

¹ Там же, с. 130. См. также с. 126–128.

² Глазьев С.Ю. От рыночного фундаментализма к конвергентной модели // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н.Цагорова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 69.

Идущее на смену новому индустриальному обществу XX века новое качество материального производства не просто складывается из «лучших» черт хозяйственной практики капитализма и социализма («интегральное общество») – такое решение лежало бы в области благопожеланий, а не научного подхода. Его формирование также не сводится к проникновению элементов капитализма в социализм. Да, успешный в экономическом отношении пример такого проникновения дает нам Китай, но в этом же опыте видны и те ограничения, на которые натывается социально-экономическое развитие общества, если оно сводится только к соединению разных типов социально-экономического регулирования, известных по прошлому историческому опыту. Соединение планового регулирования со стимулами рыночной экономики и свободы предпринимательства дали Китаю очень много для экономического развития. Но сейчас Китай встал перед проблемой технологического рывка и обретения научно-технологической независимости – а эту задачу одним соединением плана и рынка не решить.

Не менее успешным, но также ограниченным выступает опыт скандинавских стран по интеграции элементов социализма в капиталистическую систему. «Скандинавская модель» смягчает противоречия капитализма, делая ставку на высококвалифицированный и высокооплачиваемый труд с высокой степенью социальной защищенности, что создает хорошие стимулы для развития. Но давно видно, что какого-либо дополнительного потенциала развития для будущего только такая интеграция уже дать не может. Пример Финляндии, успешно применившей этот опыт для ускорения инновационного развития в 90-е годы прошлого века, но к концу первого десятилетия века нынешнего столкнувшейся с тем, что новых перспектив эта модель уже не открывает, красноречиво говорит об этом.

Так что же, «конвергенция», взаимопроникновение элементов социализма и капитализма не имеет исторических перспектив? Напротив, имеет. Но только при одном условии – если оно не ограничивается только *соединением* элементов, заимствованных из прошлого опыта.

3. На пути к новому индустриальному обществу второго поколения: концепция НИО.2

В первой части нашего текста мы показали, что на смену новому индустриальному обществу, природа которого была раскрыта Гэлбрейтом пятьдесят лет назад, идет не постиндустриальная система, а новое индустриальное общество второго поколения – НИО.2. Именно этот процесс

создает основы для продвижения от либеральной модели рынка и бюрократической модели плана к новой планово-рыночной системе отношений, возникающей на базе нового материального производства.

Соединение и взаимопроникновение планово-рыночных, общественно-частных начал имеет перспективы, если оно коренится в эволюции технологических укладов индустриального общества, идущей по пути возрастания знаниеемкости материального производства, что и обуславливает как необходимость, так и возможность возникновения новых экономико-социальных отношений и институтов, а также соответствующих политических и культурных форм. Именно этот процесс вынуждает общество не просто встраивать в ткань производственных отношений элементы прежнего «капитализма» и прежнего «социализма», а формировать новые отношения, которые снимают (диалектически отрицают, но и развивают) достижения прошлого, рождая новые экономико-социальные отношения, не сводимые к механической смеси капитализма и социализма, а развивающие достижения и того, и другого так, чтобы оптимальным образом соответствовать требованиям развития знаниеемкого материального производства.

Иными словами, новое общество, снимая противоречия прежних общественных укладов, не просто возьмет то из нынешних типов общественного устройства (в т.ч. «капитализма» и «социализма»), что будет оптимальным для типа общественного устройства в НИО.2, но и создаст новые, далеко выходящие за рамки соединения прежних форм отношения, которые и обусловят бурный прогресс этого общества.

Речь идет не просто об обрастании современного общественного «организма» некими новыми дополнительными атрибутами. Речь идет о формировании *нового организма*, его «прорастании» из организма сегодняшнего.

Здесь встает сложный практический вопрос, принципиальный теоретический ответ на который должна дать политическая экономия. А можно ли, на самом-то деле, соединить в одном организме разные основы регулирования хозяйственной жизни общества – рыночную и плановую, социалистическую и капиталистическую? Практика уже дала на него ответ: в одних случаях такое соединение приносит разрушительные для общества последствия (советская «перестройка»), но в других способно приводить к необычайным экономическим успехам (примеры: Советская Россия периода НЭПа, Югославия 50-х – 70-х годов XX века, Китай с 1979 года по настоящее время). Таким образом, какого-то принципиального запрета на возможность эффективного взаимодействия двух разных по природе хозяйственных регуляторов нет. И в политэкономической теории уже закрепился такой ответ на данный вопрос: «Рынок и план – не непримиримые

антиподы, а разные способы экономического регулирования. Проблемы и диспропорции возникают как раз там и тогда, когда действует лишь один из них» – утверждает Г.Н. Цаголов¹. Однако политэкономической теории еще предстоит более детально разобраться: по каким же критериям возможно соединение социалистических и капиталистических начал таким образом, чтобы последствия были не разрушительными, а созидательными?

Собственно, подход к этому ответу уже был обозначен выше. Соединение разнородных начал дает позитивный эффект тогда, *когда соединяемые элементы определяются потребностью прогресса знаниемкого материального производства*. Что это значит в более конкретном выражении?

Капиталистическая система в целом сейчас обременена консервативным наследием «рыночного фундаментализма», экономическими отношениями и институтами (и соответствующей им идеологией), сформировавшимися тогда, когда свободный и конкурентный рынок был альфой и омегой экономического прогресса. Сейчас времена господства «свободного рынка» давно миновали, и это консервативное наследие препятствует выработке и применению новых подходов, однако за него цепляются те влиятельные социальные силы, которым выгодно сохранение подобных подходов, обеспечивающее, например, «свободу рук» для финансовых спекулянтов. Парадоксально, но даже один из самых успешных из таких спекулянтов, Дж. Сорос, сумел усмотреть в «рыночном фундаментализме», как он его назвал, угрозу будущему капиталистической системы².

Однако принципы индивидуальной инициативы, материального успеха при достижении значимых результатов, действующие как раз на основе рыночных отношений, являются вполне востребованными и необходимыми в условиях непрерывности инновационных процессов.

Социалистическая система столкнулась в своем развитии с гипербюрократизированностью всеохватного централизованного планирования³ и с тем, что индивидуальные интересы и запросы оказались оттеснены да-

¹ Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество – седьмая формация. // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика. / Под ред. Г.Н.Цагорова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 128. См. также С. 126–127.

² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999.

³ См., например, анализ противоречий системы централизованного планирования в: Колганов А.И. Проект «СССР»: что мы не смогли завершить? // СССР. Незавершенный проект / Под общей редакцией А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД. 2012. С. 171–179.

леко на задний план перед лицом того, что понималось как общественные интересы¹. Однако она предвосхитила (забегая, вероятно, чересчур вперед) необходимость в национальной и даже глобальной координации хозяйственной деятельности, необходимость массовой ставки на развитие человеческого потенциала как необходимых условий современного прогресса знаниеемкой индустрии.

В результате можно было наблюдать, как за послевоенные десятилетия уже начали нащупываться разного рода «гибридные» экономические формы, соединяющие самым причудливым образом принципы индивидуализма и социального подхода: от автономных самоуправляющихся бригад на низовом уровне² до индикативного планирования и широкомасштабных государственных научно-технических программ на национальном уровне³.

Следует вернуться к вопросу, который был намечен выше – о том, что старое не уходит автоматически, и дорога к новым общественным отношениям лежит через противоречия интересов, связанных с отжившими экономическими и социальными формами. В прежние эпохи социальные напряжения, порождавшиеся поступью технического и экономического прогресса, обычно разрешались в череде революций. Проблема заключает-

¹ Там же, с. 180–181.

² О советском опыте: *Родионов Александр Алексеевич*. Роль производственной бригады в развитии социальной активности трудящихся. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.05. – социально-политические процессы, организация и управление. Москва – 1990. <http://cheloveknauka.com/rol-proizvodstvennoy-brigady-v-razvitii-sotsialnoy-aktivnosti-trudyaschihsya#ixzz4GYIDMM7J>

Зарубежный опыт: *Рудык Э.Н.* Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998; *Социум на пороге XX века: рынок, фирма, человек в информационном обществе*. М.: ТЕИС, 1998. С. 66–73.

³ О советском опыте: *Колганов А.И.* Проект «СССР»: что мы не смогли завершить? // СССР Незавершенный проект / Под общей редакцией А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД. 2012. С. 170–172.

Зарубежный опыт: *Ведута Е.Н.* Государственные экономические стратегии. М.: Академический Проект, Деловая книга. 1998; *Лебедева И.П.* Роль государства в экономической модернизации // Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э.В. Молодякова. М., АИРО-XXI. 2011; *Aghion, P.* Some Thoughts on Industrial Policy and Growth. // OFCE Working Paper 2009-09 (April). Paris: Observatoire Francais des Conjonctures Economiques.

ся в том, чтобы суметь предвидеть нарастание таких напряжений и обеспечить плавное разрешения этих неизбежно возникающих противоречий.

Наблюдавшиеся в истории и существующие на данный момент экономические системы демонстрируют нам процесс постоянных перемен, время от времени приводящих к смене одной системы социально-экономического устройства общества другой.

Изменения в технологическом базисе общества, выступающие главным «драйвером» этих перемен, обуславливают формирование новой системы потребностей общества, приводят к образованию новых «игроков» на общественной арене (новых классов, страт, социально-профессиональных групп...), к иному содержанию и иной группировке общественных интересов. Все это ведет к нарастанию напряжения между связями и элементами экономической системы, обострению социально-экономических противоречий вследствие борьбы различных социальных групп за наилучшее удовлетворение своих интересов (что неизбежно связано с конкуренцией за распределение хозяйственных ресурсов и за каналы доступа к ним).

Такие противоречия с неизбежностью разрешаются через периодические переходы социально-экономической системы в новое состояние. Подобные переходы редко совершаются плавным эволюционным путем, значительно чаще выливаясь в неэволюционную ломку прежнего состояния системы или в революционные преобразования.

Периодические революционные перемены составляют одну из закономерностей общественного развития, однако формы их протекания могут быть различны. Желательно было бы найти пути если не устранения, то хотя бы сглаживания драматических социальных потрясений и их негативных побочных эффектов, вызванных радикальным преобразованием состояния экономических систем. Этому, вероятно, могло бы содействовать внедрение в практику управления развитием экономики методов планирования и научного прогнозирования экономических и социальных процессов. Использование такого рода методов в КНР играет не последнюю роль в том, что китайская экономика и общество характеризуются высокой степенью управляемости и предсказуемости развития. За последние 35 лет Китай счастливо избежал сколько-нибудь серьезных социальных и экономических потрясений. Для этого, однако, необходимо, чтобы правящий класс относился к научному обеспечению управления обществом не только как к идеологическому прикрытию принимаемых решений.

Научный подход, опирающийся на политическую экономию, позволяет нам исследовать и «препарировать» внутреннюю социальную динамику общества, понимать существо потенциальных социальных напряже-

ний, противоречий, и источников экономического и технического прогресса. Этот вопрос весьма значим и для рассматриваемой нами задачи возрождения высокотехнологичного материального производства. Кто, какой социальный слой, станет драйвером решения этой задачи, ее движущей силой? Какую общественную силу выдвинут на первый план объективные законы экономического развития и, с другой стороны, как деятельность этих общественных сил будет сопряжена с объективной необходимостью возрождения материального производства?

НИО.2 обладает потенциальной возможностью стать «бесконфликтным» обществом (если не рассматривать конфликты на личной почве или конфликты идей). В силу чего? В силу того, что основой любого конфликта является конкуренция – в частности, за ресурс, продукт, результат труда или его компоненты. При движении к НИО.2 *потребность в ресурсах будет снижаться, доступность продукта и возможность удовлетворения потребностей будут возрастать*. Именно эта объективная закономерность обуславливает то, что *по мере прогресса НИО.2 уровень и напряженность конкуренции за них будет падать*. Это – две устойчивых закономерности генезиса нового индустриального общества второго поколения. Исчезнет основа для конфликта.

Такая возможность возникает по мере развертывания технологического прогресса индустриального способа производства. Человек по мере развития технологий новейших поколений не уходит от индустриального процесса, а кладет в его основу контролируемый и направляемый природный процесс.

Используя возможности информационных технологий, можно интегрировать контроль над разнообразными индустриальными технологиями (механическими, физическими, химическими, биологическими и т. д.), объединяя их для решения все более сложных задач и удовлетворения все более многообразных потребностей. Потребности, которые еще несколько десятилетий назад (и на гораздо более низком уровне) удовлетворяли телевизор, радиоприемник, телефон, компьютер, огромные хранилища информации ныне удовлетворяет маленький девайс, помещающийся на ладони. И это только один пример. Еще больше возможностей для удовлетворения по сути любых потребностей с минимальным и все сокращающимся потреблением ресурсов дают аддитивные и нано-технологии.

Развенчивается тезис И.В.Сталина о том, что возрастание классовых конфликтов по мере продвижения к социализму носит закономерный характер: «Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и тре-

волнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы. Вот почему нельзя усыплять рабочий класс разговорами о второстепенной роли классовой борьбы...»¹. В 1937 году он повторил этот тезис в еще более резкой форме: «... Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных...»².

Однако анализ современных тенденций общественного прогресса показывает, что обострение социального противоборства вполне может иметь иную перспективу: не обострение, а затухание. Произойдет (именно на базе прогресса технологий – базиса НИО.2) разрешение/снятие противоречий в точном соответствии с известной философской парадигмой.

Какие же изменения в ткани общественного строя, соответствующие потребностям развития знаниеинтенсивного материального производства могут обеспечить снижение уровня конфликтности? Мы сейчас, разумеется, не можем представить облик общественных структур НИО.2 во всей их конкретности, но на некоторые тенденции, корни которых прослеживаются уже сегодня, можно указать. Прежде всего, сдвиги в общественных отношениях будут вытекать из резко возрастающей роли знания и увеличения темпа технологических инноваций в материальном производстве. А это означает, что все большая часть населения со все возрастающим уровнем образования и квалификации будет вовлечена в процессы технологического, и, как неизбежное следствие, социального творчества.

Такой тенденции в сфере общественных отношений будет соответствовать возрастающая роль разного рода добровольных объединений и союзов людей, решающих научно-исследовательские, опытно-конструкторские, производственные, экономические, предпринимательские, управленческие, образовательные, воспитательные, экологические и т.д. задачи. Фактически речь идет о значительном углублении тенденции «прорастания» структур гражданского общества в сферы основной, в том числе производ-

¹ Сталин И. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И. Сочинения, т. 11. М.: Госполитиздат, 1949. С. 171–172.

² Сталин И. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников // Слово товарищу Сталину. М., 1995 г. С. 121–122.

ственной, деятельности людей. В области культуры этому будет соответствовать рост образовательного потенциала населения, расширение его фундаментальной основы, широкое освоение классического культурного наследия. В результате возрастет уровень общей компетентности людей и их способностей к осмыслению и творческому решению многообразных производственных и общественных вопросов.

В сфере политического строя такие перемены рано или поздно повлекут за собой переход от нынешней демократии формального равенства, ограниченной к тому же в основном периодическим участием в голосовании за депутатов представительных органов, к демократии, основанной на компетентном участии в решении повседневных вопросов управления обществом. Это будет своего рода меритократия, основанная на вовлечении тех структур гражданского общества, которые объединяют людей с соответствующими компетенциями в выработку и экспертную оценку решений (и их последствий), принимаемых различными ветвями власти (включая и «четвертую власть») в самых разных сферах общественной жизни.

Необходимо также проработать пока еще не слишком ясную исследовательскую задачу: какие предпосылки надо закладывать в преддверии качественных переходов, чтобы эти переходы были управляемыми, а не возникали как стихийная бифуркация, чреватая социальными взрывами? В связи с этим следовало бы обратить внимание на изучение исторического опыта перехода Северной Европы к капитализму без масштабных революционных потрясений, характерных для остальных стран Европы, и последовавших затем успехов этих стран в области инновационного развития.

Чем же определялись те особенности развития скандинавских стран, которые определили более низкий уровень конфликтности при переходе на новую ступень общественного развития? Конечно, вовсе бесконфликтным этот переход назвать нельзя: история этих стран знает и крестьянские восстания, и городские мятежи, и верхушечные заговоры... Однако и Швеция, и Норвегия, и Дания, и Финляндия, и Исландия все-таки не оказались брошенными в водоворот революций. Борьба за общественный прогресс шла путем реформ, пусть и сопровождавшихся весьма болезненными общественными потрясениями.

Главное, что обращает на себя внимание при изучении исторического пути этих стран – более низкий, чем в остальной Европе, уровень межсословных противоречий. Это выражалось, прежде всего, в высоком удельном весе свободного крестьянства и низкой доле крепостничества (или даже в полном его отсутствии). В результате крестьянство сохраняло традиционные институты общинного самоуправления, и имело легальное

представительство в законодательной и судебной системах. Тем самым для крестьянства существовала возможность легальной защиты своих интересов. Она не всегда срабатывала, но, тем не менее, положила начало исторической традиции поиска социальных компромиссов как альтернативы насильственным действиям.

Другим, более отдаленным следствием такой особенности общественного устройства стран Северной Европы было формирование уже на стадии развития капитализма многообразных общественных союзов и движений, обеспечивавших защиту интересов своих членов. Здесь сыграла свою роль и культурная традиция, также связанная с высоким удельным весом свободного населения, – а именно, относительно высокий уровень грамотности, который первоначально опирался на семейное обучение и воспитание, а потом был поддержан довольно ранним введением обязательного школьного образования (так, в Швеции «народные школы» вводятся в 1842 году, а в 1889-м обучение в них становится обязательным).

Переход к инновационной экономике в этих странах относится не только к последним десятилетиям. Еще в XIX веке эти страны в борьбе за позиции в мировой экономике, не имея возможности опереться ни на богатые природные ресурсы, ни на ограбление колоний, избрали путь развития технического прогресса и роста квалификации труда. Этот подход органично сочетался с высокой социальной защищенностью труда, опиравшейся на развитые структуры гражданского общества.

Вывод, который можно сделать из беглого обзора этого исторического опыта, состоит в следующем: чем более развиты политические, экономические, социальные, культурные и т.д. институты, позволяющие проводить согласование противоречивых интересов людей в ходе общественных перемен, тем более управляемыми и тем менее болезненными становятся эти перемены. Подобная тенденция целиком соответствует и перспективам развития знаниеинтенсивного материального производства на основе технологий новейших поколений, что ведет к формированию человека творческого, инициативного, культурного, способного к активной общественной деятельности. Кроме того, потенциал управляемого преодоления общественных напряжений прямо связан с теми возможностями снятия современных социальных противоречий, которые заключены в самом прогрессе знаниеемкого материального производства, в обеспечиваемом им росте уровня удовлетворения многообразных потребностей людей при относительном снижении ресурсной нагрузки. Такое производство выступает как прямое продолжение и развитие основных свойств индустриального производства.

Можно сказать, что «изобретение» индустриального способа производства – *гениальное* (вероятно, самое гениальное!) изобретение человечества. Именно индустриальный способ производства позволил придать решению задачи удовлетворения потребностей *качественно* иной характер. Именно индустриальный способ производства позволил массово решить проблему накопления материальных ресурсов и их инвестиционно-го (а не только потребительского!) использования, марксовой «стоимости, используемой для получения прибавочной стоимости», то есть превращения этих дополнительных ресурсов в капитал, «самовозрастающую» стоимость. Именно на этой основе родился капитализм, если говорить об истории развития человеческого общества формационным языком. Базис, – индустриальный способ производства, – однажды возникнув, породил капиталистические отношения, капиталистическую надстройку, создал капитализм как *систему* социально-экономических отношений. И именно Индустриальный Способ Производства Новой Генерации породит новые отношения, создаст новую «надстройку», станет базисом формирования нового типа общества (условно названного мною НИО.2).

Это Новое Индустриальное Общество Второго Поколения действительно станет новым. В первую и главную очередь – по характеру социально-экономических отношений. Вследствие принципиально иной, практически беспредельно широкой доступности/возможности удовлетворения несиमुлятивных человеческих потребностей в НИО.2 резко упадет значение базового отношения – присвоения продукта. Как и основного, по мысли классиков марксизма, противоречия капитализма: между общественным характером производства и частным способом присвоения: производство станет «отделенным» от человека, а «присвоение» – актом простого и предельно доступного удовлетворения потребности без ущерба прочим индивидам.

Такая возможность возникает по мере развертывания технологического прогресса индустриального способа производства. Человек, по мере развития технологий новейших поколений не уходит от индустриального процесса, а кладет в его основу контролируемый и направляемый природный процесс.

Используя возможности информационных технологий, можно интегрировать контроль над разнообразными индустриальными технологиями (механическими, физическими, химическими, биологическими и т.д.), объединяя их для решения все более сложных задач и удовлетворения все более многообразных потребностей. Но способна ли решить эту задачу современная мировая экономика?

В свое время Гэлбрейт, опираясь на факт перехода от ручного труда к машинному, развертывания на этой основе массового индустриального производства и соответствующего ему массового потребления, констатировал: «Индустриальная система — надо помнить её границы, как они были определены нами, — не только устранила бедность для тех, кто вовлечён в её орбиту, но и значительно облегчила бремя ручного труда»¹. Однако массовое индустриальное производство, как это виделось тогда Гэлбрейту, было озабочено не столько нуждами потребителя, сколько проблемой гарантированного сбыта своей массовой продукции: «Но если эта система и приспособляется к запросам человека, то вместе с тем — мы в этом достаточно убедились — она все больше приспособливает человека к своим нуждам. И она должна это делать. Приспособление человека к нуждам современной экономической системы — это не обыденные упражнения в искусстве сбывать товар»². Только переход к новому индустриальному обществу второго поколения создает предпосылки для существенного изменения этой ситуации.

Многие говорят, опираясь на мировую статистику, что последние два десятилетия мировая экономика испытывает постоянное торможение за исключением отдельных регионов — таких, как Китай, который развивается не столько интенсивно, сколько за счёт экстенсификации производства «вала» индустриальной продукции. Однако с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей, вопреки традиционной и совершенно не отвечающей потребностям реального исследования статистике, ситуация представляется совершенно противоположной. Возможно, человечество как раз сейчас вступает — именно с точки зрения возможности удовлетворения своих потребностей — в «золотой век». Внимательный анализ ситуации вопиет об этом!

Рассмотрим какую-нибудь потребительную стоимость, призванную удовлетворять конкретные потребности людей. Возьмём, например, часы. Они удовлетворяют потребность — знать время. К примеру, часы стоили 20 лет назад 100\$. В то же время, предположим, появились мобильные телефоны. Первые телефоны, допустим, стоили 1000\$. Человек, купивший такой

¹ Galbraith J.K. The New Industrial State. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Перевод на русский язык: Л.Я. Розовский, Ю.Б. Кочеврин, Б.П. Лихачёв, С.Л. Батасов. М., 2004. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 29.03.2012. Глава XXVIII. Дополнительная сводка. <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5021/5049>

² Там же.

телефон, удовлетворил свою потребность связываться с абонентом в мобильном режиме. Таким образом, человек, удовлетворявший одновременно две такие потребности, создавал спрос на 1100 \$ (на часы и на мобильный телефон). Однако развитие технологий привело к технологической синергии. Новые гаджеты через некоторое время уже содержали две функции: время и мобильную связь, при этом развитие технологий позволило удешевить производство «единого» продукта, удовлетворяющего уже две потребности/функции. Положим, такой гаджет стал стоить 300\$. Таким образом, человек, захотевший удовлетворить две означенные потребности, стал создавать спрос на 300\$. То есть, с точки зрения статистики, которой оперирует мировая экономика, мы наблюдаем провал спроса, поскольку он снизился с 1100\$ до 300\$. Это приведёт с точки зрения стандартных методов статистического учёта к снижению ВВП. Тут могут возразить – зато количество людей, которые одновременно хотели бы удовлетворить две означенные потребности за 300\$, существенно больше, чем количество людей, которые могли бы удовлетворить их за 1100\$. Безусловно, это верно – количество людей, позволяющих себе удовлетворить две потребности за 300\$, действительно, гораздо большее, чем количество людей, позволяющий себе тоже самое за 1100\$. Однако количество людей, желающих вообще удовлетворять одновременно эти две потребности, ограничено, и суммарный спрос на эти две потребности, создаваемый людьми в новой ситуации, будет, при развитии такой тенденции, рано или поздно, меньше, чем суммарный спрос, создаваемый количеством людей, которые могли бы удовлетворить две этих потребности за 1100\$. Значит, поскольку количество потребителей физически ограничено, рано или поздно развитие этой тенденции все равно приведет к падению статистического объемного показателя.

Итак, мы видим принципиальное расхождение «учетной» картины с реальностью, отражающей фактическое удовлетворение потребностей. Если учесть, какое огромное количество совмещенных функций, позволяющих удовлетворять все возрастающие потребности людей, объединяются в новых знаниеёмких продуктах, то мы получим не замедление экономического роста, а (с точки зрения удовлетворения потребностей людей!) наоборот, – резкое увеличение возможности удовлетворения потребностей людей. Можно утверждать, что мы в настоящее время незаметно для себя вступаем в эпоху НИО.2, характерной чертой которой и будет все более полное удовлетворение все возрастающих потребностей людей – за счет прогресса технологий.

Именно эта резко возросшая способность новых технологий удовлетворять потребности людей позволяет уйти от жесткой ориентации преж-

него этапа развития индустриального общества на чисто количественное наращивание «вала» промышленной продукции. В свое время Гэлбрейт считал это объективным свойством индустриальной системы: «Представим себе, что каждый человек ставит перед собой конечную цель и, достигнув её, заявляет: «Я получил то, что мне нужно. На эту неделю мне хватит». Ничто не может так поколебать экономическую дисциплину, чем подобное поведение. Оно не случайно считается безответственным и непрактичным. Такое поведение привело бы к тому, что рост продукции уже не являлся бы настоящей общественной необходимостью. Достижения общества не могли бы тогда измеряться ежегодным приростом валового национального продукта. И, поскольку рост производства не имел бы больше первостепенного значения, нужды индустриальной системы уже не пользовались бы автоматическим приоритетом»¹. Гэлбрейт не верил, что индустриальная система может быть построена иначе. Более того, он страшился тех перемен, которые могла принести с собой установка на отказ от непрерывного наращивания объемов производства: «Изменение установок, которое потребовалось бы при этом от общества, было бы ужасным»².

Однако на этапе перехода к НИО.2 происходит эволюция знаниеемкого продукта с точки зрения его растущей способности удовлетворять все более широкий спектр человеческих потребностей (указанная выше эволюция от часов и телефона к смартфону с колоссальным возрастанием круга функций). Прогресс технологий приводит к возможности удовлетворения множества потребностей людей, ранее удовлетворявшихся за счёт разных/нескольких индустриальных продуктов, одним знаниеемким индустриальным продуктом в эпоху НИО.2. Возможности значительно более высокого насыщения потребностей людей становятся даже опережающими по сравнению с ростом самих потребностей. Интересен вопрос о фактически неиспользуемых потенциальных возможностях новых продуктов – как утилизировать эти возможности, чтобы они не пропали втуне?

При этом, очевидно, что в знаниеинтенсивном производстве в НИО.2 на единицу «старой» потребности существенно снижается расход материальных ресурсов, при сохранении/увеличении доли знаний в знаниеёмком продукте. Собственно говоря, именно за счёт этого, в основном, и происходит снижение себестоимости производства знаниеемкого продукта на условную единицу удовлетворения «старой» потребности. Это приводит к синергизированному снижению спроса на традиционные ныне материалы,

¹ Там же.

² Там же.

ресурсы и т.п., и соответствующему падению значимости сырьевых ресурсов для грядущей новой мировой индустрии. Поэтому продолжающаяся сейчас в России фактическая апологетика сырьевой экономики (при осуждении ее на словах) ведет к формированию тупиковой стратегии развития.

Таким образом, происходящее вместе с ростом знаниеемкости относительно сокращения ресурсоемкости производства создает платформу для регулирования должного уровня равновесия с природной средой и преодоления экологических проблем. Одновременно происходит также переключение вектора потребностей со средств жизнеобеспечения на потребность в развитии личности. Ведь при возможности удовлетворить потребность в жизненных средствах на первый план выходят потребности, связанные с основной трудовой деятельностью человека, в которой, пусть и весьма неравномерно, происходит рост творческих функций. Поэтому для будущей экономики все важнее и важнее становится формирование «человека культурного» в самом широком смысле слова. Этот акцент играет очень важную роль в движении по направлению к НИО.2.

Понятна роль развития и интеграции производства–науки–образования в становлении НИО.2. Но готов ли будет человек к такому повороту событий? Конечно, сам по себе факт снижения нужды в конкуренции за материальные и прочие блага облегчает дело формирования, так сказать, «новой исторической общности людей». Но все же, все же... Натуру человеческую быстро не сменить. Ведь правда же, да? Да, но не вся! Человек развивается. Даже отдельный индивид довольно существенно меняется с течением времени. И – под воздействием обстоятельств. В частности – воспитания. А главный «воспитатель» человека – культура. В самом широком смысле слова. Более того, именно культура – *вместе* с материальным производством («трудом», по классикам) – создала человека. И создаст – вместе с новым индустриальным производством! – человека НИО.2, «стоящего над, рядом с производством», адаптированного к преимущественно интеллектуальной позитивной деятельности.

На этой мажорной ноте можно было бы и закончить, но стоит разделиться с одним серьезным опасением относительно судьбы человека в новом индустриальном будущем.

В процессе интенсификации индустриального развития, стремительного внедрения новых технологий высвобождается огромное количество становящихся «ненужными» людей. Часто задается вопрос – куда их девать? Говорится о стремительным нарастании социальных противоречий, социальных напряжений – вследствие того, что якобы технологический прогресс оставит без работы миллионы людей.

Однако никакого огромного социального напряжения, социального взрыва на самом деле не произойдёт. Дело в том, что переход к НИО.2 предполагает возникновение (и затем – наличие) важной черты – так называемого «ускорения ускорения», стремительного убыстрения темпов увеличения содержания знаний в продукте во всех компонентах индустриального производства нового типа – «знаниеинтенсивного производства». Это потребует огромного количества людей, трудовых ресурсов для обеспечения данного процесса – все убыстряющегося «производства знаний» – обеспечения процесса «осознания».

Подобно тому, как XIX – начале XX века значительная часть специалистов опасалась, что прогресс индустриального производства и, в частности, внедрение индустриальных технологий в сельском хозяйстве приведёт к безработице на селе, оставит без работы миллионы крестьян, но этого не произошло, поскольку высвободившиеся от крестьянского труда (в силу индустриализации аграрного сектора) руки перешли в сектор промышленный, который стремительно развивался, так и в НИО.2 высвободившиеся из сферы «старого» индустриального труда люди, занятые ранее в технологиях предыдущего индустриального цикла, перейдут в сектор «производства знаний» (доля каковых будет стремительно и постоянно возрастать во всех компонентах знаниеинтенсивного производства). Этот сектор экономики НИО.2, стремительно развиваясь с «ускорением ускорения», и будет вбирать в себя основную массу высвобождающихся людей.

Другое дело, что необходимо будет более интенсивное обучение (повышение уровня компетенции) людей, их массовая «переквалификация» (как, собственно говоря, это и было в эпоху индустриализации). Поэтому необходимо, как и в предыдущую эпоху, в рамках «новой индустриализации» «перенастройка» системы подготовки кадров, образования. Какая? Если учесть, что при этом в нынешнем процессе перехода к НИО.2 происходит постоянное обновление знаний, которыми должны обладать работники, то в этом случае потребуются *постоянное* переобучение людей, то есть необходимо будет создание системы обучения, представляющей собой *непрерывный* процесс, так называемое «образование через всю жизнь», по О.Н. Смолину¹.

¹ «От идеи элитарного образования – отдельная система образования для богатых и управляющих, отдельная система образования для остальных – мы должны обращаться к идее образования для всех и образования через всю жизнь» (Смолин О.Н. Образование через всю жизнь: проблемы законодательства и развития просветительской деятельности. Стеногр. выст. на заседании Комитета Государственной Думы по образованию 05.07.2012).

Таким образом, поскольку непрерывный рост знаниеемкости материального производства делает бесконечной потребность в технологическом применении нового знания, это открывает широкое поле для применения способностей людей, вытесняемых из традиционного индустриального производства и сферы услуг с ростом производительности труда. Высвобождение работников из индустриального производства не обязательно должно вести к росту «постиндустриального» сектора, а может и с необходимостью должно восполнять рост потребности в кадрах, обеспечивающих развитие и применение интеллектуальной составляющей прогресса нового индустриального производства. Фактически существует возможность открыть поле потенциально бесконечного роста занятости в сфере «производства» (осознания) и технологического применения нового знания, как и в развитии обеспечивающих этот процесс отраслей (образование, комплекс обеспечения здоровых условий жизни, культура и т.д.).

Для реализации всех этих объективно возможных направлений развития экономики России в ней должны произойти определенные *изменения системного свойства*.

К их числу относятся вполне практические вещи – разработка и реализация долгосрочных программ и среднесрочных индикативных планов, проведение активной промышленной политики. Это не только не затормозит экспансию рыночной инициативы, но и будет ей способствовать, обеспечивая государственную поддержку наиболее современных и передовых отечественных производств и тормозя паразитическое посредничество и неадекватную экспансию ТНК в российскую экономику.

Важным средством этого может и должно стать частно-государственное партнерство, основанное на стабильной системе институтов, гарантирующих частному бизнесу возможности долгосрочных инвестиций в НИОКР и технологическое перевооружение производства.

Соответствующим образом должны быть построены и налогообложение и кредитование реального сектора, особенно – высокотехнологичного. Они призваны обеспечить стимулирование развития этих отраслей и их инновационного потенциала.

Наконец, эта система должна обеспечивать умеренный уровень социальной дифференциации, при котором вариации в доходах граждан будут зависеть главным образом от их реального вклада в развитие экономики.

Однако решение этой проблемы не видится гладким и беспрепятственным. Потенциальная потребность в решении массы исследовательских задач, требующихся для технологического прогресса, натывается на опасения финансовой элиты утратить часть своего контроля над экономикой.

Необходимость подкупа научно-технической элиты, уступки ей части прибыли, ограничивает «толщину» слоя, который подкупается. Финансовый капитал готов пожертвовать возможностями продвижения в сфере технологического прогресса, чтобы делить экономическую власть с возможно меньшим кругом специалистов в сфере технологического творчества, не допуская их превращения в массовый и влиятельный социальный слой. Преодоление этого противоречия становится возможным лишь по мере такого сдвига баланса сил между финансовым капиталом и технократией в пользу последней, при котором технократия может мобилизовать достаточные общественные ресурсы для собственного экспоненциального роста.

Изучение исторического опыта различных форм сочетания демократии и авторитаризма, рынка и плана, в исторических формах XX века, в конечном итоге подводят нас к ряду принципиально важных выводов:

- «сверхзадачей», которая должна быть решена общественными формами организации экономики, выступает обеспечение прогресса материального производства, ибо только этот прогресс является основой социального и культурного прогресса;

- развитая индустрия, ставшая важнейшей материальной базой производства в XX веке, породила два типа общественной организации, которые называются капитализмом и социализмом. Характерно, что как праволиберальное направление, которое считает коммунизм «империей зла», так и крайне левое, считающее капитализм источником мировых проблем, не дают ответа на вызовы современности;

- из сказанного выше не следует, однако, вывод, что проблемы можно решить путем механического соединения элементов капитализма и социализма. Решение состоит не в формальном сведении вместе черт двух крайних систем, а в том, чтобы создать общественно-экономический организм, адекватный задаче перехода к новому качеству материального производства, рождающемуся в XXI веке.

Сделать это надо так, чтобы не повторять трагический опыт революционных потрясений и гражданских войн прошедшего столетия. Необходимо реформирование экономических и иных общественных институтов с целью обеспечения прогресса современных технологий. При этом необходима **синхронизация технологических и общественных изменений**. Ведь именно их асинхронность, отставание общественного устройства от потребностей развития материального производства и порождает напряжение противоречий, чреватое революцией.

Сейчас Россия, к сожалению, отстала в технологическом отношении от более развитых держав. В каких-то секторах нам удастся удерживать

или возобновлять передовой уровень технологий, но по большинству направлений мы откатились назад. Если мы не создадим экономические формы, обеспечивающие переход на новый уровень развития материального производства, который мы определяем как новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), это грозит усилением социального напряжения в обществе. Нарастает угроза десинхронизации развития объективных потребностей развития новейших технологий, и тех общественных отношений и институтов, которые должны обеспечить эти потребности. Нам остро необходима консолидация национальных элит на платформе общей ответственности за решение назревших проблем, стоящих перед страной.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М., Культурная революция, 2016.
2. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35).
3. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Внешняя торговля: изменения структуры и динамики. Выпуск 12. Апрель 2016. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
4. Ведута Е.Н. Государственные экономические стратегии. М.: Академический Проект, Деловая книга. 1998.
5. Глазьев С.Ю. От рыночного фундаментализма к конвергентной модели // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика. / Под ред. Г.Н.Цаголова. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
6. Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Монография. М.: Тривант, 2009.
7. Глобальные тенденции занятости. Январь 2009 г. / Международная организация труда. Geneva: ILO, 2009.
8. Гринберг Р.С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Главная книга о кризисе / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
9. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Серия «Антология экономической мысли». Эксмо, 2008.
10. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

11. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. Пер. на русский язык: Л.Я. Розовский, Ю.Б. Кочеврин, Б.П. Лихачёв, С.Л. Батасов. М., 2004 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 29.03.2012.
12. *Дж.К. Гэлбрейт.* Экономические теории и цели общества. Глава XV. Новая экономическая теория технического прогресса. Режим доступа: <http://ek-lit.narod.ru/glb015.htm>
13. Докл. доц. соц. ф-та МГУ Н.Б. Покровского на юбилейной сессии Общества развития американской философии в Вандербилтском университете (Нэшвилл, штат Теннесси), 1993 г. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/106/202/1217/006_Pokrovskij-brauning.pdf
14. *Иноземцев В.Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика, 2003
15. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000
17. *Колганов А.И.* Проект «СССР»: что мы не смогли завершить? // СССР. Незавершенный проект. / Под общей редакцией А.В. Бузгалина, П. Линке. М.: ЛЕНАНД. 2012
18. *Колганов А.И., Бузгалин А.В.* Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем. Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. М.: ИНФРА-М, 2005.
19. *Лебедева И.П.* Роль государства в экономической модернизации // Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011.
20. *Попов А.И.* Создание новой модели развития: модернизация и условия перехода к инновационной экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 4.
21. *Родионов А.А.* Роль производственной бригады в развитии социальной активности трудящихся. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.05. – социально-политические процессы, организация и управление. Москва 1990. <http://cheloveknauka.com/rol-proizvodstvennoy-brigady-v-razvitiisotsialnoy-aktivnosti-trudyaschihsya#ixzz4GYIDMM7J>
22. *Рудык Э.Н.* Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998.

23. Рудык Э.Н. Социум на пороге XX века: рынок, фирма, человек в информационном обществе. М.: ТЕИС, 1998.
24. Сайт Росстата. gks.ru
25. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
26. Сахаров А.Д. Конвергенция, мирное сосуществование. Режим доступа: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_70.html
27. Смолин О.Н. Образование через всю жизнь: проблемы законодательства и развития просветительской деятельности. Стеногр. выст. на заседании Комитета Государственной Думы по образованию 05.07.2012.
28. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., послесл. и прил. Т.С. Васильевой; РАН, Институт социологии. М.: Наука, 1997.
29. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ.
30. Сталин И. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников // Слово товарищу Сталину. М., 1995.
31. Сталин И. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И. Сочинения, т.11. М.: Госполитиздат, 1949.
32. Тириакийн Э.А. Питирим Сорокин: мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 1.
33. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-Пресс, 2006.
34. Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество – седьмая формация. // Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика. / Под ред. Г.Н.Цагорова. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
35. Aghion, P. Some Thoughts on Industrial Policy and Growth. // OFCE Working Paper 2009-09 (April). Paris: Observatoire Francais des Conjonctures Economiques.
36. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.
37. Berle Adolf A. and Gardiner C. Means. The Modern Corporation and Private Property. New York: The Macmillan Company, 1932. Режим доступа: <http://www.unz.org/Pub/BerleAdolf-1932>
38. Chase, Stuart. A New Deal. New York: The Macmillan company, 1932.
39. Galbraith J.K. The New Industrial State. Houghton Mifflin Co., Boston, 1967.
40. Lapavistas C., Levina I. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation // Research on Money and Finance. November 2010.

41. *Sorokin P.A.* Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type // *International Journal of Comparative Sociology*, 1(2), 1960.

42. *Toffler A.* *The Third Wave*. L.: Pan Books Ltd in association with William Collins Sons & Co. Ltd, 1980.

43. *Veblen T.* *The Engineers and the Price System*, 1921. Kitchener: Batoche Books, 2001. Режим доступа: <http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/veblen/Engineers.pdf>

Продолжая Гэлбрейта: техноструктура, государство и гражданское общество

Дмитрий Евгеньевич Сорокин

Научный руководитель Финансового университета
при Правительстве РФ, чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор

Dmitry E. Sorokin

The Scientific Leader at the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Corresponding member at the Russian Academy of Sciences,
Dr. of Economics, Professor

«Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития.., не может не перескочить естественные фазы своего развития, ни отменить последние декретами.

Но оно может сокращать и смягчать муки родов»

Маркс К. Капитал. Т. I. Предисловие к первому изданию¹

Аннотация. В статье обосновывается тезис, что «новое индустриальное общество», описываемое Дж. К. Гэлбрейтом, в политико-экономическом смысле означает переход от общества, чья экономическая система базируется на отношениях частнокапиталистического присвоения средств и результатов производства к обществу, экономической основой которого являются отношения общественной собственности. Показано, что механизмы общественного присвоения не тождественны государственной собственности. По Гэлбрейту это процесс, в результате которого при формальном сохранении частного владения корпорациями реальная экономическая власть переходит к так называемой техноструктуре, опирающейся на коллективную выработку решений, и которая руководствуется иными стимулами, чем максимизация корпоративного дохода. Одновременно техноструктура начинает все теснее взаимодействовать с государством, определяющим цели общества как целостности. Вместе с тем, чтобы предотвратить узурпацию техноструктурой государства или подмену общественных интересов интересами государственной бюрократии, – об опасности

¹ *Маркс К. Капитал Т. I. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат. 1960. С.10*

чего предупреждает Гэлбрейт – необходимо наличие развитой системы институтов гражданского общества.

Ключевые слова: новое индустриальное общество, техноструктура, конвергенция, социализм, общественная собственность, государственная собственность, гражданское общество

Continuing Galbraith: technostucture, state and civil society

Abstract. The article substantiates the thesis that «The New Industrial State» described J. K. Galbraith in the politico-economic sense means the transition from a society whose economic system is based on the relations of private capitalist appropriation of the means and results of production to society, the economic basis of which is the relationship of public ownership. It is shown that the mechanism of social appropriation of state property are not identical. Galbraith considered it was a process in which in the formal preservation of private ownership of corporations real economic power is transferred to the so-called technostucture based on collective decision-making process, and which is guided by different incentives than maximizing corporate profits. At the same time technostucture is starting to work more closely with government in determining the goals of society as integrity. However, to prevent the usurpation of technostuctural state or the substitution of public interest with the interests of the state bureaucracy, the dangers which warns Galbraith – you must have a developed system of civil society institutions.

Keywords: The New Industrial State, technostucture, convergence, socialism, public ownership, public ownership, civil society

Исследования глубинных закономерностей функционирования и эволюции национально-государственных экономических систем, пытающиеся выяснить не только что и как происходит в экономической жизни общества, но и понять, почему это происходит и каковы долгосрочные последствия этих изменений, которые занимали центральное место в экономических исследованиях XIX и первой половины XX столетий, ныне перестали быть мейнстримом экономической теории. Публикации в наиболее солидных экономических журналах, как зарубежных, так и отечественных, присуждение престижных международных премий за полученные результаты экономических исследований сосредоточены на сугубо прикладных вопросах в обязательном сопровождении математического аппарата.

Ничуть не умаляя значимости такого рода исследований нельзя не отметить, что, по сути, такой подход ведет к молчаливому признанию экономических систем стран «золотого миллиарда» вершиной политико-эконо-

мической эволюции. Всем остальным предлагается следовать их примеру. Соответственно политическая экономия, как наука, выясняющая глубинные (фундаментальные) закономерности движения экономической системы общества и ее эволюции, объявляется исчерпавшей себя. Современный мейнстрим экономической науки сосредотачивается на выяснении деталей функционирования «развитых» экономических систем и объяснении причин «сбоев» этого функционирования. При этом сами «сбои», в том числе имеющие глобальные масштабы, даже не пытаются осмыслить через призму объективных экономических закономерностей, а а priori объявляются следствием ошибок экономической политики. Эволюционный подход сводится к исследованию механизмов смены вытеснения предпринимателей-консерваторов предпринимателями-новаторами на микроуровне и смены одной технологической парадигмы на другую на макроуровне. Однако проблемы изменения фундаментальных основ системы экономических отношений в этих теориях по существу не затрагиваются.

И все-таки ощущение, что экономические системы современных обществ претерпевают качественные изменения именно в самих своих фундаментальных основаниях, не проходит¹. Все более очевидно, что современный технологический уклад в странах, относимых к наиболее экономически развитым, ведет к принципиально новой организации их экономической жизни и вслед за этим порождает новую систему всех социальных связей. В чем суть этих изменений, каковы их неизбежные последствия и какой должна быть реакция на все это социально-экономической политики, как на национально-государственном, так и на глобальном уровнях – вот вопросы, на которые должна отвечать современная политическая экономия. Причем эти вопросы возникли не сегодня.

Понимание того, что наиболее экономически развитые страны вступают на некую новую ступень эволюции своих национально-государственных систем, стало крепнуть в умах политэкономов на рубеже 1950–1960 гг. прошлого века. И опубликованная 50 лет назад книга Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», по сути – одна из первых (и значимых) попыток ответить на такого рода вопросы. Не случайно издание этой книги в России было осуществлено уже через два года после ее выхода в свет.

«Новое индустриальное общество» по Гэлбрейту – это не просто экономика, где крупные корпорации в тесной связи с государством планируют

¹ «Наше понимание того, как функционируют реальные рынки, стало теперь едва ли не меньшим, чем было у А. Смита и Л. Вальраса» (Blaug M. *Disturbing currents in modern economics*//Challenge, 1998, vol. 41, № 3, May-June.,p.12).

свою деятельность, при этом не сводя ее к цели максимизации прибыли. Это именно *новое общество*, которое преобразовало классический капитализм не только в смысле экономической структуры, но и всей социальной организации и потому не может быть определено как капиталистическое. Отсюда и необходимость в новом определении, отражающим политико-экономическую сущность этого нового общества. Такое понимание было присуще многим представителям западной политико-экономической мысли. Отсюда наряду с «новым индустриальным обществом» возникали понятия «технотронное общество», «постиндустриальное общество», «информационное общество» и т.п.

Подобные представления с рубежа 1980–1990 гг. начали появляться и в российской политико-экономической мысли. В ход пошли понятия «смешанное общество» и даже «полифоническое общества».

При всем многообразии использующихся понятий общим было то, что их авторы понимали: возникает некое новое общество, которое не отвечает устоявшимся классическим политико-экономическим критериям ни капитализма, ни того социализма, который сложился в странах «восточного» блока, и потому требует нового определения. Вместе с тем, это многообразие отражало и некую внутреннюю неудовлетворенность носителей политико-экономической мысли в отношении предлагаемых определений.

Действительно, когда встречаешь термины известной «пятичленки» – первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодализм, капитализм, социализм (коммунизм), – сразу представляешь себе некую специфическую систему социально-экономических отношений. Когда же имеешь дело с понятиями нового индустриального, постиндустриального, технотронного, информационного общества, то возникает образ некоей технологической базы. Но вот политико-экономический образ системы социально-экономических отношений, в рамках которой функционирует эта база, остается как бы «за кадром». Требуется многословное описание, чтобы читатель уразумел содержательные социально-экономические характеристики этой системы.

То же и с понятиями «смешанного» или «полифонического» общества. Здесь, правда, неясно на какой технологической базе функционирует такое общество, но зато понимаешь, что это общество с самыми различными, сосуществующими рядом и взаимодействующими в органическом единстве социально-экономическими отношениями. Но вот каков набор этого многообразия? Включаются в него отношения первобытной общины, рабовладения, феодальные? При ознакомлении с описаниями такого общества видишь, что авторы имеют в виду отношения, которые составляют «лучшие» –

по их мнению – той системы, которую характеризуют как социалистическую с включением в нее некоторых из присущих рыночному (а по существу капиталистическому) хозяйству. Отсюда использование политико-экономически бессодержательных категорий «смешанное», «полифоническое», которые также требуют многословных описаний, как и предшествующие им «технологические» определения. При этом политико-экономические описания «технологических» и «смешанных» обществ во многом совпадают. Отсюда идея конвергенции двух систем, приверженцем которой с самого начала своей книги объявляет себя Гэлбрейт, и которая так долго отвергалась советской политико-экономической мыслью, по крайней мере, на официальном уровне. Однако политико-экономическая сущность общества, возникающего в результате такой конвергенции, так и не раскрывается.

Представляется, что подобное «многоголосье» при попытках описать возникающую новую систему социально-экономических отношений отражало некую внутреннюю самоцензуру авторов. Так, представители «западной» политико-экономической мысли видели, что возникающая на их глазах система социально-экономических отношений все в меньшей степени отвечала классическим политико-экономическим представлениям о капитализме. Функционирование формально частных корпораций все в большей степени определялось не номинальными (юридическими) их собственниками, а подвергалось государственному регулированию. Более того, поддержание устойчивого экономического роста требовало долгосрочного планирования, выходящего за рамки отдельных корпораций, планирования на общегосударственном уровне¹. В результате максимизация прибыли (шире – максимизация индивидуального, частного интереса) переставала быть определяющей целью экономической деятельности корпорации. Об этом пишут и другие западные авторы того же периода².

¹ На рубеже XX и XXI веков. это начинает признавать и такой рыночный институт, как МВФ: «В XX столетии значительно усилилась роль государства и в индустриальных и развивающихся странах. Об этом неоспоримо свидетельствует не только повышение доли государственных расходов и доходов в ВВП, но и возрастающее значение регулирующих мероприятий правительства» (Доклад МВФ «Обзор мировой экономики» // World Economic Outlook, May, 2000).

² «По мере того как общество продолжает комфортабельно обустраиваться, оно может позволить себе неприязнь к чисто денежным мотивациям, основанным на своекорыстии. В наши дни новая граница в изучении политической экономии пролегает поблизости от этих очень важных нематериальных аспектах человеческого существования» (Самуэльсон П. Экономика. М.: МГП АЛГОН ВНИИСИ, 1992. С. 367)..

Конечно, это уже не капитализм, точнее не совсем капитализм. Отсюда появляется термин «посткапитализм». Только что он выражает? С таким же успехом капитализм можно определить, как постфеодализм.

С другой стороны, это новое общество, конечно, не тот социализм, который представлен в странах, определяющих себя социалистическими. Хотя целый ряд необходимых механизмов текущего регулирования и планирования экономической жизни, применяемый в этих странах, с соответствующими модификациями может и должен быть использован. А поскольку эти перемены происходят под воздействием качественных изменений технологической базы производства, постольку к описанию возникающей новой экономической системы привлекаются «технологические» определения¹.

Политико-экономическая мысль советской России примерно в тот же период все более утверждает в том, что система государственного централизованного управления экономикой не отвечает потребностям развития общества. Гэлбрейт пишет, что о необходимости большей экономической самостоятельности говорят и руководители советских предприятий. Попытки перейти к такой самостоятельности мы видим и в создании совнархозов (экономическая самостоятельность регионов), и в экономической реформе середины 1960-х гг. (экономическая самостоятельность хозяйствующих субъектов). Что это? Отступление от принципов социализма? Если считать, что сложившаяся система экономических отношений в СССР есть социалистическая, то – строго говоря – да. Отсюда проистекают и попытки теоретического обоснования предлагаемых изменений, как более полной реализации социалистических принципов и половинчатость (ограниченность) предпринимаемых действий в практике. И лишь к концу 1980-х гг., когда ослабло идеологическое давление, появляются концепции «смешанного» общества. При этом оговаривается, что «смешанность» относится только к экономической системе, а общество в целом остается социалистическим. И хотя в официальных публикациях термин «конвергенция» не используется, но уже и не подвергается критике. В рамках же ведущихся дискуссий теория конвергенции получает все большую поддержку. Однако ясного политико-экономического определения новая система так и не получает.

На месте рухнувшей под грузом внутренних противоречий советской экономической системы возник классический капитализм эпохи перво-

¹ «Происходит широкая конвергенция различных индустриальных систем. Требования, диктуемые техникой и организацией производства, а не идеологические символы – вот что определяет облик экономического общества» (Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 33).

начального накопления. Не случайно даже авторы этой системы не возражали, когда ее называли «диким капитализмом», ограничиваясь замечанием, что это неизбежная плата за то, что после 1917-го года Россия пошла по тупиковому пути развития. Вместе с тем подчеркивалось, что пройдя этап первоначального накопления, в России будет формироваться «социальное государство», где капиталистическая экономическая система, функционирующая на принципах «свободного рынка» будет фундаментом благосостояния для всех, как это, якобы, происходит в других «цивилизованных» странах. Только как это сочетается с тем, что политико-экономическая мысль «цивилизованных» стран с середины прошлого века (и Гэлбрейт понял это в числе первых) настойчиво доказывает, что их экономическая система не может быть в полной мере определена как капиталистическая?¹

Начнем с *ad ovo*. Марксистский тезис о том, что система экономических отношений меняется под воздействием качественных сдвигов в производительных силах общества является общим местом для политической экономики. В чем суть изменений экономической системы? В том, что на этапе крупного машинного производства производительные силы не могут устойчиво развиваться под воздействием частной воли, ориентированной на максимизацию дохода, а требуют регулирования со стороны общества. Поэтому на определенном этапе отношения частнокапиталистического присвоения уступают место механизмам общественного регулирования функционирования и развития производительных сил, т.е. общественной собственности. По сути, об этом же пишет и Гэлбрейт: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоятельств рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности...»² Но именно в этом, с точки зрения классического марксизма, и заключается политико-экономическая суть социализма.

Вопрос в том, как будет происходить этот процесс?

¹ Кстати, это начинают признавать и недавние отечественные апологеты «свободного рынка». В одном из своих интервью нынешний Председатель РСПП А.Н. Шохин заметил: «Как ни странно, несмотря на рыночность европейской экономики, многие боятся потерять контракты и расположение властей. Как ни странно, европейская экономика и западная, не такие уж либеральные». (Российская газета. 22 июня 2015 г. С. 3).

² Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 52–53.

В России в результате революции 1917 г. к власти пришли силы, продекларировавшие, что механизмом общественного присвоения должно стать государство, формируемое трудящимися классами – социалистическое государство – и на этом основании осуществили национализацию экономики. Не суть важно, достигли ли производительные силы России к тому времени уровня, требующего общественного регулирования, почему и как обосновывался этот тезис.

В данном случае отметим лишь то, что осуществленное в советской – а затем и в странах-сателлитах СССР – огосударствление экономики не соответствовало марксистскому представлению об общественной собственности. Известно, что К. Маркс не отождествлял государственную собственность с общественной, считая, что при таком отождествлении первым социалистом должен называться Бисмарк, национализировавший германскую табачную промышленность. Соответственно в результате в России под названием «социализм» была построена система, имеющая мало общего с тем социализмом, объективная обусловленность которого обосновывалась классиками марксизма.

Другой вопрос, что советская экономическая система стала и в российской, и в зарубежной политико-экономической мысли отождествляться с социализмом. Хотя такое отождествление с точки зрения теоретического представления о социализме, которое было сформулировано классическим марксизмом, неправомерно. Не случайно на поздних этапах советского социализма был введен в оборот термин «реальный социализм», который как бы ограждал экономическую систему СССР от критики со стороны представителей классической марксистской школы.

Гэлбрейт, наблюдавший процессы эволюции экономической системы капитализма «изнутри», выявил иной путь «отрицания частнокапиталистической собственности». Было показано, как при формальном сохранении частного владения корпорациями реальная экономическая власть переходит к тому, что он назвал техноструктурой, опирающейся на коллективную выработку решений, в которой все большую роль начинают играть педагоги и ученые, и которая руководствуется иными стимулами, чем максимизация корпоративного дохода¹.

¹ Кстати, эта тенденция была подмечена еще К. Марксом, который считал, что в акционерных обществах, возникших именно из потребностей крупного индустриального производства, «капитал... получает... непосредственно форму общественного капитала (капитал непосредственно ассоциируемых индивидов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как^{см. на след. странице}

Более того, «глубинная зависимость индустриальной системы от государства и характер побуждений, лежащих в ее взаимоотношениях с государством (то есть то обстоятельство, что она солидаризуется с целями общества и приспособливает их к своим нуждам), писал Гэлбрейт, – служат порукой тому, что ее вскоре перестанут рассматривать как нечто существующее отдельно от государства»¹. Гэлбрейт называет этот процесс социализацией, что неудивительно, т.к. к тому времени советская действительность уже настолько дискредитировала термин «социализм», что Гэлбрейт даже термин «социализация» называет «неприятным словом». Но ведь другое здесь и не придумаешь.

При этом важно заметить, что Гэлбрейт видел и те возможные асоциальные деформации, которые могут возникнуть на этом пути. С одной стороны, отмечает он, нельзя забывать, что «любому государственному учреждению свойственна... тенденция преследовать такие цели, которые соответствуют его собственным интересам и выгодам, и приспособлять к ним общественные задачи». С другой – «опасность заключается в подчинении общественного мнения нуждам индустриальной системы. Государство и индустриальная система действуют здесь заодно»².

Как предотвратить эту опасность деформирования общественных интересов «смычкой» интересов представителей государственного аппарата и технотрактуры? Гэлбрейт пишет, что осознание обществом этой опасности формирует соответствующее общественное мнение, очевидно считая, что общественное мнение будет неизбежно превращаться в общественное действие, направленное на предотвращение подобных деформаций.

Да. Но каким образом?

Представляется, что механизмами такого общественного воздействия являются *нерыночные институты гражданского общества*. Именно эти институты, с одной стороны, противодействуют узкокорпоративным интересам того, что Гэлбрейт называет технотрактурой, а с другой – стремлению различных частей государственного аппарата присвоить себе право быть единственным выразителем общественного интереса.

Так возникает сложный механизм общественного регулирования экономической жизни через непрерывно ведущийся диалог технотрактуры,

см. на предыдущей странице общественные предприятия в противоположность частным предприятиям» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 479).

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 327.

² Там же. С. 332.

государственного аппарата и нерыночных институтов гражданского общества, включающих представителей социальных слоев, находящихся за пределами техноструктуры и государственного аппарата. Но что это, как не общественное присвоение средств и результатов производства, которое политическая экономия марксизма определяла, как социализм – общество, которое, сохраняя «родимые черты (пятна») предшествующего строя, одновременно опирается на формирующуюся систему отношений общественного присвоения?

Попытки ускорить этот процесс бессмысленны. Институты гражданского общества не могут быть созданы законами, указами или приказами, а только на основе самостоятельности граждан, ощущающих себя таковыми. При этом вполне возможны и попятные движения, когда власть над обществом узурпируют группы (техноструктуры или государственного аппарата, или их объединения). Говорят, что защитным механизмом здесь явится развитие политической демократии. Это – так, но при условии, что демократические институты опираются на граждан, а не на обывателей (в политико-экономических терминах – общество потребления). В свою очередь возможность превращения обывателей (потребителей) в граждан во многом зависит от того, каким будет ответ на вопрос, поставленный Гэлбрейтом: «Насколько широко образование должно быть приспособлено к нуждам производства в противоположность к нуждам просвещения?»¹.

Литература

1. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008.
2. Доклад МВФ «Обзор мировой экономики» // World Economic Outlook, May, 2000.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I М.: Политиздат, 1960.
5. Российская газета. 22 июня 2015 г.
6. Самуэльсон П. Экономика. М.: МГП АЛГОН ВНИИСИ, 1992.
7. Blaug M. Disturbing currents in modern economics // Challenge, 1998, vol. 41, № 3, May-June.

¹ Там же, с. 339–340

Революция Гэлбрейта и развитие теории конвергенции

Георгий Николаевич Цаголов

Международный Университет в Москве, д.э.н., профессор

Georgy N. Tsagolov

International University in Moscow, Dr. of Economics, Professor

На Западе многие собратья по профессии не признавали его за упорное протитовостояние господствующим течениям – так называемому мейнстриму и почти откровенно завидовали его уникальной творческой плодовитости. В науке это был революционер, подвергавший критике старый капитализм и указывавший пути его радикального реформирования в интересах большинства.

Консервативно настроенное экономическое сообщество так и не наделило его Нобелевской премией, чем опозорило себя в веках. Властвующая элита относилась к нему двояко. Большой бизнес инстинктивно чувствовал в нём классового врага, но реформаторское крыло демократической партии пользовалось его талантами и воплощало в жизнь некоторые его идеи.¹

С.М.Меньшиков

Аннотация. Статья раскрывает революционный вклад Дж.К. Гэлбрейта в экономическую науку. Теоретик радикально изменил представление о современном капитализме. Доказал, что популярные учебники по экономике отражают лишь вчерашний день. Показана и важность разработанной им концепции конвергенции для поиска наиболее эффективной модели социально-экономического развития в наши дни.

Ключевые слова: экономическая теория, капитализм, социализм, планирование, рынок, конвергенция

¹ Меньшиков Станислав. Великий Гэлбрейт. Слово прощания. «Слово». 12–18 мая 2006 года. Режим доступа: <http://www.fastcenter.ru/smenshikov/slovo/smmslovo209.htm>

Galbraith's revolution and development of the convergence theory

Abstract. The chapter (article) describes J.K.Galbraith's revolutionary contribution to economic theory. The theorist radically changed the understanding of the contemporary capitalism. He proved that popularly economical textbooks are obsolete. The article clearly shows the importance of the convergence theory developed by Galbraith in search of the most efficient model of the social-economic development in our days.

Keywords: economics, capitalism, socialism, planning, market, convergence

В Доме книги на Новом Арбате перед посетителями всегда широкий выбор. В секции «Экономика» обращают на себя внимание масштабные по объему и напоминающие библию красочные фолианты. В обрамленных золотым тиснением коричневых переплетах готическим шрифтом сверкают заголовки избранных произведений классиков политической экономии: А. Смит, Й. Шумпетер, Дж.К. Гэлбрейт. Книга сочинений последнего на тысячу двести страниц появилась в 2008 году к столетию её автора. Полное название: «Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное»¹.

Издательство «Эксмо» не случайно выделило главное творение великого ученого. И до него и после он написал немало других блистательных работ. Но именно эта книга принесла ему наибольший успех и мировую славу. Изданная одновременно в США и Англии в 1967 году, она через два года появилась и на русском языке. Оригинальность и глубина мысли, изящество и легкость изложения материала подкупали всякого непредвзятого и разбирающегося в предмете читателя. Для многих она стала одной из тех настольных книг, которые с удовольствием перечитывают много раз и каждый раз находят все новые мысли. Ознакомиться с ней мне посоветовал известный ученый – экономист, профессор С.М. Меншиков, мой научный руководитель, а позже и друг. Он был тогда заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, хорошо знал Гэлбрейта и способствовал организации перевода работы в издательстве «Прогресс». Позже они совместно написали книгу, также изданную на многих языках².

«Новое индустриальное общество» сразу же стало событием среди наших экономистов. Мой отец – Н.А. Цаголов – заведующий кафедрой политиче-

¹ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008

² Гэлбрейт Дж. К., Меншиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М.: Прогресс, 1988.

ской экономии экономического факультета МГУ, руководитель авторского коллектива, написавшего знаменитый «Курс политической экономии» в двух томах, как-то в личной беседе проронил: Гэлбрейт – гений нашего времени. Николай Александрович внимательно следил за новинками западной экономической мысли. Под его редакцией выходили крупные работы по истории экономической мысли, в том числе западной. Ни о каком-либо другом зарубежном исследователе того времени он так никогда не отзывался.

Личное знакомство с Гэлбрейтом произошло летом 1990 года в Париже. Одной американской консультационной фирмой был организован международный семинар на тему: «Будущее Советского Союза и Восточной Европы. Экономические реформы и возможности в сфере бизнеса». В числе приглашенных участников, помимо Гэлбрейта и Меншикова оказался и я. Высокий, двухметрового роста Гэлбрейт, выступая в дискуссии, зажигал аудиторию, искрометно шутил. Семинар прошел живо и весьма содержательно. Вечером организаторы встречи пригласили нас поужинать в известный ресторан «Максим». Находящийся в фокусе внимания почтенный американец держался просто и непринужденно.

Становление и расцвет

Гэлбрейт родился 15 октября 1908 года в Канаде в южной части провинции Онтарио. Его отец владел фермой около 60 га, был школьным учителем, главой страховой компании. В 18 лет Гэлбрейт поступил учиться в местный сельскохозяйственный колледж, где изучал курсы птицеводства и основы слесарных работ. Когда канадцы почувствовали на себе всю тяжесть Великой депрессии 1930-х годов, молодого человека стали больше интересоваться вопросы продаж сельскохозяйственных продуктов, чем их производство. Свою дипломную работу он защитил в университете Торонто, после чего поступил в Калифорнийский университет в Беркли, где в 1934 году получил степень доктора по экономике сельского хозяйства. Затем преподавал в Гарварде.

Немалое влияние на мировоззрение раннего Гэлбрейта оказали произведения американского экономиста, социолога и публициста Т.Веблена, основоположника институционального направления в политической экономии, автора нашедшей книгу – «Теория праздного класса». «Влияние Веблена, – признавал Гэлбрейт, – на меня продолжалось очень долго. Когда я занимался своими произведениями, может быть, мне больше всего нравилось, что одна из моих работ, вполне вероятно, вызовет раздражение у

тех людей, которые очень удобно устроились на своих высоких тепленьких должностях. Только потом я стал понимать, что эти люди вообще редко что-либо читают»¹.

Возможно, отчасти под влиянием идей К.Маркса и в полемике с ним, Т.Веблен в работе «Инженеры и система цен» (1921) утверждал, что новое поколение инженеров откажется от роли послушных «лейтенантов бизнеса» и передаст власть «Генеральному штабу инженеров и техников». Веблен полагал, что именно представители технического прогресса смогут вывести общество на «третий путь» между «плутократией капитализма и диктатурой пролетариата». Эта, считавшаяся тогда утопической, «технократическая концепция», получила дальнейшее развитие в трудах известных американских экономистов А. Берли, Г. Минза, Дж. Бернхэма («революция управляющих»). Но дальше всех в этом направлении пошел Гэлбрейт.

Другим его учителем и кумиром стал английский экономист Дж.М. Кейнс, чья теоретическая звезда ярко светила по обе стороны Атлантического океана и труды которого обосновывали то, что делал президент Франклин Рузвельт. В 1937 году вскоре после выхода в свет главного творения англичанина – «Общей теории занятости, процента и денег» – Гэлбрейт решил «присоединиться к этому Храму». Получив в рокфеллеровском Совете по исследованиям в области социальных наук стипендию на год, он поступил в Британии в Кембриджский университет, где мог слушать лекции Кейнса.

Хотя Гэлбрейт никогда не относился к марксистам, он высоко ценил труды Маркса и не раз ссылается на них в своих книгах, подмечал, например, что «никто, кроме Маркса и марксистов, не предвидел, что экономика гигантских корпораций станет сутью экономической системы»². В беседе с Меньшиковым Гэлбрейт замечает: «Шумпетер называл Маркса одним из величайших ученых всех времен, и, откровенно говоря, я считаю Маркса слишком крупной фигурой, чтобы целиком отдавать его вам, социалистам и коммунистам»³.

В конце 1930-х годов Гэлбрейт становится гражданином США и преподает экономику в Принстонском университете. Через некоторое время он получает приглашение на работу в аппарат администрации Ф. Рузвельта. С началом войны его назначают главой федерального ведомства по контро-

¹ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008, с. 14.

² Там же, с. 1015.

³ Гэлбрейт Дж. К, Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М.: Прогресс, 1988, с.79.

лю над ценами. Гэлбрейту удастся предотвратить гиперинфляцию. Сразу после войны он возглавил союзническую комиссию по изучению последствий бомбардировок германской промышленности. Вывод комиссии был неожиданным для властей Вашингтона: ущерб военно-промышленному потенциалу фашистского режима был минимальный. Особенно осторожно американцы бомбили находившиеся в Кёльне заводы Форда.

В 1946 году Гэлбрейт руководит Службой обеспечения экономической безопасности в Государственном департаменте. С 1943 по 1948 год входил в редколлегию журнала «Форчун». Именно тогда он стал много писать. В 1949 году Гэлбрейт возвращается в Гарвард на должность профессора экономики. Аудитории бывали переполнены студентами, многие слушали его лекции стоя.

В 1952 году вышли две книги «Американский капитализм: концепция уравнивающей силы» и «Теория контроля над ценами».

В первой он развенчал мифы о свободной рыночной экономике и рассмотрел вопрос о концентрации экономической мощи. Он описал различные виды давлений, к которым прибегают корпорации, профсоюзы и государство, старающиеся противодействовать друг другу, в результате чего возникает некое равновесие, благодаря чему экономика остается более или менее стабильной. До Гэлбрейта никто из немарксистских ученых не отмечал положительную роль профсоюзов и рабочего движения в развитии и преобразовании современного капитализма. В вышедших в 1980-х годах мемуарах Гэлбрейт, правда, признал, что практика показала, что три десятилетия назад он несколько преувеличил «уравнивающуюся» силу.

В «Теории контроля над ценами» Гэлбрейт обобщил опыт, накопленный им во время работы в департаменте по ценам. Труд получил высокую оценку со стороны специалистов. «Единственная сложность с этой книгой, – отмечал Гэлбрейт, – вызвана тем, что её прочитали всего пять человек. Может быть, десять. После нее я решил, что больше никогда не буду зависеть от мнения технических экономистов (technical economist), которые обладают огромной властью в стране и игнорируют то, что я написал. Я решил ориентироваться на более широкий круг читателей»¹.

Через несколько лет он выпускает еще две книги, но уже предназначенные для массовой аудитории. Они становятся бестселлерами.

В работе «Великий крах 1929» он пролил свет на ошибки, совершенные в предкризисный период, и высказал предположение, что некоторые из них могут повториться. Когда книга появилась (1955), Гэлбрейт выступил

¹ Там же, с. 16.

на слушаниях в Сенате и заявил, что следующий крах неизбежен. В этот день фондовый рынок обвалился, а в его адрес посыпались обвинения.

«Общество изобилия» вышло в 1958 году. Автор выявил корни существования зон хронической стагнации и бедности в самой богатой, бахвалящейся внешним изобилием капиталистической стране. Обрушившись на неоклассическую догму, согласно которой рядовой потребитель – это и есть некоронованный король рынка, он показал, что в действительности свои законы рынку диктуют крупные концерны. Часть книги посвящена разоблачению паразитического потребления богатей в духе критики «праздного класса».

США выпускают много товаров, но предоставляют обществу мало социальных услуг. Стремление произвести как можно больше товаров ведет к опасности усиления инфляции и экономического спада, чему в значительной степени способствует искусственно наращиваемый спрос на второстепенные и вообще ненужные продукты, поощрение людей чрезмерно активно прибегать к потребительским кредитам и слишком высокая ставка на частный сектор за счет общественного.

Указывая на важность экологического движения за десять лет до того, как это направление стало считаться важным, Гэлбрейт спрашивал: стоят ли такие явления, как увеличение объема продукции или повышение эффективности того отрицательного влияния, которое они оказывают на окружающие нас воздух, воду и территории, располагающиеся в сельских местностях? Он призывал изменить ценности, остерегаться рекламных приманок, быть сторонником хорошего жилья и оказывать помощь искусству.

С середины 1950-х годов Гэлбрейт становится советником влиятельных политических и государственных деятелей по вопросам экономики. Он был наставником губернатора Иллинойса Стивенсона, кандидата от Демократической партии на выборах на пост президента страны в 1952 и 1956 годах. Гэлбрейт вместе с рядом специалистов по военным и международным вопросам создал для него своего рода мозговой центр, хотя Стивенсон все же проиграл президентские выборы Эйзенхауэру.

Гэлбрейт тесно контактировал и с президентом Кеннеди, бывшим его студентом в Гарварде. В 1952 году Кеннеди избирают в сенат, и он обращается к Гэлбрейту за советами. После того как Кеннеди в 1960 году переехал в Белый дом, он назначил Гэлбрейта послом США в Индии. Там у Гэлбрейта установились хорошие отношения с премьер-министром Неру и другими важными лицами в правительстве этой страны. Ученый критически относился к внешней политике своей страны и постоянно высказы-

вал резкие суждения в шифровках президенту, минуя госдепартамент. В послах он продержался недолго.

После убийства Кеннеди при президенте Джонсоне гарвардский профессор выступал против войны во Вьетнаме и одно время неофициально возглавлял студенческое антивоенное движение. Вместе с тем по его предложению при Джонсоне была впервые принята федеральная программа борьбы с бедностью, предусматривавшая пособия малоимущим семьям и медицинскую помощь престарелым. Будучи советником Джонсона, ученый часто встречался с ним в Белом доме и на ранчо в Техасе, участвовал в составлении программы Великого общества, являлся его спичрайтером. Но затем их отношения испортились из-за разногласий по Вьетнаму.

Новое индустриальное общество

Замысел книги под таким наименованием возник десятью годами ранее её выхода в свет в 1967 году. Ещё во время работы над «Обществом изобилия» Гэлбрейта стали занимать вопросы, требующие дополнительного исследования. Его не отпускала мысль, что в сфере большого бизнеса произошли перемены, никак не укладывающиеся в традиционные описания, содержащихся в учебниках по экономике, в том числе и наиболее известном из них – будущего лауреата Нобелевской премии по экономике П. Самуэльсона. Дж.К.Гэлбрейт все же решил закончить начатую рукопись, а появившееся в голове новые идеи обстоятельно изложить в следующей книге.

Первый ее набросок он закончил к 1961 году, но президент Кеннеди тогда назначил его послом, и он отложил рукопись в сейф. Гэлбрейт вновь приступил к работе над книгой в 1963 году. «Я вернулся из Индии с некоторыми новыми мыслями и в конечном счете стал лучше понимать проблему. Значительную часть первоначального варианта я отверг. Если бы не перерыв, связанный с дипломатической работой, я, пожалуй, опубликовал бы худший вариант. Я бы посоветовал каждому автору, если он не может стать послом, хотя бы взять продолжительный отпуск и использовать его для размышлений», – писал он¹. Автор неустанно работал над рукописью еще три года. «Данная книга – здание, более ранняя книга – окно: оно позволило впервые заглянуть внутрь»².

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969, с. 32–33.

² Там же с. 33.

В мемуарах Гэлбрейта содержатся любопытные штрихи и зарисовки, связанные с работой над книгой и её выходом в свет: «С осени 1963-го по осень 1966-го года бывали недели и месяцы, когда «Новое индустриальное общество» заполняло всю мою жизнь. Я думал о книге с утра и до ночи. Почти непрерывно открывались новые пути для поиска, новые возможности для доказательства и уточнения. Наконец в конце 1966-го года книга была завершена и отправлена издателю. Той же осенью Би-Би-Си пригласила меня прочитать лекции в Лондоне, и я взял с собой гранки, чтобы порадоваться им и внести исправления. Мои лекции должны были содержать в сжатом виде идеи этой книги. Сначала с удивлением, затем с ужасом и, наконец, в абсолютном гневе я обнаружил, что мой редактор в «Хоутон Миффин», обычно в высшей степени сдержанный и осторожный, решил исправить и сделать более ясной мою терминологию. Конкуренция стала «свободной конкуренцией», все упоминания капитализма были переделаны в «нашу американскую систему свободного предпринимательства», рынок превратился в «свободный рынок». В виде жеста примирения и успокоения издательство набрало заново почти всю книгу. С того времени я избавился от такого рода редакционных исправлений»¹.

Переводы «Нового индустриального общества» появились во всех развитых странах Запада, а также в Советском Союзе, Венгрии, Польше и Югославии.

В чем же заключается основная идея книги? Как известно, в экономическом мейнстриме Запада прочно утвердилось мнение, что рынок представляет собой главный регулятор экономической жизни капитализма. Другой вытекающий из этого постулат гласит о превосходстве покупателя, чьи потребности, якобы, обслуживаются производителями товаров. Гэлбрейт доказывает устарелость этих базовых теоретических утверждений, их несоответствие реальной действительности. Он показывает, что в американской экономике возникла и существует бимодальная (двойственная, или двоякая) система.

Рыночные отношения имеются и действуют, но в ограниченной и второстепенной части экономики. Однако в мире крупных корпораций, определяющих основную сферу хозяйственной жизни (около 2/3), сложилась принципиально иная картина. «Плановая система» вытеснила рыночные связи и изменила характер производственных отношений, господствующих в обществе.

¹ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. с. 1019, 1020.

Произошло это, поясняет Гэлбрейт, в силу целого ряда обстоятельств. Власть в корпорациях перешла от акционеров к группе лиц, включающих управляющих, специалистов, других носителей знаний, которых он называет *техноструктурой*. Решения теперь принимаются ими коллегиально, а не единолично собственником фирмы, как было прежде. Акционеры ведут себя пассивно. «Современный руководитель – дитя организации, а не наоборот... Коллективная единица оказалась подлинной основой власти корпораций. В свое время Дж. Рокфеллер, Дж.П. Морган и Г. Форд считались звездами первой величины. Их капиталистическую власть повсюду либо приветствовали, либо разоблачали. Сейчас никто, за исключением узкого круга деятелей корпораций, не знает фамилий руководителей компаний “Эксон”, “Морган Гаранты”, “Форд”. На фондовой бирже не происходит никаких потрясений, если руководитель одной из этих фирм уходит в отставку, запивает или получает инфаркт. Рынок признает реальное положение вещей, а оно состоит в том, что власть принадлежит организации – техноструктуре»¹.

Но интересы техноструктуры далеко не во всем совпадают с интересами собственников. Владельцы капитала заинтересованы в получении максимальной прибыли, а у техноструктуры иные мотивы. Она стремится к обеспечению стабильного роста компании, что приносит её членам надежные оклады и бонусы, способствует сохранению должностей и карьерному росту. В случае увольнения для них заботливо готовятся «золотые парашюты».

Решая эти задачи, техноструктура стремится отгородиться от превратностей рынка и оказывает на потребителя мощное воздействие с помощью рекламы и других средств. Она навязывает потребителю все новые модификации продукции и заставляет его покупать то, что ей необходимо. С усложнением производства потребность фирм в гарантированном сбыте, замене рынка планом становится все более настоятельной. Поскольку проектирование и производство самолетов или автомобилей занимает несколько лет, то такая нужда становится вполне понятной. «Нельзя отрицать свидетельства того, что производитель влияет на потребителя. Никакое другое стремление так не проявляется; огромная индустрия убеждения посвящена той цели. Даже беспристрастный взор экономиста не в состоянии совершенно укрыться от настойчиво мира телевидения»².

Малый и средний бизнес не располагают возможностями воздействия на рынок. Но авансцена современной экономической жизни занята миром

¹ Там же, с. 754, 1018.

² Там же, с. 752.

крупных корпораций. Малые и средние предприниматели с трудом выживают в острой конкурентной борьбе между собой и под гнетом большого бизнеса. Но в учебниках «экономикс» по-прежнему исходят из доминанты законов рынка, что совершенно неверно и требует пересмотра¹.

Книга «Новое индустриальное общество» состоит из 35 глав и Приложения. В отличие от романа или пьесы, пишет Гэлбрейт, раскрытие замысла не является недостатком экономического исследования. Поэтому он в самом начале работы посвящает читателя в суть основных мыслей и выводов, к которым пришел:

«Я стремился показать, как в рамках этих более широких перемен изменились те силы, которые движут человеческой деятельностью. Такая постановка вопроса противоречит самому нерушимому из всех экономи-

¹ В изданных в 1981 году и переведенных на русский язык в 1986 году мемуарах «Жизнь в наше время» Гэлбрейт замечает: «Для пишущего учебник самое мудрое – высказать точно то, что уже было сказано ранее, с небольшими вкраплениями чего-то новенького, что издатель выпатит в своей рекламе. Тем самым обеспечивается спокойное принятие учебника к изданию, между тем как автор, который смело вторгается в реальную жизнь, например мир большой корпорации, многим рискует. Такой взгляд на экономическую, социальную и политическую жизнь позволял и до сих пор позволяет каждый год обучать сотни тысяч студентов экономической теории, не допуская мысли о том, что в силу своих врожденных и органически присущих черт крупная корпорация оказывает влияние на цены, стоимость, технологию, вкусы покупателей, военные расходы и правительственную политику. Правда, не всех студентов можно убедить в этом. Но зато гораздо спокойнее, если тема власти корпорации не становится предметом открытого обсуждения» (*Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008, с. 1015, 1016*). А в статье «Время и «Новое индустриальное общество», опубликованной в 1988 году, Гэлбрейт также не без юмора акцентирует внимание на следующем: «Наше сопротивление переменам вполне не соответствует нашим же социальным и экономическим интересам. В служении этим интересам теория рынка (подчинение всех решений и действий всеобъемлющей рыночной власти) умалчивает об очень неудобной реальности, в которой осуществляются разнородные усилия крупных корпораций по овладению властью. Как было бы хорошо, если бы, как в наших рекомендациях и теориях, вся экономическая сила подчинялась бы всеобъемлющей силе рынка. И некоторые провалы экономикса в ответ на вызовы меняющегося мира лежат на совести вредных учебников. Эти книги, говоря без пренебрежения, написаны не для того, чтобы показать реальность, а для того, чтобы получить признание. Итак, взоры обращены не на изменчивую реальность, а на ранее принятые взгляды. И, увы, экономисты неизбежно начинают верить в то, чему сами учат. (*Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008, с. 755*).

ческих постулатов, а именно утверждению, будто человек в своих экономических действиях лишь подчиняется законам рынка. Но в действительности наша экономическая система, под какой бы формальной идеологической вывеской она ни скрывалась, в существенной своей части представляет плановую экономику. Инициатива в вопросе о том, что должно быть произведено, исходит не от суверенного потребителя, который посредством рынка направлял бы работу производственного механизма в соответствии со своим, в конечном счете решающим, желанием. Скорее она исходит от крупной производственной организации, стремящейся установить контроль над рынками (которые она, как это предполагается, должна обслуживать) и, более того, воздействовать на потребителя в соответствии со своими нуждами. А поступая таким образом, такая организация оказывает глубокое влияние на систему ценностей потребителя и его убеждения, многие из которых будут использованы для опровержения высказываемой нами точки зрения. Один из выводов, вытекающих из этого анализа, заключается в том, что происходит широкая конвергенция различных индустриальных систем. Требования, диктуемые техникой и организацией производства, а не идеологические символы – вот что определяет облик экономического общества. Это благоприятный в целом вывод, хотя, конечно, он не обязательно встретит сочувствие у тех, кто вложил свой теоретический капитал и моральный пыл в господствующие ныне символы рыночной экономики, понимаемой ими как антитеза общественного планирования. Данный вывод не встретит сочувствия и у лишенных теоретических претензий последователей, которые бросаются в политические, военные и дипломатические сражения под знаменами свободного рыночного хозяйства и свободного предпринимательства, а значит (это для них синонимы), и свободного мира. Его не встретят сочувственно и те, кто отождествляет планирование исключительно с социализмом»¹.

Свершившиеся изменения, показывает Гэлбрейт, идут в пользу техноструктуры, но не всего общества. Потребителю навязывается масса ненужных товаров, так называемых симулякров, как сказали бы сегодня. Помощником техноструктуры становится и государство, особенно в тех отраслях, где существует контрактная система. В военно-промышленной сфере это приводит к усилению милитаризма, так как производители оружия заинтересованы в постоянном расширении оборотов своих предприятий и используют союзников в политических и оборонных ведомствах для раскручивания маховика гонки вооружений.

¹ Там же, с. 41–42.

В книге «Экономические теории и цели общества» (1973), продолжившей анализ тех же проблем, Гэлбрейт акцентирует внимание читателей на опасности разрастания военно-промышленного комплекса и бюрократического симбиоза: «Крупные производители оружия – “Локхид”, “Дженерал дайнэмикс”, “Грумман”, аэрокосмические филиалы “Текстрона” или “Линг-Темко-Воут” – предлагают Пентагону системы оружия, которые, по их мнению, выгодно разрабатывать и производить. Министерство обороны сообщает им о системах, к получению которых стремятся вооруженные силы. Окончательное решение затем оправдывается либо необходимостью идти в ногу с Советами, либо необходимостью оставаться впереди Советов. Две бюрократии, одна государственная и другая номинально частная, сильнее, чем одна»¹.

Гэлбрейт предлагает национализировать военные концерны, что ограничило бы лоббизм и прекратило усиление гонки вооружений. 27-ая глава вышеуказанной книги называется «Социалистический императив». В ней, как и в последнем её разделе – «Координация, планирование и перспектива», – автор уже прямо говорит, что «новый социализм... навязывается обстоятельствами»².

В связи с этим Гэлбрейт высказывает мнение о необходимых реформах американского общества: «Понадобится создание государственного планового органа. Он, в свою очередь, должен находиться под строгим надзором со стороны законодательных органов, так как именно здесь встретятся самые трудные из проблем общественной компетенции. Требуется планирование, которое отражает не интересы плановых органов, а общественные интересы. Создание аппарата планирования, которое современная структура экономики делает настоящей необходимостью, является следующей основной задачей в области экономики»³. При этом в этом заинтересована и часть «рыночной системы», поскольку такие её области как медицина, образование или искусство нуждаются в защите и государственном регулировании.

Эти идеи спровоцировали травлю Гэлбрейта со стороны американского экономического истеблишмента. Одни решили отлучить его от экономической науки, заявляя, что «Гэлбрейт не экономист, он – социолог». Другие не останавливались перед грубым нарушением академических традиций. Гарвардский профессор-экономист, будущий лауреат Нобелевской пре-

¹ Там же, с. 575

² Там же, с. 579.

³ Там же, с. 606.

мии Р. Солоу поместил в университетских ученых записках непристойный пасквиль. На Гэлбрейта сыпались упреки в приверженности к социализму, хотя он лишь беспристрастно констатировал объективные тенденции экономического развития. «Форчун» – журнал где он когда-то работал – теперь уже предостерегал читателей: «Гэлбрейт подрывает существующее логическое обоснование капитализма»¹. Естественно, тем самым Гэлбрейт закрыл себе дорогу и в Нобелевские лауреаты.

25-я глава книги «Новое индустриальное общество» называется «Сословие педагогов и ученых». В ней автор обосновывает мысль, что в будущем именно это «сословие» способно преобразовать мир в лучшую сторону. Поскольку развивающиеся производительные силы общества все больше нуждаются в интеллектуальном труде, эта прослойка общества становится все более многочисленной. А интеллект многогранен и вполне может быть повернут на обеспечение гуманизации общества и преследование социальных целей.

Между прочим, сходная мысль приходила в голову и основоположнику русского марксизма Г.В. Плеханову. Он предсказывал, что в перспективе наиболее передовой и многочисленной частью общества станет не пролетариат, а интеллигенция. В связи с этим, полагал Плеханов, верх могут взять гуманистические начала, а классовые противоречия начнут смягчаться и отходить на второй план. С этой же идеей соседствует и его тезис о возможности эволюции капитализма в направлении смешанного общества «с развитой системой социальной защиты». Плеханов писал: «Я не вижу нужды в попытках предвосхитить конкретные черты последней стадии, на которой элементы капитализма и социализма могут долго идти рядом, в чем-то конкурируя, а в чем-то дополняя друг друга. В дальнейшем капитализм может умереть сам, медленно и безболезненно, но потребуются для этого как минимум столетие, а возможно, и не одно»². Это ли не предтеча теории конвергенции, или нового интегрального общества, получившая дальнейшее развитие в трудах Гэлбрейта, и о чем подробнее речь пойдет ниже.

Думается, что Плеханов, как и Гэлбрейт, увидели бы реализацию многих своих идей в Китае и Вьетнаме. В этих странах, осуществивших в отличие от нас грамотные реформы, компартии превратились в социал-демократические организации, проводящие преобразования не под лозунгами усиления классовой борьбы, а напротив привлекающие к социали-

¹ Там же. С. 1021.

² Независимая газета, 30 ноября 1999 г.

стическому строительству все основные слои населения, включая и верхушку буржуазии¹.

Особый интерес представляет заключительная часть книги «Новое индустриальное общество» – «Приложение о методе экономических исследований и особенностях дискуссий по социальным вопросам». Она начинается с вопроса о специализации. Гэлбрейт отмечает, что его книга не ограничивается анализом узкого круга вопросов и что при её написании он использовал многие труды в качестве опорных конструкций. «Но все же следует помнить, – замечает Гэлбрейт, – что специализация в науке – это удобство, а не добродетель»². Конечно, нельзя прийти к верным обобщающим выводам о сути общества и магистральных тенденциях его развития без предварительного исследования и уяснения важнейших сторон современной действительности, глубоких знаний основ философии, экономической теории и истории. Ведь ещё Маркс подмечал: «В науке нет широкой столбовой дороги и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым уступам»³.

В связи с этим Гэлбрейт высказывает мысль, что исследование крупного пласта изменений предполагает необходимость дополнить, а возможно и по-новому осветить работы узких специалистов. И не без элементов сарказма формулирует следующий вывод: «В экономической науке (и в общественных науках в целом) правомерно проводить различие «между квалифицированными и неквалифицированными работами. Что же касается различия между работами широкого и узкого профиля, то здесь имеется меньше оснований для категорических суждений, понятных только в том случае, когда человеку, восхваляющему свою собственную линию, необходимо поддержать чувство уважения к самому себе»⁴.

В работах Гэлбрейта вообще, книге «Новое индустриальное общество», в частности, читатель не встретит таблиц или графиков, часто находящихся в иных экономических исследованиях. Его труды отличаются на редкость ясным выражением мыслей. Эта непринужденность и раскованность стиля, по словам Гэлбрейта, «приходит, когда я работаю над четвертым

¹ Подробнее об этом см. в книге «Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика». Под редакцией Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016».

² Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008с. 465.

³ Маркс К. Энгельс Ф. Соч.. Т.23. М.: Политиздат, 1960 С. 25.

⁴ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. с. 468.

или пятым вариантом рукописи»¹. Задача, связанная с изложением материала, представляется Гэлбрейту ещё более трудной, чем задача исследования. «В экономической науке мало имеется (если вообще имеется) таких дельных идей, которые нельзя выразить понятным языком. Неясность изложения редко свидетельствует (если вообще когда-нибудь свидетельствует) о сложности рассматриваемого вопроса и никогда не служит подтверждением недостижимости учености. Она обычно говорит либо о неумении излагать предмет, либо – что бывает чаще – о путанных или незрелых мыслях»².

О конвергенции

Тезис о конвергенции двух противоположных социально-экономических систем красной нитью проходит через всю книгу Гэлбрейта. В последней главе – «Будущее индустриальной системы» – он объясняет и то, почему эта концепция не будет признана в скором времени: «Из всех слов, имеющих в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами... Размышления о будущем выявили бы также важность тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации... Сказанное здесь о конвергенции двух систем **не скоро получит всеобщее признание** (выделено мной – Г.Ц.) Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно... Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее»³.

¹ Там же, с. 31.

² Там же, с. 469.

³ Там же, с. 452–455.

Гэлбрейт оказался провидцем. Теории конвергенции и в самом деле «не повезло». Она долгое время оказывается невостребованной общественной наукой. Главная причина – идеологические и классовые факторы. А в социальной науке они весьма значимы.

Между тем, практические предтечи конвергенции появились ещё в 20-х годах прошлого века. После Октября 1917 года большевики, радикально руководствовавшиеся антикапиталистическими канонами, взяли курс на национализацию. Неготовые к такому повороту событий производительные силы страны заупрямились. Разразился экономический кризис, усугубленный мировой и гражданской войной, интервенцией и прочими обстоятельствами. Возникли голод и реальная угроза падения новоиспеченного режима. Но В.И. Ленин не был самым собой, если бы не вышел из ситуации. Чтобы не нарушать открытый К. Марксом закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил был введен НЭП. Командные высоты в политике и экономике оставались в руках большевиков, но вместе с тем открыли шлюзы капитализму. В итоге образовалась многоукладная экономика, симбиоз социализма и капитализма, что дало мощный толчок экономическому росту. Будь Ленин жив, кто знает, сколько времени бы ещё продолжался НЭП. Но Ленин умер, и вскоре почил и НЭП.

В статье «О кооперации», входящей в так называемое завещание Ленина, высказана загадочная мысль: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм¹». Что конкретно Владимир Ильич имел под этим в виду остается тайной. Не необходимость ли длительного сожительства разнородных экономических систем под одной крышей?

Подчеркнем, что именно НЭП дал первый пример эффективности, благоприятной комбинации социализма и капитализма, плана и рынка. Не будем распространяться о том, почему НЭП был так быстро свернут. На то были свои субъективные и объективные причины. Вытеснившее капитализм «беспримесное» плановое хозяйство несколько десятилетий обеспечивало Советскому Союзу быстрое развитие, но затем привело к упадку и даже краху системы. После этого страна стремительно бросилась в другую сторону – рынка и капитализма, и теперь большую часть времени пребывает либо в кризисе, либо в стагнации.

Между тем зная конвергенции подхватили другие страны – и на Западе и на Востоке. Опыт канувшего в Лету социализма в нашей стране не прошел даром. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и чер-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45. М.: Политиздат, 1969 с. 376

ты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, правда, в более гибких формах. Тем самым он заметно укрепил свои позиции в мире. Дж.М. Кейнс первым заявил, что без государственного вмешательства капитализм потерпит крах. На него сыпались беспочвенные упреки в агитации за социализм, хотя он хотел лишь упрочить и продлить существование буржуазного общества. Практическими шагами в сторону конвергенции были и социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских странах. Но больше других в этом отношении в последние десятилетия продвинулись Китай и Вьетнам.

Теоретические истоки теории конвергенции берут начало в социалистической мысли, реформизме и кейнсианстве. О растущем сходстве двух поначалу противоположных систем впервые активно заговорили в 1960-е годы. Эти идеи высказывали такие столпы цивилизационной и институциональной мысли, как П.А. Сорокин, У. Ростоу, Я.Тинберген (Нидерланды), Ф. Перру и Р. Арон (Франция). Термин «конвергенция» (от латинского *convergere* – сближаться, сходиться), был взят из биологии, где попадающие в одну среду виды обретают все большее сходство. Отсюда в те годы следовал вывод о возможности мирного сосуществования двух систем. Но был и субъективный момент – Запад шел на это, как говорилось выше, вполне сознательно. Желая смягчить острые углы капитализма и провалы рынка, он заимствовал у социализма немало полезных для него свойств, элементы плановой системы хозяйствования, перераспределение доходов через бюджет и налоги, что сглаживало социальные контрасты и кризисы.

Впервые идею сближения двух систем выдвинул выдворенный в 1922 г. на «философском пароходе» из Советской России и осевший затем в Гарварде социолог П.А.Сорокин. О конвергенции он упоминает ещё в 1944 г. в работе «Россия и Соединенные Штаты». А в 1960 г. Сорокин публикует книгу под названием «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу», в котором говорится: «Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшее десятилетие. Будучи несогласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капитали-

стическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа»¹.

Стесненные марксистскими постулатами советские авторы с порога отвергали такие взгляды, называя их «очередной и опасной выдумкой буржуазной идеологии». Например, некогда известный философ Г.Л. Смирнов писал, что на Западе «широко распространяют взгляды, согласно которым в век научно-технической революции происходит автоматическое сближение форм общественной жизни при социализме и капитализме, а идейные принципы, идеологические различия будто бы утрачивают свое бывшее значение». Однако, продолжал академик, действительность показывает, что «до тех пор, пока в мире сохраняются антагонистические классы, эксплуатация человека человеком, пока существует противоположность интересов монополистического капитала и рабочего класса, всех трудящихся, неизбежно будет продолжаться классовая борьба трудящихся за свое социальное освобождение, против экономического и политического господства монополий»².

На Западе же после краха СССР и победы в холодной войне посчитали, что наступил капиталистический «конец истории». Мейнстрим продолжал исповедовать старые постулаты, а Гэлбрейта и других апостолов конвергенции просто замалчивали.

К теме о конвергенции Гэлбрейт не раз возвращается и во многих других работах. Так в 1980-х годах он пишет: «Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму. То же касается и побудительных мотивов. Я изучал их в Советском Союзе и пришел к следующему удивительному заключению. Крупным организациям, где бы они ни существовали, свойственны одинаковые движущие силы. Крупная капиталистическая корпорация и крупный социалистический комбинат имеют примерно одинаковую организационную структуру; перед ними стоят одни и те же сложности: они предъявляют свои требования и оказывают воздействие на окружающее их общество. Побудительные мотивы – желание получить одобрение коллег, идентификация с задачами организации, стремление приспособить их к своим собственным – похожи, если не одинаковы. Современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу. В

¹ Новостной портал <http://www.km.ru/referats/333281-pitirim-sorokin-russkaya-sotsiologiya>.

² БСЭ. 1975. Т. 19. С. 248

широком смысле они движутся друг к другу – не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологии и массового производства, к созданию соответствующей планирующей организации, к аналогичным побудительным силам»¹.

Новое интегральное общество

То, что капитализм и социализм несут в себе две прямо противоположные идеи – либеральную и коммунистическую – сомневаться не приходится. История показывает, что обе они привлекательны и на каком-то этапе исторического процесса весьма прогрессивны. И вместе с тем, практическое воплощение каждой из них рано или поздно сопряжено с разрыванием острых противоречий, ведущих к драматическим последствиям, хотя и разного рода.

В свое время часто и справедливо утверждалось, что противоборство капитализма и социализма составляет главное содержание XX века. В ядерную эпоху это не раз ставило человечество перед угрозой ядерного апокалипсиса. Именно в связи с этим на Западе обрели немалую популярность возникшие тогда концепции конвергенции, которые, апеллируя к растущей схожести двух систем, выводили возможность мирного сосуществования и предотвращения фатального конфликта.

Произошедшие четверть века назад «тектонические сдвиги» отнюдь не поставили окончательную точку над «i», не решили исторический спор между капитализмом и социализмом. Продолжающий свое развитие под социалистическими флагами Китай с его населением в 1,5 млрд. человек стал главным локомотивом мирового экономического развития. Стремительно же перешедшая в противоположный капиталистический лагерь Россия сполна хлебнула столько трудностей и разочарований, что теперь все больше жалеет об опрометчивости столь резких курбетов и метаморфоз, задумывается о поиске какого-то другого пути.

Мысль о конвергенции в работах ряда отечественных и зарубежных ученых получила второе дыхание. Правда, теперь уже акценты расставлены несколько по-другому. Рассуждают о построении оптимальной общественной модели как комбинации преимуществ капитализма и социализма и отсечении или минимизации их пороков. Надо сказать, что мировая

¹ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008, с. 1019.

практика последнего времени дает немало козырей приверженцам таких взглядов. Вместе с тем признание правоты конвергентных воззрений по ряду указанных выше причин не происходит столь быстро, как бы хотелось. Похоже, что для этого потребуется еще немало усилий, времени, доказательств и обстоятельств.

Как уже говорилось, вслед за распадом СССР плановое хозяйство было предано анафеме, а государство изгнано из экономики. К голосу авторитетных ученых, наших и зарубежных, предлагавших срединный путь, не прислушивались. «Шоковая терапия» проводилась по лекалам Вашингтонского консенсуса. Разрушение социализма «до основания» означало большевизм наоборот. Итог: уродливая система криминально-спекулятивного, а затем компрадорского бюрократическо-олигархического капитализма. Бывшую сверхдержаву быстро переформатировали в сырьевую периферию мирового хозяйства.

Российская экономика все чаще скатывается в кризисы, в очередном из которых мы сейчас пребываем. Реальные доходы населения за прошедшие два года (2015 и 2016) сократились. Предприниматели разоряются в массовом порядке, возрастает безработица и число тех, кто зарабатывает ниже прожиточного минимума. Тают и наши валютные резервы. Вместе с тем нарастают бюрократические тенденции, а призывы к ликвидации отсталости экономики, диверсификации, также как и заклинания о модернизации, инновациях, а последнее время и импортозамещении, увы, не подкрепляются (или почти не подкрепляются) конкретными делами.

Одна из причин нашего неблагополучия – нахождение экономического блока правительства в плену рыночного фундаментализма и либеральных мантр, игнорирование ими заслуживающих внимание альтернативных теоретических наработок. Хотя именно они должны лежать в основе экономической жизни, служить основой для проведения успешного экономического курса. Долгосрочных «стратегий» и «программ» у нас хватает. Только ни одна из них не сбывается. И ни в одной из них нет даже постановки вопроса, – в какой общественно-экономической формации мы живем, и к чему следует стремиться?

Между тем, становится все более ясным, что ни прежний социализм, ни утвердившийся ныне в России капитализм (да и капитализм вообще) не отвечают требованиям времени и социального прогресса. Мировая практика демонстрирует не только возможность, но и императив новой формации, совмещающей в себе преимущества предыдущих систем и сводящая к минимуму их пороки. Вопреки укоренившимся предрассудкам и догмам такое не только возможно, но уже существует.

В связи с непреложными успехами Китая множатся трактовки его «экономического чуда». Некоторые объяснения сводятся к тому, что он совершил переход от плана к рынку, от социализма к капитализму. Но они не верны. На самом деле там поддерживается плодотворный симбиоз плана и рынка, социализма и капитализма. Там сформировалось конвергентное, или интегральное общество. И это придает синергетики обществу. Дэн Сяопин и его последователи не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нем демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат: 39-й год подряд, как страна развивается без кризисов, темпы роста самые высокие. По ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Поднебесная, обойдя США, вышла уже в 2014 году на первое место в мире. Продолжительность жизни превысила 75 лет¹.

Глава КНР Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН осенью 2015 года, заявил, что всякая процветающая экономика помимо «невидимой руки» рынка должна использовать «видимую руку» государственного управления². В докладе секретаря ЦК КПК профессора Янг Джинхайя на первом мировом марксистском конгрессе в Пекине в октябре 2015 года, где мне довелось быть, говорилось: «Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями...»³.

Вьетнам последовал китайскому примеру. Централизованное планирование не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна развивается чрезвычайно быстро и также бескризисно.

В Индии наряду с рыночным регулятором действует и плановый регулятор. Возглавляемая премьером страны Плановая комиссия определяет стратегические цели развития, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих преимущественно индикативный характер. В ней работают эксперты высшего класса, опирающиеся на разработки специализирую-

¹ Сайт информационно-аналитического портала <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info>

² Новостной портал <http://inosmi.ru/world/20151001/230573187.html>

³ World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10 – 11, 2015 Beijing, p. 39.

щихся научных учреждений. В основе текущей 12-й пятилетки лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Темпы роста экономики Индии последнее время не уступают Китаю, а временами даже обгоняют их.

На постсоветском пространстве конвергентные тенденции явственно обнаруживают себя в Белоруссии и Казахстане. Лидеры обоих государств не скрывают, что в ходе преобразований они руководствовались идеями ленинского нэпа и китайских реформаторов.

Такая интеграция преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о свершающемся переходе человечества к новому интегральному обществу.

Седьмая формация

Спрашивается, каково же историческое место этого общества? На этот вопрос напрашивается ответ: это новая седьмая по счету формация. Почему седьмая? Дело в том, что помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формации немецкими классиками и многими другими исследователями справедливо упоминалась ещё и азиатская формация. Она, как известно, предшествовала рабству у древневосточных народов и зияла на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о ней особенно не распространялись, так как она чем-то напоминала реально существующий бюрократический социализм.

Высказанный тезис о переходе человечества к седьмой формации не раз уже высказывался автором этих строк¹. И пока что не встречал сколько-нибудь убедительной критики, как, впрочем, и поддержки. Таким образом, практика пока идет впереди теории. В этом нет ничего удивительного. Но те, кто игнорируют этот опыт, будут отставать от других. Те же, кто пусть с опозданием, но примут его на вооружение, смогут быстро развиваться, ибо интегральная формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека.

¹ См., например, упоминавшуюся выше книгу: *Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное*. М.: Эксмо, 2008. с.117 – 134.

Представляется, что теория седьмой формации особо важна для нашей страны, оказавшейся в итоге ошибочно проведенных реформ в системе координат зависимого от Запада бюрократическо-олигархического капитализма. Она служит ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности движения к этому эволюционным путем пока ещё сохраняются.

Симбиоз капитализма и социализма или наоборот социализма с капитализмом сегодня, как правило, не вызывает спора у теоретиков. Более того, считается, что смешанное общество идет на смену «доконвергентным» системам чуть ли не в большинстве стран. Логически же следующий из этого вывод о развитии новой седьмой формации пользуется значительно меньшей популярностью. Между тем в пользу такого умозаключения говорит многое. Теоретическая заостренность вступает в конфликт с неопровержимыми фактами современности, подтверждающими данный тренд. Оптимальность конвергентной модели для решения задач быстрого экономического роста и социальной гармонии становится все более очевидной.

Демонтаж всякой общественно-экономической системы предполагает проект создания новой. Некоторые могут, конечно, сказать (и говорят), что они выступают за нормальный капитализм, или капитализм с человеческим лицом. Мнение других – вернуться к социализму в его обновленном и лишенном прежних недостатков виде. Однако оба варианта представляются не вполне адекватными и конкретными. И в самом деле, где начинается и заканчивается норма? Или каковы гарантии, что во втором случае мы не наступим на прежние грабли? Но самое важное, пожалуй, заключается даже в другом – не игнорируем ли мы в таких случаях мировой опыт последнего времени? А ведь он явно говорит об императиве седьмой интегральной формации.

Чтобы излечить больного, требуется в первую очередь установить верный диагноз. Затем уже определяется комплекс мер, ведущих к излечению. В социально-экономической области сделать это бывает, как правило, сложнее в связи с тем, что сам объект весьма масштабен и динамичен. Вдобавок к тому, правдивому анализу ситуации и решению задач по выходу на верный путь, как правило, препятствуют чьи-то интересы, играющие в обществе большую роль.

Сложившуюся в России экономическую систему определяют по-разному. Долгое время у нас бытовала формула «о переходе к рынку». Правящей элите она была удобна, так как экономические неурядицы списывались на это состояние. На деле же переход был к капитализму, и он давно завершился. Среди наименований отечественного капитализма довольно часто встречаются следующие определения: мутантный, поздний, перифе-

рийный. Справедливо подчеркивая те или иные стороны существующего в стране строя, они все же, на наш взгляд, не характеризуют самого главного его свойства. Новый российский капитализм прошел несколько этапов развития и пребывает ныне в бюрократическо-олигархической стадии. В своей основе наш капитализм монополистический, не созидательный, а спекулятивный, зависимый от Запада, сырьевой и периферийный, или, вернее, полупериферийный.

Миллиардеры срослись с высшими государственными чинами, и вкупе составляют властвующую элиту страны. Ленинская формула – «сегодня министр – завтра банкир, сегодня банкир – завтра министр» справедлива для наших дней как никогда прежде. Государственные корпорации, призванные по идее служить созидательным противовесом спекулятивно-компраторской олигархии, отчасти уподобились тем, кому надлежало давать положительный пример.

В России сейчас официально насчитывается около 80 долларовых миллиардеров. Если отнести их совокупные состояния к ВВП страны, получим 18% – один из самых высоких показателей в мире¹. Децильный коэффициент (официально 16) также впечатляет. Но многие исследования говорят о том, что он значительно выше, а в Москве и вообще приближается к 100. В других странах богатства крупнейших собственников, как правило, связаны с созданием того или иного нового товара или услуги. У нас это главным образом результат отъема прежнего общенародного имущества с помощью пресловутых залоговых аукционов и чисто спекулятивных операций, замешанных на коррупции чиновников.

Именно характер нашего капитализма привел к системному кризису, в котором страна сейчас пребывает. Экономический блок правительства пытается списать наши невзгоды на внешние обстоятельства: санкции и снижающиеся мировые цены на нефть. Это не так. Понижательная тенденция началась задолго до этого.

Практика показывает, что сохраняя плановые и социальные преимущества нашего прежнего строя, надо было отказаться от ряда обветшалых положений и сделать капиталистическую прививку – дать свободу предпринимательству, начиная с аграрной сферы, торговли или сферы услуг. В спорах о сути социализма некоторые сторонники концепции «рыночного социализма», по сути, представляли собой провозвестников и сторонников идеи конвергенции. Для критики с позиции правоверного марксизма они оказывались весьма уязвимыми. Что и происходило.

¹ Форбс, № 5, 2015, с. 67.

Когда социализм потерпел поражение, вопрос о конвергенции был отодвинут в сторону и оказался на задворках общественно-политической жизни. К рассуждениям о необходимости оставления или включения хоть каких-то коммунистических начал в развитие общества и экономики по понятным причинам перестали прислушиваться. Многие теоретики избегали называть вещи своими именами, опасаясь быть обвиненными в призывах «вернуться к старому».

Вследствие закреплённой в новой Конституции России «деидеологизации» возвысились приверженцы рыночного фундаментализма. Утвердившийся на долгие годы либеральный мейнстрим неизбежно вел ко все большему теоретическому застою. Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу, в нашей стране совершился регресс. Известный мыслитель А.А. Зиновьев неспроста окрестил перестройку «катастрофкой». Впрочем, какая-то конвергенция все же состоялась: было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее ликвидировано.

Между тем, практика строительства интегрального общества в постсоветский период продолжалась в других странах. Синтез плановых и капиталистических начал давал оптимальные результаты. При этом в Китае и Вьетнаме сохранились политическая власть коммунистических партий и социалистическая идеология. Это обстоятельство играло немалую роль в том, что реально происходящие в обществе конвергентные, или интегральные сдвиги в научных кругах и СМИ этих стран подавались как «прорывы» в теории и практики социализма. К выводу о конвергенции в КНР и Вьетнаме впервые пришли наши ученые.¹

В этих странах действуют экономические законы и капитализма и социализма. Здесь отчасти функционируют и социалистический закон планомерного, пропорционального развития и капиталистический закон прибавочной стоимости. Благодаря плановому хозяйству в КНР, например, на протяжении уже многих десятилетий не наблюдается экономических кризисов и неуклонно повышается жизненный уровень населения. Но в Китае в то же время развивается и капитализм. В отличие от российского он носит преимущественно созидательный, а не спекулятивный характер. Число милли-

¹ См., например, *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Издательская фирма «Химия и бизнес», 1999.; *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум», 2011; *Мазырин В.М.* Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006). М.: ИД «Ключ-С», 2007; *Мазырин В.М.* Вьетнамская экономика сегодня. М.: ИД «ФОРУМ», 2013.

ардеров возрастает, и превысило уже 400 человек – больше только в США. Не случайно известный западный аналитик Н.Фергюсон называет сформировавшийся в КНР тип общества «капиталистическо-коммунистическим»¹.

Биполярная система

Политэкономический анализ новой развивающейся модели общественно-экономического устройства заслуживает пристального внимания. Исходной категорией для капитализма служит товар и товарная форма производства. Из нее рождаются деньги, затем капитал, прибавочная стоимость и т.д. К.Маркс полагал, что при переходе к социализму вся экономика превратится как бы в единую фабрику. Исходным началом социализма поэтому долгое время считали общественную собственность. Но она, ведь, юридическая, категория. Альтернативная теория была разработана полвека назад университетской школой политэкономии. Она давала следующее решение: исходной основой коммунистического способа производства (низшей стадией которого является социализм) является планомерная форма хозяйствования в масштабах всего общества. Именно из нее вытекают основной экономический закон и все другие черты и свойства социализма.

Иначе говоря, социализм, по своей сути, является не рыночной, а плановой системой. Исходным пунктом его служит не товар, создаваемый трудом частного производителя для последующего обмена и продажи, а непосредственно-общественный продукт, планово создаваемый непосредственно обобществленным трудом. Планомерность и выступает связующим моментом различных частей хозяйства. Таким образом, социализм начинается с сознательно организованного в масштабах всего общества производства, которое централизовано координируется.

Вместе с тем и представители университетской школы признавали, что уже в позднем капитализме появляются «зародыши социализма». Рано или поздно из них рождаются «дети», которые затем вырастают. Рыночный регулятор дополняется государственным регулированием, содержащим плановые элементы. Словом, это уже первая социалистическая форма, которая при народовластии наполняется и некапиталистическим содержанием. К такому конвергентному состоянию на Западе раньше других и ближе всего подошли скандинавские страны.

¹ Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: «Издательство АСТ», 2014.

Встречный процесс шел в грамотно проведенных рыночных реформах прежних социалистических государствах, где плановую систему не разрушали, а добавляли к ней капитализм. Итог – **биполярная система** новой интегральной формации, седьмой по счету.

Противники такой точки зрения утверждают, что в отличие от капитализма и социализма, где имеются единые исходные отношения, или «экономические клеточки», в новой системе такого нет. На это следует, прежде всего, заметить, что и представители университетской школы не обнаружили «экономических клеточек» в предыдущих капиталистических формациях. Но если эту клеточку требуется найти в интегральном обществе, то она присутствует, хотя имеет биполярный вид. А такие «биполярные элементарные клеточки» имеются и известны в биологической науке.

Рынок и план – не непримиримые антиподы, а разные способы экономического регулирования. Проблемы и диспропорции возникают как раз там и тогда, когда действует лишь один из них. Для рационального исполнения планово-регулирующих функций необходимо обладать достоверной информацией о том, что обществу нужно, а что нет. Планирующие органы государства могут обладать такой информацией в сфере производства однородных продуктов – угля, стали, нефти, газа и электроэнергии. Но в сфере изготовления обуви, одежды, персональных компьютеров, косметики и других индивидуальных товаров и услуг обособленный производитель знает свой рынок и его потребности лучше государственного чиновника и может выполнять свои задачи грамотнее последнего. Словом, все не надо планировать из одного центра. Каждому регулятору – свое.

Ни в перестроечную эпоху, ни позже вопрос так не ставился. Стоит ли удивляться тому, что бросаясь из одной крайности в другую, мы попадаем из огня да в полымя. Разрушив плановое хозяйство, мы выплеснули с водой и ребенка. Последовавшая тотальная приватизация окончательно спутала карты. Капитал бросился туда, где выгоднее ему, но не обществу. Добыча и отправка на Запад полезных ископаемых оказались куда более доходными, чем «возня» с обрабатывающей промышленностью и машиностроением, которые вскоре стали хиреть.

Ключ к новой идеологии

Теория интегрального общества дает и ключ к формированию новой идеологии России. 30 лет назад М.С. Горбачев прокламировал необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставил цель

создать его демократический вариант. Вместо него мы оказались в системе координат олигархического капитализма. Концепция седьмой формации может явиться трамплином для того, чтобы нам всё-таки найти и выработать свою идеологию. Нельзя же все время оставаться без неё.

Непреложные факты новейшей истории указывают на непреходящую значимость формационного подхода. Современным производительным силам и производственным отношениям требуется сочетание социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Тезис о «вечности» или «естественности» капитализма столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности» или «рукотворности» социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне «объективны» и имеют место в истории человечества не случайно. Однако обе они внутренне противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия и поддержки. Именно поэтому наиболее быстрорастущие и гармонично развивающиеся страны мира приняли интегральную систему за основу их жизнеустройства.

Признавая принципиальную верность формационного подхода нельзя не отметить и необходимости его развития. Капитализм действительно является исторически преходящим строем. И Маркс был прав, указав на социалистическую тенденцию развития человечества. Однако коммунизм представляется очередной утопией, не подтверждаемой мировой практикой. Да и социализм в чистом, ортодоксальном и изолированном от капитализма виде, терпит крах, увы, не случайно. Те страны, которые продолжают развитие, оставаясь целиком на его платформе, находятся в незавидном положении. Стало быть, прокладывающий себе дорогу симбиоз лучших черт капитализма и социализма есть наиболее перспективная ветвь общественного развития. Интегральное общество приходит на смену и капитализма и чисто социалистической практике. Такая коррекция формационного подхода важна для построения верной экономической стратегии и выработки новой идеологии нашего государства.

Концепция интегрального строя и такое видение будущего расходятся с теориями постиндустриализма и многими другими подобными определениями, характеризующими радикальные сдвиги, совершающимися в производительных силах общества. Понятия капитализм, социализм и интегральный строй включают в себя, прежде всего, характеристику общественных отношений между людьми, складывающихся в процессе производства, распределения и обмена материальных благ на различных ступенях развития человеческой цивилизации. Понятия постиндустриального, технотронного или информационного общества абстрагируются от такой

сущностной стороны, подчеркиваемой сторонниками формационного подхода. Если быть последовательным, то им тогда не надо признавать правомерными категории капитализм и социализм. Короче говоря, линия: капитализм, социализм, постиндустриализм – никак не выстраивается.

Движение к седьмой формации в России может обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение плановости в виде ее инструмента – планового хозяйства. В экономике должны работать два регулятора и требуется к тому же находить оптимальный баланс между ними.

Новый интегральный способ производства должен служить ориентиром и целью демонтажа бюрократическо-олигархического капитализма. В связи с этим необходима коррекция формационного подхода и использование положительных наработок подхода цивилизационного, учитывающего исторические, национальные и прочие особенности нашей страны.

Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость или, как нередко говорят «эклектичность», а отсюда вытекающую из этого неустойчивость, возможность скатывания либо к капитализму, либо к социализму. Что ж угрозы такого рода возможно и существуют. Но ветер времени все же раздувает паруса именно такой формации.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Считается, что А.Смит полагал, что с помощью «невидимой руки» рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Правда, такая интерпретация его идей апеллирует главным образом к работе «Богатство народов», игнорируя не менее важный и также основополагающий труд классика – «Теория нравственных чувств». В нем Смит делал упор не только на эгоизм, но и на социальное сознание людей. Эта книга начинается со слов: «Какую бы степень эгоизма мы бы не предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем»¹. Поэтому неверно сводить мысли Смита к утверждению, что все человеческие особи стремятся лишь к получению выгоды или к максимизации прибыли. Более того, понятие разумный эгоизм включает в себя и вклад в социальное благо. Ведь жизнь человека зависит во многом и от процветания того общества, в котором он живет, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность.

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. И.: Республика 1997, с. 31.

Немецкие классики и их последователи наоборот делали акцент на справедливости и социальных аспектах, ставили их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

Теория интегрального общества, или седьмой формации, как уже отмечалось, дает ключ к формированию новой идеологии России. Она пока что не принята ни в одной из стран мира за основу. Главная помеха тому, как отмечалось – идеологические шоры. Поклоняющемуся рынку Западу она не нужна. Приверженцам марксизма как вероучения, она тем более не подходит. Но что мешает это сделать нам? 30 лет назад мы прокламировали необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставили цель создать его демократический вариант. Вместо него мы оказались в системе олигархического капитализма. Переход от социализма к капитализму, тем более олигархическому, а затем и бюрократическо-олигархическому надо признать ошибкой. В качестве цели новых напрашивающихся перемен должно быть названо интегральное общество – синтез лучшего из предыдущих формаций.

С утверждением этой концепции и принятием её на вооружение российским истеблишментом появляется возможность верной интерпретации нашей экономической истории, понимания допущенных просчетов, видение нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Интегральная модель не гарантирует всеобщего рая для людей. Каждая из её составляющих проблематична. Реализация социалистических принципов имеет не только плюсы, но и минусы, в частности, ведет к бюрократизму и уравнительному распределению. Капиталистическая составляющая, напротив, вызывает социальные контрасты и чревата кризисными потрясениями. Все без исключения конвергентные страны испытывают удары стихии капиталистического рынка. Могущественный Китай справляется с ними, хотя и испытывает проблемы. В Бразилии, Белоруссии и Казахстане вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств в последние годы экономический рост резко замедлился, а кое-где и сошел на нет. Словом, безмятежной жизни никогда не было, нет и, думается, что и не будет. Но более верного пути к достойной жизни для большинства обитателей Земли на современном этапе развития цивилизации пока не просматривается. В свое время американский писатель Ф.С. Фитцджеральд заметил: «Проверкой подлинного разума является способность удерживать в сознании две прямо противоположные идеи и при этом сохранять спо-

способность действовать¹». И творцам экономической политики для нахождения оптимального курса необходимо следовать этому совету.

Литература

1. БСЭ. 1975. Т. 19.
2. *Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С.* Капитализм, социализм, сосуществование. М.: Прогресс, 1988.
3. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
4. *Гэлбрейт Джон Кеннет.* Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 45. М.: Политиздат, 1969.
6. *Мазырин В.М.* Вьетнамская экономика сегодня. М.: ИД «ФОРУМ», 2013.
7. *Мазырин В.М.* Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006). М.: ИД «Ключ-С», 2007
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч..Т.23. М.: Политиздат, 1960.
9. *Меньшиков Станислав.* Великий Гэлбрейт. Слово прощания. «Слово». 12–18 мая 2006 года. Режим доступа: <http://www.fastcenter.ru/smenshikov/slovo/smmslovo209.htm>
10. Независимая газета, 30 ноября 1999 г.
11. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика». Под редакцией Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016.
12. Новостной портал <http://www.km.ru/referats/333281-pitirim-sorokin-russkaya-sotsiologiya>
13. Новостной портал <http://inosmi.ru/world/20151001/230573187.html>
14. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум», 2011.
15. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Издательская фирма «Химия и бизнес». 1999.
16. Сайт информационно-аналитического портала <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info>
17. *Смит А.* Теория нравственных чувств. И.: Республика 1997
18. *Фергюсон Н.* Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: «Издательство АСТ», 2014.

¹ Сайт <http://smartfiction.ru/prose/crash/>

19. Форбс, № 5, 2015

20. World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10–11, 2015 Beijing

Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд?¹

Кайсын Азретович Хубиев

Зам. заведующего кафедрой политической экономии
по научной работе ЭФ МГУ им.М.В.Ломоносова, д.э.н., профессор

Kaisyn A. Khubiev

The Deputy Chairman of the department of Political Economy
in Research Activity at Lomonosov Moscow State University
(Faculty of Economics), Dr. of Economics, Professor

Аннотация. Рассмотрены новые тенденции современного экономического развития с общим интегративным трендом: торгово-экономический передел мира, контрциклическое движение экономики, долговая экономика как феномен XXI века. Сделан вывод о развитии материальной базы обобществления и социализации экономики, подрыве отношений наемного труда в инновационном секторе. Рассмотрена роль государства в индустриально- инновационном развитии.

Ключевые слова: новый экономический передел мира, контрциклическое движение мировой экономики, долговая экономика, собственность, конвергенция, новое индустриальное общество

***Tendencies and prospects of modern economic development:
is there an integrative trend?***

¹ В статье использованы материалы ранее опубликованных работ: Хубиев К.А. Глобальные тенденции экономической динамики: политэкономический подход/ Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития: материалы III Международного политэкономического конгресса и VI Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2016г.): в 2 т. / [под ред. М.А. Боровской, Ю.М. Осипова, А.В. Бузгалина, А.Ю. Архипова]. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. и Хубиев К.А. Генезис новых отношений в инновационной экономике / От кризиса к социально ориентированному развитию. Под общ.ред. А. Бузгалина, М. Воейкова, О. Мамедова, В.Рязанова. М.: URSS, 2013.

Abstract. The new trends of modern economic development with a common integrative trend are considered: trade and economic division of the world, counter-cyclical movement of the economy, debt economy as a phenomenon of the twenty-first century. It is concluded that the development of the material basis of socialization and socialization of the economy, undermining wage relations in the innovation sector. The role of the State in the industrial-innovative development is considered.

Keywords: new economic division of the world, counter-cyclical movement of the global economy, debt economy, property, convergence, the new industrial society

Введение

В XXI век человечество вступало в надежде на то, что оно избавится от всего разрушительного, несправедливого, тревожного и опасного для перспектив исторического развития, судеб народов и отдельных граждан. С разрушением СССР, соединенными усилиями его внешних и внутренних противников, мир стал однополярным, и вся ответственность за мировое развитие перешла на сторону капитализма, который представлен группой развитых стран. Была разрушена, как утверждалось противниками СССР, «империя зла». Теперь уже никто не мешал создавать «империи добра». Четверть века – достаточный исторический срок, чтобы миру были предъявлены результаты «добрых дел». И мир увидел эти «добрые» дела: безнаказанное разорение одних стран; превращение других стран в полигон для реализации провокационных технологий внутреннего раздора и разорения, в том числе и в виде «цветных революций», сопровождаемых гражданскими войнами; развертывание технологий экономических войн и т.п. Попытки навязать всему миру «либеральные ценности» капиталистического общественного устройства не сделали мир безопасней, справедливее.

Капитализм не только не преодолел прежде накопившиеся проблемы мирового экономического развития, а обременил их новыми: терроризм, массовая миграция населения стран, разоренных войнами, спровоцированными «империями добра». При этом сохранились и прежние проблемы, приобретая глобальный масштаб: бедность и усиление дифференциации, обострение экологических проблем. Осознание этих фактов получает достаточно широкое распространение и усиливаются сомнения в перспективах доминирования ценностей однополярного мира. Вопрос о необходимости изменения основ общественного устройства ставится даже на мировых форумах, организованных элитой капиталистических стран, в частно-

сти, Давосских форумах, Римском клубе. В нарастающем поиске альтернатив социально-экономического развития предлагаются разные варианты концептуальных подходов: природно – циклическое безотходное производство с удовлетворением «витальных» потребностей; солидарное присвоение средств и результатов производства – «солидаризм»; конвергенция.

Дополнительный шанс на социально-экономическую альтернативу получает и обновленный социализм, включающий элементы названных выше подходов. Во второй половине XX и начале XXI века произошли существенные изменения в области производительных сил, а еще большие предстоят. Они потянут за собой и изменения в общественных отношениях. Их надо адекватно и обновлённо отразить в теории, а затем учитывать в практической работе. В данной работе мы попытаемся внести посильный вклад в эту работу. При этом мы будем опираться на уже имеющиеся теоретические разработки. Мы считаем важным выделить вклад Дж.К.Гэлбрейта и П.Сорокина в разработку основ альтернативной общественной системы

Сначала остановимся на новых явлениях мирового экономического развития, которые еще не освещены экономической теорией, затем перейдем к обсуждению основных контуров новой социальной модели общества.

Новейшие тенденции глобального экономического развития

На рубеже веков, на общем фоне развития производительных сил, включая технологический прогресс, развитие инфраструктуры и современных средств коммуникаций, складываются новые тенденции глобального экономического развития, еще недостаточно изученных теоретически.

Усилилась борьба за **новый торгово – экономический передел мира**. Внешне это проявляется в образовании новых экономических союзов государств. Разворачивается новый тип конкуренции между странами. Это не сопоставление их экономической мощи отдельных стран, это не борьба транснациональных компаний и глобальных сетей, хотя и они в этом участвуют. Это конкурентная борьба экономических союзов стран. Доминируют здесь США, которые создали многочисленные межгосударственные объединения и активно в них участвуют. Последними глобальными инициативами в этой области являются: проекты ТТП и экономического партнерства с ЕС. В этих двух проектах стремление США к глобальному мировому экономическому господству достигло своего апогея.

ТТП (Транстихоокеанское партнёрство) – международная торгово-экономическая организация, целью которой является создание зоны свободной

торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это недавно созданная организация. Соглашение о создании Транстихоокеанского партнёрства было подписано двенадцатью странами 4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия.

Данная структура должна стать альтернативой АСЕАН и АТЭС, ее создание является продолжением американской политики по сохранению контроля над Тихоокеанской зоной, созданию экономического блока для противостояния растущему влиянию Китая и России. Это главный мотив создания данной организации.

По прогнозам, доля стран ТТП (вместе с Японией) в мировом ВВП может достигнуть 38–40 % и четверть оборота мировой торговли (при этом лидируя по объему доли в мировом ВВП, но уступая в обороте мировой торговли торговому блоку АСЕАН + 6 при условии участия Китая в АСЕАН).

Многолетняя подготовка в условиях секретности скрывала суть новых методов борьбы, направленной, прежде всего, против Китая. Например, соглашение регулирует большой круг вопросов охраны интеллектуальных прав (доменные имена в Интернете, регистрация и защита товарных знаков, охраны авторских и смежных прав, ограничения в производстве дешёвых аналогов запатентованных лекарств и др.), связанных с сельским хозяйством, телекоммуникациями, финансовыми услугами, таможенным сотрудничеством и тарифами, взаимными инвестициями и т.д. Совершенно очевидна направленность на монополизацию результатов НТП, с тем, чтобы ограничить доступ конкурентам к средствам технологического развития. Поскольку экономические достижения Китая во многом основаны на эффективном использовании вторичных технологий и товарных аналогов, введение в действие планов ТТП явится тяжелым ударом по китайской экономике и приведет к серьезным противоречиям международного уровня. Еще существеннее выглядят средства борьбы (с Китаем, прежде всего) через «трудовые и экологические стандарты», поднятием их до определенного, «международного» уровня. Предполагается давление на конкурентов через «экспорт», стандартов развитых стран, созданных, в том числе и за долги развивающимся странам, о чем будет сказано ниже.

Предполагаемое регулирование споров между транснациональными корпорациями и правительствами приведет к верховенству ТНК США над национальными правительствами. Полной информации о содержании ТТП нет, поскольку еще не раскрыты все документы его учреждения, но известно главное, цель – **борьба с растущим влиянием Китая на мировую экономику, борьба за доминирование США.**

Угроза успешно продвигаемому проекту возникла неожиданно, в результате непрогнозируемых результатов президентских выборов в США. Д. Трамп

заявлял неоднократно, что США выйдут из этого партнёрства, а став президентом, нормативно реализовал эти свои планы. Это может означать, что США отказываются от политики мирового доминирования и сосредотачиваются на своих внутренних делах. Однако окончательные выводы делать рано, поскольку идеология глобального доминирования овладела значительной частью американской элиты, едва ли она сможет от нее легко отказаться. Идеология партнерства имеет и экономическую подоплеку. На продвижение проекта потрачено много средств и отдаются большие выгоды. Можно спрогнозировать борьбу в США за и против ТТП с разными вариантами исхода. Об этом свидетельствует протестное движение против политики нового президента США. Правда, можно спрогнозировать, что в результате выхода США из проекта резко возрастут шансы Китая на лидерство в регионе.

Те же политические цели преследуются и другим глобальным политическим проектом, затеянным США. В июле 2013 года США и Европейский союз начали готовить соглашение о создании трансатлантического торгового союза. Теоретическое обоснование и данного проекта является для европейских партнеров привлекательным и впечатляющим. Свободная экономическая зона должна принести пользу странам по обе стороны Атлантики. Экономика США должна ежегодно получать дополнительные 90 млрд евро, а бюджет Евросоюза будет пополняться дополнительными 100 млрд евро. По расчетам Европейской комиссии, в Европе появится 400 тысяч новых рабочих мест, а каждая европейская семья получит прибавку к доходам в размере 545 евро.

Остальной мир тоже не должен остаться внакладе. Благодаря трансатлантическому таможенному союзу объем глобальной экономики должен ежегодно увеличиваться на 100 млрд евро, обещают европейские чиновники. Возникает простой вопрос: откуда и за счет чего выльются эти дополнительные блага на весь мир, если этот проект торговый, а не производственно-технологический? Торговля – это обмен товаров, а не их производство. Ответ напрашивается, исходя из того, что в этом союзе не планируется членство России и Китая, других развивающихся стран. Более того, этот проект создан против них¹. Это еще один проект, с потенциалом

¹ Когда в конце 1990 года ЕС принял решение ужесточить требования к импортируемым продуктам, экспорт в Европу зерновых, сухофруктов и орехов из Африки сократился на целых \$670 млн. Для компаний с развивающихся рынков негативный эффект требований перевешивает позитивный эффект от открытости границ. По мнению экспертов, если будет создан трансатлантический союз, то наиболее уязвимыми станут товары из Китая, Индии, России и других развивающихся стран.

глобального доминирования. Он тоже охватывает около 40% мирового ВВП и четверть мировой торговли. Если сложить эти два проекта, организационная завершенность идеологии глобального доминирования станет очевидной. Это соглашение еще не заключено.

И у него тоже проявились угрозы: Brexit, обострение миграционной проблемы и террористических угроз, разногласия внутри ЕС, и наконец, изменение внешнеполитической ориентации в США в связи с избранием нового президента.

Итак, мы можем сделать первый вывод: в XXI веке наступил новый этап борьбы за экономический раздел мира, за его ресурсы и рынки сбыта. Истории известен трагический опыт, когда мировые экономические войны перерастают в мировые военные конфликты. В этой ситуации перед Россией встают две задачи: борьба за свои экономические интересы и упреждающий характер борьбы за предотвращение исторически продемонстрированной агрессивной сути капитала. Нынешнее руководство России проявляет усилия в этом направлении, о чем говорит, в частности, проходящее налаживание сотрудничества с АСЕАН, создание ЕАЭС и расширение зоны сотрудничества.

Развитие производительных сил – неумолимая историческая закономерность, как и процессы обобществления, следующие за ними. Однако альтернативные цели и результаты социально-экономического и политического овладения этими процессами

Контрциклический характер мирового экономического развития

В последнее время появились новые тенденции контрциклического характера движения мировой экономики. Если раньше экономичней кризис охватывал развитые страны, а развивающиеся страны «паровозиком» следовали за первыми, то теперь мировая экономическая динамика все чаще демонстрирует признаки «контрциклических качелей», что свидетельствует о том, что мировые ресурсы уже распределены и перераспределены, и у капитала уже нет возможностей развиваться за счет колониального пространства.

Приведенный ниже график показывает разнонаправленные темпы роста ВВП развитых стран (черным цветом) и развивающихся стран (серым цветом).

Еще более показательным являются темпы роста инвестиций в развитых странах (черным цветом) и развивающихся стран (серым цветом), представленные на рис. 2.

рис. 1 Динамика годовых темпов роста в развитых и развивающихся странах в 1961–2014 гг., в %

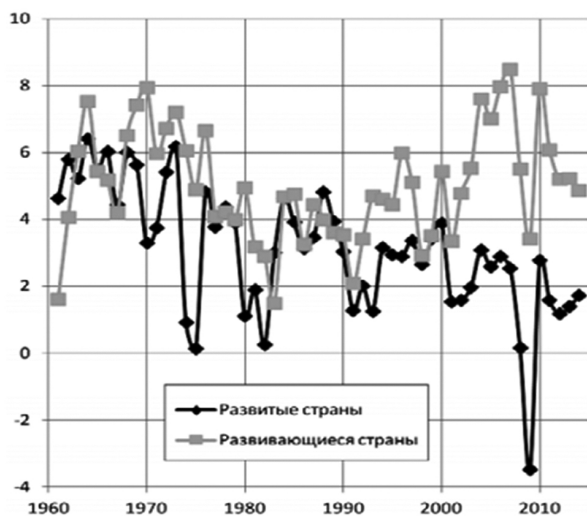
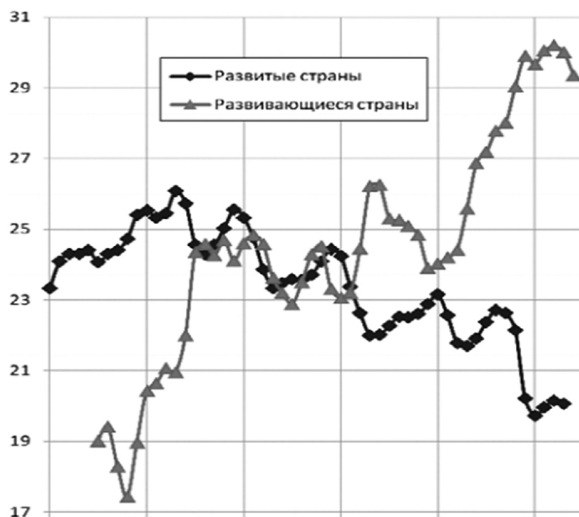

рис. 2 Динамика доли инвестиций в ВВП в развитых и развивающихся странах в 1960–2014 гг., в %

Источники: А.В.Коротаев, С.Э.Билуга. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. В журнале – Вестник Института экономики РАН. № 4 2016 г. С. 25, 27

Если внимательно присмотреться к горячим точкам в мире, то можно увидеть, что войны сопровождаются перераспределением ресурсов и денежных потоков. В этом находит свое яркое проявление агрессивно-хищническая природа капитализма. На этом фоне также убедительней и привлекательной может быть представлена социалистическая альтернатива, которая принципы внутренних отношений доверия и сотрудничества распространяет на уровень международных отношений.

Долговая экономика

Современная мировая экономика может быть охарактеризована как долговая экономика.¹ В среднем развитые страны имеют долг (только государственный) «зашкаливающий» за годовой ВВП. Причем если до середины прошлого века долговой кризис выражался в том, что развитые страны были кредиторами развивающихся стран, то теперь, наоборот, развивающиеся страны являются кредиторами развитых стран, что может создать ложную видимость того, что развивающиеся страны содержат в долгой кабале развитые страны. Как раз все наоборот. Развитые страны за чужой счет вышли в лидерство как по развитию технологий, так и по уровню социального обеспечения. Подняв социальные стандарты и, создав привлекательные условия труда, они концентрируют человеческий капитал высшего качества и поддерживают лидерство за счет привлеченных интеллектуальных ресурсов развивающихся стран, то есть стран-кредиторов. Эксплуатация развивающихся стран приобрела в современных условиях более тонкий и изощренный характер. Развитые страны за счет кредиторов концентрируют интеллектуальные ресурсы развивающихся стран, которые содействуют отработке этих долгов. Проблемам долговой экономики посвящена монография коллектива авторов Московского университета.² Превращение долговой экономики в глобальную проблему, несущую высокие риски для всей мировой экономики и финансовой системы исследуется и зарубежными авторами.³

¹ Япония – 242,3% Греция – 174% Италия – 133,1% Португалия – 125,3% Ирландия – 121,0% США – 107,3% Сингапур – 106,2% Испания – 99,1% Великобритания – 95,6%. Энциклопедия «Кругосвет». <http://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/gosudarstvennyi-dolg?page=0,1>

² Долговая экономика как феномен XXI века. М.: Макс Пр., 2014

³ Файерштейн Митч, Понци Планета. Как политики и банкиры крадут наше будущее, как вы можете выжить, что будут дальше. Москва. Международные отношения. 2014.; Молдин Джон., Теппер Джонатан. Развязка. Конец см. на след. странице

Новый тип отношений

Несовершенство основ современного социально-экономического устройства общества актуализирует вопрос о типах исторически развивающихся отношений. Для их анализа мы исходим из классических положений формационного развития общества.

Мы считаем важным выделить вклад Гэлбрейта и Сорокина в разработку основ альтернативной общественной системы. Мы начнем с Гэлбрейта, поскольку им основное внимание уделено исходному уровню общественной системы, которую он определял, как конвергенцию, содержательно имея в виду схождение общественных систем (капитализма и социализма) к единому основанию – новому индустриальному обществу на базе новых технологий и крупного корпоративного производства. Гэлбрейт последовательно развивал важное теоретическое положение о том, что развитие производительных сил на новом индустриальном уровне наталкивается на ограничения рыночной системы и требует планового ведения хозяйства.¹ В концепции Гэлбрейта планированию отводится ключевая роль и основные функции, которые традиционно отводились рыночному механизму: активное влияние на спрос, ценообразование, сбережения, инвестиции и др. Здесь важно отметить, что субъектом планирования является крупная компания. Особую роль при этом играет вертикальная интеграция, которая рыночные отношения интегрируемых организаций превращает во внутрифирменные плановые отношения. Исходным основанием планирования является компания, но само планирование не ограничивается ее рамками, а выходит далеко за ее пределы, например, активно влияя на спрос, ценообразование. Гэлбрейт осторожно относится к участию государства в планировании на уровне фирмы, последняя должна действовать самостоятельно и независимо. Но между государством и

см. на предыдущей странице долгового суперцикла и его последствия (© John Mauldin and Jonathan Tepper, 2011 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013 © Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru))

¹ «Планирование существует потому, что описанный (рыночный-К.Х.) механизм перестал быть надежным. Развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее – на месяцы и даже годы вперед. Но через несколько месяцев или лет вполне может оказаться, что потребитель не проявит готовности покупать соответствующую продукцию». *Гэлбрейт, Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 45.

фирмой нет жестких границ, а складывается сложная система координации, о чем будет сказано ниже.

Планирование у Гэлбрейта органически связано с институтом собственности и власти. Эта важная проблема рассматривается в исторически развивающемся контексте. Собственность и экономическая власть эволюционизировали в зависимости от доминирующих факторов производства: земля, капитал, техноструктура. Он делает фундаментальный вывод о том, что развитие производительный сил и технологический прогресс «бесшумно устраняют» частную собственность из ролевого экономического процесса. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения»¹. А решения принимает техноструктура. И ей принадлежит реальная власть, хотя формально собственниками является акционеры. Реальная собственность и власть «бесшумно» отнята у капиталистов – собственников и «передана» техноструктуре потому, что успешное функционирование крупных корпораций полностью зависит от «мозгового центра» специалистов, в том числе и высочайшей квалификации.² В их числе может оказаться и собственник, но как носитель иного качества – высокопрофессионального специалиста и члена команды. Качество реально функционирующего капиталиста оставляется за собственником мелких и средних предприятий, где нет высоких профессиональных требований и командной работы.

Основное внимание Гэлбрейта было сосредоточено на вопросах техноструктуры и планирования. Вопросы основного отношения капитализма (отношение наемного труда) затрагивались, но не стали предметом специального исследования. Между тем, данное отношение, являющееся осевым для капиталистического устройства экономики, тоже претерпевает изменения и требует теоретического исследования направлений его развития. В данном случае в качестве отправного пункта начнем с определений типов отношений П. Сорокиным. Все формы человеческих взаимоотношений распадаются, по его версии, на три основных класса:

¹ Там же. С. 154.

² «Это совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц – от руководителей современного промышленного предприятия до основной массы рабочей силы – и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями». *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. АСТ, 2004. С. 98.

- взаимоотношения по типу семейных (familistic), пропитанные взаимной любовью, преданностью, самопожертвованием;
- свободные договорные (contractual) соглашения сторон для взаимной пользы, лишённые любви, ненависти, насилия, но выгодные для договаривающихся сторон;
- принудительные (compulsory), которые одна сторона навязывает другой против ее желаний и интересов.¹ Если несколько переформулировать, то эти отношения могут быть названы: доверительные, договорные и принудительные. Если учесть, что принудительные отношения как исторический тип остался в историческом прошлом, то за историческое будущее могут конкурировать два оставшихся.²

Даже ушедший в историю реальный социализм существенно продвинулся в направлении первого типа отношений, основанных на доверии и сотрудничестве. Основой рыночно-капиталистических отношений является второй тип отношений – договорные. Каковы их преимущества и недостатки, на какой тип отношений следует ориентироваться общественному развитию? В реальности функционирует комбинация договорных и доверительных отношений. Социализм, построенный в СССР, существенно продвинулся в развитии отношений на основе доверия и сотрудничества, но и он сопровождался договорными отношениями.

Сейчас в мире господствует тип договорных отношений, но в самое последнее время в западной литературе все чаще говорится о доверии как конкурентном преимуществе. Это достаточно широкая трактовка доверия и к теме нашего исследования прямого отношения не имеет. Фундаментом договорных отношений является абсолютизированная суверенность индивида (соответственно, в теории господствует принцип методологического индивидуализма). В соответствии с этим принципом индивид полностью обособлен и обставлен защитными системами. Развитое законодательство защищает его личные и имущественные права. Для этого нуж-

¹ Сорокин Питирим. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука 1997. С. 64–65; 181–183

² Сразу отметим некорректность сведения всех типов общественных отношений к тоталитарным и свободным (договорным). При такой классификации социализм явно или неявно причисляется в тоталитарно-принудительное общество. Принудительные отношения были в докапиталистическую эпоху. В современных условиях, если даже они встречаются, то не более как рудимент. Поэтому их обсуждение в современных условиях актуально для тех, кто в принудительные отношения причисляет социалистические.

на громоздкая чиновничья, правоохранительная и судебная система, институт адвокатов. Защитный пояс индивидуализма разрастается и дорожает. Создаются и постоянно совершенствуются технические системы защиты данного типа отношений. На смену элементарным замкам, которые при социализме не везде использовались, пришли бронированные двери, системы сигнализации и видеонаблюдения. Сформировалась армия частых охранников (по разным оценкам их в России около 800 тыс. человек). Современная договорная система сильно обременена транзакционными издержками. Она очень дорогая и соответствует интересам субъектов с высокими доходами. Гражданину со средними доходами эти издержки непосильны, поэтому договорная система отношений – это фундамент для социальных слоев с высокими доходами. В любом случае эти издержки ложатся бременем на все общество.

Доверие и сотрудничество составляют основу социалистических отношений. С переходом к рыночно-капиталистической системе на глазах современников бронировались двери, обрешечивались окна и витрины, учреждения и жилые дома обрастали охранной сигнализацией, системой видеонаблюдения, охранниками и консьержками. Все эти специфические затраты являются вычетом из общественного благосостояния.

Доверие и сотрудничество, имманентные социалистической организации общества, соответствуют интересам абсолютного большинства. Для сознания, привыкшего мыслить только денежными категориями и образами, можно сказать, что это менее затратные, а стало быть экономически более эффективные отношения.¹ Кроме того, отношения доверия и сотрудничества в наибольшей степени соответствуют общественной природе человека.

Буржуазное общество, базирующееся на договорных отношениях, абсолютизирует денежные ценности, а деньги – это всеобщая форма богатства, где в единичном (деньги) представлено всеобщее (разнообразный состав общественного богатства). Поэтому деньги в своем возрастании не знают границ. Высшая степень успеха измеряется количеством индивидуализированных денег. Казалось бы, те, кто выше других взойшли на денеж-

¹ Специалисты гуманитарных наук очевидно лучше опишут иные, неэкономические достоинства этих отношений. Но каждому, кто в сознательном возрасте жил в советское время, хорошо помнится, что в этот были более благоприятные условия существования индивидов в обществе. Была более безопасная обстановка на улицах, транспорте; было меньше преступности; алкоголизма, наркомании, проституции. Между людьми было больше доверия и свободного сотрудничества.

ный олимп, обрели более высокий смысл существования в координатах индивидуализированных ценностей. Тогда трудно понять, почему многие капиталистические олимпийцы имеют драматические судьбы, включая суицидальные?¹ Прямая причинно-следственная, а тем более количественно определенная связь, между денежным богатством и «человеческим богатством», (гармоничным развитием человеческой личности) обнаруживается далеко не всегда.

Социализм – не аскетическое общество. В нем тоже люди трудятся для повышения своего благосостояния. Но, во-первых, на трудовой исключительно основе; во-вторых, не для накопления богатства, особенно денежного. Альтернативой богатству является достаток, как материальная основа развития личности в избранных им направлениях.²

Теперь рассмотрим некоторые основные проблемы, которые следует решать на базе отношений доверия и сотрудничества в обновленном социализме.

Образование

О том, что реформа образования имеет разрушительные последствия, говорится много. Указываются направления, по которым идут разрешительные процессы. Затрагиваются и причины. Самой фундаментальной

¹ Ложная самоцель денежного фетишизма с трагическими результатами: А. Меркле (Германия), Б. Березовский (Россия), С. Янг (Англия), Р. Гаймис (Латвия), Р. Алиев (Казахстан), М. Демин (Приморский край), С. Поляков (Н. Новгород); губернаторы Н. Белых, В. Гейзер, А. Хорошавин; федеральный министр А. Улюкаев; полковник Д. Захарченко и многие другие. Есть сверхбогатые люди другого типа. Б. Гейтс стал миллиардером не потому, что к этому стремился. Он продвинул общество в цивилизационном развитии и стремился именно к этому. Богатство пришло как сопутствующий фактор. Но не оно является главным элементом достоинства его личности, а результат его труда. Да и отношение к деньгам у него несколько иное, скорее благотворительное, чем олигархическое.

² Мы отдаем себе отчет в том, что понятие достаток – категория историческая и требует наполнения. В общем виде, на наш взгляд, человек должен иметь нормальное для каждого исторического периода жилье, одежду, питание; иметь возможность с помощью государства вырастить и выучить детей. А остальное время тратить на развитие способностей, творчество. Если же по каким – то обстоятельствам отдельным людям удастся заработать больше достатка, то его богатство должно измеряться не количеством денег, а количеством людей, которых он поднял до уровня среднего достатка.

основой лидерства советского образования были доверие и сотрудничество между обучающими и обучаемыми. Этот фундамент сильно деформирован индивидуализацией и обособлением обучающихся и обучаемых. Индивидуализм все глубже проникает в поры образовательного пространства, разрушая плодотворные остатки советской системы.

Собственность

В обновлённом социализме уместно разнообразие форм собственности, обеспечивающих трудовые доходы и возвышающие достоинство труда: индивидуальная, семейная, коллективная, партнёрская, общинная, государственная и др. Экономическим критерием уместности и необходимости той или иной формы является объем ресурсов и производства, при которых достигаются минимальные общие средние и удельные издержки и максимальная производительность.

Разрабатывая комплексный подход к конвергентной экономической системе, Гэлбрейт не мог обойти проблему собственности¹. Нельзя не обратить внимание на то, как ставится вопрос о собственности и власти. Применяя исторический подход, Гэлбрейт ставит вопрос: при каких условиях власть могла бы перейти к труду. Значит и такой вариант допускается, тем более, если это произойдет столь же «бесшумно», как и переход власти от капиталистов техноструктуре. Впрочем, в работах автора иногда техноструктура трактуется широко, охватывая всех специалистов компании. Мысль об основаниях передачи власти труду не доведена до определенности. Можно полагать, что во времена написания «Нового индустриального общества» еще не было созревших для этого условий. Нам представляется, что в XXI веке появляются признаки преодоления наемной формы труда в инновационном секторе.

¹ «Один аспект взаимоотношений между факторами производства остался, однако, менее изученным: почему власть оказывается связанной с одними факторами, а не с другими? Почему собственность на землю обеспечивала в свое время полную власть над господствующей формой производственного предприятия и вместе с этим в обществе в целом? Почему при других обстоятельствах было признано, что власть и над предприятием, и в обществе в целом должна принадлежать собственнику капитала? При каких обстоятельствах власть могла бы перейти к труду?» *Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. с. 81.*

Подытоживая столь важный вопрос как отношения собственности, следует отметить, что постановка Гэлбрейтом вопроса о переходе собственности к труду (трудящимся) благородна, имея в виду среду его обитания, учебы и работы. Но его представления о «бесшумном» переходе собственности и экономической власти к техноструктуре справедливы лишь отчасти, но в основном наивны. Можно привести много критических аргументов. Например, если случаются разногласия между менеджментом и акционерами по поводу принятия решения о слияниях и поглощениях (очень важный вопрос преобразования собственности) последнее слово остается за акционерами. То же самое происходит при распределении прибыли и решении аналогичной важности вопросов. Конечно, техноструктура владеет оперативными решениями и «прихватывает» властные решения. Но верховенство собственности и власти остается за акционерами, включая смену менеджмента. В этом случае последние могут в лучшем случае рассчитывать на «золотой парашют», да и то по решению рольных собственников.

«Инновация» в основном отношении

Инновационная экономика требует привлечения высококвалифицированного и высокообразованного персонала на ключевые и ответственные позиции. Собственно, этой категорией персонала и создается инновационная экономика. Парадокс, однако, состоит в том, что содержание, характер и результаты деятельности этой категории работников выходит далеко за пределы, ограниченные рамками положения наемных работников. Инновационно мыслящие и действующие работники выполняют даже предпринимательские функции, формально будучи наемными работниками. Наблюдение за карьерным ростом выпускников университетов показывает, что многие из них занимаются созданием новых продуктов (широком смысле), разрабатывают новые схемы бизнеса, находят новых партнеров и новые рынки, разрабатывают новые инвестиционные проекты и реализуют их с получением конечного результата – добавочной прибыли. Перечисленные выше и аналогичные виды деятельности не могут быть сведены к исполнительским функциям, характерным для наемных работников. Инновационная деятельность создает новые источники доходов для работодателей. Уровень образования и квалификации работников инноваторского типа позволяет им оценить результаты своей же инноваторской деятельности. Некоторые результаты их инноваторской деятельности приносят норму прибыли, измеряемую сотнями, а в отдельных случаях

даже тысячами процентов. При этом естественно возникают вопросы о справедливости распределения доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников.

Некоторые работодатели тоже обращают внимание на получение доходов, не являющихся результатом их деятельности. Правда, отношение разное. Они принимают это как должное. Они привычно присваивают результат чужого труда так это принято в рамках отношении наемного труда. Другие, более дальновидные предприниматели, заботятся о том, чтобы инновационный источник дохода продолжал приносить «золотые яйца» в обозримой перспективе, поскольку природа инновационной деятельности такова, что она может создать схемы нелегального «самостимулирования», справедливого распределения ими же созданного дохода, и это тоже будет соответствовать природе инновационной деятельности.

Возможны разные варианты «самостимулирования». Например, вступить в сговор с топ-менеджментом партнеров и заложить в схему сделок систему взаимных откатов; создать параллельные аффилированные организации и уводить туда часть сделок и потоки доходов. Возможны многие другие схемы специфического оппортунистического поведения. Появились даже высокооплачиваемые консультанты по финансовым и организационным схемам, реализации корыстных интересов для предпринимателей, топ-менеджеров и других категорий. В их числе и схемы оппортунистического поведения (тоже своеобразная инновационная деятельность). Это своеобразная форма разрешения противоречия наемного труда для инновационной деятельности, но ее нельзя считать позитивной и перспективной.

Противоречие наемного труда, связанного с оппортунистическим поведением, наблюдается давно. Сложилась определенная практика разрешения названного противоречия со стороны предпринимателя. Она обобщена в целых теориях: «агентские отношения», «революция управляющих» и др. Предмет нашего исследования отражен в неинституциональной теории агентских отношений. Она охватывает широкий круг вопросов оппортунистического поведения. Для того, чтобы оценить эвристический потенциал неинституциональной теории применительно к решению противоречивой проблемы инновационной деятельности в рамках наемного труда, необходимо кратко рассмотреть ее основные моменты с тем, чтобы обосновать свою позицию и сформулировать собственные выводы.

Агентские отношения, рассматриваемые в институциональной теории, при ближайшем рассмотрении являются иным выражением отношения наемного труда и капитала. В обоих случаях в отношение вступают два

лица, имеющих существенно отличную социально – экономическую определенность. Первое из них называют принципалом, который обладает и распоряжается ресурсами, необходимыми для предпринимательской деятельности. Второе лицо – агент, который выполняет в пользу принципала определенный вид и объем работ или услуг. Его существенное социально – экономическое отличие от первого состоит в том, что у агента нет ресурсов, но есть способность к инновационной деятельности. Заметим, что на самом деле отношение принципал-агент – это иное название отношения наемного труда и капитала. Их единым родовым признаком является концентрация ресурсов на одном полюсе и их отсутствие на другом, где имеются способности к инновационной трудовой деятельности, но отсутствуют условия для ее реализации. Принципиально важно то, что на основе указанной поляризации возникает экономическая власть одних субъектов и экономическая зависимость других, со всеми вытекающими последствиями, включая распределение дохода. Недостатком обращения Гэлбрейта к отношению власти является то, что в тени осталась парная с ней категория экономической зависимости.

Это отношение, как бы оно ни называлось, получает правовую форму, которая не может отразить все возможное содержание реального процесса. Основными моментами, фиксируемыми в договоре, являются: для агента- цели, ресурсы для их достижения, вознаграждение, контроль и санкции; для принципала все эти моменты имеют симметричную форму. Говоря о симметричности отношения, следует заметить, что экономические позиции и интересы сторон противоположны. Именно поэтому возникает момент контроля и санкций, которые не являются внутренне необходимым моментом самого инновационного экономического процесса. Также заметим, что в рамках исследуемого отношения, как бы оно ни называлось, не выделяется специфика инновационной деятельности. Ей не могут быть внутренне присущи отношения контроля и санкций. Более того, инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ, и получение дополнительных источников дохода не может вписаться в социальные рамки наемного труда. Творение нового предполагает свободу от контроля, а тем более санкций. Природа инновационной деятельности требует принципиально иных отношений, объемлющих соучастие в процессе и распределении результатов со стороны обоих участников экономических отношений.

В рамках институциональной теории отмечается неполнота договора между принципалом и агентом, говорится о его дополнении традициями, ожиданиями и т.д. Но обходится вопрос о противоречии природы инно-

вационной деятельности, сущности отношения принципал-агент (наемный работник-работодатель; наемный труд-капитал; собственник-не собственник). Тем более ни одна из теорий, методологически связанная с неоклассикой (мейнстрим), не может прийти к выводу о необходимости преодоления наемной формы труда по причинам отнюдь не научного характера. Между тем ее преодолевает сама практика. Для доказательства этого тезиса проследим противоречивое развитие агентских отношений.

Внутренняя логика агентских отношений состоит в следующем. Стороны вступают в отношения из-за ограничений, с которыми они сталкиваются. Принципал не в состоянии реализовать все свои предпринимательские планы и проекты, привести в движение все свои ресурсы с эффективным результатом. Чем больше у него ресурсов, тем больше необходимость в услугах агентов. Но причина возникновения отношения не только количественная. Принципал не может профессионально охватить все функции, связанные с его предпринимательской деятельностью, что убедительно показано Гэлбрейтом. Чем разнообразней и диверсифицированной область деятельности, тем существеннее данное ограничение. У принципала количественные возможности (ресурсы и их спецификация) сталкиваются с качественными ограничениями (способность их эффективной аллокации).

У агента противоположные ограничения. В отсутствии собственности на ресурсы (средства производства) заключена коренная причина принятия одним из субъектов отношения социально-экономической определенности агента (наемного работника). В противном случае лицо, обладающее не только способностями к труду и инновациям, но и средствами для их реализации приобретет иную социально-экономическую определенность, не обремененную экономической властью над собой и зависимостью со своей стороны.

Нашему анализу и выводам противоречат постулаты неоклассической теории, состоящие в том, что любой индивид может реализовать свои способности, **заимствуя** на рынке ресурсов все для него необходимое, если даже у него нет собственных. Лукавство подобных рассуждений обнаруживается при первом соприкосновении с реальностью, состоящей в том, что **заимствовать** ресурсы можно только под уже существующие накопленные активы, находящиеся в собственности заемщика и могущие служить материальной основой гарантии заимствования (залогом). Но именно отсутствие собственности толкает агентов в положение наемных работников. На это положение обречены все молодые специалисты, начинающие свою трудовую деятельность.

Сформулированное двустороннее противоречие находит форму разрешения, но противоречивость не устраняется. Именно поэтому возникает проблема контроля, оппортунистического поведения и агентских издержек.

Принципал, отчуждая ресурсы, передаваемые агентам, сталкивается с некоторыми проблемами: эффективная аллокация ресурсов, связанная с функциональными и креативными способностями агента и оппортунистическое поведение, порождаемое следующими обстоятельствами: агент может стать принципалом, наняв своего агента, у агента образуются собственные цели, отличные от целей принципала, для достижения которых используются ресурсы принципала.

Кроме креативных данных у агента есть преимущество в том, что по сравнению с принципалом он располагает большей информацией о технологии предпринимательского процесса. На этом основана идея структуры. Разрыв в информации и возможности ее использовании для оппортунистических целей вызывает необходимость контроля и затрат, связанных с ним.

Последней логической ступенью для перехода к изложению своей позиции осталось рассмотреть ограниченность теории агентских отношений применительно к предмету нашего исследования.

Во-первых, ограниченность данной теории исходит из методологических основ неоклассической теории методологического индивидуализма. Индивид, прибегающий к оппортунистическому поведению, оценивает эффективность контроля и вероятность разоблачения; он сам соотносит выгоды от оппортунистического поведения и возможные потери от санкций. Ставка на индивидуальный самоконтроль принимающего решение агента – очевидное ограничение теории агентских отношений. Она оказывается в тупике перед элементарным вопросом: почему некоторые агенты не приемлют оппортунистического поведения, даже имея абсолютную уверенность в том, что санкции не последуют.

Не имея признаков общей теории, данный подход ограничивается анализом совокупности фактов оппортунистического поведения, опираясь на маргинальный подход: сопоставление предельных издержек от контроля со стороны принципала и предельных выгод от предотвращения ущерба (упущенной выгоды) в результате контроля. Выводы соответствуют уровню анализа, соответствующего неоклассической теории. С агентом следует прекратить контрактные отношения, если предельные издержки больше предельного дохода. Вывод справедлив, если рассматриваются случаи банального отлынивания, воровства или даже более сложных схем присвоения ресурсов принципала агентом, коррупции по отношению к третьим

лицам (клиентам) и т. д. Не очень большой потенциал агентских отношений используется исключительно в социальных рамках наемного труда.

Неоинституциональная теория не содержит теоретического методологического потенциала исследования оптимизации социальных отношений вообще и общественной формы труда инновационной деятельности, в частности, в тесных рамках агентских отношений. Инноватор не ворует ресурсы принципала, не берет взятки у клиентов. Он множит ресурсы принципала либо повышением его конкурентоспособности, либо созданием новых источников дохода. Он претендует на часть созданных им же благ, или на часть своего же неоплаченного труда. Если этого не делает принципал, то инноватор сам изобретает способы улавливания, хотя бы части дополнительно созданных им благ. Как инноватор он в состоянии создать соответствующие схемы, организации и механизмы.

Предположим, что принципал, пользуясь теорией агентских отношений, обнаруживает специфическое, в данном случае, оппортунистическое поведение. Кажется естественным с его стороны прекращение отношений с данным агентом, чье оппортунистическое поведение обнаружено. Но тогда принципал лишится вместе с агентом создаваемых им дополнительных предпринимательских благ в виде конкурентных преимуществ и дополнительных источников доходов. Такое решение противоречило бы главной цели и сути его деятельности, хотя и кажется логичным с позиций теории агентских отношений. Вместе с тем, понимая утрачиваемые выгоды, связанные с увольнением агента, принципал не может мириться с оппортунистическим поведением в рамках отношения наемного труда. Каков же оптимальный выход из данной ситуации?

Объективная логика экономического развития требует перехода к другим отношениям. Каким? В рамках наемного труда (то же самое в отношении принципал-агент) практикуются бонусы. Даже самое их умелое построение означает лишь частичное разрешение противоречия в рамках прежнего отношения. К тому же, решение о введении бонусных поощрений принимает сторона, обладающая экономической властью. Другая сторона в этом отношении бесправна. Поэтому, далеко не все субъекты, обладающие экономической властью, принимают решения о бонусных поощрениях. Следовательно, встает задача перехода к иным отношениям, снимающим отношение экономической власти и зависимости. Прежде всего, напрашивается **отношение партнерства**, когда добавочно получаемый доход, полученный от инновационной деятельности агента, делится в определенных пропорциях теперь уже не принципалом и агентом, а между партнерами. Количественное соотношение пропорций раздела допол-

нительного дохода является теперь уже результатом расчетов и переговоров между равноправными партнерами.

Если же вчерашний агент вкладывает к тому же и свои ресурсы, которые могут быть накоплены из заработной платы за определенный период в реализацию предпринимательского проекта, то их отношения приобретают форму партнеров-совладельцев. Не увольнение разоблаченного инноватора, а преодоление архаичного для инновационной деятельности отношения наемного труда и переход к новым отношениям партнерства или совладения выгоден и оптимален для сторон, участвующих экономическом процессе. В рамках новых отношений происходит преодоление безвозмездного присвоения чужого неоплаченного труда на основе экономической власти одних и экономической зависимости других. Важно то, что происходит это на основе технического прогресса, высокого образования и квалификации, то есть на переднем крае развития экономики. Можно высказать предположение: в той мере, в какой будет прогрессировать экономика, в той мере наемная форма труда все очевидней будет проявлять свою архаичность и неэффективность. Модернизация экономики на основе инноваций потянет за собой утверждение новых отношений соучастия в общественном производстве.¹

¹ Одной из форм перехода от наемного труда к отношениям партнерства можно считать уже созданные и функционирующие виртуальные организации. Они объединяют пространственно разрозненных работников через электроны технологии. Их рабочим местом являются не цеха и офисы, а подключенный к интернету компьютер. Помимо экономии на транспортных и офисных издержках (особенно с учетом пробок на дорогах) работники в этих организациях состоят в особом режиме отношений принципал-агент.

Во-первых, здесь использование ресурсов принципала не имеет существенного значения. Компьютер и программное обеспечение доступны и самому агенту. Во-вторых, здесь нет проблемы контроля и санкций. Стороны оговаривают условия совместной работы и распределения дохода. Форма организации как юридического лица и трудовой контракт, заключенный между принципалом и агентом имеют большее формальное значение. Реально это скорее сотрудничество партнеров. Конечно, есть мотивы привязывающие агента к принципалу (например бренд, наработанный опыт, отлаженное функционирование компьютерных технологий и т.д.). К переходным формам можно прибавить и так называемое стратегическое стимулирование труда топ-менеджмента. Стимулирующая часть оплаты труда привязывается к конечным результатам реализации проектов, роль которых в разработке и осуществлении которых у отдельных категорий работников велика. Итоговыми бонусами выступают см. на след. странице

Конечно, пока речь идет лишь о первых признаках появления и утверждения принципиально новых отношений, которые лягут в основу нового социально-экономического устройства общества. Наш вывод о преодолении принципал-агентских отношений не является экзотическим и подтверждается общественно значимыми событиями в XXI веке. Напомним, что в более чем в 80 странах произошли массовые выступления против несправедливого распределения доходов. В США, считающимися лидером экономического развития на основе наемного труда, протесты приняли форму борьбы против финансового капитала (движение «захвата Уолл-Стрита»). Возможно, со временем придет осознание общности проблемы. Нельзя не отметить событие, возникшее в студенческой среде США. Студенты Гарвардского университета, отказавшиеся посещать лекции Г. Менкью, одного из самых популярных экономистов, среди целого ряда претензий отмечают односторонность и предвзятость преподаваемого им вводного курса экономической теории, прославляющей существующий порядок вещей, в том числе с несправедливым распределением доходов. Одной из движущих сил протестного движения, получившего название «арабская весна», также было требование справедливого распределения доходов.

В основе несправедливого распределения доходов лежит наемная форма труда или отношение принципал-агент. В свою очередь, данная общественная форма труда обусловлена характером и способом соединения агента с условиями реализации его способностей (ресурсами). Соответствующей является и логическая цепочка преодоления несправедливого распределения доходов. Инновационная экономика и инновационный характер труда практически подводят к преодолению наемной формы труда. Изменения в производительных силах императивно влияют на изменения экономических отношений. На языке политической экономии речь идет об элементах подрыва основного отношения рыночно-капиталистической экономики в рамках сохранения ее пока как функционирующей системы.¹

см. на предыдущей странице заранее оговоренная доля конечного дохода или переход во владение определенной долей акций. Эти формы стимулирования и распределения дохода выходят за пределы распределения по принципам наемного труда. Приведенные формы распределения мы считаем примерами зарождения переходных отношений, подтачивающих фундаментальные основы капиталистической экономики. Подобных примеров практика накопила немало и их количество будет множиться по мере развития «новой» экономики.

¹ «Мы выходим на улицы сегодня, чтобы присоединиться к бостонскому маршу протеста против акционирования высшего образования как части см. на след. странице

Роль государства

Особая позиция в системе нового индустриального общества отводится государству. Гэлбрейт полемизирует как с либеральным, так и консервативным направлениями, отграничивающими роль государства и делает принципиально важный для своей концепции вывод: «На деле же в индустриальной системе граница между частной и государственной сферами компетенции неразличима и в значительной степени условна, а ненавистный союз между государственными и частными организациями нормален»¹. Государству отводится, прежде всего, важнейшая функция по подготовке технологической структуры² и еще ряд важнейших функций: забота об экономическом росте, научно-техническом развитии, государственные закупки, в том числе и для обеспечения безопасности страны, регулирование спирали зарплата-цены.

В процессе обсуждения вопроса о роли государства в течение XXI века произошли два волновых всплеска. Первый относится к началу нового века, второй приходится на текущее время. Начнем с первого.

см. на предыдущей странице глобального движения Захвата. Так как «Экономикс» носит предвзятый характер, способствует и символизирует растущее экономическое неравенство в Америке, мы уходим с ваших занятий сегодня в знак протеста против недостаточного внимания базисной экономической теории и чтобы оказать поддержку движению, которое меняет американский дискурс экономической несправедливости». Новостной сайт Forum.msk.ru

Необходимость существенного изменения социально-экономических отношений под воздействием развивающихся производительных сил на рефлексивном или интуитивном уровне отмечается некоторыми субъектами экономического процесса. Один из кандидатов в Президенты РФ призывает к изменениям в Трудовом кодексе, дающим право «добровольного» удлинения рабочего дня с целью больше заработать в рамках той же наемной формы труда. Ему, естественно, в голову не может прийти мысль о том, что стимулировать добровольное удлинение рабочего дня можно эффективнее через переход к отношениям партнерства и совладения. На Давосском форуме в январе 2012 г. мировая элита пришла к выводу о необходимости перехода к демократическому капитализму. Но что это такое содержательно? Идет ли речь о некоторых перераспределительных мерах (пенсии, пособия и т.п.) или об изменении в коренных отношениях капиталистического мироустройства? От ответа на эти вопросы зависят принципиальные позитивные и нормативные позиции экономической теории.

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 422

² «Квалифицированные кадры имеют решающее значение для преуспевания индустриальной системы. Образование и обучение, от которых зависит их формирование, обеспечиваются главным образом государственным сектором экономики». Там же. С. 421.

Был опубликован целый ряд работ, посвященных вопросам экономического роста и модернизации.¹ С применением трудоемких расчетов и обоснований доказывалась главная мысль о том, что темпы экономического роста находятся в обратной зависимости от степени участия государства в экономике. Заметим, что активным проводником идеи обратной зависимости количества государства и экономического роста был советник президента РФ, что обеспечивало, во-первых, эксклюзивную доступность средств и ресурсов для подобных работ. Во-вторых, особый ресурс влияния на властные структуры. Остальные авторы тоже относились к узкому и плотному кольцу окол властных экономистов. На основе подобных изысканий делались далеко идущие предложения в области экономической политики, в частности, о необходимости «второй волны приватизации». Поэтому нельзя было оставить без внимания подобного рода изыскания, учитывая возможные последствия их практической или политической реализации.

В 2003 году на экономическом факультете МГУ была проведена научная конференция «Экономический рост и вектор развития России». Материалы конференции были изданы в виде коллективной монографии и отдельных статей.² В них был дан ответ на названную позицию. Прежде чем перейти к современной волне, обратимся к основным аргументам той дискуссии. Это необходимо в силу единства темы и преемственности дискуссии.

¹ См.: Илларионов А., Пивоварова Н. Размеры государства и экономический рост. Вопросы экономики. 2002г., № 9; Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие. Вопросы экономики, 2000, № 1; Илларионов А. Экономическая свобода и благосостояние народов. Вопросы экономики, 2000, №4; Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива). Вопросы экономики. №1, 2003 г.; Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста // Экономический журнал ВШЭ, №2, Т. 6. 2002; Ясин Е. Функции государства в рыночной экономике. Вопросы экономики, 1997, № 6; Ясин Е.Г. Модернизация российской экономики: что на повестке дня // Экономический журнал ВШЭ, № 2, 2001; Гайдар Е. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику. Вопросы экономики, 1998, № 4; Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. Вопросы экономики, 2002, № 7; Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики, №2, 2009. Подобной направленности публикации продолжают, привлекая новых сторонников либерального направления.

² Экономический рост и вектор развития современной России. Под ред. К.А. Хубиева. М.: Теис. 2004.

Начнем с источника, который должен быть известен каждому, кто на макроэкономическом уровне берется за исследование экономической роли государства. В довольно широко известном американском учебнике по макроэкономике, в числе авторов которого значится Д.Сакс, есть специальный раздел, посвященный госсектору. В нем написано «С начала XX века общие государственные расходы во всем мире увеличились. Во многих промышленно развитых странах по сравнению с 1938 г. произошло удвоение доли государственных расходов в ВВП. В Нидерландах, например, доля государственных расходов по отношению к объему ВВП в течение 50 лет почти утроилась. Во Франции она более чем удвоилась, а в Соединенных Штатах – удвоилась»¹ Приведенные выводы основаны на таблицах, обобщающих статистические данные за довольно длительный период времени. Это не единственный источник. Но активные сторонники изложенной точки зрения плохо знакомы с зарубежной литературой на эту тему. Нам еще придется на нее ссылаться, поскольку для околоправительственных кругов экономистов нет пророков в своем отечестве.

Явно выраженная тенденция к увеличению доли государственных расходов в ВВП не является исторической случайностью и неожиданностью для экономической науки. Ее предсказал (не исследовал постфактум и не подтвердил эмпирически, а именно предсказал) немецкий экономист А. Вагнер, и его именем назван закон – тенденция увеличения доли госрасходов в ВВП с ростом последнего.

Очень важно обратить внимание на обоснование причины названной выше закономерности. «Наиболее общим объяснением данного закона является то, что государственные услуги стали «высококачественным благом», то есть эластичность спроса на государственные расходы со стороны домашних хозяйств стала больше единицы. Другими словами, каждый процент увеличения в доходах домашних хозяйств ведет к большему, чем 1 %, увеличению спроса домашних хозяйств на G. Поэтому при увеличении дохода на душу населения доля G в Y также имеет тенденцию к росту».²

Данный сюжет подтверждает продуктивность именно качественного а не количественного анализа роли государства в экономике. В другом зарубежном источнике специальный раздел посвящен «Росту государственного сектора». Закон Вагнера дополняется законом Энгеля. Подробно разбираются причины, порождающие рост не только величины, но и доли

¹ Сакс Д., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело. 1996 г. С. 225.

² Там же.

государственных расходов в ВВП. Авторы на обширном материале показывают, что эта закономерность подтверждается с учетом инфляции и даже в динамическом режиме с учетом роста ВВП на душу населения. То есть закономерность эта имеет разную динамику в разные исторические периоды, но носит абсолютный характер. Много внимания уделено теориям и моделям, объясняющим данную закономерность¹. Завершая анализ «первой волны» сошлемся на статью академика Р.И.Нигматулина, которая специально посвящена критическому разбору математических «достоинств» обсуждаемой позиции.²

Приведенные свидетельства дают основания для вывода о том, что настоячивые попытки подтолкнуть экономическую политику в России против исторически закономерного процесса возрастания роли государства по мере роста экономики не имеют достаточных научных оснований. Гораздо важнее поставить вопрос о качестве государственного участия в развитии экономики³.

Не утруждая себя ответом на критические аргументы «первой волны», те же круги экономистов той же ориентации принялись поднимать «вторую волну», которая приходится на наши дни. Не имея шансов на научную аргументацию своих позиций, они пошли иным путем, менее научным, но более изобретательным. В интенсивный оборот, в том числе и в правительственных кругах, запущена впечатляющая цифра 70% доли государства в экономике. При этом терминологическая путаница сродни загадочности происхождения магической цифры, которая призвана напугать образом Левиафана.

Одни под этой цифрой понимают вклад государственного сектора в производство ВВП: «Государство стремительно наращивает присутствие в экономике. Вклад его и госкомпаний в ВВП вырос до 70% в 2015-м, пишет ФАС»⁴. Здесь сразу следует обратить внимание на два момента. Во-первых, ФАС, на который ссылаются: «Ведомости», правительственный орган и на

¹ Панорама экономической мысли конца XX столетия под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. Перевод с английского под редакцией В.С. Автономова, С.А. Афонцева. 2002. С. 638–668.

² Нигматулин Р. Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики, №3, 2003. С. 125–131.

³ Хубиев К.А. О количестве и качестве участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма // Философия хозяйства, № 2 (80), 2012. С. 14–28.

⁴ Ведомости. № 4171 от 29.09.2016 г.; Бюллетень о развитии конкуренции. Март 2016.

его данные ссылаются министры в публичных выступлениях и даже некоторые представители академической науки¹. Во-вторых, каким образом государство помимо госкомпаний участвует в производстве ВВП (ниже мы вернемся к этому сюжету)? Другие этой цифрой оценивают долю госсектора в экономике: «в российской экономике общая доля госсектора по оценке МВФ составляет не менее 71% , в том числе госкомпании формируют порядка 29 % ВВП...»². Важно отметить, что здесь указан первоисточник – материал МВФ. И опять загадкой остается другой участник производства ВВП кроме госкомпаний. Забегая вперед, выскажем предположение: произведенный ВВП складывается с государственным бюджетом. Тогда и заветная цифра получится. Но к анализу содержательности определений и подходов мы еще вернемся. Третьи употребляют более расплывчатое понятие «участие государства в экономике». Анализ начнем с последнего. В это расплывчатое понятие можно вместить не только госкомпании и бюджет, а всю легальную экономику, поскольку на нее распространяются налоговая и монетарная политика государства. Обширное и всеобъемлющее понятие не имеет научного и вообще точно переделённого смысла. Но оно служит основой для спекулятивных заявлений о том, что государство везде расставило свои щупальцы, его участие огромно и надо сократить.

Что касается вклада государства в ВВП. Откуда может появиться его доля в 70%, если по официальной статистике в государственной собственности после тотальной приватизации осталось менее 3% предприятий, основных фондов менее 20%, а занятых менее 30%. Ведь ВВП включает в себя блага, т.е. товары и услуги, которые без участия людей и средств производств не создаются. Ну а если меньшей долей ресурсов государству удастся проводить большую долю ВВП, то надо этот сектор поощрять и на него приключать ресурсы из других менее производительных секторов. Но ведь сторонники рассматриваемой точки зрения хотят обратного. Они предлагают сократить этот сектор, в том числе и путем запуска новых волн приватизации. Создается впечатление, что некоторые авторы настолько ангажированы, что даже не видят противоречивости своих изысканий. Если по данным официальной статистики занятых в госсекторе около 30% и на их долю приходится 70% ВВП, то следует определенный вывод о высокой эффективности госсектора. И отсюда никак не может следовать вывод о необходимости

¹ Сидорова Е.А. О Гайдаровском форуме [Электронный ресурс] / Е.А. Сидорова, М.В. Клинова // MGIMO.ru – 2016. – 25 января. – URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/gaydarovskiy-forum-2016/>.

² Коммерсант. 29 декабря 2016 г.

сти его сокращения. Однако изобретательность вместо научных аргументов состоит в способности развернуться в противоположном направлении.

На основе впечатляющих цифр, терминологической путаницы, методологической и методической неопределенности изысканий делаются далеко идущие выводы и предложения. А именно: за вычетом 70% «неэффективной» государственной доли в экономике на долю «эффективного» частного бизнеса остается лишь 30%. Вот где усматриваются основные беды российской экономики. Вот красноречивое заявление: «Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики. ФАС признал государство главным врагом конкуренции»¹. Виновник (даже враг) указан, остается принимать решения, в том числе о «второй волне» приватизации, и действовать. Конкуренция – это благопристойная ширма, за ней скрываются попробованная на вкус устремленность к дешевой приватизации оставшихся у государства предприятий оборонного комплекса и естественных монополий. Алчущим господам хотелось бы напомнить, что два десятилетия лет нас уверяли в том, что стоит только передать «неэффективные» государственные предприятия в «эффективные» негосударственные руки, как развернется конкуренция и другие чудотворные силы рынка. Более 97% предприятий было приватизировано. Сперва следует запустить в этом огромном частном секторе конкурентно инновационный процесс, потом можно будет обсуждать продолжение того, что дало свои драматические результаты в 90-х годах. Поскольку подобные блюда с псевдолиберальной начинкой периодически подсовываются с завидной настойчивостью, без всякой оглядки на научную аргументацию, а их практическое использование не раз приводило экономику к кризисно-депрессивному состоянию, не следует очередной раз поддаться ложным рецептам.

Важность обсуждаемого вопроса требует обратиться к попыткам разобратся в методах определения доли и роли государства в экономике.

Нам не удалось обнаружить методику расчета ФАС 70% доли государства в экономике, на которую ссылаются периодические издания, средства массовой информации, чиновники правительственного уровня и даже представители академической науки. Зато нам удалось обнаружить ссылки на отчеты МВФ. Там мы обнаруживаем следующее: «на государственный сектор приходится значительная доля экономической активности с выручкой не менее 71% ВВП, расходы не менее 68% ВВП, а по оценкам профицит в размере 3 процентов от ВВП»² Здесь обнаруживается заветная цифра в 71%.

¹ Ведомости. № 4171 от 29.09.2016 г.

² International Monetary Fund. – May 2014. – p. 8.

Но это не имеет никакого отношения к доле государства в производимом ВВП. Используются понятия «активность государства» и «выручка». Здесь вообще речь идет о государственных финансах, о чем свидетельствует следующее изложение, посвященное активам и обязательствам государства и корпоративного сектора. При этом используется методология «доходы-расходы» применительно к финансам, о чем свидетельствует и указание на профицит.

Выручкой в финансовой сфере могут считаться доходы от продажи государственных ценных бумаг, что отразится на обязательствах государства. Возникают и другие вопросы. Если бюджет государства в два раза меньше, то откуда берется остальная часть доходов, как она минует законодательный бюджетный процесс, на что тратится и кто ее в итоге присваивает? ВВП используется как универсальный, но пассивный объект для сравнительной оценки, как это делается с другими показателями (объем инвестиций в сравнении с ВВП, государственный долг в сравнении с ВВП). О субъектах **производства** ВВП речь не идет. Вообще доклад МВФ посвящен фискальной проблеме и государственным финансам, а не методам расчета ВВП, определению доли роли государственного участия в этом процессе. Поэтому ссылка на данный материал МВФ для определения доли государства в ВВП или госсобственности некорректна.

В последнем (декабрьском) номере журнала «Вопросы экономики» опубликована статья, специально посвященная обсуждаемой теме и она заслуживает специального внимания, поскольку в ней содержится особая методика, отличная от МВФ.¹

Авторы справедливо отмечают, что нет универсальной оценки определения анализируемых показателей: доли государственной собственности и ее роли в экономике. Сами авторы выбрали метод прямого и косвенного владения государством ценными бумагами корпораций. В рамках данного подхода используются две методики. Первая включает в государственную собственность прямое и косвенное владение не менее 10% акций (метод ЕБРР). Вторая включает в госсобственность владение любым количеством акций (метод Госкомстата).

Данная работа заслуживает внимания, поскольку не ограничивается ссылкой на МВФ, а предпринимается оригинальная попытка самостоятельного исследования сложного вопроса. Но обеим методикам присущ

¹ Абрамов А., Радыгин А., Чернова М. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики, № 12, 2016 г.

недостаток, который мы считаем коренным. Они основаны на владении вторичными активами, или фиктивным капиталом. Блага, составляющие ВВП, создаются не фиктивными, а реальными ресурсами в виде производственных фондов, вовлеченных в создание ВВП и трудовым ресурсом (рабочая сила). И собственность, в том числе и государственная-довольно сложная категория. Она должна оцениваться стоимостью ресурсов (основного и оборотного капитала), потоком произведенных благ и доходов. И только в последнюю очередь собственность может быть охарактеризована вторичными активами (фиктивным капиталом). У данного подхода есть и другие более частные недостатки. Не будут охвачены государственные и муниципальные предприятия не имеющие акционерную форму, но производящие блага, включаемые в ВВП. Волатильность цен корпоративных акций на фондовом рынке имеет ряд причин, в том числе и неэкономических.

Если даже придерживаться данного подхода, то смысл имеет владение государством контрольным пакетом, позволяющим реализовать собственность в ее экономическом содержании: контроль над движением ресурсов (включая слияния и поглощения), процессом производства благ (включая менеджмент), и распоряжение потоками доходов. В остальных случаях миноритарное владение имеет номинальный смысл. Эти компании будут функционировать как частные компании, включая контроль над доходами, дивидендную и инвестиционную политику. В данном случае можно говорить о собственности государства в рамках приходящихся на ее долю доходов через дивиденды. Для определения доли в ВВП это имело бы косвенный смысл, если бы ВВП определялся методом суммирования первичных доходов. Но с этой задачей справляется прибыль, относящаяся к первичным доходам и включающая в том числе и дивиденды.

Для продолжения анализа, как нам представляется, сперва надо раздельно изучить государственную собственность как таковую и участие государства в производстве ВВП, каждая из них имеет свои сложности. Это пересекающиеся, но не тождественные проблемы.

Собственность вообще и государственная собственность, в частности, относятся к числу самых сложных проблем. «В докторантурах, по свидетельству экономиста С.Чена, права собственности долгое время считались «запретной зоной» в качестве тем докторской диссертации»¹.

Если подойти к ее содержанию не только с позиций имущественной принадлежности, в особенности, если иметь в виду принадлежность госу-

¹ Бетелл Том. Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008, с 19.

дарству вторичных активов, а более комплексно и с учетом методологии запасов и потоков, то можно выделить следующие элементы:

- Принадлежащее государству имущество;
- Собственность на неимущественные права;
- Государственный бюджет;
- Элементы экономической политики.

Отметим сразу, не вся государственная собственность участвует в производстве ВВП

Первый элемент состоит из естественных ресурсов, недвижимого имущества производственного и социального назначения, фондовых активов (акций, облигаций). Естественные ресурсы являются общенародным достоянием и должны служить государственным интересам. В конкретном экономическом смысле доходы от разработки и реализации естественных ресурсов, имеющие рентное происхождение, как уже отмечалось, должны присваиваться государством и использоваться на общенародные цели.

Государственное имущество социального назначения по определению предназначено для реализации интересов населения. Однако при государственных учреждениях социального назначения создаются коммерческие структуры, легально оказывающие платные услуги, что служит реализации индивидуальных или групповых экономических интересов с использованием государственного имущества. В данном случае на практике реализуется разрыв между запасами (госимущество) и потоками доходов. Но при этом создаются блага, входящие в ВВП, которые через владение акциями не могут быть учтены.

Что касается государственного имущества производственного назначения, то проблема реализации интересов здесь представляется более сложной. Организационно оно представлено в виде унитарных и казенных предприятий. Если их функционирование направлено на реализацию исключительно государственных нужд, то цикл реализации интересов замкнут на государственном секторе, хотя и происходит дифференциация коллективных и государственных интересов. Работники таких предприятий должны иметь гарантированную оплату труда с элементами внутривозвратного экономического стимулирования. Положение других государственных предприятий, не полностью работающих на государственный заказ, двойственно. С одной стороны, они в приоритетном порядке должны удовлетворять государственные нужды, а с другой – функционировать на коммерческих условиях, реализуя групповой экономический интерес. Про-

дукция казённых и иных государственных и муниципальных предприятий, не имеющих акционерную форму, также не может быть учтена в ВВП через владение акциями.

Особого внимания заслуживает производство и реализация продукции, связанной с монопольным положением. Если монопольное положение получено за счет создания новых технологий и продукции, то результаты монопольного положения должны приоритетно удовлетворять интересы тех субъектов, которые их создали. Сверхдоходы, полученные в сфере функционирования естественных монополий и приравненной к ней (алкоголь, табак и др.) должны служить реализации общественного интереса. Едва ли может быть оправдано экономическое положение, когда государство отторгает от себя потоки доходов, приватизируя отрасли, приносящие рентный и монопольный доход и монопольную ренту, а затем прилагает огромные, зачастую малоэффективные усилия по получению в бюджет части этих доходов, которые целиком ей принадлежали изначально (пример ЮКОСА).

Доходы – важнейший элемент экономической реализации собственности и интересов. Каждый участник экономических процессов может претендовать на долю доходов, в формировании которых принял участие. Доходы от естественных ресурсов и монопольных товаров, не будучи результатом экономической деятельности отдельных физических и юридических лиц, должны присваиваться государством и служить реализации общегосударственных или общенациональных интересов.

К государственному имуществу относятся приносящие доход активы, в том числе и акции. Это особая сфера функционирования государственной собственности, где отчетливо проявляется отсутствие контроля со стороны социального субъекта общенародного уровня. Это проявляется в низкой доходности корпоративных акций, принадлежащих государству. В компаниях со смешанной собственностью, интерес представителей частного капитала значительно мотивированней представителей государства.

Следующим элементом государственной собственности является бюджет, который в исследованиях по собственности оставался в тени и не включался в содержание государственной собственности. Объясняется это тем, что в трактовке содержания государственной собственности преобладал ресурсно-факторный подход или «вещный» подход. Между тем, бюджет представляет собой важный поток доходов (и расходов), который реализует социально определенные интересы.

В условиях рыночной экономики бюджет служит главным фактором реализации общегосударственных и общенациональных интересов. Прав-

да, речь в данном случае идет об экономической возможности, которая осуществляется не автоматически, а под воздействием социально-политических сил в бюджетном процессе. Некоторые авторы расходы бюджета включают в ВВП, исчисляемого методом расходов. Такой подход корректен, если берется не весь бюджет, а только та его часть, которая идет на закупку товаров и услуг. Но включением бюджета в ВВП совершается ряд ошибок, в том числе и повторный счет.

Собственность на неимущественные права государства – особый элемент содержания государственной собственности. Совместно с экономической политикой она может оказаться главным элементом ее содержания в условиях индустриального и постиндустриального общества. Государственной собственностью, приносящей доход для реализации общесоциальных интересов, могут служить транспортные коридоры (наземные, водные, воздушные); контролируемое космическое пространство; эфирные частоты; основные коммуникации и объекты инфраструктуры; службы, связанные с обеспечением безопасности движения всех видов транспорта. Перечень этот можно продолжить. Представляется, что в ВВП здесь могут быть включены не созданные блага, а доходы как важнейшая форма экономической реализации собственности.

В качестве особого элемента государственности мы включили экономическую политику. Такой подход нельзя считать традиционным для основных направлений экономической теории, специально занимающихся вопросами теории собственности. Он может быть обоснован воспроизводственным подходом к собственности и трактовкой ее содержания как процесса реализации определенных интересов. Экономическая политика существенным образом влияет на направления, структуру и интенсивность потоков доходов, которые могут быть учтены в ВВП по доходному методу. Налоговая, таможенная политика, политика доходов, динамики ВВП и занятости – эти и иные направления экономической политики служат реализации социально определенных интересов. Новейшая история России содержит достаточное количество свидетельств на сей счет. Явление «олигархов» в России объясняется тем, что экономическая политика была выстроена таким образом, что стала возможной концентрация значительной части прав собственности и экономической власти в руках узкой группы людей. Конкретизация экономической политики, приводящей к олигархизации экономики; последовательность и направленность реализации такой политики требует особого исследования и описания. Основная суть, заключается в том, что экономическая политика, влияя на потоки доходов и реализацию интересов, выступает важным фактором государственной собственности.

Как воспроизводственный процесс все указанные моменты государственной собственности выступают в единстве. Но из этого не следует, что в ВВП можно объединять разные методы расчета для получения устрашающих цифр государственного участия в ВВП.

Теперь кратко о корпоративной собственности, поскольку государственному участию в ней придается решающее значение при определении доли государственной собственности и его участия в ВВП.

Логика образования эффективных корпораций состоит в том, что в исходном пункте их образования находится инвестиционный проект. Под этот проект, если он перспективен, мобилизуются средства акционеров, с помощью которых этот проект реализуется. Активы фирмы складываются из средств заинтересованных этим проектом лиц. Мотивы контроля базируются на интересе акционеров. Получение и распределение доходов венчают этот жизненный цикл, который повторяется заново. Главная причина неэффективности корпоративной формы в переходной экономике России кроется в нарушении эффективной логики её образования. Вместо концентрации активов под перспективный инвестиционный проект здесь происходило рассредоточение государственных активов без всякой связи с инвестиционным процессом. Если путем акционирования приобретались прибыльные фирмы, то «улавливание» доходов было главной целью приватизаторов. То, что в эффективно формируемой корпорации является завершающим этапом, в переходной экономике России было исходным пунктом. По сути эта была рентноориентированная приватизация.

Разрушение логики эффективности имело определенные последствия. Доходы и даже оборотные средства приватизированных предприятий отвлекались в спекулятивный сектор, который был более доходным по сравнению с реальным сектором. Инерционно приносящие доход средства производства не возобновляемо изнашивались. К такому же результату приводило инвестирование полученных доходов за рубежом. Разрыв прямой связи между доходами и их источниками разрушал логику эффективного функционирования акционерных обществ. Конечным выводом упомянутой выше статьи является неэффективность государственной собственности.¹ На самом деле проблема значительно шире. Неэффективность российских компаний, независимо от того участвует в них государство или нет, определяется характером их происхождения, противоречащим эко-

¹ Абрамов А., Радыгин А., Чернова М. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики, № 12, 2016 г.

номической логике эффективного происхождения данной формы организации предпринимательства.

Наша позиция о роли государственной собственности в структуре отношений собственности нуждается в некотором уточнении. Когда она измеряется исключительно принадлежащим государству имуществом, то искажается ее действительная величина. Приватизаторы в России ссылаются на то, что в развитых странах (например, в США) невелика доля государственной собственности. Отсюда делается вывод: чтобы стать развитой страной надо доприватизировать все, что еще осталось неприватизированным. Предлагается даже приватизировать учебные заведения, учреждения культуры и т.д.

Собственность в данном случае рассматривается как запас, как принадлежащее государству имущество. Но если рассмотреть собственность как поток, которым распоряжается государство, то окажется, что государственная собственность в США составит около половины ВВП. Имея в распоряжении ресурсы такого масштаба, государство может проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политики, в том числе, и экономическую. Опыт именно развитых стран дает ориентиры на усиление роли государственной собственности. Ее структура в разных странах формировалась под влиянием конкретно-исторических причин. В одних странах государственное предпринимательство играет существенную роль, в других основной центр тяжести государственной собственности ложится на бюджет. Ставку на бюджет в структуре госсобственности могут делать те страны, где установился баланс межсоциального распределения национального дохода, отлажен национальный механизм эффективного сбора налогов, высока налоговая дисциплина, гражданская и предпринимательская этика.

Россия пока еще очень далека от формирования подобного рода традиций. В условиях коррупции, высокой доли теневой экономики, олигархизации, приватизация является неэффективной, поскольку ее результаты направлены на усиление указанных негативных тенденций. В этих условиях в России следует укрепить государственную собственность и прежде всего в отраслях, где доходы не имеют предпринимательской основы.

Подведем итог. Государственная собственность имеет многослойную и многофункциональную структуру. Через нее определить долю государства в ВВП крайне сложно. Если ставить такую задачу, заранее определив для чего ее надо решать, нужен другой подход.

Суть ВВП – это произведенные блага. Блага производятся с использованием ресурсов. Официальная статистика предоставляет возможность анализа в данном направлении .

Основные фонды в государственной собственности составили в 2011 г. около 18%¹. Среднегодовая численность занятых в государственной и муниципальной собственности составляла в 2015 году 27,7 %². Поскольку статистика по оборотным средствам не приводится, рассчитать долю государства в производимом ВВП лучше через долю занятых. Большинство источников отводит государству 28–30 % производимого ВВП. «По расчетам МВФ, проведенном методом сложения расходов, в 2012-м 26 крупнейших государственных компаний производили 28% российского ВВП, что почти соответствует вкладу КГУ в ВВП 61 крупнейших компаний»³ Приведена цифра, соответствующая доле занятых в госсекторе.

Скорректировать этот показатель можно через разницу в средней производительности труда в государственном и негосударственном секторе. Если доля госсектора в ВВП не меньше доли занятых в нем, то нет оснований говорить о более низкой производительности труда и вообще неэффективности госсектора. И, наконец, «В то же время оценка вклада в ВВП всего государственного сектора, включая бюджетные организации, сделанная МВФ по данным за 2012 г., в размере 68% примерно совпадает с аналогичными расчетами ФАС (2016) согласно которым совокупный вклад государства и государственных компаний в ВВП России составил около 70 %, а в 2005 г. эта доля не превышала 35%»⁴. Методику ФАС нам обнаружить не удалось, а на материалы МВФ мы уже ссылались. В них есть обе цифры 71 и 68. Первая означает доходы, вторая – расходы. Разница называется профицитом. Скорее всего ФАС взяло первую цифру из доклада МВФ. Основной темой доклада МВФ является фискальная политика, долговая нагрузка и т.п., а не методы расчета ВВП⁵ Об этом свидетельствует ссылка на бюджетные организации, которая прямо выводит на сложение бюджетный расходов и производимого ВВП. Метод расходов смешивается с производственным методом расчета ВВП, кроме того очевиден повторный счет. И все это ради

¹ Нешитой А.С. Инвестиции. М., Издательско-торговая корпорация «Дашкоа и К» 2016 г., с. 55

² Россия в цифрах. 2016 г. с. 92. Режим доступа: сайт Росстата http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641

³ Абрамов А., Радыгин А., Чернова М. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики, № 12, 2016 г. с. 75

⁴ Там же.

⁵ См. комментарий документа – Сайт газеты «Коммерсант» <http://kommersant.ru/doc/2480928>

получения впечатляющей и даже устрашающей цифры, дающей карт – бланш на достаточно легкое обоснование основных причин экономических трудностей и столь же легкую возможность по их преодолению.

Экономической науке следует перейти к не ангажированному обсуждению качества роли государственного участия в экономике по критериям экономической и социальной эффективности. Хорошего (по данным критериям) должно быть как можно больше, плохого, как можно меньше.

Заключение

В XXI веке будет продолжен поиск новой модели социально-экономического развития: более справедливого и соответствующего высшим ценностям человека и общества. В этом поиске научные наработки выдающихся предшественников, творивших в прошлом веке, служат ценной базой для последующих изысканий. Фундаментальный труд Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» нельзя отнести к технократическому производству. В нем поставлены острые социальные вопросы, связанные с экономической дифференциацией и неравенством, возможностям перехода экономической власти к труду как фактору производства и его носителям – работникам. Это фундаментальные вопросы общественного устройства. Объединяя их с функциями планирования, власти, государства Гэлбрейт применяет обобщающее понятие «социализация». Это и есть, на наш взгляд, общее итоговое определение конвергенции, которая рассматривается им как **система**. Работа в этом направлении ведется российскими авторами, и будет продолжена.¹

¹ «То, что большинство отдельных явлений, ведущих к социализации (если позволительно употребить это самое неприятное слово) развитой корпорации, реально существует, признают даже наиболее консервативно настроенные люди. Контроль такой корпорации над ценами на ее продукцию, ее воздействие на поведение потребителя, бесшумное устранение акционеров от власти, государственное регулирование совокупного спроса, стремление к стабилизации цен и заработной платы, значение финансируемых государством научных исследований и конструкторских работ, а также государственных закупок, связанных с нуждами военных ведомств, роль управления по исследованию космического пространства и смежных государственных учреждений, влияние корпорации на эти виды государственной деятельности и современная роль образования – все это более или менее признанные факты реальной жизни.

Чего избегают, так это размышлений о выводах, которые напрашиваются, если све-
сти все эти факты воедино, рассматривать их как систему. Однако см. на след. странице

Литература

1. *Абрамов А., Радыгин А., Чернова М.* Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике // Вопросы экономики, № 12, 2016 г.
2. *Бетелл Том.* Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008.
3. Ведомости. № 4171 от 29.09.2016; Бюллетень о развитии конкуренции. Март 2016.
4. *Гайдар Е.* Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику. Вопросы экономики, 1998 г., №4
5. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004
6. Долговая экономика как феномен XXI века. Под ред А.А. Пороховского. М. Макс Пр., 2014.
7. *Илларионов А.* Как Россия потеряла XX столетие. Вопросы экономики, 2000, №1.
8. *Илларионов А.* Экономическая свобода и благосостояние народов. Вопросы экономики, 2000, №4.
9. *Илларионов А., Пивоварова Н.* Размеры государства и экономический рост. Вопросы экономики. 2002г., №9.
10. Коммерсант. 29 декабря 2016 г.
11. *Коротаев А.В., Билюга С.Э.* О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. В журнале – Вестник Института экономики РАН. № 4, 2016.
12. *Мау В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики, №2, 2009.
13. *Мау В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. Вопросы экономики, 2002г., №7.
14. *Молдин Джон., Терпер Джонатан.* Развязка. Конец долгового суперцикла и его последствия (© John Mauldin and Jonathan Terper, 2011 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013 © Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

см. на предыдущей странице невозможно допустить, что здание осталось таким, как раньше, если главные опоры и перекрытия индустриальной системы изменились. Если части изменились, то изменилось и целое. Если в результате этих изменений развитая корпорация оказалась неразрывно связанной с государством, то данный факт нельзя не включить в число ее характерных признаков». *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 561

15. *Нешитой А.С.* Инвестиции. М., Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016.

16. *Низматулин Р.* Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики, №3, 2003. С. 125–131.

17. Новостной сайт Forum.msk.ru

18. Панорама экономической мысли конца XX столетия под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. Перевод с английского под редакцией В.С. Автономова, С.А. Афонцева Т.1 – XVI + 670 с., Т.2. 352 с. 2002. С. 638–668

19. Россия в цифрах. 2016 г. с. 92. Режим доступа: сайт Росстата http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641

20. Сайт газеты «Коммерсант» <http://kommersant.ru/doc/2480928>

21. *Сакс Д., Ларрен Ф.* Макроэкономика. Глобальный подход. М.: Дело. 1996.

22. *Сидорова Е.А.* О Гайдаровском форуме [Электронный ресурс] / Е.А. Сидорова, М.В. Клинова // MGIMO.ru – 2016. – 25 января. – URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/gaydarovskiy-forum-2016/>.

23. *Сорокин Питурим.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука 1997.

24. *Файерстайн Митч, Понци Планета.* Как политики и банкиры крадут наше будущее, как вы можете выжить, что будут дальше. Москва. Международные отношения. 2014

25. *Хубиев К.А.* Генезис новых отношений в инновационной экономике / От кризиса к социально ориентированному развитию. Под общ. ред. А. Бузгалина, М.Воейкова, О.Мамедова, В.Рязанова. М.: URSS, 2013

26. *Хубиев К.А.* Глобальные тенденции экономической динамики: политэкономический подход / Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития: материалы III Международного политэкономического конгресса и VI Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2016 г.): в 2 т. / [под ред. М.А.Боровской, Ю.М.Осипова, А.В. Бузгалина, А.Ю. Архипова]. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016.

27. *Хубиев К.А.* О количестве и качестве участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма // Философия хозяйства, № 2 (80), 2012. С. 14–28.

28. Экономический рост и вектор развития современной России. Под ред. К.А.Хубиева. М.: Теис. 2004.

29. Энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/enc/ekonomika-i-pravo/gosudarstvennyi-dolg?page=0,1>
30. Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива). Вопросы экономики. №1, 2003.
31. Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста // Экономический журнал ВШЭ, №2, Т.6 2002.
32. Ясин Е. Функции государства в рыночной экономике. Вопросы экономики, 1997, №6.
33. Ясин Е.Г. Модернизация российской экономики: что на повестке дня // Экономический журнал ВШЭ, № 2, 2001.
34. International Monetary Fund. – May 2014.

часть 2 План, рынок и корпорации:
50 лет спустя

section 2 Plan, market and corporations:
50 years after

Роль и судьба корпораций

Анатолий Александрович Пороховский

Заведующий кафедрой политической экономии ЭФ
МГУ им. М.В. Ломоносова,
д.э.н., профессор

Anatoly A. Porokhovsky

The Chairman of the department of Political Economy
at Lomonosov Moscow State University (Faculty of Economics),
Dr. of Economics, Professor

Аннотация. В главе рассматривается эволюция корпораций в XX и XXI столетиях. Показано, что выводы Дж.К. Гэлбрейта о «рыночной системе» и «планирующей системе», сделанные им 50 лет назад получили новые доказательства. однако современные вызовы влияют на поведение корпораций и фондовый рынок.

Ключевые слова: Эволюция капитализма, корпорация, капитал, акционерная собственность, регулирование рыночной экономики, экономика

Corporation's Role and Fortune

Abstract. The chapter considers the evolution of corporations in the 20th and 21st centuries. It is shown that J.K. Galbraith conclusions about «market system» and «planning system» made 50 years ago have received new proofs. However, contemporary challenges affect corporate behavior and capital market.

Keywords: evolution of capitalism, corporation, capital, shareholders ownership, regulation of market economy, economics

Современный мир вошёл в турбулентный период развития. Одновременно с громадным технологическим прогрессом не разрешаются различного рода противоречия как внутри отдельных стран, так во всём мировом хозяйстве. Обостряется конкуренция и усиливается неравномерность развития стран и целых регионов. Особенно острым остаётся проблема неравенства доходов, растущий разрыв по уровню жизни между бедными и богатыми, между развитыми и развивающимися странами. Небывалый после Второй мировой войны мировой экономический кризис 2007–2009 годов вынудил даже либеральные круги, не столько учёных мужей – Нобелевских

лауреатов по экономике, сколько специалистов по управлению и предпринимательству задуматься о системном сбое в развитии капитализма¹.

Вместе с тем начиная с 70-х годов XIX века тон в капиталистической рыночной экономике начали задавать крупные предприятия – корпорации², нашедшие опору в акционерной собственности и акционерном капитале. Оставаясь по своей природе капиталистическими предприятиями, нацеленными на получение прибыли, корпорации внесли существенные изменения как в механизм рыночной экономики, так и в другие её элементы. Если возникновение и развитие корпораций дало толчок образованию в США школ бизнеса и менеджмента как науки управления крупными деловыми структурами, то неоклассическая экономическая теория «не заметила» этот процесс. На это обратил внимание в 1976 году Дж.К. Гэлбрейт в своей стартовой передаче на телеканале Би-Би-Си из цикла «Эпоха неустойчивости»: «в последнее столетие мы отмечаем контраст между незыблемой устойчивостью экономической мысли и громадной неопределенностью проблем, встреченных нами в наше время»³. По итогам телевизионного цикла вышла книга с тем же названием где анализ корпораций занимает не последнее место⁴.

Немного истории

В 1967 г. в США вышла книга Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», которая через два года была издана в СССР на русском языке. Корпоративный сектор Америки был отмечен автором двумя характерными чертами – техноструктура и индустриальная система⁵. Причём индустриальная система включила промышленное планирование. Через шесть лет в монографии «Экономические теории и цели общества» Гэлбрейт разделяет национальную экономику на две части – рыночную и планирующую системы, приводя дополнительные аргументы в пользу нерыночных вну-

¹ Мейер К., Кирби Д. Сбой в эволюции капитализма. Harvard Business Review – Россия, апрель 2012

² Гордон Р.Дж. Вниз с вершины. – Финансы и развитие, июнь 2016. С. 33–34.

³ Galbraith J.K. The Age of Uncertainty. Delhi, Indian Book Company, 1977. P. 7.

⁴ Galbraith J.K. The Age of Uncertainty. – Delhi, Indian Book Company, 1977

⁵ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969 ; Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Избранное. М., Эксмо, 2008.

трифирменных связей и особых межкорпоративных отношений¹. Позже в своих воспоминаниях автор отметил: «В «Экономических теориях и целях общества» я столкнулся с глубоким продолжающимся противоречием в современном индустриальном обществе, но не разрешил его. Цели общества и корпораций расходятся. Общество должно рассчитывать только на государство в утверждении общественных интересов. Государство же, однако, находится в значительной мере под властью корпораций... То, что считается общественным мнением, в каждый данный конкретный момент является лишь отражением нужд и интересов технотехники корпораций...»².

Разработка теории корпораций Гэлбрейтом происходила практически при уточнении и развитии его взглядов по общей экономической теории. Так, в предисловии к третьему изданию «Нового индустриального общества» в 1978 г. он указал: «Существует жизненное различие между двумя типами планирования. Первый способствует рынку быть более эффективным. Второй заменяет рынок». А в конце предисловия подчеркнул, что «мир, без сомнения, продолжает развиваться более быстро, чем экономикс интерпретирует и описывает его»³. В другой книге, подготовленной вместе с французской журналисткой Н. Салинджер, Дж.К. Гэлбрейт определяет своё отношение к экономикс: «Экономикс – политическая экономия, очищенная от политики»⁴.

Как видно, взгляды и теоретические подходы Дж.К. Гэлбрейта не замыкаются на экономикс. Один из его биографов обратил внимание, что он изучил классическую книгу А. Маршалла «Принципы экономикс», но также знал историю экономической мысли и читал Веблена ещё до кейнсианской революции. Определённое влияние на научную судьбу Дж.К. Гэлбрейта оказала книга А. Берли и К. Минза «Современная корпорация и частная собственность», вышедшая в 1932 г. В книге рассматривалась концентрация экономической власти 200 промышленными корпорациями со всеми вытекающими последствиями⁵. Дальнейшие исследования уже после второй мировой войны, проведённые самим Гэлбрейтом, воо-

¹ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Избранное. М., Эксмо, 2008. С. 347–517.

² Там же. С. 1026.

³ Galbraith J.K. The New Industrial State. 3rd Edition, – N.Y. A Mentor Book, 1978. PP XV–XIX.

⁴ Galbraith J.K., Salinger N. Almost Everyone's Guide to Economics. – N.Y., Bantam Book, 1979. P. 5.

⁵ Silk L. The Economists. – N.Y. Avon Books, 1976.p 91, 93–94

чию показали, что корпорации стали настоящими хозяевами не только в американской, но и в мировой экономике. К американским корпорациям добавились компании других стран.

После вступления в должность 45-го президента США Д. Трампа добавилось неопределенности в будущем развитии Америки и судьбе американской глобализации мировой экономики. Пока преобладает официальная оценка роли и места США в мире – Америка сохраняет лидерство и в ходе 4-й промышленной революции¹. Ещё до господства всемирной паутины Интернета, но при сосуществовании СССР в 1988 г. вышла книга-диалог Гэлбрейта и советского экономиста С.М. Меншикова «Капитализм, социализм, сосуществование»². Но теперь выводы диалога перекликаются с соперничеством США и коммунистическим Китаем, официально продолжающим укреплять в своей стране социализм с применением рыночной мотивации, что позволило КНР стать «мастерской мира» на рубеже третьего тысячелетия. Анализируя книгу-диалог, нами была подчеркнута роль «планирующей системы» в развитии производительных сил и человеческой цивилизации вообще³.

Ценность научного наследия Гэлбрейта состоит в том, что в своих многочисленных книгах и статьях он сумел выделить и охарактеризовать то главное, что и сегодня предопределяет судьбу как американской, так и всей мировой экономики. Им показана и доказана объективность глубинных процессов развития капитализма, который для своего выживания ищет пути овладения новыми технологиями для ответа на современные вызовы.

Американское экономическое лидерство в современном мире не оставляет к себе равнодушных никого – ни простых людей, ни специалистов. Немало людей представляют США как земной рай, где даже трудности жизни предстают в розовом свете. Для ученых-экономистов США даже после кризиса 2007–2009 годов – это страна со сбалансированной и относительно стабильной экономикой, жестким конкурентным механизмом, активно отбирающим и внедряющим во все сферы хозяйства новые технологии и другие нововведения. По уровню производительности и общей эффективности,

¹ Economic Report of the President, 2017. – Washington, January 2017

² Гэлбрейт Дж.К., Меншиков С.М. Капитализм, социализм, сосуществование. М., Прогресс, 1988; Galbraith J.K., Menshikov S. Capitalism, Communism and Co-existence. From a bitter past to a better prospect. – Boston, Houghton Mifflin. 1988

³ Пороховский А.А. Многоликий мир и сотрудничество. (Заметки по поводу книги-диалога Дж.К. Гэлбрейта и С.М. Меншикова «Капитализм, социализм, сосуществование»). – Экономические науки, 1989, № 3

что отмечалось на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., американская экономика давно стала маяком для большинства стран мира. При этом, само собой разумеется, что такие столпы рыночной капиталистической экономики как частная собственность и капитал вообще не обсуждаются, ибо они по сути составляют основу общества и всей жизни.

Между тем именно в общей основе американского стремительного взлета в XX в. на вершину лидерства в мировом хозяйстве как раз и кроется одна из разгадок успехов США. Дело в том, что частная собственность и первоначальный капитал наряду с другими специфическими обстоятельствами возникновения страны на североамериканском континенте, с одной стороны, обеспечили удачный старт экономического развития, а с другой – не застыли в своих изначальных формах, а адаптировались к формирующимся новым условиям. В результате современные США имеют разнообразные формы собственности и капитала, что, в конечном счете, предопределяет смешанный характер американской экономики. Между тем стержневой опорой как предшествующего, так и современного развития выступает *акционерная собственность* и функционирующие на ее базе *акционерные общества* и *акционерный капитал*, представленные в США в форме *корпораций*. Из многочисленных проблем, связанных с данной темой, остановимся на трех – место и роль корпораций в национальной экономике, сложность и динамизм корпоративного мира, особое значение фондового рынка в рыночной системе.

Корпорации – ведущее звено национальной экономики

Анализ корпораций и американской экономики в начале XXI века был бы неполным, если бы остались в стороне исторические корни сложившейся современной картины. Как известно, капитал вообще и акционерный капитал, в частности, существовали задолго до возникновения рыночного хозяйства и капитализма в Европе. Но и ростовщический, и купеческий капитал того периода получили название допотопного капитала, ибо они не были рождены рыночным развитием, а предшествовали ему. Европа еще до капитализма знала общества, основанные на долевом участии партнеров, которые обеспечивали торговые связи со странами Востока. Но опять же такие общества лишь по форме напоминали возникшие на определенном этапе капиталистического хозяйства акционерные предприятия.

В рыночной капиталистической экономике становление акционерного капитала обуславливалось рядом обстоятельств и условий, важнейшим

из которых оказалась острая необходимость объединения индивидуальных капиталов для совместного бизнеса, имеющего общенациональное значение. И хотя история капитализма в США во многом отличается от истории капитализма в Европе, все же акционерные общества шли одним и тем же путем – его проложили железные дороги. «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг»¹. Потребности развития капитала после промышленной революции подтолкнули возникновение акционерных обществ.

Единое рыночное экономическое пространство страны фактически начало складываться после 1869 г., когда вошла в строй первая железная дорога, соединившая Восток и Запад США, также включив в активный деловой оборот земли центральной части. Как раз на этот же период приходится и первая волна возникновения акционерных обществ, создания фондового рынка и усиления позиций акционерного капитала. В то время еще не было систематических статистических наблюдений, и не выделялись определенные организационные формы бизнеса. Корпоративный сектор статистически стал выделяться на регулярной основе лишь в XX веке. В 1870 г. в США оказалось зарегистрированным 470 тыс. фирм всех видов и всех отраслей². А о создании акционерных обществ – корпораций можно судить лишь по их истории. При этом почти все хорошо известные современникам мощные американские корпорации начинали свой путь сто и более лет назад либо как партнерства, либо как фирмы, принадлежащие одному хозяину.

Остановимся на некоторых примерах. Всемирно известная американская корпорация «Проктер энд Гэмбл» родилась как партнерство У.Проктера и Д.Гэмбла 31 октября 1837 г. для производства мыла и свечей. Образованию фирмы способствовало, в частности, то, что Проктер и Гэмбл были женаты на сестрах Оливии и Элизабет Норрис. Компания быстро развивалась, но только в 1890 г. она зарегистрировалась как корпорация – акционерное общество.

Крупнейшая в современном мире нефтяная корпорация «ЭксонМобил» обязана своим рождением Д.Д. Рокфеллеру, зарегистрировавшему в 1882

¹ Маркс К. Капитал, т. 1. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23, с. 642

² Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Part 2. Washington. D.C., 1975, p. 913

г. свою компанию «Стандарт Ойл Ко. оф Нью-Джерси» Долгий путь преобразований, развития, диверсификации, слияний и поглощений привел к тому, что в нынешних условиях корпорация «ЭксонМобил» – это нефтехимический гигант, имеющий свои перерабатывающие предприятия в десятках стран и систему снабжения нефтепродуктами более чем в 100 странах, стал функционировать как единая корпорация с 30 ноября 1999 г. и в этом же году ее оборот по продажам достиг 164 млрд. долл. А в 2015 г. с оборотом 246,2 млрд. долл. корпорация закрепилась на втором месте среди 500 крупнейших корпораций США¹.

В разных уголках мира давно уже знают автомобильную марку «Форд». Образованное Г.Фордом в 1903 г. как предприятие двенадцати партнеров, постепенно превратилось в мощную корпорацию – одну из крупнейших в мире производителей автомобилей «Форд мотор компани», которая ныне имеет разного рода бизнес в более чем 50 странах, на которую поставляют различные детали, сборочные узлы и другую продукцию свыше 60 тыс. компаний по всему земному шару. И хотя с 2 января 1999 г. пост председателя совета директоров корпорации вновь занимал родственник ее основателя Уильям Форд, праправнук Генри Форда, фирма продолжает развивать свою стратегию как акционерная компания, работающая не только на американского потребителя, но и на мировое сообщество, предлагая миллионы различных автомобилей в год.

Для авиапассажиров большинства стран хорошо известна марка авиастроительного концерна «Боинг». И здесь фамилия основателя превратилась в название одного из самых крупных в мире производителей самолетов. Уроженец г. Детройта (штат Мичиган) У. Боинг открыл предприятие по созданию аэропланов в 1915 г., когда ему едва исполнилось 34 года. И если первый самолет был собран в гараже для катера У. Боинга, то современные лайнеры выпускаются на заводах, по своим площадям не уступающих большим городкам. Понятно, что при таких масштабах и объеме производства никакой индивидуальный капитал не смог бы справиться – будь то начало или конец XX в. Именно поэтому акционерный капитал позволил не только развернуть когда-то железнодорожное строительство и сопутствующие ему отрасли, но и стал своеобразным катализатором и несущим хребтом развития различных отраслей экономики, определяющих ее инфраструктуру и потенциал для дальнейшего роста. Можно сказать, что если с технической стороны машинное производство предопределило материальную основу устойчивого развития рыночного капита-

¹ Fortune 500, May 2016

листического хозяйства, то акционерный капитал выступил адекватной общественной формой подобного развития, предопределяя и организационные формы предпринимательства, и роль акционерных предприятий в экономике и обществе. Эта тенденция хорошо просматривается по данным, представленным в табл. 1.

Вначале остановимся на тех параметрах, которые можно легко подсчитать, опираясь на табличные данные. Последние 20 лет прошлого века весьма характерны для экономики США. После стагфляции 1970-х гг. существенных срывов в экономическом развитии не наблюдалось. Страна входила в эпоху новых информационно-коммуникационных технологий, используя уже испытанные формы бизнеса и капитала. Наряду с так называемой «новой экономикой» продолжала развиваться «старая экономика» – традиционные отрасли хозяйства и институциональные формы его организации на всех уровнях – от общенационального до отдельной фирмы.

Однако в 2001 г. информационные технологии в значительной мере спровоцировали в стране первый в XXI веке экономический кризис, который нарушил сложившееся соотношение между разными формами бизнеса, но подтвердил, что ни информационно-коммуникационные технологии, ни крупные корпорации не могут отменить цикличность рыночного развития. Более того экономический кризис 2007–2009 годов ещё более напомнил о рукотворности цикла и кризиса в рыночной экономике. Но опять же структура собственности и форм бизнеса мало изменились.

Впечатляет значительное численное преимущество предприятий в индивидуальной собственности. В 2013 г. их доля достигла 72 %. С 2002 по 2013 годы выросла немного и доля партнерств до 10,4 %, а доля корпораций сократилась до 17,6 %, хотя по абсолютному числу достигла почти 6 млн. из 33,4 млн. предприятий всех форм собственности (см. табл. 1).

Как видно, численное преимущество индивидуальных предприятий абсолютно в течение всего двадцатилетия. Однако хотя доля корпораций в общей численности всех видов предприятий сохраняется примерно на одном уровне – 18%, экономический вес корпораций намного превышает соответствующие индикаторы остальных предприятий. Деловой оборот корпораций колеблется вокруг 82% от общего делового оборота. Такая закономерность характерна для всего периода после Второй мировой войны. Отсюда следует, что *корпорации, или акционерный капитал и акционерная собственность, экономически доминируют в американской экономике*, во многом предопределяя как ее структуру, так и механизм, и параметры развития. Можно даже сказать, что самая либеральная экономика в мире основной потенциал своего функционирования и развития с точки

зрения формы капитала и собственности черпает из акционерного капитала и собственности. Что же касается индивидуальных предприятий, находящихся в частной собственности их владельцев, то их экономический вес незначителен, но они благодаря своей многочисленности создают общую благоприятную среду для предпринимательской деятельности в целом и для учета всех видов индивидуальных потребностей на различных рынках.

Как выше отмечалось, американский исследователь Гэлбрейт посвятил анализу роли корпораций свою монографическую работу «Новое индустриальное общество», где пришел к выводу о том, что сформировалось «две части экономики – мир корпораций, быстро развивающихся в техническом отношении, обладающих огромными капиталами и сложной организационной структурой, с одной стороны, и сфера деятельности тысяч мелких традиционных собственников – с другой, значительно отличаются друг от друга. Это не количественное различие; оно пронизывает каждый аспект экономической организации и деятельности, включая сами мотивы этой деятельности... Было бы целесообразно дать какое-то обозначение той части экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций. Такое обозначение напрашивается: я буду называть ее «индустриальная система»¹.

Тем самым Гэлбрейт подчеркнул, что и среди корпораций выделяются крупнейшие, как, к примеру, «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «АТТ», «ИБМ» и другие, которые как раз и составляют ядро индустриальной системы, а она выступает как определяющая черта «нового индустриального общества»².

Из всех отраслей наибольшее число корпораций работает в сфере услуг, оптовой и розничной торговле. Этим отраслям немного уступает финансовая сфера, страхование и недвижимость, но здесь корпорации обладают самыми большими активами. Это обстоятельство еще раз подчеркивает значимость финансовых институтов в жизни современного американского общества. Но по деловому обороту пальма первенства принадлежит корпорациям обрабатывающей промышленности. Причем здесь же и размер активов наибольший после корпораций финансовой сферы. Именно в указанных отраслях корпорации имеют наибольшую долю делового оборота. В XXI век США вступили, опираясь на экономическую мощь корпораций, крупнейшие из которых занимают ключевые позиции в ведущих отраслях.

¹ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. С. 45

² Там же

табл. 1 Распределение предприятий по формам собственности в экономике США

Форма собственности	2002				2013			
	Количество предприятий		Деловой оборот		Количество предприятий		Деловой оборот	
	тыс.	%	млрд долл.	%	тыс.	%	млрд долл.	%
Предприятия в индивидуальной собственности неаграрных отраслей	18926	71,6	1030	4,5	24075	72,0	1342	3,6
Партнёрства	2242	8,5	2669	11,8	3461	10,4	6100	16,2
Корпорации	5267	19,9	18849	83,7	5889	17,6	30192	81,2
Всего:	26435	100	22548	100	33425	100	37634	100

Источник: подсчитано по: Statistical Abstract of the United States 2012 p. 491; SOI Tax Stats – Historical Tables 10,11,13. <http://www.irs.gov>.
 Население США: 2002 г. – 288 млн человек, Ibid., p. 8; 2013 г. – 316,5 млн человек.

табл. 2

500 крупнейших корпораций США в 2015 г.	
Объем реализации	12,0 трлн долл.
Чистая прибыль	840 млрд долл.
Рыночная капитализация	17 трлн долл.
Число занятых	27,9 млн человек
Доля в ВВП США	67 %

Источник: Fortune 500, 2016

Конечно, за подсчитанными средними величинами кроются определенные различия. Так, журнал «Форчун», который ведет учет 500 крупнейших корпораций с 1954 г., включает в деловой оборот всю деятельность, в том числе и за пределами США. В то же время ВВП подсчитывается только как продукт, произведенный на национальной территории. Да и сам «клуб 500» – это не монолит, а статистическое «общество» с постоянно меняющимся составом, где каждая корпорация преследует, прежде всего, свои цели и заботится о собственной судьбе. Поэтому «клуб 500» не имеет единой стратегии, да и тактика каждой компании зависит от множества свойственных для каждой фирмы факторов и обстоятельств. Но и при всем этом очевидно и то, что «вес» 500 корпораций в экономике страны и американском обществе соответствует их доле в ВВП по реальному влиянию и на всю структуру власти, и на внутреннюю и внешнюю политику, и на представление самих американцев о себе и о роли США в мире.

В совокупности обладая огромной экономической мощью, американские корпорации, особенно члены «клуба 500», и каждая в отдельности оказывают существенное влияние на ход экономических и социальных процессов.

На 316,5 млн чел., составляющих население США, в 2013 г. приходилось, как видно из табл. 1, почти 33,4 млн различных компаний, среди которых абсолютное большинство – 72% – это предприятия в индивидуальной собственности. И хотя число корпораций в стране достигает 6 млн. и они дают свыше 80% оборота всех видов предприятий, всего лишь 500 крупнейших корпораций своими гигантскими оборотами фактически определяют ритмичность и устойчивость экономического пульса страны, динамику ее развития. Получается, что *на базе акционерной собственности и акционерного капитала сформировались как современная основа для экономического развития, так и адекватные условия для концентрации капитала и бизнеса при безусловном лидерстве крупнейших корпораций.*

Однако реализовать свой потенциал акционерный капитал смог лишь развиваясь в обществе, в котором и монополист, и мелкий предприниматель, и хозяин торговой точки в одинаковой мере ответственны перед обществом. Громадный спектр отраслей и форм хозяйствования дает возможность любому легальному бизнесу найти свое место и играть свою роль в экономике и обществе. Поэтому экономическое доминирование корпораций воспринимается не как засилье, а как своеобразное «распределение ролей», которое сложилось в экономике на основе объективных законов, действие которых не ущемляет, а предопределяет соответствие между различными формами собственности, капитала и бизнеса. Когда

же такое соответствие нарушается и крупнейшие корпорации прельщаются монополистическими правами, тогда должен вступить в действие весь механизм государственного антимонопольного регулирования, который как раз и призван не просто поддерживать конкуренцию, но и определенный баланс в экономике.

Четверть века назад Россия выбрала путь рыночного развития после планового хозяйства СССР. Проведенная приватизация государственной собственности и последующая экономическая политика государства сформировали в стране экономическую структуру на основе частной собственности. Как показывают данные табл. 3, в 2014 г. в России насчитывалось почти 5 млн предприятий и организаций, из которых в частной собственности всех форм оказалось 4,2 млн, или 86,2 %, а в государственной собственности всего 2,3 %. Уровень приватизации российской экономики превысил аналогичный показатель многих других стран, в том числе и развитых. Вместе с тем с точки зрения распределения экономической мощи существующих предприятий публичные акционерные общества, или корпорации, заняли ведущие позиции и определили ядро национальной экономики.

табл. 4 Распределение предприятий и организаций по формам собственности в России (на конец года)

В процентах к итогу	Тыс.			В процентах к итогу		
	2000	2007	2014	2000	2007	2014
Число предприятий и организаций – всего	3346	4675	4886	100	100	100
в том числе по формам собственности:						
государственная	151	142	114	4,5	3,0	2,3
муниципальная	217	263	219	6,5	5,6	4,5
частная	2510	3855	4212	75,0	82,5	86,2
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	223	212	144	6,7	4,6	3,0
прочие формы собственности, включая смешанную российскую, иностранную, совместную российскую и иностранную	209	203	197	9,3	4,3	4,0

Источник: подсчитано по: Российский статистический ежегодник, 2015 г., с. 317

Население России в 2001 г. – 146,3 млн чел., в 2007 г. – 142,2 млн чел, в 2013 г. – 146,3 млн чел., там же, с. 69

Журнал «Эксперт» уже более 10 лет проводит исследования о деятельности 400 крупнейших российских корпораций. Как видно из табл. 4, доля этих компаний в ВВП страны держится на уровне 70%, а в 2015 г. достигла 76%¹. Получается, что уровень концентрации экономической мощи крупной компании в России не уступает такому же уровню в США и других развитых странах. Выражаясь терминами Гэлбрейта, в российской экономике «планирующая система» намного превышает «рыночную систему» малого и среднего бизнеса. Однако формальное сходство не подкрепляется соответствующим содержанием, ибо в России большинство крупных компаний контролируются государством. Тем самым государство разделяет ответственность перед обществом за работу российского «большого бизнеса». Велика роль государства в большом бизнесе и в КНР, где вообще иная экономическая система.

табл. 4 Экономическая роль 400 крупнейших компаний России
(в текущих ценах)

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Объём реализации (трлн рублей)	41,3	43,4	46,2	52,2	61,4
ВВП страны (трлн рублей)	55,8	62,2	66,2	77,8	80,4
Доля 400 компаний в ВВП (%) страны	74	69,7	69,8	67,0	76,3

Источник: Эксперт, №43, 2016, с.78, 80.

В целом в мировом хозяйстве крупнейшие национальные и международные корпорации задают вектор экономического развития. Как видно из табл. 5, объём реализации товаров и услуг 500 корпорациями достиг в 2015 г. 27,6 трлн долл. На заводах и организациях этих фирм работало 67 млн человек, которые производили 37,7% мирового ВВП. В число этих 500 гигантов входили корпорации из 33 стран, но явное большинство принадлежит тем, кто имеет американский «национальный мундир».

табл. 5

500 крупнейших компаний мира в 2015 г.	
Объём реализации	27,6 трлн долл.
Чистая прибыль	1,5 трлн долл.
Число занятых	67 млн человек

¹ Эксперт, №43, 2016 (Эксперт, 400).

Число представленных стран	33
Доля в ВВП мира	37,7 %

Источник: Fortune 500, 2016

Поскольку почти все корпорации из списка 500 действуют во многих странах, постольку можно сказать, что границы между государствами не стали помехой для распространения их «планирующей системы». При этом роль рынка не сокращается, а изменяются его функции.

Корпорации и общество

Экономическая жизнь полна противоречий. Это утверждение верно к различным экономическим системам, включая систему акционерного общества. Понятно, что корпоративный мир неоднороден. В каждой корпорации есть свои особенности как управленческой структуры, так и внутрифирменного механизма. Однако есть немало и общего, что характеризует практически все компании, поскольку они опираются на предпринимательскую деятельность. И здесь не должно быть никаких иллюзий ни у простого человека, ни у академического исследователя. Откровенную характеристику акционерным компаниям дают исследователи из Гарвардской школы бизнеса, которые отмечают как интересы верхушки управляющих, да и всей корпорации далеко не совпадают с интересами населения, акционеров и общества в целом. Бизнес остается бизнесом¹.

Для корпораций выгодно быть законопослушными, иметь благоприятный имидж среди населения, поддерживать репутацию своей торговой марки, ибо без реализации своей продукции, без получения прибыли не может быть и речи не только об экспансии, но и об элементарном выживании. Жесткая конкуренция держит всех в напряжении. Однако гигантские размеры крупнейших корпораций способствовали созданию в рамках акционерных обществ особого климата и особой корпоративной атмосферы. В разнообразной характеристике современных корпораций выделим лишь две черты. Первая – распыленность акций среди множества акционеров. Вторая – относительная обособленность управляющих от большинства

¹ Menz M., Kunish S., Collis D.J. What do we know about Corporate Headquarters? A review, integration, and research agenda. – Harvard Business School, Working Paper 14-016, August 19, 2013

акционеров, что является следствием первой особенности. В фундаментальном труде «Собственность предприятия» американский профессор Г. Хансман подчеркнул, что в деловых корпорациях США ни один индивидуальный акционер не обладает пакетом акций, позволяющим иметь сколь-нибудь значительную степень контроля. Он приводит пример, что даже пять крупнейших акционеров «Дженерал моторс», которые представляют институты, аккумулирующие в свою очередь акции множества индивидуальных акционеров, вместе владеют меньше, чем 6% акций корпорации¹. Здесь же автор делает вывод о том, что управляющие многих крупных корпораций фактически сами себя назначают и проводят политику, свободную от прямого контроля собственников компаний². Причем «распыление» акций среди акционеров корпораций как общеизвестное явление имеет место в США уже более века. Проблема «принципал – агент» не сходит с повестки дня американских и других исследователей корпораций³.

Неслучайно поэтому именно тогда появилась так называемая теория «революции управляющих», констатирующая сложившуюся тенденцию поведения управляющих корпораций в собственных интересах, часто не совпадающих с интересами акционеров. Управляющий – наемный работник. Но это наемный работник особого рода. В его обязанности входит управление капиталом и другими ресурсами, собственниками которых являются тысячи и сотни тысяч акционеров. В таких условиях высший слой менеджеров крупной корпорации делает прежде всего то, что обеспечивает его благополучие в данный момент. Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество» подробно анализирует мотивы управляющих, заботящихся о процветании «индустриальной системы» и ставящих интересы акционеров не на первое место в приоритетах своей деятельности. «Разрыв между собственностью и властью, – подчеркивают аналитики лондонского журнала «Экономист», – может быть громадным»⁴. Этот вывод они относят как к европейским, так и американским корпорациям. И какое бы конкретное лицо ни становилось менеджером крупной фирмы, оно неизбежно является участником коллизии между капиталом-собственностью и капиталом-функцией, а «раздвоение» капитала произошло еще до появления акционерных обществ. Но в корпорациях на базе акционерного капитала собственники и

¹ *Hansman H. The Ownership of Enterprise. – Cambridge, 1996. P. 57*

² Там же. P. 59

³ *Morek R., Young B. Agency problems and the fate of capitalism. NBER Working Paper 16490, October 2010*

⁴ *The Economist. April 19, 2000 (European Business Survey, p. 14).*

управляющие занимают свои позиции, исходя из природы акционерных обществ. Иными словами, институциональная форма акционерного капитала отделяет акционеров от управляющих. И хотя порой некоторые управляющие также владеют акциями своей корпорации, по существу это мало что изменяет во взаимоотношениях двух полюсов – акционеров и менеджеров. Однако это противоречие не тормозит развитие корпораций, которые стремятся во всех случаях оперативно реагировать на вызовы времени.

Общая рыночная атмосфера и дух американского общества не могут не сказываться на поведении управляющих, на тактике и стратегии корпораций. Известный американский ученый, русский по происхождению, И. Ансофф в своей книге «Новая корпоративная стратегия» в качестве эпиграфов приводит слова А. Линкольна и А. Слоуна, руководившего «Дженерал моторс» более 40 лет. Для понимания сути корпораций, их поведения и роли в американском обществе высказывания видного политика и крупного менеджера весьма полезны. А. Линкольн отмечал: «Догмы спокойного прошлого не будут работать в бурном будущем. Раз мы взялись за новое дело, мы должны иначе думать и действовать»¹. Умудренный управленческим опытом, Слоун подчеркивал: «...Стратегическая цель любой компании – получение дохода на вложенный капитал. Если в каком-то конкретном случае в течение длительного периода времени этот доход недостаточно велик, необходимо либо изменить уровень рентабельности, либо отказаться от данного проекта и заняться другим, более перспективным»². Мир бизнеса, мир корпораций – это мир постоянных изменений. Особенно они ощутимы сегодня, когда информационно-коммуникационные технологии, а также другие научные открытия не только произвели информационную революцию, не только изменили роль факторов информации и времени в экономике и обществе. Но и формируют новое лицо экономики в целом. В таких условиях лишь один параметр корпорации может оставаться постоянным – это быть готовым ко всяким изменениям. Правда, специалисты журнала «Форчун» при отборе корпораций в «клуб 500» считают, что и в современное турбулентное время следует сохранить неизменным критерием величину делового оборота. «Пусть сохранится хоть немного постоянства» – такими словами предваряется список крупнейших американских корпораций 2000 г³.

¹ Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. С. 15.

² Там же. С. 25

³ Fortune, April 16, 2001, p. 227

Все больше специалистов в США приходят к выводу о том, что наступило время для коренной реструктуризации корпораций. Конечно, это не изменяет ни природу корпораций, ни акционерного капитала, но это создает условия для их адаптации к требованиям XXI в. В фундаментальном коллективном монографическом исследовании «Реструктурируя корпоративную Америку», авторы предлагают несколько направлений такой деятельности:

- выявление и оптимизация соотношения прямых и косвенных инвестиций;
- определение внутренних и внешних источников финансирования дальнейшего развития;
- выбор организационных форм реструктуризации;
- финансовая структура реорганизуемых фирм;
- выработка переговорной стратегии с партнерами для различных ситуаций;
- формирование адекватного учетного и контрольного механизма происходящих изменений;
- учет налогового фактора реструктуризации;
- нахождение в рамках федерального и антитрестовского законодательства и законов о ценных бумагах;
- формирование кодекса поведения в ходе и особенно после реструктуризации;
- соблюдение существующих договоров и соглашений, включая трудовые договоры с персоналом;
- анализ кратко- и долгосрочных последствий реструктуризации для акционеров¹.

Хотя содержательно реструктуризация зависит от времени проведения, но ее смысл довольно прост. Авторы приводят слова из известного американского толкового словаря Вэбстера, где говорится, что реструктуризация определяется как «план для обеспечения новой структуры или организации». А мотивацию реструктуризации они видят в необходимости «выжить, то есть оставаться конкурентоспособным»².

Ни одна компания, в т.ч. и крупнейшие корпорации, не может почитать на лаврах прежних достижений. Поэтому борьба за конкурентоспо-

¹ Clark J., Gerlach J., Olson G. Restructuring Corporate America. – Fort Worth, The Dryden Press, 1995

² Там же. Р. 4.

способность была, есть и будет главной задачей управляющих корпораций, ибо потеря позиций на рынке, в конечном счете, приводит к потере своей должности, какой бы пост ни занимал тот или иной менеджер. А выбор правильных в данный момент решений определяется многими факторами, среди которых не последнюю роль играют профессиональная подготовка и образование управленческого персонала. Неслучайно поэтому в США почти одновременно со становлением и развитием корпораций началось открытие и быстрое распространение в университетах школ делового администрирования или школ бизнеса. Как раз в этих школах отслеживают ситуацию в экономике и оперативно адаптируют учебные дисциплины для того, чтобы выпускники были готовы к наступающим изменениям на разных уровнях экономики. Получается, что корпорации являются не просто ведущим звеном экономики, но они во многом предопределяют содержание экономического и делового образования в стране, формируя спрос на выпускников школ бизнеса и других вузов. Конечно, корпорациям нужны и математики, и физики, и химики, и инженеры разных специальностей, и юристы, и много других профессий. Однако ключевые фигуры в наемном персонале корпораций – это управляющие, которых готовят в школах бизнеса.

Выпускники по деловому администрированию и управлению среди всех выпускников вузов США занимают значительную долю – не менее 1/5. Причем среди бакалавров выпускники по бизнесу и управлению вышли на первое место, а среди магистров они уступают только специалистам для системы образования. Зато докторские степени в области бизнеса и управления получают лишь немногие. В практической деятельности корпораций управляющие ограничиваются степенью магистра, а докторские степени необходимы в основном профессорам школ бизнеса. По докторским степеням абсолютное первенство принадлежит специалистам в естественнонаучных и технических областях.

Разными путями акционерный капитал охватывает фактически все американское общество. Первенство в экономике, первенство в образовании, первенство на рынках товаров, труда, информации – это не просто лидерство корпораций. Это выражение степени воздействия акционерных структур на институты демократического общества. Но именно благодаря демократическим устоям американского общества корпорации находятся в рамках общих «правил игры», будучи не в состоянии распространить свой внутрифирменный корпоративный мир на все общество. Корпоративный механизм ограничен рамками каждой отдельной корпорации, поэтому нет единого корпоративного мира, нет корпоративного тоталита-

ризма. Известный специалист по изучению конкуренции профессор Гарвардской школы бизнеса М. Портер вместе со своими соавторами из деловой сферы призвал большой бизнес не только понять, что «капитализм должен быть для всех», но и перестраивать управление корпорациями с учетом революции в производстве, где «умные технологии перекраивают компании»¹. Теперь уже дышит в затылки корпораций 4-я промышленная революция – современная волна нано- и других технологий. Корпорации на чеку.

В США наибольший интерес к акционерному капиталу проявляет так называемый «средний американец», который как раз составляет средний класс американского общества. И по величине годового дохода, и по размеру финансовых активов владеющие акциями домохозяйства – это устойчивая, активная часть населения. В той или иной мере большая половина взрослого населения страны – это акционеры.

Корпорации и фондовый рынок

Развитие корпораций существенным образом повлияло на «субординацию» рынков в структуре хозяйства. По мере того как корпорации занимали ведущие позиции в отраслях и экономике в целом, обращение акций и других ценных бумаг на фондовом рынке стало выступать своеобразным индикатором состояния экономики. Фондовые биржи не просто стали местом купли – продажи корпоративных ценных бумаг, они превратились в нервные узлы экономики. Если в XIX века экономический кризис выражался в массовом перепроизводстве товаров, то уже в начале XX века сигналом к началу небывалого экономического спада стал обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже осенью 1929 г. После этого последовало расстройство банковской системы, резкое падение спроса и цен, что спровоцировало и товарное перепроизводство. Кризис 1929–1933 гг. преподнес США и другим странам поучительный урок. Стало ясно, что неуправляемая и бесконтрольная стихия на фондовом рынке способна похоронить любые достижения в других отраслях и на других рынках. Поддерживая самые либеральные принципы экономики, государство в то же время было вы-

¹ Портер М., Креймер М. Капитализм для всех. Harvard Business Review – Россия, апрель 2011; Портер М., Хаппельман Дж. Революция в производстве: умные технологии перестраивают компании. Harvard Business Review – Россия, ноябрь 2015

нуждено в интересах общества и бизнеса взять под строгий контроль, как регистрацию акционерных обществ, так и функционирование фондового рынка.

История повторилась и в октябре 2008 г., когда банкротства крупнейшего в США инвестиционного банка «Голдман Сакс» ознаменовало глубочайший экономический кризис как в США, так и во всех развитых странах. Теперь уже на международном уровне была сформирована «группа 20 стран», которая с тех пор регулярно собирается на свои заседания и вырабатывает меры по координации совместных усилий для обуздания финансовой стихии, ибо именно в этой сфере происходит наибольшее число нарушений ритма капиталистической экономики XXI века.

Сама природа акций и других ценных бумаг создает порой предпосылки для нечестной игры. Опирируя фиктивным капиталом, фондовые биржи способны «раздуть» экономику, провоцируя рост рыночной капитализации фирм. В конце XX в. ситуация в США складывалась таким образом, что рыночная капитализация американских корпораций почти в два раза превышала годовой ВВП страны. Значительную роль в этом процессе сыграли корпорации, работающие в сфере новых информационных и коммуникационных технологий, а также так называемые интернет-компании. Если по годовому деловому обороту корпорация «Майкрософт» в 2000 г. занимала 79 место, то по рыночной стоимости своих акций – 3 среди 500 крупнейших фирм США. «Америка Онлайн» в том же году занимала соответственно 271 и 9 места. С 2000 г. в статистике США информация стала выделяться как отдельная отрасль экономики. Даже пример лишь двух компаний показывает, какой может быть разброс между ролью корпорации в реальном секторе и ее местом на фондовом рынке.

Между тем именно фондовый рынок является наиболее гибким инструментом перелива капитала между отраслями и между компаниями разных стран. По существу, национальные цвета фондового рынка постепенно приобретают интернациональную окраску. В современных условиях степень открытости экономики во многом зависит от степени вовлеченности национального фондового рынка в соответствующие мирохозяйственные процессы. И хотя сам по себе фондовый рынок оказывает сильное воздействие на реальный сектор, однако в развитой экономике ведущим звеном все же выступает базовая экономика. Это наглядно проявилось в США во время мировых финансовых потрясений 1997–1999 гг. и во время резкого падения объема фондового рынка в 2000–2001 гг. и в 2007–2009 гг., когда традиционные корпорации сохранили свои позиции, а экономика США в целом после нижней точки спада в марте 2001 г. и июне

2009 г. вновь начала постепенно расти. Это говорит о том, что не следует преувеличивать, но не следует и пренебрегать той ролью, которую играет фондовый рынок в современной развитой экономике.

Рассматривая фондовый рынок, необходимо обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что только корпорации, то есть предприятия акционерной формы собственности, среди всех форм бизнеса имеют свой особый рынок – фондовый. Другими словами, если предприятия в индивидуальной частной собственности, партнерства и другие некорпоративные предприятия имеют свободный доступ ко всем видам рынка, кроме фондового, то для корпораций такого ограничения не существует. Здесь мы имеем ввиду фондовый рынок как рынок корпоративных ценных бумаг. Получается, что и в сфере обращения корпорации имеют преимущества по сравнению с другими некорпоративными производителями. Поскольку в XX в. корпоративный сектор стал преобладающим в экономике США, постольку фондовый рынок стал индикатором состояния всей экономики. При современном уровне информационной технологии и маркетинговых исследований легко избежать перепроизводства товаров, поэтому экономические спады сопровождаются не перепроизводством, а сокращением выпуска товаров и падением котировок акций соответствующих компаний. На Нью-Йоркской фондовой бирже индекс Доу Джонса «выкидывает коленца» и смотрит чаще вниз, чем вверх.

Подводя итоги краткого рассмотрения роли и судьбы корпораций, можно сделать и некоторые общие выводы, характеризующие место акционерного капитала в рыночном развитии вообще.

Во-первых, акционерный капитал через акционерные общества как экономически господствующие предприятия укрепил «живучесть» рыночного хозяйства, расширил и углубил его адаптивные возможности к новым условиям развития, к вызовам современности – информатизации, глобализации, высоким технологиям, технологической революции.

Во-вторых, акционерный капитал расширил рамки рыночных отношений, позволил компенсировать так называемые «провалы рынка» и способствовал становлению *смешанной экономики* благодаря развитию различных форм собственности, корпоративного управления и органичному сочетанию рыночных принципов с регулированием хозяйственных процессов со стороны государства.

В-третьих, что вытекает из предшествующего, акционерный капитал, опираясь на институт акционерной собственности и институт акционерных обществ, по существу стал «локомотивом» перспективного рыночного развития. *В акционерном капитале сочетается индивидуальный выбор с*

коллективным интересом, что дает возможность разрешать противоречия, стоящие и возникающие перед человеком, бизнесом и обществом.

В-четвертых, акционерный капитал по-своему помирил и скооперировал «рыночную» и «планирующую» системы как в рамках национальной, так и мировой экономики. Подтверждаются и сегодня выводы Гэлбрейта о роли и судьбе корпораций.

В-пятых, по сути корпорации сохраняют все сущностные черты капитала и поэтому сами по себе они не в состоянии преодолеть растущую пропасть между бедностью и богатством как в США, так и во всем мире. Прогресс корпораций – это не прогресс «планирующей системы» в отрыве от рыночного развития. Это сложное, комплексное явление, отражающее в том числе способности человека осваивать новое, не стоять на месте, быть созидателем. Для этого корпорация не должна превращаться в монополию, как это нередко бывает.

Немало американских исследователей приходят к выводу, что на современной стадии развития капитализма всё большее утверждение получают общие ценности корпораций и общества. «Правильно понимаемые общие ценности, – пишут они, – заставляют компании получать прибыль, не лишая общества благ, а приумножая их. Фондовые рынки, конечно, будут и впредь давить на компании, ожидая от них краткосрочной прибыли, и, конечно, останутся предприятия, которые будут действовать в ущерб обществу. Но зарабатывать долго таким образом вряд ли удастся, и в погоне за барышами они лишат себя гораздо более заманчивых перспектив»¹. Такая надежда на перестройку деятельности корпораций проходит красной нитью через произведения Гэлбрейта.

Литература

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999.
2. Гордон Р. Дж. Вниз с вершины. Финансы и развитие, июнь 2016.
3. Гэлбрейт Дж. К. Жизнь в наше время. М., Прогресс, 1986.
4. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М., Эксмо, 2008.

¹ Портер М., Креймер М. Капитализм для всех. Harvard Business Review – Россия, апрель 2011. С.51

5. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.
6. Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С.М. Капитализм, социализм, сосуществование. М., Прогресс, 1988.
7. Маркс К. Капитал, т. 1. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23.
8. Мейер К., Кирби Д. Сбой в эволюции капитализма. Harvard Business Review – Россия, апрель 2012.
9. Пороховский А.А. Многоликий мир и сотрудничество. (Заметки по поводу книги-диалога Дж.К. Гэлбрейта и С.М. Меньшикова «Капитализм, социализм, сосуществование»). – Экономические науки, 1989, № 3.
10. Портер М., Креймер М. Капитализм для всех. Harvard Business Review – Россия, апрель 2011.
11. Портер М., Хэппельман Дж. Революция в производстве: умные технологии перестраивают компании. Harvard Business Review – Россия, ноябрь 2015.
12. Российский статистический ежегодник, 2015.
13. Эксперт, №43, 2016 (Эксперт, 400).
14. Clark J., Gerlach J., Olson G. Restructuring Corporate America. – Fort Worth, The Dryden Press, 1995.
15. Economic Report of the President, 2017. – Washington, January 2017.
16. Fortune 500, May 2016.
17. Fortune, April 16, 2001.
18. Galbraith J.K. Money. Whence it came, where it went. N.Y., Bantam Book, 1976.
19. Galbraith J.K. The Age of Uncertainty. Delhi, Indian Book Company, 1977.
20. Galbraith J.K. The New Industrial State. 3rd Edition, N.Y. A Mentor Book, 1978.
21. Galbraith J.K., Menshikov S. Capitalism, Communism and Coexistence. From a bitter past to a better prospect. Boston, Houghton Mifflin. 1988.
22. Galbraith J.K., Salinger N. Almost Everyone's Guide to Economics. – N.Y., Bantam Book, 1979.
23. Hansman H. The Ownership of Enterprise. – Cambridge, 1996.
24. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Part 2. Washington. D.C., 1975.
25. Menz M., Kunish S., Collis D.J. What do we know about Corporate Headquarters? A review, integration, and research agenda. Harvard Business School, Working Paper 14-016, August 19, 2013.
26. Morek R., Young B. Agency problems and the fate of capitalism. – NBER Working Paper 16490, October 2010.

27. *Silk L.* The Economists. – N.Y. Avon Books, 1976.
28. Statistical Abstract of the United States 2012 p. 491; SOI Tax Stats – Historical Tables 10,11,13. Режим доступа: <http://www.irs.gov>
29. The Economist. April 19, 2000 (European Business Survey, p. 14).
30. Walmart 2015 Annual Report.
31. World Economic Outlook. October 2016. – Washington. IMF, 2016

По ту сторону Гэлбрейта: креатосфера, рынок и корпорации в начале XXI века (*наследие Гэлбрейта сквозь призму постсоветской школы критического марксизма*)¹

Александр Владимирович Бузгалин

Кафедра политической экономии ЭФ МГУ им. М.В.Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», д.э.н., профессор

Андрей Иванович Колганов

Заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем ЭФ МГУ им. М.В.Ломоносова, д.э.н., профессор

Alexander V. Buzgalin

The department of Political Economy at Lomonosov Moscow State University (Faculty of Economics), The Chief Editor of “Questions of Political Economy” journal, Dr.of Economics, Professor

Andrey I. Kolganov

The Chairman of the Comparative research of socio-economic systems laboratory at Lomonosov Moscow State University (Faculty of Economics), Dr. of Economics, Professor

Аннотация. В статье рассматриваются три направления исследования из работы Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество»: ключевая роль развития индустриальных технологий в эволюции экономической системы; способность крупных корпораций оказывать регулирующее воздействие на рынок и поведение потребителей; возникновение «планирующей системы». По каждому из этих трех направлений авторы детально анализируют те сдвиги в экономической жизни, которые произошли после издания книги Гэлбрейта. Общий вывод, к которому приходят авторы, заключается в нарастающем развитии признаков посткапиталистических отношений.

Ключевые слова: технологии, крупные корпорации, капитал, рынок, государство, регулирование, планирование, посткапиталистические отношения

¹ В основу текста положены фрагменты нашей двухтомной работы «Глобальный капитал» (Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х томах. М., 2014), дополненные и измененные в соответствии с задачами данной работы.

Beyond Galbraith: creatosphere, market and corporations at the beginning of the 21st century (Galbraith's heritage from view of Post-Soviet school of Critical Marxism)

Abstract. Three main lines of research from J.K. Galbraith book «The New Industrial State» are considered in this paper: key role of the development of industrial technologies in the evolution of economic system; the ability of big corporation to impact on the market and consumer behavior to regulate them; the origin of the «planning system». For each of these three lines authors are analyzing that shifts in the economic life, which are taken place after the publishing of Galbraith's book. General conclusion to which authors are coming is the accelerating development of the signs of post-capitalist relations.

Keywords: technologies, big corporations, capital, market, state, regulation, planning, post-capitalist relations

Когда-то, в пору нашей студенческой молодости, которая пришлась на начало 1970-х, то есть время, когда только что была переведена на русский язык ставшая бестселлером даже в СССР книга Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество»¹, мы слышали от заведовавшего тогда кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ профессора Н.А. Цаголова, что именно Дж.К. Гэлбрейт останется в истории одним из трех величайших экономистов XX века. Вторым он назвал Дж.М. Кейнса, а о третьем умолчал, деликатно намекая на самого себя.

История, однако, не спеша расставляет свои приоритеты. Кейнс, действительно, считается одним из величайших экономистов ушедшего столетия, хотя его заслуги, на наш взгляд, очень сильно преувеличены. Цаголов еще при жизни стал общепризнанным лидером университетской школы политической экономии, которую теперь называют цаголовской, и в рамках которой трудились ученые, внесшие не меньший, чем сам Николай Александрович, вклад в науку – профессора Н.В. Хессин, В.Н. Черковец (Виктор Никитич до сих пор продолжает плодотворно трудиться на ниве политической экономии) и многие другие.

Вклад же Гэлбрейта, к сожалению, явно недооценен, причем прежде всего на его родине – в США. Между тем этот ученый стал едва ли не единственным немарксистским теоретиком, который сумел показать, как и почему развитие материального производства, в частности – крупной индустрии, приводит к реформированию производственных отношений. Его работы – это прежде всего не такие «узнаваемые» характеристики, как

¹ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

«техноструктура», «конвергенция» и т.п. – о них писали и до, и после Гэлбрейта. Главное, что сделал этот ученый – показ тех трансформаций отношений товарного производства, которые происходили в XX веке и еще более интенсифицировались в начале нового столетия. Это генезис «плановой системы», которую он, в отличие от большинства теоретиков-экономистов, традиционно сводящих все нерыночные отношения к советскому («командному») типу хозяйства, совершенно справедливо разглядел внутри капитализма и обрисовал ее как одну из сторон производственных отношений капитализма. Тем самым Гэлбрейт открыл, используя классический институциональный подход, то, что до него, параллельно с ним и после него (но в большинстве случаев не так талантливо, как Гэлбрейт) марксисты описали как *генезис отношений частичного регулирования рынка, причем со стороны не только государства, но и корпораций*.

В рамках марксистской парадигмы наиболее последовательно и четко этот тезис сформулировал в самом начале XX века В.И. Ульянов-Ленин, доказавший: обобществление, характерное для крупного индустриального производства, закономерно трансформирует капитализм свободной конкуренции в государственно-монополистический капитализм, в рамках которого рынок еще царит, но уже подорван. Государство и крупнейшие корпорации (тогда это были, прежде всего, тресты) вносят элементы плановости в стихию капиталистического производства. В 1960–70-е годы цаголовская школа назвала эти отношения «неполной плановностью» (на наш взгляд, здесь будет уместно напомнить весь комплекс параметров регулирующего воздействия на экономику со стороны монополистических союзов¹).

¹ К кругу этих параметров относились, в частности:

- Обобществление производства как технологическая основа зависимости;
- Возможности манипулирования ценой, качеством и другими параметрами неценовой конкуренции на основе высокого уровня концентрации и централизации капитала;
- Навязывание вследствие этих же причин потребителям и зависимым поставщикам выгодных для корпораций условий сделок через разнообразные механизмы (в частности, маркетинга, рекламы);
- Использование механизмов сращивания с финансовыми корпорациями для воздействия на контрагентов через системы кредитов и др. форм создания финансовой зависимости;
- Использование личной унии в бизнесе и теневых форм;
- Сращенность с государственными структурами и СМИ;
- Использование корпоративного аппарата насилия (от «цивилизованного» промышленного шпионажа в странах первого мира до прямого насилия корпоративных наемников в странах Третьего мира) и др.

Последняя категория обозначала переходные отношения, соединяющие плановые и рыночные отношения, возникающие:

1. внутри корпораций, становящихся по объемам производства системами, сравнимыми с иными национальными государствами;

2. в сфере отношений корпораций с потребителями и субпоставщиками, где крупные производственно-финансовые комплексы обретают способность навязывать потребителю свои интересы, трансформируя свободный рынок, где производитель создает то, что хочет потребитель, в систему отношений корпоративного регулирования, где потребитель хочет то, что навязывают ему (через маркетинг, рекламу и т.д.) корпорации (неоклассика назвала это «рыночной властью», новый институционализм – «неравной переговорной силой»);

3. в сфере государственного регулирования экономики.

Так это квалифицировал советский и, в несколько менее явной форме, западный марксизм.

Гэлбрейт, намеренно повторим, оказался чуть ли не единственным представителем «основного течения» западных обществоведов (тех, кого в английском обозначают словом «scholars», в отличие от «scientists»), кто честно сказал: наряду с рыночной в условиях капитализма XX века в развитых странах существует плановая система, включающая регулирование отношений внутри корпораций, плановое воздействие корпораций на окружающую среду и государственное регулирование и планирование. Более того, Гэлбрейт показал, что эта система возникает закономерно, как результат развития крупного индустриального производства.

За все это он получил квалификацию «красного», и был подвергнут едва ли не остракизму со стороны экономического истеблишмента США, который до чрезвычайности не любит, когда кто-то пытается во всеуслышание сказать правду о той системе (РЫНКЕ!), которую они описывают и превозносят как торжество экономической демократии и свободы.

* * *

Пятьдесят лет, прошедшие с момента публикации «Нового индустриального общества», с одной стороны, подтвердили правоту Гэлбрейта, с другой же привнесли немало нового и в том, что касается трендов развития производительных сил, и в том, что касается природы рынка и корпоративного регулирования.

Именно этим изменениям мы и хотим посвятить большую часть этого текста, используя в качестве основы, как уже было сказано, нашу работу «Глобальный капитал», соответствующий раздел которой был изначально

построен как диалог с исследованиями Гэлбрейта и представителями цаголовской школы, что делает в полной мере правомерным его включение в настоящую книгу.

1. «По ту сторону» нового индустриального производства: генезис креатосферы как контекст изменений производительных сил

В рамках марксистской традиции хорошо известен тезис, со всей определённости высказанный в «Капитале» К. Маркса о том, «царство свободы» (пространство-время социального бытия, снимающего отношения социального отчуждения) лежит по ту сторону собственно материального производства, но развивается на базе материального производства как своей объективной предпосылки¹. Этот вывод обусловлен всем содержанием «Капитала», особенно если понимать его не только как политико-экономическую работу по проблемам капитализма. «Капитал» следует рассматривать в контексте всех остальных социально-экономических и экономико-философских работ Маркса, прежде всего, *рукописей 1844 и 1857–1859 годов*. В этом случае станет понятен тезис Маркса о снятии материального производства как снятии всей предшествующей предыстории (подчёркнём: под «снятием» мы будем иметь в виду не абсолютное отрицание, но отрицание с удержанием положительного; снятие системного качества, в частности, подразумевает (1) накопление всего богатства предшествующего развития, (2) его отрицание – качественный скачок и (3) рождение нового системного качества, критически наследующего достижения предшествующего развития).

При этом мы считаем особо важным подчеркнуть следующее.

Во-первых, творческая деятельность и социальные отношения по её поводу, *креатосфера и царство свободы* – это не «надстройка», не «общественное сознание», а *новый тип материальных социальных отношений*, снимающих отношения отчуждения (прежде всего – производственные отношения царства необходимости).

Во-вторых, мы подчёркиваем объективную возможность и необходимость развития сотворчества не как замкнутого пространства («башня из слоновой кости») для избранных («элиты»), задача в ином: *так изменить социальные условия, чтобы к творчеству оказался причастен каждый*.

¹ Маркс К. Капитал, т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 25, ч. II. М: Политиздат, 1962.

В-третьих, и это особенно важно, именно возможная смена репродуктивного труда как господствующей основы общественного производства творческой деятельностью как главным драйвером общественного развития отличает (на уровне того, что условно модно назвать «материально-технической базой») генезис царства свободы от основ того, что Гэлбрейт назвал «новым индустриальным обществом».

Прежде чем рассмотреть этот тезис подробно, отметим, что в настоящее время в России сложилось и другое направление, представленное работами С.Д. Бодрунова и его последователей. В работах этого ученого, и не только в тех, что представлены в этой книге, доказывается, что на смену новому индустриальному обществу идет не постиндустриальное (эти тренды, по мнению названного автора, заводят цивилизацию в тупик), а своеобразное «отрицание отрицания» и нового индустриализма и постиндустриализма, рождающее новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)¹. Сутью НИО.2 становится, во-первых, рост знаниеемкости материального производства; во-вторых, снижение роли материальных компонент последнего; в-третьих, постоянное ускорение изменений (более того, автор пишет об «ускорении ускорения»² и ряд вытекающих отсюда следствий³. Все эти тенденции Бодрунов и обозначает как рождение не просто новой индустриальности, но новой индустриальности второго поколения.

Соглашаясь с Бодруновым в том, что (1) постиндустриальные тренды ведут в тупик, но делая при этом акцент на том, что в тупик ведет не вообще «постиндустриализм», а та направленность, которая этим тенденциям придается глобальной гегемонией капитала, а также в том, что (2) материальное производство действительно становится все более знаниеемким со всеми вытекающими отсюда последствиями, справедливо раскрытыми Бодруновым, мы, однако, не поддерживаем идеи автора о том, что именно материальное производство именно индустриального типа, как бы оно ни изменялось, задает основной вектор будущего развития общественной деятельности человека. Авторы этих строк вот уже более двадцати лет доказывают, что в основе будущего «царства свободы» может и должна ле-

¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016.

² Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России №2 (48), 2016. С. 12.

³ Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация Российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. №1 (35) с. 39–41, 2013; Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России. № 2(44), 2015.

жать не новая индустриальность, а массовая творческая деятельность и пространство-время ее осуществления – креатосфера. Именно она приходит на смену не только «новому индустриальному обществу» Гэлбрейта, но и целой эпохе, основанной на репродуктивном содержании труда.

Рассмотрим эту гипотезу подробнее.

Выше мы уже зафиксировали, что для материального производства типичным является *репродуктивный* труд. Поясним это понятие¹.

Во-первых, этот труд осуществляется как деятельность по производству уже существующих материальных продуктов и утилитарных услуг. Если здесь и происходит некоторое обращение к созиданию культурных ценностей, то лишь в виде тиражирования материальных носителей последних².

Во-вторых, результат репродуктивной деятельности принципиально отчуждаем от самой деятельности. Этот результат всегда связан с внешней формой, как правило, материальным продуктом или услугой.

В-третьих (и этот тезис прямо вытекает из первых двух), мотивом репродуктивной деятельности в сфере материального производства являются утилитарные потребности и ценности, лежащие вне деятельности, как таковой. Деятельность сама по себе не является мотивом в той мере, в какой она репродуктивна, подчинена законам царства необходимости.

Другое дело, что всякая деятельность человека всегда (в силу своей родовой сущности) в некоторой мере содержит творческий компонент, что, в частности, характерно и для господствующей в условиях индустриального общества деятельности частичного работника. Но этот компонент проявляется как исключение. Развитие его, превращение его в правило, в доминанту является главной чертой перехода к будущему обществу, но мы немного забегаем вперед.

В-четвертых, репродуктивная деятельность подчинена внешним силам материального общественного производства, среди которых следует вы-

¹ Классические тезисы К. Маркса и его последователей по поводу превращения репродуктивного труда в творческую деятельность достаточно подробно проанализированы в работах Г.С. Батищева, Н.С. Злобина, И. Чангли и многих других философов и политэкономов поколения «шестидесятников», писавших о коммунистическом труде; этот тезис содержится в работах большинства представителей западного марксизма (от Д. Лукача и Ж.-П. Сартра до современных неомарксистов).

² Примеры такого тиражирования могут быть крайне разнообразны: от печатания книги до создания тысяча первой версии одних и тех же приключений героя и его подруги, борющихся с некими преследователями в очередном американском триллере или тысяча двухсотой серии мыльной оперы: и в том и в другом случае новая культурная ценность не возникает.

делить прежде всего определённый тип технологии. В условиях добуржуазных обществ это – диктуемые природой традиции производства, например, традиционный аграрный цикл. В индустриальных обществах это – система машин, превращающая человека в частичного работника.

Кроме того, репродуктивная деятельность подчинена не только собственно материально-технологическому процессу (разделению труда, системе машин и т. д.), но и социально-экономическим отношениям, которые имеют отчуждённый характер и господствуют над человеком. Это может быть подчинение человеческой деятельности законам рынка и подчинение труда капиталу; в добуржуазных обществах – прямое подчинение человека «внеэкономическому» принуждению, когда рабовладелец или сеньор на основе личной зависимости диктовал содержание, цели, характер жизни, а не только деятельности работника. Вследствие названных причин все основные параметры трудового процесса – цели деятельности, управление этой деятельностью, её кооперация и организация, качество и объем, её технология – все они отчуждены от работника.

Такая характеристика репродуктивной деятельности как господствующей в условиях материального производства позволяет (по принципу диалектического отрицания) предположить, что творчество как сущностная характеристика мира, лежащего по ту сторону материального производства, должно обладать параметрами, снимающими основные перечисленные выше черты.

Следовательно, мы можем предположить, что творчество – *это деятельность, посредством которой нечто, отсутствующее в наличном бытии, но возможное, исходя из его «логики», обретает это наличное бытие.* Говоря на языке Г.В.Ф. Гегеля, творчество можно определить как *деятельность, посредством которой определённое ничто (ничто некоторого [потенциально возможного] нечто) становится нечто*¹.

Как таковое творчество есть (1) деятельность, создающая (2) феномены культуры и (3) развивающая ее агентов в процессе (4) диалога (субъект-

¹ Это определение, восходящее к классической гегелевско-марксовой традиции, авторы позаимствовали у Г. В.Лобастова (Лобастов Г.В. Диалектика разумной жизни и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012). Поскольку мы не уверены, что читателю понравится гегельянская манера изложения, прокомментируем приведенную выше в принципе понятную характеристику простейшим примером: до середины XIX века электродвигатель отсутствовал как «наличное бытие», но объективно существующие законы физики делали его «бытие» вполне возможным. Задача творца была проста: перевести небытие электродвигателя в «наличное бытие», превратить электродвигатель из «ничто» в «нечто».

субъектного отношения) между индивидами (это определение восходит к работам Г.С. Батищева и В.С. Библера).

Деятельность в отличие от [репродуктивного] труда¹ есть не производство и потребление вещей, а процессы опредмечивания [феноменов культуры, идеального] и распредмечивания [деятельной сущности предметов, материального].

Культура – суть понятие, отражающее не особую отрасль общественного производства, работающую под руководством министерства культуры, а особый спектр общественного и индивидуального бытия: идеальное. Последнее есть не просто «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»², но представление деятельностной сущности материального феномена. Роман «Война и мир» или закон Ома есть идеальное, ибо они отражают в виде некоторых материальных феноменов (знаков, напечатанных на бумаге или иначе отображенных) некоторые черты человеческих отношений и физических взаимодействий. Точно так же феноменом культуры может быть трактор или завод, если они выступают не в качестве средств производства, а как предметное воплощение технологии, подлежащее распредмечиванию креативным субъектом (например, инженером, стремящимся улучшить их конструкцию). Точно так

¹ «Труд» по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. ...Частная собственность есть не что иное, как овеществленный труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на вещественное состояние, но и как на деятельность, как на труд» (Маркс К. Экономико-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 242). Этот акцент именно на деятельности был характерен и для многих советских ученых-шестидесятников. Позднее ряд из них стал авторами коллективной монографии, где деятельность рассматривалась в качестве исходной категории, предельной абстракции системы категорий исторического материализма.

² По поводу знаменитой фразы «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Маркс К. Капитал, т. I // Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 23. М.: Политиздат, 1960. с. 21) в марксизме было дано немало комментариев, показывающих, что ее нельзя понимать буквально. В этой связи особо показательно не менее известное положение В.И. Ленина, раскрывающее суть диалектико-материалистического взгляда на проблему: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» (Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. М.: Политиздат, 1969. с. 194, 195).

же феноменом культуры может быть девственная природа, если она выступает как эстетический феномен или подлежащая охране ценность¹.

Становясь созидателем культуры человек оказывается подобен богу, что заметили еще великие художники и мыслители эпохи Ренессанса, для которых бог оказался товарищем по цеху². Позднее сходный взгляд прозвучал в работах Н.А.Бердяева и его явных и неявных последователей³.

Соответственно *диалог* есть взаимодействие индивидов, где каждый из них есть особенный субъект [творческой] деятельности, а не пассивный объект чьего-либо активного воздействия⁴.

¹ Такое понимание культуры развито в работах ряда советских марксистов, в частности, Н.С.Злобина и В.М. Межуева.

² Об этом становлении человека как созидателя культуры так пишет Л.А. Булавка – автор ряда статей, посвященных сравнительному анализу Ренессанса и Советской культуры: индивид Возрождения, «выделившись» из понятия “Бог” как единственной и абсолютной субстанции бытия, сделал первый шаг в мир культуры, чтобы уже в нем в полной мере обрести свою субъектность» (Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: социофилософский анализ // Фундаментальные проблемы культурологии. Том 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.-СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 250). Это субъектное бытие индивида открыло новые горизонты культуры, что подтверждает не только Ренессанс, но в еще большей степени – Советская культура. И суть этой новизны как для Ренессанса, так и для советской эпохи – «взрывообразный, революционный характер развертывания творческой энергии общественного субъекта, обусловленный его мощными преобразовательными интенциями» (Там же, с. 252).

³ См. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1989; Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Философия свободного духа. М., 1994; Щедровицкий Г.П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное // На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004; Щедровицкий Г.П. Интеллект и коммуникация // Вопросы философии, №3 2004. № 3, также об этом: Кутырёв В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. С. 119, 120

⁴ Проблема диалога как отношения, в котором каждая из сторон выступает в качестве субъекта со-творчества, а отношения социального отчуждения отсутствуют, была поднята и во многом раскрыта в работах М.М. Бахтина с отсылками к творчеству Ф.М.Достоевского (Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Edited and translated by Caryl Emerson. University of Minnesota Press, 1984) и, позднее, В.С. Библера (Библер В.С. Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975). В отличие от теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса (Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. pp. 18, 86, 95), предполагающего поиск взаимопонимания в рамках принятых норм, диалог как со-творчество предполагает взаимное со-творение новых культурных ценностей. Подробнее авторское видение проблемы раскрыто в Бузгалин А.В., Булавка Л.А. Диалектика диалога vs метафизика постмодернизма // Вопросы философии. № 1, 2004.

*Результатом творческой деятельности является (1) некоторый феномен культуры и (2) саморазвитие её субъекта (последнее обуславливает самомотивацию творческой деятельности). Как таковая творческая деятельность есть вместе с тем и субъект-субъектное отношение, диалог (а это её качество делает творческую деятельность-отношение неотчуждаемой)*¹.

Последнее представляет собой едва ли не самый тонкий и сложный аспект и потому требует некоторого прояснения. Для творческой деятельности характерна специфическая природа «кооперации»², взаимодействия (непосредственного и опосредованного) между участниками этого процесса. Для того чтобы создать, «сотворить» некий результат, его автор, творец должен соединить в своей деятельности (в распредмечивании) такой набор культурных феноменов, который позволяет создать *новое всеобщее, целостное качество реальной жизни*.

*Диалектическое, противоречивое единство творчества как (1) процесса деятельности, создающего предметный мир культуры, и (2) субъект-субъектного отношения, диалога, в котором осуществляется саморазвитие личности, составляет сущность творческой деятельности-отношения*³.

Следовательно, и результатом творческой деятельности является не только создание предметного мира культуры (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), но и саморазвитие человека в процессе творческой деятельности.

Здесь изменяется само содержание труда (что позволило К. Марксу в своих ранних работах говорить об «уничтожении» труда⁴), который пре-

¹ А эти слагаемые определения творчества восходят к работам Г.С.Батищева, В.С. Библера и их коллег.

² Показательно в этом отношении проведенное еще К.Марксом различие всеобщего (творческого) и совместного (репродуктивного) труда. Обобщение исследования всеобщего труда проделано советским критическим марксизмом (Орлов В.В., Васильева Т.С. Труд и социализм. Пермь: Изд-во ПГУ, 1991; Яковлева А. Социальное и философское значение «всеобщего труда» Маркса // Критический марксизм. Поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под. ред. Г.Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014).

³ В большинстве современных работ по проблеме творчества акцент делается либо на одной, либо на другой стороне содержания творчества. Не принимая диалектического метода вследствие отторжения диалектического способа жизнедеятельности, эти авторы находятся в плену оппозиции так называемого «субъективного» (самореализация как суть творчества – В.Л. Иноземцев) или «объективного» (создание нового как главное в творчестве) подходов.

⁴ «...Коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, устраняет труд...» (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955..с. 70).

вращается в деятельность по созиданию (и саморазвитию) человека. Продукт творческой деятельности – книга, научная теория или что-то ещё – является своего рода «вторичным» результатом, ибо человек, осуществляющий творческую деятельность, преследует прежде всего один (причём в некотором смысле эгоистический) интерес – *интерес самореализации*, интерес творчества.

Соответственно, атрибутом творческой деятельности становится её *внутренняя мотивация*¹. Ценность, мотив, интерес, который движет таким человеком – это деятельность-общение (диалог) как таковая (иная форма того же мотива – свободное время, которое на самом деле соединяется с временем труда). Но это особая материя, к которой мы ещё вернёмся.

Как таковая творческая деятельность является атрибутом человека как родового существа (К. Маркс, Д. Лукач) и в потенции принадлежит каждому индивиду, что доказали, с одной стороны, работы западных гуманистов², а с другой – советская марксистская психологическая и философская школа³.

Это положение в более или менее явной форме не признается большинством зарубежных и выросших на их работах отечественных авторов, рассматривающих «информационную революцию» с праволиберальных позиций, обосновывающих закономерность элитарного характера творческой деятельности «креативного класса».

Вернемся к исходному пункту: *по своей сути (саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей) творческая деятельность и ее результаты (предметный мир культуры, саморазвитие человека, отношения диалога) не отчуждаемы от ее субъекта.*

Другое дело, что *от человека может быть отчуждена возможность быть субъектом такой деятельности*, что и является типичным для подавляющего большинства современных работников, по-прежнему осущест-

¹ Этот тезис давно известен в социофилософской литературе. Нам наиболее знакома марксистская традиция – от самого К. Маркса через В.И. Ленина, Р. Люксембург, Д. Лукача, А. Грамши, Ж.-П. Сартра и т. д. к ученым 1960-х–80-х годов, для которых тезис о самореализации и свободном развитии человека в творческой (свободной) деятельности, выступающей как самоцель, стал общим местом. Кроме того, эта идея довольно полно представлена в работах Э. Фромма и его единомышленников. В настоящее время эту идею вновь «открывают» западные авторы и их последователи, обращаясь преимущественно к прикладным аспектам этой проблемы.

² См. Фромм Э. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990.

³ См. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

вляющих по преимуществу репродуктивные трудовые функции. Более того, несмотря на содержательную неотчуждаемость творчества от его субъекта, социально-экономическая форма творческой деятельности может носить отчужденный характер, будучи антагонистически неадекватна своему содержанию (этот феномен подобен использованию на крепостных фабриках или концлагерях лично зависимого работника для выполнения функций индустриального – содержательно требующего юридически свободного субъекта – труда).

Соответственно, адекватной для такой (творческой) деятельности является система общественных отношений, при которых эта деятельность не отчуждена, содержательно свободна.

Здесь следует сделать оговорку, которая как рефрен повторяется на протяжении данного раздела. *Соотношение репродуктивного труда и творческой деятельности всегда характеризуется определённой мерой* (в диалектическом единстве качества и количества развития одного и другого). Любая человеческая деятельность на любой стадии развития будет включать как репродуктивный, так и творческий компонент. Вопрос лишь в мере. С того момента когда количественный рост творческих компонент «перевешивает» репродуктивные, задавая основные параметры деятельности (цели, мотивы, технологию, способ кооперации и т. п.) на основе законов сотворчества, происходит качественный скачок.

Итак, движение к царству свободы знаменуется переходом к доминированию творческого содержания деятельности в отличие от репродуктивного труда.

Отчасти аналогией такой трансформации может быть переход, который в своё время совершался от аграрного труда к индустриальному (правда, эта аналогия ограничена, ибо переход к творческой деятельности есть скачок более масштабный). Хорошо известно, что вплоть до конца XIX века на большей части земного шара доминирующим был аграрный труд (преимущественно ручной, подчинённый биологическому природному циклу и зависящий главным образом от внешних природных параметров). Индустриализация привела к тому, что в развитых странах к середине XX века лишь 5–10% населения было занято собственно аграрной деятельностью (сейчас эта доля сократилась в ряде стран до 2–3%), да и сама она во многом носит индустриальный характер, осуществляется при помощи машин, а её зависимость от природных, биологических параметров существенно снижена. Именно в результате резкого сокращения аграрного ручного труда и развития индустрии развитые страны смогли решить проблему устойчивого и достаточного производства сельскохозяйственных продуктов.

Используя эту параллель, можно предположить, что именно прогресс творческой деятельности по созиданию культурных ценностей позволит решить проблему оптимального (достаточного для удовлетворения рациональных утилитарных потребностей) производства материальных благ. При этом мы должны помнить, что параллель – это отнюдь не доказательство; обоснование предложенного выше тезиса мы постараемся дать ниже.

Продолжая характеристику творческой деятельности, мы можем ввести ещё один параметр (как будет показано ниже, он на самом деле строго выводится из содержания творческой деятельности): *изменение соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего и изменение их содержания.*

Для царства экономической необходимости рабочее время определялось как время труда, подчинённого внешним параметрам, причём это рабочее время, как правило, распадалось на необходимое (связанное с воспроизводством работника) и прибавочное (в течение последнего создавались блага, необходимые для воспроизводства господствующего класса).

Выше авторы использовали марксистский подход. Но даже если оставить его в стороне, то все равно можно заметить, что рабочее время было временем, в течение которого человек был подчинён технологиям материального производства и господствующим экономическим отношениям, осуществлял репродуктивную деятельность.

Соответственно, свободное время было по преимуществу временем, в течение которого человек мог восстановить свою рабочую силу (способность к труду) и воспроизвести тем самым свои качества как фактора производства – вещи особого рода¹. Это время скорее следовало бы называть временем досуга (именно этот термин, кстати, и используется, как правило, на Западе для обозначения нерабочего времени) в отличие от свободного времени.

Переход к творческой деятельности существенно изменяет содержание и рабочего, и свободного времени. В новых условиях свободное время (будучи, как и прежде, периодом, когда человек не занят репродуктивным трудом) становится временем, в течение которого человек может развиваться как свободная творческая личность, как личность, обладающая

¹ Рабочая сила была и остается покуда вещной формой, присваиваемой в процессе купли-продажи этого товара на рынке труда; в данном случае мы рассмотрели положение дел в условиях развитого буржуазного материального производства; ранее в этой сфере господствовали отношения внеэкономического принуждения.

потенциалом творческой деятельности, осуществляющая жизнедеятельность вне жёсткой экономической, правовой и иной социальной детерминации¹.

Поскольку это развитие происходит преимущественно в самом процессе творчества, и, более того, процесс творчества является самоцелью и в некотором смысле удовольствием, а не обузой и необходимостью, постольку *время творческой деятельности и свободное время совпадают*. Свободное время тем самым соединяет в себе два качества: собственно время творческой деятельности и время рекреации, время восстановления человека как субъекта творчества.

Последнее отличает свободное время от времени досуга, когда происходит восстановление качеств человека как особой «вещи» (например, товара «рабочая сила», «клиента», потребителя), как предмета, подлежащего утилитарному потреблению в процессе репродуктивного труда (напомним: материальное производство с точки зрения использования человека как ресурса есть потребление рабочей силы) и утилитарного потребления.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в царстве свободы *рабочим является время, которое необходимо затратить на репродуктивный труд* (напомним: он всегда будет иметь место, хотя его роль и сокращается). Свободным будет время (ещё раз подчеркнём это) творческой деятельности, общения, развития человека и его рекреации как личности в различных формах.

Соответственно, **мера «заката» царства необходимости и генезиса царства свободы может определяться соотношением свободного времени и рабочего времени, которым располагает данное общество.**

¹ «...Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, то есть времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, обратно воздействует на производительную силу труда» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: Политиздат, 1969. С. 221). «Только многообразие человеческих индивидуальностей создаёт подлинное богатство общественной жизни, позволяет вместить в неё всю палитру человеческих связей и отношений. Труд, имеющий целью формирование собственного «я», позволяющий людям свободно избирать формы своего общения, доступен не только интеллектуальной и художественной элите, но каждому человеку. ...В свободное время, если оно действительно свободно, хочет сказать Маркс, люди производят не вещи и не идеи, а самих себя во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми» (Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. с. 135).

Сказанное позволяет дать характеристику *«технологии»* и *«средств производства» творческой деятельности*. Если в качестве «ресурсов» этой деятельности выступают феномены мира культуры, а средствами их использования становятся субъект-субъектные отношения, диалог, процессы опредмечивания и распредмечивания, то достаточно понятно, что ключевым параметром («ресурсом») такой деятельности становится «человек культурный», «человек-креатор». Соответственно, *формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой – главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности*.

Отсюда – задача *свободного всестороннего и гармоничного развития личности*¹, сформулированная К.Марксом 150 лет назад как высшая цель общества, снимающего противоречия капитализма, противоречия предыстории (кстати, весьма важно в этой связи акцентирование именно этой задачи общества будущего в широко известных замечаниях В.И. Ленина на плехановский проект программы РСДРП; В.И. Ленин и позднее постоянно подчёркивал несводимость цели социализма к росту материального потребления, при всей важности последнего)².

Здесь, на наш взгляд, уместна аналогия между «производством» творческой личности как главным «средством производства» креатосферы, с одной стороны, и производством средств производства как главным фактором прогресса индустриального общества – с другой. В последнем, напомним, именно увеличение индустриального потенциала является главным технико-производственным орудием роста общественного богатства.

¹ Подчеркнем: речь идет именно о процессе развития человека, бесконечном прогрессе его личностных качеств, а не о создании раз и навсегда некоторых абсолютных всезнаек.

² Обратимся в этой связи к известным ленинским замечаниям на плехановский проект программы РСДРП:

«Неудачен и конец параграфа: “планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов”. Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, ещё и тресты дадут. Определеннее было бы сказать “за счет всего общества” (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» (Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 232).

Иными словами, в царстве свободы формирование «человека культурного» и является своего рода аналогом производства средств производства в царстве необходимости (на индустриальной фазе его развития).

Формирование «человека культурного» происходит как в самом процессе творчества, так и, первоначально, в сфере образования в единстве воспитания и обучения. Тем самым образование (и, в частности, **воспитание**) становится своего рода «первым подразделением» общественной деятельности в рамках мира креатосферы.

Последнее при этом становится не столько отраслью производства знающего специалиста, формирования рабочей силы для той или иной репродуктивной деятельности, пусть даже высокой квалификации, сколько сферой формирования «человека культурного». Обучение и воспитание становятся «первым подразделением» креатосферы в той мере, в какой обеспечивают формирование человека, обладающего творческими способностями (авторы отнюдь не забывают того, что формирование творческого потенциала личности происходит прежде всего в самой деятельности, разновидностью которой – в том числе со стороны ученика – являются и обучение, и воспитание). Они должны содействовать формированию человека, (1) способного к диалогу, со-творчеству, собственно человеческому неотчуждённому общению и (2) умеющего увидеть проблемы, противоречия этого мира, найти новые комбинации известных элементов и своей деятельностью создать недостающие элементы для того, чтобы инсайд, творческое озарение породило новую культурную деятельность¹.

Соответственно, деятельность по созиданию предметного мира культуры, будь то активность учёного или художника, социального работника или эколога, учителя или управленца, становится своего рода аналогом «второго подразделения», созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распремечиваются в культурном диалоге.

Спецификой творческой деятельности, однако, является не столько разделённость, сколько синкретичная сращенность, слитность этих двух «подразделений», ибо, как уже говорилось, творчество есть деятельность, в которой одновременно развивается её субъект и создаётся культурная ценность. Эта двойственность есть атрибут творческой деятельности.

¹ Выражаясь языком Э. Фромма, этот человек должен быть, а не иметь. Леонтьевская школа психологии в данном случае делает акцент именно на деятельностной стороне человека, а не просто его способности быть (Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975).

Таковы основные слагаемые творческой деятельности, включая её содержание, «ресурсы», технологию и «средства производства».

В качестве короткого отступления заметим: возрастание роли творческой деятельности и так называемого «креативного класса» было замечено и представителями «основного течения» западной общественно-экономической мысли. Работы Р.Флориды, посвященные анализу креативного класса¹, а затем и целый бум исследований вокруг проблем «креативного бизнеса» и «креативной экономики», где, однако, по преимуществу исследуются шоу-бизнес, производство информационных технологий и их производных и т.п.

Но для всех этих исследований характерно, во-первых, соединений в одном блоке качественно разнородных феноменов – псевдо-творчества в отраслях бесполезного сектора, создающих симулякры мира культуры (бренды и т.п.), с одной стороны, и собственно творческой деятельности в пространстве креатосферы (образование, наука, искусство и т.д.).

Во-вторых, эти авторы «забывают» о противоречии между генезисом массовой творческой деятельности и социально-экономической формой (а это поздний капитализм), в которой этот генезис осуществляется. При всей пользе акцента на «креативности» даже в таком виде, позволим себе напомнить, что *для современного позднего капитализма характерна устойчивая закономерность: рост числа занятых творческой деятельностью сопровождается параллельным (а возможно и опережающим – авторы не нашли соответствующей статистики) ростом занятых низко- и среднеквалифицированным репродуктивным трудом.*

Продолжим.

Всякое материальное производство предполагает использование материальных ресурсов с целью удовлетворения некоторых утилитарных потребностей (первичные, простейшие определения данных понятий мы уже дали выше, а читателей, интересующихся более точным определением, мы можем отослать, с одной стороны, к классической политической экономии, а с другой – к любой современной работе, лежащей в рамках мейнстрима экономической теории, хотя бы к стандартному учебнику «Экономикс»²). С точки зрения как марксизма, так и экономикс, равно как

¹ Florida R. The Rise Of The Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community And Everyday Life. New York, NY: Basic Books, 2002

² В условиях генезиса информационного общества в экономической теории Запада не могли не произойти некоторые изменения; появился ряд новых направлений, таких как «Socio-Economics» (A. Etzioni), «The New Economics of Communication» (Mulgan G.J.); «The Economics of Information» (G.J. Stigler) и т.п.

и большинства других школ экономической теории, *материальные ресурсы являются ограниченными*. Всем всего всегда всего не хватает в этом мире экономической необходимости – так можно перевести тезис об ограниченности ресурсов на обыденный язык.

В то же время *стремление к расширению использования материальных ресурсов* является едва ли не основной установкой, характерной для эпохи господства материального производства.

В этих условиях и с этой точки зрения и природа, и человек выступают прежде всего как ресурсы, которые могут быть использованы и которые следует использовать безгранично (с качественной точки зрения) для наращивания материального богатства. При этом во всякий данный момент времени, во всяком данном социально-экономическом пространстве (скажем, в стране, регионе или в рамках некоторой фирмы) эти ресурсы оказываются ограниченны и главной задачей является преодоление этих ограничений.

Поскольку данный тезис является хорошо известным и едва ли не аксиоматичным, мы можем идти дальше.

В условиях развитого (индустриального) материального производства *ресурсы являются массовидными, стандартными, постоянно воспроизводимыми и восстанавливаемыми*. Этот стандартный набор тиражируемых и восстанавливаемых ресурсов может «задаваться» разными общественными параметрами. Его может диктовать традиция, и в этом случае данный набор будет почти не изменяем, постоянен на протяжении тысячелетий. Его может диктовать и современный рынок, где уже постоянное изменение набора воспроизводимых и массовидных или искусственно уникальных ресурсов, подлежащих потреблению, будет главной задачей прогресса¹.

В условиях господства материального производства некоторый набор утилитарных потребностей и массовидных ресурсов воспроизводится, тиражируется (возможно – искусственно обновляется), но при этом качественно мало изменяется². Материальные ресурсы производятся и потре-

¹ Более того, в условиях «позднего» капитализма важнейшей задачей прогресса становится, как мы уже отмечали, продуцирование «искусственной» новизны. Мы ещё вернемся к характеристике этого феномена ниже, сейчас же лишь отметим, что это новизна, которая создается не прогрессом культурного содержания данных материальных предметов, возможностью их нового распредмечивания, включения в новую творческую деятельность.

² Если быть более точным, то надо заметить, что эти изменения все же присутствуют, ибо в рамках материального производства, безусловно, всегда осуществляется прогресс культуры, сотворчество, развитие потенциала человека. Но это, повторим, подчиненный, глубинный процесс.

бляются, но, как правило, они не являются компонентами сотворчества. Данная характеристика – потребление и производство ресурсов, которые связаны всякий раз с изменением их материального бытия, с появлением некоторой материальной формы или её уничтожением – существенна, она снимается при переходе к новому качеству общественного развития.

Соответственно, в этих условиях *потребности в основном утилитарны*. Они, главным образом, сводятся к потреблению материальных ресурсов, а потому *безграничны количественно*. Всякий раз всякий агент материального производства как человек, подчинённый законам царства необходимости, объективно оказывается заинтересован в теоретически безграничном наращивании утилитарного потребления материальных благ и услуг (последнее наиболее ярко проявляет себя в стремлении к безграничному наращиванию универсального ресурса товарного производства, обладающего способностью удовлетворять любые рыночные потребности – денег).

При этом *материальные потребности ограничены качественно*: они не выходят за рамки потребления материальных ресурсов; потребность в творческом диалоге, восприятии культурных ценностей, ещё раз подчеркнём, является (вплоть до начала эпохи самоотрицания предыстории) исключением и знаменует переход «по ту сторону» материального производства¹.

Каким же может быть снятие этих свойств?

При поиске ответа на этот вопрос авторы будут исходить не столько из формальной логики отрицания данного системного качества, сколько из анализа тех действительных процессов, которые развиваются на протяжении всей предыстории человечества, но особенно интенсивными становятся со второй половины XX века.

Начнём анализ с рассмотрения нового качества **«ресурсов»** (мы не случайно взяли этот термин в кавычки: культурная ценность, используемая в процессе сотворчества, лишь внешне может напоминать «ресурс»).

Первая черта. На смену ограниченным ресурсам (в мире которых природа и человек также воспринимаются только как ресурсы) приходит но-

¹ Другое дело, что общественный процесс материального производства, естественно, связан с тем, что потребляемые ресурсы воспроизводятся благодаря человеческой деятельности, являются источником нового труда, создания новых ресурсов, рождения потребностей, которые вновь подлежат удовлетворению на основе воспроизводства и т. д.

вый тип – «ресурсы», которые теряют свои качества ограниченности и становятся всеобщими, переставая тем самым быть ресурсами.

Знает ли общественная практика такие «ресурсы»? – Естественно, да. Ими являются *феномены культуры*, имеющие в *принципе*¹ универсальную (всеобщую) ценность.

С момента рождения человечества, но особенно в настоящую эпоху, любое произведение, принадлежащее к миру культуры, является по своей природе неограниченным и всеобще-ценным. Теорема Пифагора или опыт талантливого педагога, новые формы человеческого общения или произведение искусства (симфония, картина, книга) – все они в потенции могут использоваться бесконечно долго бесконечно широким кругом субъектов. Их от этого «не убудет» (в данном случае мы абстрагируемся от проблем тиражирования материального носителя культурных благ и внешних для мира креатосферы форм частной интеллектуальной собственности – к этим вопросам мы вернёмся в последующих частях работы). Следовательно, ограничения, свойственные для материального производства, для них не актуальны. Другое дело, что в креатосфере возникают свои «ограничения», которые устроены принципиально иначе. Во-первых, доступ к предметам культуры и включение в процесс со-творчества «ограничены» необходимостью осуществления деятельности по их распределению. В этом их отличие от потребления благ материального производства. Во-вторых, бытие феноменов креатосферы «ограниченно» с точки зрения проблем их старения.

Более того, *ценность феноменов культуры определяется именно тем, сколь широко и сколь долго они служат одним из «партнеров», субъектов для диалога, для сотворчества, для распределения.*

С другой стороны, эти всеобщие «ресурсы» ограничены, но иначе, нежели в мире материального производства: это ограничение связано с мерой их социокультурной ценности, востребованности (одно из проявлений этого – «устаревание» некоторых феноменов культуры), а не физической нехваткой или ограниченностью спроса. Кроме того, культурные ценности сталкиваются в своём распространении с некоторыми абсолютными границами: они имеют некоторые изменяющиеся, но жёсткие эколо-

¹ В СССР в условиях дефицита был хорошо известен анекдот, что, дескать, в принципе у нас все есть, вот только никто не знает, где этот принцип располагается. В данном случае речь идет об ином смысле этого понятия. На философский язык я бы его перевел так: абстрагируясь от всех прочих обстоятельств, рассматривая проблему только на сущностном, принципиальном уровне.

гические и гуманитарные ограничения. В царстве свободы *природа, предметный мир культуры или человек выступают* не как ресурс, не как предмет потребления или источник производства вещей, а как *ценность, которая не может и не должна быть потребляема в физическом смысле этого слова.*

В этом мир культуры качественно противоположен миру материального производства, который нацелен на безграничное физическое потребление природных и человеческих ресурсов. Напротив, для мира культуры задачей становится *воспроизводство и прогресс* (а на первом этапе – восстановление и сохранение) биогеоценозов, предметного мира культуры и человека как ценностей.

Кстати, отсюда, несколько забегаая вперёд, можно сразу же вывести необходимость системы социальных, гуманитарных, экологических (а в потенции и эстетических!) нормативов как границ «жизненного пространства» царства необходимости. Это абсолютное требование мира, рождающегося по ту сторону материального производства.

Вторая черта: на смену ресурсам, которые являются воспроизводимыми и массовидными, приходят «ресурсы», являющиеся уникальными по своей природе. И речь в данном случае идёт не только о развитии и все большем распространении потребления уникальных предметов в рамках современного мира. Здесь-то (в бутиках и на подиумах) как раз мало что поистине уникального создаётся...

Речь идёт, прежде всего, о другом – о том, что всякая культурная ценность уникальна и не воспроизводима (лишь тиражируема) по своей природе. Нельзя многократно производить шестую симфонию П.И. Чайковского, «Гамлета» или «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира – это неповторимые произведения. Можно тиражировать лишь материальные носители этих культурных феноменов, а сами по себе они уникальны с момента своего рождения и навсегда¹. В этом смысле опять-таки данное качество «ресурса» мира культуры является отрицанием предшествующего качества ресурсов в системе материального производства.

Наконец, **третья черта**, которую мы, по сути дела, уже вывели выше и сейчас лишь фиксируем: «ресурсы» мира культуры не потребляемы, они

¹ Это касается и произведений науки, педагогических и т. п. новаций: можно открыть заново теорему Пифагора, но зачем? Подобное «открытие» может иметь смысл только в случае искусственного ограничения (в т.ч. социального – частная собственность на знание, цензура и т.п.) доступа к этим феноменам культуры.

подлежат лишь *распредмечиванию*. Они могут выступать лишь как феномены, с которыми можно вступать в творческий диалог¹.

Итак, по основным качествам «ресурсы», лежащие по ту сторону собственно материального производства, отрицают основные характеристики ресурсов материального производства.

Соответственно, и **потребности** в условиях нового мира становятся иными: они *качественно безграничны, не утилитарны, но при этом они ограничены количественно и это [NB]самоограничение*². В этом их отличие от утилитарных потребностей, которые качественно всегда ограничены существующим уровнем развития материального производства, а количественно всегда безграничны.

Мир культуры характеризуется (опять же на принципиальном уровне) иной системой потребностей, которые безграничны качественно, в том смысле, что человек никогда не ограничен данным кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, и эта новизна, не искусственная, а действительная творческая новизна, является главным импульсом и главной ценностью.

В то же время эти потребности сугубо ограничены количественно. И не потому, что здесь присутствуют некоторые внешние ограничения, связанные с господством той или иной экономической или институциональной формы (напомним, что, например, в мире развитого материального производства, имеющего форму рынка, Вам всегда не хватает денег для того, чтобы купить достаточно потребительских благ, а в «экономике дефицита» у Вас не было возможности достать необходимые блага, даже если у Вас и были деньги).

В мире культуры *суть ограничения* в ином. Индивид сам и сугубо добровольно ограничивает свои *актуальные* потребности. Поясним этот тезис. Своего рода «потребление», а на самом деле *распредмечивание* культурных ценностей предполагает сложную творческую деятельность, требующую времени, усилий, энергии от того, кто хочет эту ценность «потребить». Здесь само «потребление» превращается в проблему.

¹ В некотором смысле, конечно, они могут быть «потреблены» за счет физического уничтожения их материального носителя, но в этом случае мы будем иметь дело не с чем иным, как с актом вандализма или просто глупости.

² На языке экономикс можно обозначить это явление через признание существования «точки насыщения потребности». При достижении этой точки потребление блага перестает увеличиваться при любом увеличении дохода (или любом снижении цен).

Даже сейчас, даже в условиях царства экономической необходимости, Вы можете свободно, почти без ограничений пользоваться довольно широким кругом культурных благ. Практически общедоступными в развитых странах являются крупнейшие библиотеки. Довольно легко включиться в систему телекоммуникаций и «качать» информацию из мировых информационных сетей. Вы можете участвовать в системе обучения практически в любой сфере, и даже если это обучение платное, то последнее – внешняя социальная граница, не связанная с внутренними ценностями царства культуры.

Во всех этих случаях возникает другая проблема – ограниченность вашей собственной способности «потребить» те или другие культурные ценности, поскольку это потребует от вас времени, энергии, знаний, умений и высокого культурного потенциала, иными словами, напряжённой деятельности.

* * *

В заключение этого раздела подчеркнём: *рождение креатосферы, вытеснение собственно материального производства – это процессы, которые только начались в современном мире.* Мы отслеживаем лишь первые шаги, которые неизбежно связаны с появлением достаточно уродливых, иногда мутантных форм, и сегодня мы можем лишь с большим трудом продирааться через эти довольно уродливые облики новых феноменов, их превращённые формы, пытаюсь вычленив их зародыш, понять их действительное существо.

Более того, рождение креатосферы происходит сейчас *крайне неравномерно*, и мы можем фиксировать в ряде случаев лишь необходимость её появления при господстве реакционных, попятных (по отношению к долгосрочному тренду её рождения) тенденций. Так, в последние десятилетия в развитых странах, где уровень развития производительных сил уже достаточен для того, чтобы креатосфера стала доминирующей, доминирующим является тренд опережающего развития превратного сектора. В развивающихся странах (а в последние время – и в странах бывшей мировой социалистической системы), где уровень развития материальных предпосылок пока достаточен в лучшем случае для зарождения отдельных элементов этой сферы, утвердился (за редким исключением некоторых стран Латинской Америки) так же реверсивная тенденция развития старого типа материального производства и сервиса, ориентированных на создание утилитарных благ и весьма далёких от приоритетного развития образования, культуры, рекреации общества и природы, других отраслей креатосферы.

В любом случае, однако, существенно, что сегодня мировая экономика подошла вплотную к черте, за которой, с одной стороны, дальнейший прогресс глобальной гегемонии капитала предполагает освоение им в принципе чуждых для него территорий мира культуры, вынужденно превращаемого капиталом и рынком в производство и распространение симулякров. С другой стороны, открываются потенциальные возможности для качественных изменений системы общественного производства, его переориентации на приоритетное развитие креатосферы. Но это особая материя, к которой мы не раз обращались в наших предшествующих работах, а сейчас обратимся к исследованию противоречий социально-экономической формы материального производства, характерной для современного этапа позднего капитализма – системы производственных отношений, характерной для высшей на сегодняшнюю день фазы развития царства необходимости.

И здесь мы обратим наше внимание на то, как изменилось сегодня исходное отношение капиталистической системы – отношение товарного производства и его форма – рынок, изменился по сравнению не только с серединой XIX века, когда Маркс писал свой «Капитал», но и серединой XX века, когда Гэлбрейт писал свое «Новое индустриальное общество».

Главными среди этих отличий становится то, что рынок стал не просто всеобщей формой *производственных* отношений, о чем писал Маркс, что он не только частично локально регулируется корпорациями, о чем писал Гэлбрейт. Рынок (1) стал формой тотальной власти корпоративных сетей, которые коммерциализируют все стороны общественной жизни человека («Все на продажу!»), манипулируя не только потребителями, но и целыми национальными хозяйственными системами, а отчасти и глобальными процессами. Более того (2), рынок чем дальше, тем больше становится формой производства не полезных благ (потребительных стоимостей), а их знаков и символов, становится рынком симулякров...

О второй стороне трансформации рынка мы в данном очерке рассуждать не станем, поскольку он мало связан с творчеством Гэлбрейта и подробно раскрыт в уже упоминавшейся выше книге авторов «Глобальный капитал», а вот первую – прямо продолжающую линию названного автора – рассмотрим подробнее.

2. Рынок как форма тотальной власти корпоративных сетей

Корпоративный капитал эпохи глобализации существенно видоизменяет все основные черты товарных отношений, генерируя процесс станов-

ления **тотального рынка**¹. Тотальность рынка на эмпирическом уровне оказалась наиболее заметна с конца XX века, когда неолиберальная практика и идеология дошли в своей экспансии до рубежа так называемого «рыночного фундаментализма»².

¹ Данное явление неолиберальной власти капитализма с ее стремление подвести все общественные процессы под рыночные мерки у некоторых исследователей носит название «маркетизация» (*Fine B. Theories of Social Capital. Researched behaving Badly. London: Pluto Press, 2010.*)

С огромным для себя удивлением в момент завершения работы над первым изданием книги один из нас (а именно – А.В. Бузгалин) столкнулся с этим термином в... научно-фантастическом романе:

«Привычка до сих пор так сильна в нас, что нам и в голову не придет называть тоталитарным режим, в котором насилие не применяется массово...

И мы не разглядим тоталитаризм, который достиг наконец предела своих мечтаний и так подвесил подавляющее большинство своего населения на ниточках материальных наград и наказаний, что в применении массированного насилия он ПРОСТО НЕ НУЖДАЕТСЯ...

И мы с готовностью будем называть тоталитаризм **ТОТАЛЬНОГО РЫНКА** так, как он сам себя называет – свободным миром» (Выделения в тексте В.М.Рыбакова) (Рыбаков В. На чужом пиру. М.: АСТ, 2000. С. 276–277).

Не правда ли, любопытное совпадение в понятийном аппарате? Интересно и то, что В.М.Рыбаков использует образ марионетки, которой управляет некто третий для обозначения поведения человека в условиях тотального рынка – этого апофеоза отчуждения.

Подчеркнем также, что положение о тоталитаризме современного рынка развивается в ряде работ Л.А. Булавки, где акцентируются преимущественно проблемы взаимодействия экономики и культуры (*Булавка Л.А. К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки, № 10, 2012. с. 56–71; Булавка Л.А. Постсоветская культура: принуждение к мутации // Политэкономика провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России. М. URSS, 2013, С. 151–170, Булавка Л.А. Императивы симулятивного бытия // Альтернативы, № 2, 2012).*

² Тезис о «рыночном фундаментализме», «тирании рынка» и т. п. ныне весьма популярен и в России (где его критика, правда, смешивается с осуждением, главным образом, геополитического доминирования Запада – эта линия особенно ярко представлена в работах А.А.Зиновьева), и за рубежом (*Bourdieu P. Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market. New York: New Press, 1998*). Критику рыночного фундаментализма см., в частности, в работах: *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008; Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Опасный пессимизм. Отказаться от демонизации роли государства в экономике // Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие). М.: ЛЕНАНД, 2014.*

Существеннейшая черта этого нового качества рынка, скрывающаяся за практикой и идеологией рыночного фундаментализма, – это завершение начавшегося с эпохой монополистического капитала перехода к рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей и действий, а именно – корпоративный капитал. Именно он сознательно манипулирует остальными агентами рынка, будь то домохозяйства или мелкие производители. Все они превращаются в клиентов корпораций, ещё точнее – корпоративного капитала, который как целое, скорее, господствует над рынком, чем подчиняется его стихийным законам.

При этом важно понять, что в отличие от эпохи Гэлбрейта в современных условиях за феноменами «локального регулирующего воздействия», «манипулирования», «рыночной власти» и т.п. скрывается не просто некоторое частичное воздействие на конечного потребителя, а нечто большее: существенное *видоизменений противоречий товарных отношений*, «снятых» развитием глобального корпоративного капитала.

Последнее рождает рынок, который, с одной стороны, тотально подчинён власти не просто капитала, но корпоративного капитала *как целого* (не отдельных фирм, но капитала как конкретно-всеобщего производственного отношения¹) и, с другой стороны, сам *тотально* господствует над всеми параметрами социально-экономической жизни. Так появляется своего рода рыночная диктатура, рыночный тоталитаризм, соединяющий власть рынка, капитала и корпоративных структур в единый механизм подчинения человека и общества, скрывающий под личиной свободной конкуренции тотальную гегемонию капитала. Человек в современном капиталистическом обществе оказывается под властью корпоративных структур *sine prece, sine pretio, sine poculo*².

Рассмотрим генезис этого феномена подробнее, обратившись, прежде всего, к анализу видоизменений основы всякого товарного производства – противоречия общественного разделения труда и обособленности товаропроизводителей.

Экспансия тотального рынка сопровождается новым витком развёртывания (в том числе по мере прогресса постиндустриальных технологий и глобализации) **общественного разделения труда** (в рамках марксистской

¹ Укажем на важный методологический тезис: конкретно-всеобщее – это не внешнее формальное сходство, а действительное, реальное единство конкретного целого в его генетическом развитии (данное содержание вкладывается в это понятие в работах Э.В. Ильенкова).

² Без просьбы, без подкупа, без попойки (лат.).

теории последнее означает не просто рост многообразия особенных видов деятельности и специализации, но и подчинение человека условиям разделённого труда) и *экспансией частичного работника и частичного человека*.

Современный глобальный капитал:

- углубляет *мировое* разделение труда, являющееся основой противоречия между Первым и Третьим мирами (развитие «третичного» и «четвертичного» секторов в Первом мире, консервация «первичного» в наиболее отсталых и развитие «вторичного» в новых индустриальных странах Третьего мира при угрозе их кризиса по мере превращения знаний и инноваций, а не сырья в ключевые ресурсы развития);

- интенсифицирует процессы формирования *частичного работника*, способствуя развитию «обычного» индустриального частичного работника (преимущественно в Третьем мире) и направляя (преимущественно в Первом мире) прогресс наиболее современных форм деятельности в русло роста не универсальности, а профессионализма (культ последнего отображён теориями «общества профессионалов», о чем мы уже писали в других работах¹);

- приводит к доминированию производства «частичного продукта» – т.е. продукта, который не является в своей вещественности потребительной стоимостью, а является таковой лишь в совокупности с услугами по технической поддержке его эксплуатации... – этот перечень легко продолжить.

В то же время прогрессирующая необходимость все более широкого использования творческой деятельности (генезис креатосферы) объективно порождает и противоположные тенденции – к *снятию разделения труда*, основывающиеся на прогрессе общедоступной творческой деятельности, но эти тенденции современный корпоративный капитал как раз тормозит, а противоположные (ориентацию образования на усвоение набора узкоспециальных знаний, науки – на узко-позитивные, преимущественно прикладные проблемы²) – интенсифицирует.

¹ Этот акцент на профессионализме, а не креативности, представлен в большинстве западных работ по проблемам постиндустриального общества.

² Так, в США бизнес в 2004 году потратил на заказные исследования в университетах, государственных и частных бесприбыльных научных центрах лишь 2,2% от своих расходов на НИОКР (Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. М.: ИПРАН РАН, 2008. С. 19). По данным на 2006 год в США из 342,8 млрд долл. ассигнований на НИОКР 18,5% было израсходовано на фундаментальные исследования. Из этой суммы 55% пришлось на долю университетов, 40% – на долю государственных лабораторий (Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. Под ред. проф. В.Б. Супяна. М. Магистр, 2009. С. 18, 74).

Но самое главное изменение в природе общественного разделения труда, характерное для современного тотального рынка, связано с развитием **глобального обобществления** и информационных технологий. *На место атомарной структуры* (отдельные производители и их связи) *приходит «вязкая» и аморфная структура, образующаяся как взаимоналожение различных сетей.* И «актерами», и связями этих акторов между собой становятся сети. Их можно сравнить с системой путин, которые постоянно плетёт и переплетает некий «паук». Это гибкие, аморфные, быстро изменяющие свои конфигурации образования, находящиеся в то же время под жёстким контролем формирующего их властного центра («паука»). Эту картину можно проиллюстрировать примерами из области производства информационных продуктов, где контролирующие эту сферу корпоративные центры постоянно заново «сплетают» сети по производству тех или иных разработок. Или примерами из области финансовых спекуляций с их многоуровневыми «паутинами» транзакций, контролируемых «рейнмейкерами», или даже примерами производства легковых автомобилей, где сборочное предприятие в какой-нибудь стране Третьего мира лишь венчает сложную сеть поставок, управленческих связей, маркетинговых операций, пиара и финансовых потоков, «сплётённую» той или иной ТНК под конкретные условия сборки и, главное, реализации, в данной стране...¹

Так возникает **тотальный рынок сетей**, где место отдельных обособленных единиц занимают аморфные, врастающие друг в друга сети, причём действующие в большинстве случаев либо вне материального производства, либо в пограничных областях, в частности в сфере, которую мы назвали *«превратным (бесполезным) сектором»*. Это сектор, в котором не создаются блага, содействующие развитию человеческих качеств (большая часть финансов, бюрократического управления, ВПК, масс-медиа, масс-культура и т. п.). Но в то же время это сфера, где наиболее активно развиваются современные формы рынка.

Одной из наиболее близких по своей технологической природе для корпоративно-сетевого рынка форм становится так называемое *«сетевое предприятие»*, где единая система информации и стандартов соединяет в единую цепочку производства «точно вовремя» и для конкретного потребителя тысячи звеньев².

¹ Castels M. The Rise of the Network Society. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell, 1996.

² Об этом исследователи пишут уже не один десяток лет. (Reich R.B. The Work of Nations: Preparing ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992; Castels M. The Rise of the Network Society. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell, 1996).

Сети, складывающиеся в превратном секторе, а так же предприятия-сети принципиально отличны по своим признакам от обычных индустриальных звеньев общественного разделения труда, ибо

- связаны с генезисом постиндустриальных технологий;
- подвижны, аморфны, слабо «центрированы», то есть мало привязаны к определённому «месту» (в отраслевом, территориальном и т.п. плане);
- потенциально (а в ряде случаев – Интернет и т.п. – реально) всемирны и разомкнуты;
- неопределённы по своим размерам и границам (неопределённо-велики/малы) и постоянно изменяют свои масштабы (растут, сокращаются, пульсируют)...

Перечень легко продолжить, но принципиально важно другое. Происходит значимое изменение: *начался переход от массового индустриального производства на отдельных специализированных предприятиях, работающих на массовых неизвестных потребителей, к индивидуализированному, осуществляемому на многочисленных предприятиях сети постиндустриальному производству, ориентированному на конкретных потребителей.* При этом для каждого из потребителей может образовываться своя особая сеть (кооперация) производителей. Но наряду с этим могут существовать и иные, внепроизводственные сети, и сети, ориентированные на удовлетворение массовых потребностей, и мн. др. При этом каждая из таких сетей в конечном итоге контролируется тем или иным корпоративным капиталом (или их совокупностью).

Подчеркнём: этот переход именно «начался» и идёт он *нелинейно*, но тренд налицо. И дело здесь далеко не только в развитии малого бизнеса: в новом веке именно крупные корпорации все более разнообразно и адресно строят своё производство. Они его, если так можно выразиться, *конкретизируют*¹.

Существенно, что эта тенденция проявляет себя и в сфере материального производства.

¹ В этом контексте понятно, что отмеченные зарубежными авторами ещё в прошлом веке и обобщенные В.Л. Иноземцевым феномены сокращения массового производства (*Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: «Academia» – Наука, 1999. С. 36, 41*) и развития производства индивидуализированного (там же с. 57, 60) действительно можно рассматривать как характерные черты постиндустриальной системы, но не следует абсолютизировать и сводить, как это делали иные из исследователей (но не В.Л. Иноземцев) к однозначно и линейно протекающему процессу.

В этой связи заметим: следуя любым веяниям экономической моды некоторые теоретики, увидевшие популярность темы реиндустриализации, о необходимости которой заговорили не только в России, но и в США, норовят выплеснуть с грязной водой и ребёнка и объявить регрессивными все аспекты «постиндустриализма». Мы не раз говорили, что, действительно, тенденция замещения производства необходимых человеку благ созданием симулякров, вытеснение реального сектора превратным есть сугубо реакционная тенденция. Но!

Но переход от преимущественно репродуктивного индустриального труда к преимущественно творческому может и должен происходить и в реальном секторе экономики. Более того, именно в нем он должен происходить в первую очередь.

Эти изменения, несмотря на сохраняющиеся процессы финансовизации и т. п., происходят и в современной капиталистической экономике. Новое материальное производство, базирующееся на высоких технологиях, становится все более «постиндустриальным» и «конкретизированным» (именно к этому процессу в полной мере применимы все те характеристики нового качества материального производства, которые суммирует С.Д. Бодрунов, о чем мы писали выше). Это касается даже таких «старых» отраслей как автомобилестроение. Даже в этой, традиционно индустриальной сфере сегодня технологии производства «точно вовремя», «lean-production» и т.п. современные формы требуют строго конкретных, точных, выверенных буквально до минут связей поставщиков и потребителей. Весьма широко развита в этой сфере и ориентация на конкретного потребителя, проявляющаяся, в частности, в многообразии вариантов комплектации базовых моделей. И это пример конкретизации, проникающей даже в массовое производство. В области же высоких технологий в материальном производстве и в креатосфере (микробиология, нанотехнологии, космос, современная медицина, образование, создание know-how) эта конкретность является господствующим принципом организации производства (причём в широком смысле слова – включая обмен, распределение и потребление).

Так складывается *конкретно-ориентированное производство*, для которого характерны все более чёткие и однозначные связи поставщиков, производителей и потребителей. И это не абсолютно новая тенденция: о ней авторы марксисты, анализировавшие *реальное обобществление* производства, писали ещё в XX веке, на что мы не раз указывали выше.

Такое изменение общественного разделения труда не может не быть взаимосвязано и с **новым качеством обособленности производителей**. На место обособленности частных товаропроизводителей и товаровла-

дельцев, хозяйствующих на свой страх и риск (одной из глубинных черт всякого рынка), приходит тотальная власть транснациональных корпораций, которая при этом (NB! Обратите внимание на эту диалектику!) сама порождает видимость «ренессанса» малого бизнеса и свободной конкуренции. Более того, только в этой, по видимости, свободно-конкурентной среде и посредством нее и может развиваться эта власть. Рассмотрим эту диалектику подробнее.

Обособленность субъектов глобального рынка весьма специфична и распадается на два крупных типа агентов (акторов) «рынка сетей».

Первый – *корпоративные капиталы* (корпоративное «ядро», «пауки») – те, кто формируют **поле зависимости (паутину)**.

Они (1) являются не столько особым частным производителем, сколько сложными кооперациями труда гигантских (с качественной стороны – это масштабы рыночной деятельности, сравнимые с экономикой средней развивающейся страны) масштабов, *imperium in imperio*¹.

При этом, однако, в отличие от монополистического капитала начала века они, как правило, (2) организованы не как высококонцентрированные концерны или комбинаты, а как аморфные *сети-паутины* (поля), где собственно ТНК-паук (генератор поля), контролирует всю систему.

Как таковые эти «пауки» (3) способны *создавать «паутину» (поле) – осуществлять локальное (частичное, сталкивающееся с борьбой других корпораций) сознательное воздействие не только на некоторые основные параметры рынка, но и на «правила игры».*

Для осуществления такого регулирующего воздействия «паукам» необходима институциональная среда, которая (4) как бы «восстанавливает» видимость свободной конкуренции за счёт относительного снижения регулирующей роли государства. Существенно, что это именно видимость, точнее – симулякр свободно-конкурентной среды (поэтому выше было употреблено словечко «как бы»).

На самом деле они (5) воздействуют (совместно с государством) на степень и параметры своей обособленности (в том числе – антимонополистическое регулирование) и меру обособленности своих контрагентов, создавая через систему манипулирования и других каналов «рыночной власти» систему зависимости последних от «пауков».

Наконец, «пауки» (6) находятся в собственности неопределённого и постоянно изменяющего свою конфигурацию круга юридических и фи-

¹ Государство в государстве (лат.).

зических лиц (эта неопределённость, точнее, сложная, скрытая от внешнего наблюдателя специфицированность прав собственности, является одной из принципиально важных черт этих сетей) при этом, однако, существует узкий круг скрытых инсайдеров, обладающих реальной экономической властью над корпорацией (реально контролирующими ключевые права собственности).

Последнее следует пояснить особо. Во-первых, формальные права собственности существенно отличны от реальных. Во-вторых, даже в сфере формально фиксируемых прав возможность использовать достижения информационных технологий для «отслеживания» всей совокупности постоянных изменений в системе прав собственности, особенно интенсивных в условиях господства виртуального (особого рода фиктивного, финансового, капитала – подробнее об этом ниже), является во многом иллюзорной. Сложность системы обусловлена не просто многообразием информации и её подвижностью, но принципиальной неподконтрольностью и непознаваемостью переплетений этих прав взаимного владения. Последнее связано не только с коммерческой тайной в этой области, но и с развитием неформальных связей как одного из ключевых слагаемых «пучка» прав собственности, а также с доступом к инсайдерской информации и большой изобретательности в введении в заблуждение информационного контроля. Уже сегодня можно отслеживать уход от налогов в крупных масштабах, осуществляемый благодаря офшорам, схемам «оптимизации налогообложения» и т.п.; все мы знаем и термин «нецелевое использование средств»...

При высоких ставках истина перестаёт существовать. Остаются одни гипотезы. Различные версии...

Второй тип агентов рынка сетей – **клиенты** («периферия», «мухи») – те, кто вплетены в паутину, подчинены «полю зависимости» и функционируют в рамках, формируемых в процессе борьбы этих пауков. Это прежде всего конечные потребители, являющиеся объектами экономико-культурно-идеологического манипулирования (маркетинг и, прежде всего, реклама, «пиар», клиентская зависимость...), но, как мы уже сказали, не только. Устойчиво воспроизводимый исключительно в условиях поддержки со стороны государства сектор малого и среднего бизнеса так же является объектом такого манипулирования, государственные органы регионального, федерального и наднационального уровня, даже целые страны, экономики которых данные сети могут «асфальтировать» – вот далеко не полный перечень «мух».

Если продолжить использовать некие образы, то этот рынок с названными выше двумя типами его агентов – ТНК («пауки») и их клиенты («мухи») – можно сравнить с совокупностью мощных паутин или своеобразных **полей социально-экономической «гравитации», зависимости**, центрами формирования которых (генераторами поля, «пауками») являются крупнейшие корпоративные капиталы, *агенты глобализации* (подробнее о них – в конце книги), прежде всего ТНК. Так складывается *тотальный корпоративно-сетевой рынок* – **рынок паутин**.

То, как взаимодействуют между собой крупные корпоративные капиталы-сети, как протекает битва этих «пауков», мы охарактеризуем ниже, а теперь от образов, характеризующих тотальный рынок сетей, перейдём к его политико-экономическим характеристикам.

Социально-экономическая природа «поля зависимости», генерируемого крупнейшими корпоративными капиталами, состоит в мультипликации эффекта той «неполной плановости», которую монополистический капитал генерирует с конца XIX – начала XX века. Эта мультипликация достигается за счёт целого ряда достижений более чем вековой э- (и ин-) волюции позднего капитализма.

Во-первых, характеризуя технологические основы этого «поля», мы можем подчеркнуть, что последние десятилетия показали не только сохранения классических тенденций роста обобществления в сфере традиционного индустриального производства (в частности, в странах Третьего мира), но и качественного изменения этого процесса вследствие развития всеобщего (творческого) труда, что приводит к все более широкому развёртыванию упомянутой выше «сетевой» системы разделения и интеграции труда в глобальных масштабах. *Контроль над современными высокими технологиями вообще и технологиями формирования и функционирования сетей, в частности, составляет материальную основу манипулятивных воздействий корпоративного капитала.*

Во-вторых, переход от первоначальных форм монополистического капитала к корпорациям-сетям, сохранил основные черты первых. В частности, сохраняются и даже возрождаются вновь процессы образования различных форм (от простейших плов до картелей и синдикатов) монополистических объединений, часть из которых носила и носит «теневой» характер. При этом относительно новым феноменом является формирование «вторичных» объединений, соединяющих в более или менее легальные союзы уже не отдельные предприятия, а гигантские корпорации. Более

того, замедлившийся было во второй половине XX века процесс концентрации и централизации капитала в новом столетии (особенно накануне кризиса 2008–2010 гг.) заметно ускорился: тема слияний и поглощений стала одной из наиболее обсуждаемых в среде учёных экономистов первого десятилетия XXI века. Эти новые импульсы и формы процессов концентрации и централизации стали основой для использования широкого комплекса преимуществ.

Это не только давно известные механизмы использования высокого уровня концентрации и централизации капитала для извлечения монополистической прибыли, но и ряд иных механизмов частично, как мы уже заметили выше, теоретически выделенных в работах по политэкономии империализма советской поры и «позитивно» описанных новой институциональной теорией.

Среди них можно выделить «старые» и «новые» формы регулятивного воздействия на рыночных контрагентов крупнейших корпораций.

К числу первых можно отнести различные механизмы проведения монополистической политики посредством манипулирования (1) ценами на рынке, (2) неценовыми параметрами (здесь первостепенное значение имеет формирование брендов и других симулякров, о чем – ниже), а также (3) нормой прибыли и (4) направлениями инвестиционной политики. Материальными предпосылками для этого становятся (5) возможности гибкого изменения параметров концентрации, специализации и, главное, (6) оптимизация форм кооперации и организации производства, сбыта, управления и т.п. в рамках крупных экономических сетей¹. Все это создаёт возможности для относительного сокращения издержек производства и транзакционных издержек и/или монополизации некоторых ресурсов и/или обладания особо значимыми на рынке ресурсами и/или завоевания рынков и новых доходов за счёт производства симулякров и т. п.

К кругу относительно «новых» механизмов манипулирования рыночными агентами можно отнести (7) механизмы «личной унии» – прямого воздействия на хозяев и/или топ-менеджеров, а лучше всего – реально

¹ Подчеркнем: спецификой современного локального регулирования рынка со стороны крупных корпораций является использование не только и не столько высокого уровня концентрации и специализации производства и капитала (это было характерно для стран «центра» в начале XX века и остается типичным для стран [полу]периферии и, в частности, России в настоящее время), сколько за счет гибкого управления этими параметрами и, как уже было подчеркнуто, параметрами кооперации в рамках сетей.

контролирующих объект теневых инсайдеров фирм-«партнеров»¹). Не менее эффективно создание и использование (8) преимуществ в области доступа к информации и (9) искусственной асимметрии в информации. Для решения этих задач используются как хорошо известные механизмы маркетинга (прежде всего – рекламы), пиара и т.п. форм², так и целенаправленное формирование симулятивных потребностей, производство товаров-симулякров, «выращивание» симулятивных имидж-структур (типичный пример – «звезды» шоу-бизнеса) и т. п. механизмы, к исследованию которых мы обратимся ниже специально.

Итак, второй блок каналов воздействия на «клиентов», формируемых «полем зависимости», создаваемым корпоративным капиталом, может быть определён как *система тотального манипулирования аллокацией ресурсов и акторами экономики*. Выше мы выделили только шесть параметров такого манипулирования, но и этого достаточно, чтобы показать: это не просто подрыв обособленности товаропроизводителей. Это уже нечто большее. Но и это далеко не все тайны «поля зависимости».

¹ Как тут не вспомнить знаменитое российское: «Зачем покупать завод, если можно купить директора».

² Позволим себе небольшое отступление, ибо авторам хотелось бы уделить некоторую толику дополнительного внимания проблеме рекламы. Среди тысяч исследователей этой проблемы лишь некоторые критически мыслящие авторы (Дж.К. Гэлбрейт, Ж. Бодрийяр, Н. Кляйн и т. д.) акцентируют манипулятивный характер этого феномена. При том далеко не все из них специально подчёркивают, что реклама как способ манипулирования заведомо содержит определённую меру недостоверности и искажения информации о рекламируемом объекте, или, говоря проще и точнее – определённую меру лжи. Она может быть прямой (повсеместно распространённая реклама зубной пасты актёрами со вставными зубами) или косвенной (утверждение, что съев шоколадку, вы испытаете «райское блаженство»), но это все равно будет обман. Об этом не принято писать в учебниках по маркетингу, но любой практик рекламы знает, что «не обманешь – не продашь». Вопрос, однако, в мере этой лжи, ибо здесь (в отличие от пропаганды, где «чем чудовищнее ложь, тем эффективнее») чрезмерная диффамация может вызвать эффект отторжения продукта.

Сие банальность, но банальность, позволяющая сформулировать некоторую закономерность, нарисовав «*Кривую зависимости эффективности рекламы от меры её лживости*». Выглядеть эта кривая будет просто: первоначальный рост меры эффективности по мере лживости рекламы а определённой точке перегиба (назовём её в порядке политэкономической игры «*оптимумом лжи*») будет сменяться падением эффективности рекламы до нулевой отметки при чрезмерной недостоверности информации...

В-третьих, это «поле зависимости» включает систему многообразных каналов финансового подчинения клиентов корпоративного капитала. Система «финансовых паутин» к настоящему времени описана весьма подробно, но большинством теоретиков она не связывается с проблемой подрыва рыночных механизмов саморегулирования и конкуренции (в качестве доказательства заметим, что ни характерные для неоклассической теории Лернеровский индекс монопольной власти или индекс Херфиндаля-Хиршмана, ни предлагаемый новой институциональной теорией перечень каналов «рыночной власти» не включают параметров финансовой зависимости). Между тем, система каналов финансовой зависимости является одним из наиболее важных блоков подчинения экономики корпоративному капиталу. Основа этого – в описанном ещё в работах В.И. Ульянова и Р. Люксембург¹ (критически использовавших, в свою очередь, исследования Р. Гильфердинга и К. Каутского) сращивание банковского и промышленного монополистических капиталов и формирование единого финансового капитала.

О современном виде последнего речь пойдёт ниже, а здесь мы отметим, что этот капитал позволяет, как минимум², решать следующие задачи.

(1) *Вести сознательный учёт и контролировать транзакции клиентов корпорации.* Упомянём лишь два примера. Один из них – едва ли не простейшая форма учёта и контроля – скидочная карточка сетевого супермаркета. Она даёт хозяевам корпорации почти исчерпывающую информацию обо всех транзакциях подавляющего большинства её клиентов в режиме *online*, что позволяет не только прогнозировать, но *планировать* объёмы будущих продаж с очень высокой точностью, ибо средне- и долгосрочные тренды основных покупок «среднего класса» очень устойчивы; так казалось бы самая «рыночная» из всех возможных сфер – розничная торговля продуктами повседневного спроса – становится сферой локального планирования, а не только регулирования. Второй пример – старая форма фи-

¹ Бузгалин А.В. Роза Люксембург: ответы на вызовы времени // Альтернативы, №2, 2012.

² Заметим, что в отличие от современных западных теорий, «старая» советская политэкономика эту зависимость изучала, обобщала и отображала совершенно очевидным образом, хотя и (будем самокритичны) в весьма апологетической форме. В чём-то сходный (но менее идеологизированный) анализ финансового капитала давался в XX веке и дается в настоящее время в работах зарубежных марксистов. Подробнее см. Залетный А.А. Финансовый капитал: взгляд изнутри. М.: ТЕИС, 2014.

нансового обслуживания клиентов банка – вообще не требует комментариев. Причём речь идёт об информации, которая не может быть коммерческой тайной для банка, ибо это объект *его* деятельности. При этом банк не передаёт эту информацию «третьим лицам»: он сам часть «третьего лица» – сложной финансово-промышленной корпоративной структуры.

(2) Создавать системы предпочтений (или трудностей) в финансировании (кредиты, инвестиции, гарантии, эмиссия ценных бумаг...) для клиентов («мух») корпорации-сети («паука»), проводя политику *сознательно-го кредитно-финансового регулирования определённых сфер экономики* – тех, где данный «паук» уже сплёл или плетёт паутину, и где ему не могут помешать другие пауки (об их «конкуренции» между собой, как мы уже пообещали, – ниже).

(3) Осуществлять долгосрочные программы развития (включая НИОКР, программы «выращивания» человеческого и социального «капиталов», в частности, образования), что особенно важно для обеспечения устойчивого лидерства и сохранения (упрочения, развития) монополий корпоративных капиталов на высокие технологии и вообще креатоемкое (знание-интенсивное¹) производство. Сращивание финансового капитала и капитала реального сектора в корпоративных структурах, сопоставимых по масштабам с государственными, позволяет этим «частным» агентам осуществлять *программируемое, в значительной степени независимое от, по крайней мере, текущей конъюнктуры рынка* (от глобальных кризисов страдают и государства...) **развитие**. В результате корпорации формируют пострыночные механизмы развития и в тех сферах, которые ранее были доступны только (преимущественно) государству.

Перечень каналов регулирующих воздействий финансового капитала мы могли продолжить, но это будет уже включением в проблематику следующего подраздела, посему пойдём дальше в нашем исследовании.

В-четвертых, как мы уже отметили выше, корпоративные сети формируют сложную и принципиально непрозрачную систему отношений и прав собственности, которые становятся одними из каналов подчинения «клиентов» корпорации номенклатуре глобального капитала. Эта тема будет подробнее рассматриваться нами ниже, здесь же хотелось бы отметить только несколько наиболее ярких феноменов.

¹ См. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С.Ю.Витте, 2016.

Один касается «периферии» корпоративного влияния – это «включение» в собственность корпорации широкого круга, прежде всего – «рядовых» работников. Последние, превращаясь в мелких акционеров фирмы, становятся в этом случае не столько собственниками (из всех прав собственности у них имеется только право на получение дивидендов, величину отчислений на которые определяют не они), сколько зависимыми от корпорации лицами. У них объективно формируется отношение к истинным хозяевам корпоративного капитала не как к противоположному классу (эксплуататору их наёмного труда) или хотя бы противоположной стороне рыночной сделки (тем, кому надо максимально дорого продать свою рабочую силу в обмен на минимум своего труда), а как к партнёрам по извлечению прибыли. Дополняясь системой социального партнёрства и шагами по реализации «доктрины человеческих отношений» эта зависимость превращается в плотную паутину подчинения работника корпорации. Так мы выходим на проблему новых форм подчинения труда капиталу, к которой мы специально обратимся ниже.

Второй феномен – «переплетение» некоторых второстепенных прав собственности «ядра» корпорации и относительно независимых фирм, составляющих её «периферию» (аутсорсеров, дистрибьюторов, субконтракторов, субпоставщиков). Термин «переплетение» не случайно взят в кавычки, ибо он отражает видимость явления, в глубине которого – система отношений подчинения «клиентов». За «партнёрским соглашением» с «равноправием сторон» скрывается контроль за деятельностью клиентов и её регулирование со стороны «ядра» корпорации, в том числе через монополизацию ряда ключевых прав собственности (контроль за информацией, финансовыми потоками, мелкими акционерами и т. п.), формально равноправный обмен которыми происходит между участниками этой трансакции с «неравной переговорной силой».

Третий феномен – *инсайдерский контроль*, приводящий к перераспределению значительной части прав собственности и её объектов, а также дохода в пользу «ядра» корпоративной системы. Оно состоит из единого по своим интересам (а иногда и персональному составу) симбиоза мажоритарных акционеров и топ-менеджеров, не обязательно владеющих контрольным пакетом акций и занимающих высшие формальные должности в управленческой пирамиде, но монополизирующих ключевые права собственности – информацию, «интеллектуальный капитал», финансовый и кадровый контроль, личную унию с государственными структурами и ключевыми партнёрами («авторитет»). Это «ядро» (ниже мы по возможности строго определим его как «номенклатуру корпоративного капитала»)

Но это все темы последующего исследования: здесь мы упомянули о данных феноменах лишь в контексте анализа основных каналов «поля зависимости», создаваемого корпоративным капиталом

Завершает системы каналов поля зависимости, в-пятых, блок *надэкономических механизмов властно-идеологического воздействия «ядра» на систему клиентов корпорации*. Это область своего рода *политики и идеологии*, только осуществляемых не государством (в данном случае понимаемым как система органов власти – управления и принуждения), а «ядром» корпорации. Последнее в этой своей функции обретает качество «квазигосударства», имея иную генетическую природу, нежели государство (отсюда приставка «квази»), ибо возникает на основе экономической власти корпоративного капитала, а не как продукт социально-классовой борьбы (на поверхности явлений в современных капиталистических странах – политического процесса).

Эти каналы власти в прямом смысле слова формируются как результат негативного (регрессивного) снятия достижений социал-реформизма: *в условиях «неолиберального термидора» некоторые функции государства* как в определённой мере демократического института, представляющего (опять же в определённой мере – её определяет соотношение социально-политических сил) интересы общества в целом, *частично приватизируются* *номенклатурой крупнейших корпораций*.

Крупнейшие корпорации (в настоящее время практически полностью – транснациональные):

(1) оказывают влияние на формирование не только параметров рынка, но и на социально-институциональные параметры экономической жизни – то, что институционализм называет «правилами игры»; параметры правового поля и текущего государственного управления являются во все большей мере (о её качественных и количественных параметрах подробнее в разделе о политических формах гегемонии корпоративного капитала) определяются борьбой корпораций между собой; формирование выгодных тем или иным корпорациям (или их союзам) «правил игры», причём и формальных (правовое поле и т. п.), так и неформальных является одним из важнейших каналов «поля зависимости», формируемого корпорацией;

(2) *приватизируют ряд функций государства по осуществлению легитимного насилия*, формируя собственные системы «охраны», тайной и «явной» полиции, разведки и контрразведки *и/или подключают методы теневого (нелегитимного) насилия и/или используют государственный аппарат насилия в своих узкоклановых или общекорпоративных целях*, используя широкий набор методов принуждения и/или прямого насилия («частного»

или с помощью государства) по отношению к «непослушным» объектам¹ (вплоть до, как мы уже отметили, «асфальтирования» целых государств, методика которого уже давно описана²);

(3) Формируют систему *идеологического воздействия и манипулирования*, объектами которых становятся как работники корпораций, так и (что особенно важно для данного раздела) их клиенты; это многообразный спектр традиционных и новых методов социально-психологического давления при помощи *средств массовой информации* и т. п. с целью создания такой общественной атмосферы, где «поле» их власти распространяется максимально легко и эффективно (формирование утилитарно-конформистских установок социально-пассивного поведения потребителя, клиента, «профессионала»), широкий спектр методов *пиара* и т. п.

В результате складывается мощное поле экономической, институциональной и т. п. зависимости. Как будет показано ниже, оно ещё более усиливается на основе новых форм фиктивного виртуального капитала, подчинения капиталу не просто рабочей силы, но и личностных качеств человека (в частности, его новаторского потенциала) и т. п.

Итак, каждый «паук» выращивает свою «паутину»: в каких-то случаях, лелея и пестуя клиентов через маркетинговую политику и личную унию, плетение сетей финансовой зависимости и коррупцию, в каких-то используя прямое насилие (если, например, «бунтуют» клиенты в Третьем мире) – круг методов широк, и мы, по мере сил, дали выше их характеристику. Вопрос в том, как эти системы «паук – паутина» взаимодействуют между собой.

Очевидно, что ТНК-«паук» в узком смысле слова (то, что обычно подразумевается под корпорацией, будь то General Motors, IBM или Microsoft) находится в сложной системе отношений с другими «пауками» и их «паутиной» (клиентами-потребителями, клиентами-субподрядчиками, «клиентелой»-лобби в госструктурах, средствами массовой информации и т. д.).

¹ Широко известна цитата из Т. Фридмана: «тайная рука рынка никогда не работает без тайного кулака. Макдональдс не может расцветать без Макдоннел-Дуглас, производителя F-15. И тайный кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, ВВС, флот и морская пехота США». (Friedman Thomas L. A Manifesto for the Fast World // New York Times Magazine, March 28, 1999 – Перевод авт.).

² Эта методика спекулятивных атак на национальные экономики путем массивных приливов и отливов краткосрочных вложений финансового капитала описана в работах ряда зарубежных и отечественных авторов (Глазьев С.Ю. Грядет ли новый финансовый кризис в России? // Вопросы экономики, №6, 2000)

Важнейшей чертой этого взаимодействия в условиях генезиса «рынка паутин», как мы уже отметили, является диалектическое снятие олигополистической конкуренции и социал-реформистского регулирования. Нынешний рынок – это не столько анархия монополистических сговоров и битв конца XIX – начала XX веков (своего рода игра без правил) или жёстко регулируемый (социальным государством) рынок (игра по правилам, устанавливаемым при участии граждан и хотя бы отчасти в их интересах), сколько *«новый порядок»*. Это имеющие форму более «свободной», чем ранее, конкуренции, контрактные, регулируемые в локальных масштабах отношения, подчинённые правилам, которые устанавливаются в процессе борьбы самых мощных игроков – сетевых корпоративных структур.

Эти игроки (во всяком случае, их «центры» в экономиках Первого мира) все более отказываются от стихийной борьбы за передел сфер влияния абсолютно любыми методами (как это делали монополии начала XX века). Они выбирают другую стратегию. *Корпоративные капиталы не только сознательно регулируют в локальных масштабах параметры рынка (выполняя роль своего рода «приватизированных» квазигосударств), но и, что принципиально важно, воздействуют на ключевые параметры современного рынка. Они осуществляют влияние на:*

- (1) образование и динамику сетей, а значит – структуры экономики, пропорций, разделения труда, потребностей клиентов и т. п.;
- (2) формирование «рамки» рынка и «правил игры» на рынке;
- (3) регулирующие действия государства.

Подчеркнём: эти три параметра являются ещё одним уточнением социально-экономической природы «полей зависимости», но формируемых уже «кооперативно» («контрактно») сетями сетей.

Более того, можно сделать вывод, что в той мере, в какой развит тотальный корпоративно-сетевой рынок, крупнейшие капиталистические корпорации-сети как бы «выпадают» из-под общественных ограничений, уходят от контроля государства, профсоюзов и других объединений трудящихся, институтов гражданского общества. ТНК выходят за устанавливаемые обществом и государством рамки, нарушают ранее хотя бы частично соблюдавшиеся социальные «правила игры», разрушая достижения социал-демократического периода. Причины этого уже были показаны выше: ТНК «приватизируют» некоторые регулирующие функции государства.

Важные дополнительные основания для этого создаёт глобализация (а ТНК – это именно глобальные игроки), которая, как всем известно, подрывает регулирующую роль национальных государств (подробнее об этом ниже) ... – перечень легко продолжить.

В результате складывается система отношений, названная на Западе «кооперативным» (мы бы сказали – «партнерским») капитализмом¹.

Более того, в разных странах в разной мере, но в общем и целом повсеместно, развивается такой Alter Ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как «блатной капитализм» (crony capitalism²). По мере развития информационного, профессионализированного, зависимого от «человеческих качеств» общества, «партнерство», своего рода «дружба» – то, что в последние десятилетия стали называть «социальным капиталом» – все это становится формой взаимодействий относительно равноправных партнеров, борьба которых обретает новую основу, скрытую за превратной формой «партнерства». И эта основа – новый вид конкурентной борьбы капиталов-сетей представляет из себя немалую теоретическую проблему, которую мы и рассмотрим ниже.

¹ М. Грейдер, например, подчёркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнёрству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм. Эти корпорации совместно распределяют фонды, вкладывают капиталы, разрабатывают технологические новшества и т. п. (Greider M. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. New York: Simon & Schuster, 1997. p. 171). Даже если автор несколько преувеличивает степень кооперации ТНК, то тенденция контрактного взаимодействия, думается, отмечена верно. Другое дело, что эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции. Характерна в этом отношении и уже упоминавшаяся работа Ф. Фукуямы «Доверие», где именно этот фактор выдвигается на роль ключевого во взаимоотношениях, а кризис доверия в США рассматривается как одна из важнейших проблем (Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995. pp. 269–307); Заметим: этот известный автор в данном случае всего лишь вновь «открыл» феномен «доверия», на котором делали акцент практически все либералы с XVII–XIX веков).

² Эта проблема обсуждается как в серьёзных экономических исследованиях, так и в публицистике. См. Wei, Shang-Jin. Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // International Finance, №4, 2001. pp. 15–45; Singh, Ajit; Zammitt, Ann. Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of 'doing business'? // Corporate Governance: an International Review, №14 (4), 2006. p. 220–233; Stiglitz Joseph E. Crony capitalism American-style. <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>; Kristof Nicholas D. Crony Capitalism Comes Home. http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1.

Начнём с обращения к историко-диалектическому методу. В данном случае мы легко можем заметить, что в этой сфере капитализм проходит по своеобразной спирали «отрицания отрицания» от «блатных», коррупционно-насильственных отношений раннего капитализма (в постсоветской России, вступившей на путь Запада многовековой давности, мы наблюдаем эти феномены во всей первозданной их красе), едва вырастающего из феодальных форм личной зависимости, через юридически-формальный капитализм «классической» эпохи капитализма к новому типу «блатного капитализма» эпохи сговоров и «партнёрства» корпораций.

Сущность этого нового типа взаимодействий «пауков» и их «паутинок» друг с другом состоит в противоречии между все более сознательно регулируемым на уровне горизонтальных связей «кооперативным» (то есть независимым от внешних объективных законов рынка, его «невидимой руки») взаимодействием корпоративных сетей друг с другом, – с одной стороны, и все более стихийным и неподконтрольным общественным силам развитием мирового капиталистического хозяйства (и даже шире – системы всех все более «маркетизируемых» общественных отношений капитализма) – с другой.

Оба этих процесса столь же объективно-сращены, сколь и противоположны другу, антиномично-противоположны. И с этим следует разобраться подробнее.

Что касается «партнёрски-кооперативного» взаимодействия корпоративных капиталов, то оно продолжает «традицию» рыночной конкуренции в крайне специфическом, во многом отрицающем свои качественные основания виде.

Деятельность современного «ядра» ТНК – это не столько попытка приспособить своё производство и сбыт к независимой от отдельных экономических лиц, стихийно складывающейся конъюнктуре рынка, сколько *сознательно организованная борьба* между ограниченным кругом хорошо известных друг другу «врагов-партнёров» за:

(1) Установление более или менее выгодных для участников битвы, но относительно стабильных «правил игры», допустимых форм и методов борьбы;

(2) Определение пространственно-временных границ («полей») конкуренции (преимущественно на периферии) и партнёрства (в сфере стратегических крупномасштабных проектов, входящих в круг интересов «ядра») с выделением в качестве особо значимых стратегических долгосрочных проектов в области высоких технологий и развития в целом (здесь особо значимо определение стратегии партнёрства или войны);

(3) Распределения сфер влияния на третьих лиц (прежде всего – государство);

(4) Победу в «пространствах войн» и «нейтральных территориях» и многое другое.

Традиционно являвшиеся главными объектами конкуренции параметры качества и цены на те или иные виды продукции¹, равно как и характерные для более поздних этапов параметры неценовой конкуренции становятся относительно менее значимыми, решаемыми на уровне «периферии» корпораций вопросами схваток-партнёрств между ТНК.

Содержанием этой борьбы-партнёрства становится постоянное сравнение мощности, интенсивности, эффективности тех каналов власти (мощности и структуры «полей зависимости»), которыми обладает каждая из корпораций. Ослабление одного из параметров этого «поля» или несвоевременное обновление его «технических характеристик» приводит к пересмотру границ сфер влияния в пользу конкурентов, усиление и опережающее обновление некоторых параметров – к расширению за счёт конкурентов. Все это напоминает борьбу огромных, обладающих едва ли не орудием массового уничтожения и примерно равных по мощи армий друг с другом: постоянная гонка вооружений при массе локальных войн, но в целом соблюдении правил «мирного сосуществования».

Впрочем, для нас важны не образы, а теоретическая политэкономическая характеристика нового качества взаимодействия корпораций-сетей на рынке. Последняя и была дана выше, когда мы определили стратегически важные *объекты* – названные выше пункты (1)-(4) – и *средства* (мощность «оружия» – политэкономически описанные нами каналы корпоративной власти, параметры «паутин», «полей зависимости») *борьбы-партнёрства между ТНК*.

Что касается целей этого взаимодействия (кстати, именно они и определяют границы партнёрства-борьбы), то они задаются опять же охарактеризованной выше сущностью современного глобального корпоративного капитала. Это долгосрочная гегемония во всех её слагаемых, а не просто уве-

¹ Приведем только один пример: качество и цена легковых автомобилей определенного (например, бизнес-) класса, производимых крупнейшими корпорациями, практически неразличимы. Для обычного пользователя действительная разница «БМВ», «Мерседеса» или «Тойтоты» практически неизвестна (тем более, что значительная часть их комплектующих может производиться на основе кооперации, приспособляясь к удобству сборки-реализации в том или ином регионе земного шара).

личение прибыли. Впрочем, последнее как было, так и остаётся генетически-всеобщим основанием любых последующих объективных интенций любого капитала.

Формы этих взаимодействий могут быть многообразны: от партнёрства и «дружбы» (кооперации) высших менеджеров разных корпораций до открытых войн с применением методов идеологического и военного насилия (последнее, как и столетия назад, особенно характерно для дележа источников сырья, особенно в странах третьего мира), от абсолютно легитимных юридических войн до теневых методов «блатного капитализма», характерного отнюдь не только для постсоветского пространства.

Содержание этих отношений представляет гораздо большую трудность для анализа, ибо здесь мы имеем дело с относительно новым переходным отношением, сочетающим «старую» олигополистическую конкуренцию капиталов на рынке с «новыми» началами сознательно-устанавливаемых горизонтальных кооперативных связей. Последнее есть капиталистически-деформированный росток *горизонтального* планомерного (непосредственно-общественного) взаимодействия экономических агентов. Это – намеренно повторим – один из слагаемых рождающейся планомерной организации производства будущей пострыночной социально-экономической системы, имеющей пока капиталистически-деформированный (переходный) вид.

Впрочем, мы опять увлеклись. Напомним: борьба-партнёрство корпоративных капиталов как способа их сознательного горизонтального взаимодействия была охарактеризована нами как всего лишь *одна из сторон* современного тотально-сетевого рынка.

В то же время (и здесь мы *подходим* к пониманию *второй стороны* внутреннего противоречия тотального рынка, хотя сформулируем мы его позже) *борьба и взаимодействие корпоративных структур в целом является стихийным и неподконтрольным никакому (ни корпорациям, ни государствам) процессом*¹. Параметры тотального рынка, как будет показано ниже, определяются прежде всего стихийно формирующимся финансовым рынком и глобальными процессами.

Последнее воссоздаёт на новом уровне объективную *видимость* *восстановления свободного равноправного рынка, скрывающую принципиально*

¹ Характерно, например, что З. Бжезински одну из своих последних работ завершает постановкой двух ключевых, на его взгляд, проблем современного мира: глобального беспорядка и иллюзий контроля (*Brzezinski Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. New York: Scribner, 1993. p. 201*).

иную суть – формирование контрактно-блатного (по форме), тоталитарного, корпоративно-сетевого (по содержанию) рынка, где победителям достаётся все (*winner-takes-all market*)¹.

Более того, поскольку объектами корпоративного господства (как мы показали выше) становятся не просто сферы производства и обмена продуктов и услуг, но практически все сферы общественной (а не только экономической) жизни, а механизмы осуществления этого господства так же предполагают широкое использование и неэкономических средств, постольку новейший этап развития капитализма и характеризуется «неомаркетизацией», «орыночничеством» всей сфер общественной жизни.

Последнее и нашло отражение в тех категориях, которые мы использовали в начале данного раздела: **тоталитаризм рынка**, то есть всеобщее тотальное господство рыночных принципов, или «рыночный фундаментализм».

Эта тотальная экспансия рынка должна и единственно может протекать в атмосфере всеобщего восстановления (в новом виде, естественно) *видимости* обособленности товаропроизводителей, их независимости (формальной, скрывающей мощную технологическую, финансовую, информационную и т. п. зависимость от ТНК), равноправной конкуренции. В результате неомаркетизация порождает «ренессанс» и рыночных иллюзий, и реального мелкого товарного производства².

¹ См. *Frank R., Cook P. The Winner-Takes-All Society. New York: The Free Press, 1995, pp. 1–13.* Иное имя этому феномену предложил Э. Лутвак, выдвинувший идею «турбокапитализма». Описывая, по сути, тот же процесс борьбы корпораций-сетей, определяющий пропорции, направление инвестиций и даже образ жизни, он делает вывод, что именно это меньшинство (несколько идеализируемое автором и не связываемое напрямую с корпорациями-сетями) является архитектором и реализатором большей части экономических и технологических инноваций, именно они почти всегда в выигрыше, а большинство – в проигрыше. (*Luttwak Edward. Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. New York: Harper Collins Publishers, 1999.*)

² По поводу степени самостоятельности малого бизнеса в условиях позднего капитализма идет непрекращающаяся полемика в отечественной и зарубежной литературе. Среди российских авторов, показавших основные аргументы дискуссионтов, укажем на серию работ В. А. Рубе (*Рубе В.А. Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М.: Изд-во МГУ, 1978; Рубе В.А. Сотрудничество или эксплуатация. (Мелкий бизнес глазами буржуаз. экономистов). М.: Мысль 1986; Малый бизнес: история, теория, практика. М.: ТЕИС, 2000; Институциональные аспекты* см. на след. странице

Для этого с конца XX века (преимущественно в развитых странах) формируются и адекватные *технологические предпосылки*. Это вытеснение индустриального материального производства сферой услуг, развитие гибких и информационных технологий, возрастание роли небольших творческих коллективов и т.п. Более того, генезис творческой деятельности создаёт новые предпосылки для этого ренессанса, создавая видимость независимости индивидуализированных творческих личностей, действующих абсолютно на свой страх и риск и производящих несоизмеримые (по затратам труда) блага, оценить которые якобы может только рынок с его стихийными колебаниями спроса и предложения. Однако это – как мы показали в ряде своих уже не раз упоминавшихся работ по проблемам «общества знаний» – всего лишь видимость, скрывающая под превратной формой рыночного ренессанса развитие высшей формы обобществления – всеобщего труда.

Обособленность и независимость таких мелких производителей, как правило, относительна или вообще фиктивна. Кроме того, эти мелкие производители функционируют в общем пространстве нынешнего «контрактного» рынка, правила которого устанавливаются ведущими «игроками». Более того, на этом рынке процессы производства (в том числе в сфере услуг, информационных технологий и т.п.) в целом подчинены транзакционной (и прежде всего – финансовой) сфере, где (как будет показано ниже) господствует корпоративный «виртуальный» капитал.

Наконец, подчеркнём главное: именно в результате прогресса миниатюризации, гибкости, сетевых методов организации технологических процессов и складываются те самые «паутины», о которых шла речь выше. По видимости, они полупрозрачны, тонки, подвижны и аморфны. *Кажется*, что Вы можете абсолютно легко войти в эти сети и выйти из них. Но

см. на предыдущей странице организации малого бизнеса в развитых странах и в России. М.: ИНФРА-М, 2004.

Что же касается авторов этой работы, то нам представляется вполне обоснованным вывод тех зарубежных исследователей (М. Кастельс, Д. Кортен и др.), кто, опираясь на анализ массы данных в США, Японии и др. странах, делает вывод, что, несмотря на всю аргументацию в пользу малого бизнеса как более приспособленного к гибким, миниатюрным технологиям постиндустриального общества, крупнейшие корпорации остаются хозяевами мировой экономики (*Castels M. The Rise of the Network Society. Malden, Mass. Oxford: Blackwell, 1996 pp. 155–157; Korten D. When Corporations Rule the World. West Hartford: Kumarian Press, 1995, p. 221*). Последний автор, в частности, показал, что на долю только 500 крупнейших ТНК приходится около 25% мирового объёма производства).

это объективная иллюзия, когда (как и вообще в случае с превращёнными формами) «кажется то, что есть на самом деле». Кажется, что эти сети не отрицают свободы агентов рынка и, действительно, Вы можете в любой момент отказаться от связей с пауками-фирмами. Вы можете *не* работать на них (ни прямо, ни косвенно – как служащий или пользователь грантов, выделенных созданными ими фондами, как субподрядчик или реализатор их продукции...), *не* пользоваться их финансовыми сетями (откажитесь от услуг банков, кредитов, сбережений, пластиковых карточек...), *не* покупать их продукцию, *не* смотреть, *не* слушать, *не* читать продукцию их средств массовой информации – сделать все это очень просто. Это так же просто, как наркоману, выросшему в семье наркоманов, «слезть с иглы».

Впрочем, не будем пессимистами и в качестве небольшого отступления заметим: в современном капиталистическом мире есть немало тех, кто в полной мере осознает проблемы подчинения Человека силам отчуждения вообще и глобальной гегемонии капитала прежде всего, кто (как максимум) борется с силами отчуждения или (как минимум) не использует «тяжёлых наркотиков» капиталистической гегемонии (не является рабом постоянной гонки за все новыми символами благосостояния, навязываемой корпоративным капиталом), ограничивая себя – да и то в редких случаях – «травкой» зависимости от современных механизмов рыночных транзакций и форм автомобильной цивилизации.

Эти позитивные тенденции в той или иной мере свойственны каждому человеку, и авторы не раз обращались к проблеме возвышения конформиста-мещанина до социально-творчески-деятельностной личности¹, но эти интенции социально-творческой, нон-конформистской жизни являются значимыми пока что только для меньшинства.

Для большинства доминирующей формой является подчинение господствующей системе отношений отчуждения. Вот почему мы считаем правоммерным сделанный выше вывод: *тотальный корпоративно-сетевой рынок, в сущности, пропитывает его агентов особым наркотиком всесторонней зависимости, причём не столько непосредственно от «пауков», сколько от «паути», не столько от капиталов-корпораций, сколько от создаваемых ими правил – «полей зависимости»*. И это касается не только экономической жизни (производства, потребления, накопления...), но и всех остальных сфер человеческого существования. Большинство акторов сегодняшнего капиталистического мира – от индивида (как работника фирм, клиента фирм, потребителя культурной жвачки фирм) до «независимого» хозяина

¹ См. Бенедетти К. Европа: практики обновления // Альтернативы, №2, 2011.

малого бизнеса – живет ныне по правилам, формируемым, повторим, не столько свободным рынком, сколько «полями зависимости» корпораций-сетей. Именно эти «поля» определяют модели и рамки поведения, мотивы и цели деятельности, ценности и принципы принятия решений и т.п. И происходит все это в той мере, в какой развит тотальный рынок (вот в чем, а *propos*, основы открытого Дж. Соросом рыночного фундаментализма).

Здесь будет уместно использовать сделанный авторами в своих предыдущих работах вывод: прогресс креатосферы (в терминологии большинства авторов – постиндустриального общества, общества знаний) превращает лежащие вне собственно материального производства сферы производства информационных товаров, масс-культуру и масс-медиа в основные сферы развития сегодняшнего рынка, в которых и живёт главным образом современный *homo economicus*, и в которых прежде всего развивается тотально-сетевой рынок.

Так генерируется **тотальное подавление нерыночных форм общественной жизни** и в экономике, и во внеэкономической сфере, порождая новый виток экспансии *товарного фетишизма*, омещания общества, восстанавливая в новом виде господство *homo economicus* с характерным для него доминированием узкоэкономических, рыночных ценностей, стимулов и мотивов жизнедеятельности.

При этом *новая экспансия товарного фетишизма и неовещизм сталкиваются с мощной противоположной тенденцией*, лежащей как на уровне материально технических факторов производства (прежде всего статистически фиксируемый бурный рост нерыночных форм трудовой активности – занятость в так называемом «третьем» секторе, добровольный труд и т.п.¹), так и в сфере альтернативных форм социальной организации (уже отмечавший нами феномены роста роли социальных движений, неправительственных организаций и др.).

Кроме того, «снятые» (но не до конца разрушенные) достижения социал-реформистского периода сохраняют в странах Первого мира пока что для большинства населения² стандарт «общества потребления». Однако в отличие от гарантированного и опирающегося на ассоциированную социальную борьбу (профсоюзов, левых, etc.) стандарта середины века, ныне

¹ Более подробно мы писали об этих тенденциях как о ростках будущего ещё в конце 1990-х в сборнике «Социум XXI века».

² Неолиберализм усилил как внутреннюю дифференциацию внутри прежде относительно однородного «среднего класса», так и разрыв наиболее богатых и бедных слоёв в развитых странах и мире в целом.

для его сохранения типичный представитель «среднего класса» развитой страны должен вести постоянную и все более активную *частную* борьбу за существование как мелкий частный собственник, даже если в его собственности находится только один товар – рабочая сила или так называемый «человеческий капитал».

Сокращая сферы коллективной социальной защиты, корпоративный капитал тем самым *принуждает* гражданина к активизации его деятельности как мелкого товаровладельца и *частного собственника*, действующего без гарантий, на свой страх и риск, но в рамках и по правилам мира, где господствует корпоративный капитал. Так рыночный фундаментализм и тотальность рынка рождают столь же тотальное омещанивание населения. В результате формируется (в некотором смысле – «восстанавливается») *адекватная позднему капитализму социальная, человеческая атмосфера всеобщего тотального доминирования рынка эпохи гегемонии корпоративного капитала*.

Однако этот «ренессанс» рыночных начал и частной жизни, «свободной» конкуренции оказывается не более чем объективной видимостью тотальной власти сетей, создаваемых корпоративным капиталом.

Суммируя сказанное мы можем сформулировать важнейшее **противоречие тотального рынка**: с одной стороны, всевластие корпоративных капиталов, формирующих на «партнерской» основе правила борьбы на современном мировом рынке; с другой – стихийность и нерегулируемость глобальных социально-экономических процессов, порождающая видимость восстановления свободной конкуренции и «ренессанса» рынка, как бы «вглубь», укореняя во власти корпоративных капиталов, и *экстенсивного* (как бы «вширь», во вне экономики) *развития базисные черты рынка – обособленность товаропроизводителей и её диалектическую противоположность – общественное разделение труда*.

Более того, «неомаркетизация» (развитие тотального корпоративно-сетевого рынка) эпохи глобальной гегемонии капитала закономерно порождает и *неоприватизацию* – волну «восстановления» частной собственности, но на базе гегемонии корпоративного капитала.

* * *

Подытоживая анализ тоталитарного рынка вернёмся к характеристике его противоречия, где, с одной стороны, корпоративные сети формируют «поля зависимости» подчиняя всех тех агентов рынка, кто попадает в это «поле», и формируют на «партнёрской» основе правила борьбы, а с другой нарастает стихийность и нерегулируемость глобальных социаль-

но-экономических процессов, порождающая видимость восстановления свободной конкуренции и «ренессанса» рынка.

Эта формулировка противоречия оставляет, однако, некоторую «незавершённость» анализа, если мы не продолжим наше исследование, показав противоречия, связанные с э-/инволюцией товарных отношений в условиях генезиса креатосферы.

* * *

Прежде чем перейти к этой теме, заметим: отталкиваясь в своих размышлениях, представляемых читателю в данной книге, от идей Гэлбрейта, ниже мы как бы «забудем» об этом ученом и его наследии. Но именно как бы. Это забвение будет кажущимся, т.к. мы в следующем разделе, во-первых, поставим вопрос, который Гэлбрейт выделяет в своих работах – вопрос о том, что мы называем пострыночными отношениями. Более того, мы в своем исследовании последуем логике этого ученого (имеющей, в свою очередь, основания в марксизме), показывая, как и почему изменения в материально-технической базе экономики (а на наш взгляд, прежде всего, в содержании труда) могут обуславливать необходимость изменений в общественно-экономических отношениях.

Другое дело, что автор «Нового индустриального общества» не занимался исследованием ни креатосферы, ни влияния ее генезиса на товарные отношения, но тем мы и отличаемся от Гэлбрейта, что исследуем немало изменившуюся за полвека экономику, показывая, опираясь на ряд его работ, новые явления и противоречия.

3. Креатосфера: пределы товарного производства и рынка

Начнем с того, что в пространстве креатосферы *общественная необходимость результата творческой деятельности (культурной ценности, человеческих качеств) не требует особого выражения ни в деньгах, ни в нормах¹.*

¹ Результатом творческой деятельности является, как уже многократно подчёркивалось, не только новый феномен культуры (программа, книга и т. д.), но и развитие самого автора, творца. И то, и другое «оценивает» на протяжении лет, столетий и, возможно, тысячелетий бесконечное, открытое во времени и пространстве сообщество тех, кто использует формулы Эвклида или слушает только что родившиеся стихи возлюбленного, восхищается дарованием Л. да Винчи или обаянием своего первого учителя...

Такая деятельность получает признание своей ценности непосредственно, причём как на индивидуальном уровне (через саморазвитие автора-творца), так и в общественном масштабе (в пространстве-времени распределения созданных данным творцом феноменов мира культуры).

Она предполагает снятие общественного разделения труда и подразумевает диалектическое *отрицание закона стоимости* как закона, который регулирует распределение труда по сферам деятельности и пропорций между ними.

Последнее утверждение требует хотя бы краткого комментария. Согласно марксистской теории закон стоимости есть закон движения товарного производства – мира обособленных производителей, взаимодействующих в условиях общественного разделения труда и стихийно обменивающих свои товары на рынке. Сущностной характеристикой этого обмена является привязка цен товаров (колеблющихся под влиянием спроса и предложения) к их стоимости, овещенному (ранее в русскоязычных изданиях в этом случае использовался термин «овеществленному») в товарах общественно необходимому абстрактному труду, что происходит стихийно, в среднем как результат взаимодействия всей совокупности факторов товарного производства и обмена.

При этом независимо от индивидов (стихийно) складывающееся разделение труда и распределение его по отраслям и сферам деятельности, случайный обмен товарами – главные регуляторы пропорций и распределения труда по сферам деятельности. Господство закона стоимости означает: что, как, когда и где производить формально выбирает агент, но реально это диктует система рыночных отношений. Отдельный товаропроизводитель или покупатель может лишь случайно угадать, как сложится эта система пропорций. Колебание индивидуальных цен вокруг общественно-необходимых затрат труда и является главным механизмом, который диктует стремление к повышению производительности труда и минимизации издержек.

Достаточно очевидно, что в условиях современного, высоко обобществлённого материального производства, находящегося на этапе перехода от развитой индустриальной к постиндустриальной стадии, *такой рынок* уже отсутствует. Он дополняется сложной системой регулирования, о которой говорилось выше. Но в основе своей (в той мере, в какой рынок существует) распределение труда по сферам деятельности происходит именно таким стихийным образом (во всяком случае, это утверждает классический марксизм, чью парадигму мы в данном случае и рассматриваем; с этим согласятся и поклонники идеи «невидимой руки рынка» как главного регулятора экономики).

Что же касается мира культуры, креатосферы, то здесь распределение труда по сферам деятельности регулируется, как мы уже заметили, иными закономерностями их общественного признания, значимости. *Ценность культурного феномена тем выше, чем большее количество других лиц вступает в диалог с её создателем, его деятельностью и её результатом, использует их для своего развития, для своей творческой деятельности.* Для нас существенно, что общественное признание результата творчества, определенного в некотором материальном носителе, *может осуществляться лишь через диалог его участников, то есть лишь в процессе сотворчества.*

Что же касается другого результата творчества – саморазвития субъекта этой деятельности, – то здесь индивидуальная оценка, *самооценка тождественна социальному признанию.* Если человек – субъект творческой деятельности – сам развивается в деятельности, то он сам и является ценностью. Самоудовлетворённость от этого саморазвития, подтверждаемая (не обязательно здесь и сейчас: здесь скрыто одно из фундаментальных противоречий: творчество есть и индивидуальная деятельность, в которой осуществляется саморазвитие, и всеобщая деятельность, имеющая универсальную ценность) другими личностями, вступающими с Вами в диалог, и есть способ социального признания этого результата, ибо свободное развитие личности каждого и есть высшая ценность такого социума. Вступая в диалог с другой личностью, вы лишь подтверждаете его общественную значимость, «доказывая» тем самым, что его творческая деятельность была не случайной, что он, как личность, как «человек культурный», действительно целен и достоин общения. Заметим: последние тезисы касаются любой творческой деятельности, в том числе воспитательной и образовательной.

Продолжим наши размышления. Для марксистской парадигмы существенно то, что рыночная экономика предполагает обмен эквивалентов при взаимном отчуждении результатов труда. Развитие мира культуры приводит к появлению странного феномена, когда вы можете получить в процессе взаимодействия, обмена деятельностью продукт труда своего контрагента, не теряя при этом своего продукта. Обмен такими благами или даже информационными продуктами (но не товарами!) приводит к тому, что вы как бы удваиваете, мультиплицируете результат, вступая в диалог со своим контрагентом или созданной им ценностью. При этом вы не потребляете, не уничтожаете ни материальный носитель, ни саму ценность (например, можно многократно читать одну и ту же книгу, используя содержащиеся в ней знания для самых разных видов деятельности).

Этот феномен известен со времён античности, однако его констатация до сих пор вызывает двойственную реакцию: с одной стороны, это очевид-

но; с другой – противоречит всем аксиомам рыночного бытия, кажущегося нам «естественным». Ещё большее отторжение встречают следствия из этой «банальности». В самом деле, такой обмен деятельностью (а это устойчивая закономерность мира, лежащего по ту сторону материального производства) предполагает, что на смену эквивалентному (в среднем) обмену приходит новый феномен – **распределение издержек**: *чем больше круг лиц, заинтересованных в использовании данного феномена культуры для распрямления, тем ниже удельные издержки на её создание (за вычетом затрат на тиражирование материальных носителей)*¹.

Например, издержки на создание новой компьютерной программы могут быть равномерно распределены между всеми её пользователями. Чем больше число таких пользователей, тем ниже цена программы на каждого из них (за вычетом цены носителя, которая в условиях использования Интернета может быть нулевой). Тем самым отрицается один из фундаментальных законов рынка – закон стоимости (в области явления – фиксируемая и экономиксом связь: чем выше спрос, тем выше цена). Для креатосферы характерна иная связь: *чем большее количество пользователей заинтересовано в распрямлении созданного Вами феномена культуры, тем ниже удельные издержки на её создание, которые должен компенсировать каждый пользователь*. И это не только теория: практики *wikinomics* (викиномики), экономики «открытых ресурсов» (*open-source*)² и т.п., о ко-

¹ Идея распределения издержек была «открыта» нами самостоятельно много лет назад. Впрочем, уже тогда мы догадывались, что она должна быть известна мировой науке. С одним из разработчиков этой проблемы – известным французским марксистом П.Баккара – один из нас столкнулся на международной конференции в 1995 году. Позднее об этом с несколько иных позиций напишет Э. Тоффлер в своей книге «Революционное богатство» (Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. Революционное богатство – М.: АСТ, 2007). Не сомневаемся, что есть и другие авторы, исследующие эту проблему.

Конкретные формы возможной практической реализации механизма распределения издержек описаны в статье: Колганов А.И. Собственность на знания как тормоз экономического и социального развития // Альтернативы, №1, с. 22–24, 2002.

² Подробно эти практики рассмотрены в *Perspectives on Free and Open Source Software* / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2007; *Тапскотт Д., Вильямс Э.* Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет всё. М.: BestBusinessBooks, 2009; англ. изд. *Tapscott D., Williams A. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Penguin, 2007.

торых мы уже упоминали, показывают, как именно реализуются эти механизмы. Но эта материя – исследование собственно пострыночных отношений – выходит за пределы *этой* книги, посвященной анализу рынка, капитала и их пределов. Посему продолжим анализ параметров, показывающих противоположность отношений товарного производства и мира креатосферы.

Сказанное делает очевидной противоположность ценностных оценок рыночного мира и мира культурных ценностей. В рыночном мире рост спроса на продукт вызывает увеличение его цены. В мире культурных ценностей повышение ценности вашего продукта приводит к тому, что его себестоимость для пользователя снижается, в пределе стремится к нулю.

Естественно, что в этих условиях – условиях всеобщего труда, креатосферы – *деньги утрачивают своё бытие универсального всеобщего эквивалента*, служащего для материального признания общественной необходимости труда. Здесь тем самым происходит важное изменение не только в форме, но и в сущности товарных отношений.

Согласно марксистской теории, деньги являются продуктом всеобщего труда. Они в этом смысле схожи с творческим трудом, который по своему определению априори является общественно необходимым и имеет всеобщий характер. Но на этом сходство заканчивается, ибо деньги – всего лишь товар, хотя и особого рода. Потому вне мира купли-продажи они не выступают в качестве освещённого всеобщего труда, превращаясь в кусочек металла, малополезную бумажку или некоторый объем бесполезной информации, хранящейся на том или ином электронном носителе.

Поэтому деньги снимаются в мире всеобщей творческой деятельности, где ценность созданных благ утверждается в процессе распредмечивания, а не обмена на всеобщий эквивалент.

Марксистская модель товарного производства венчается теорией *товарного и денежного фетишизма*. Напомним: её суть состоит в том, что в условиях, когда жизнедеятельность человека определяется законом стоимости, стихийным распределением труда по отраслям (внешним выражением чего является стихийное движение товаров и признание их общественной необходимости через продажу, обмен на деньги, которые в свою очередь являются мерой стоимости, богатства, успеха) – в этих условиях человек оказывается подчинён вещи, товару и в наибольшей степени – деньгам. Именно они становятся важнейшим мотивом и ценностью, которые определяют деятельность и поведение человека. Они являются все-

общим богатством и уникальным исполнителем любых желаний. Деньги могут сделать все – даже больше, чем джинн из сказки¹.

Так деньги становятся фетишем, подчиняющим себе жизнь человека. Таким же фетишем становится товар, вещь, вступающая в обмен. Создаётся объективная видимость того, что вещь-товар и вещь-деньги самостоятельны и обладают некими социальными свойствами, обладают ценой, стоимостью, и именно они диктуют человеку, что он будет делать. В действительности это лишь видимость, хотя и объективная. В реальности человеческий труд создаёт товары, а деньги лишь специфическим образом выражают значимость этого труда, являясь отчуждённой, внешней мерой стоимости, мерой абстрактного общественного труда². Но это превращение происходит постоянно, и оно создаёт особый мир экономических, социальных, даже духовных отношений.

Снятие товарного производства предлагает и *снятие мира, фетишизирующего товары и деньги*, и переход к миру, в котором непосредственные человеческие отношения, взаимодействие людей именно как *личностей*, обладающих творческими способностями, становится непосредственной мерой общественного бытия человека. В этом смысле креатосфера позволяет уйти от фетишизма внешних форм товаров и денег и перейти к миру, в котором высшей ценностью обладает непосредственно человек, его деятельность и неотчуждённый результат этой деятельности³.

¹ «С расширением товарного обращения растёт власть денег, этой абсолютной общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности. «Золото – удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.). (Маркс К. Капитал, т. I // Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 23. М.: Политиздат, 1960. с. 142).

² «...Именно эта законченная форма товарного мира – его денежная форма – скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно и общественные отношения частных работников, вместо того, чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте». (Там же, с. 86). «...Золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами» (Там же, с. 92).

³ Отвлекаясь от основной темы, отметим, что это позволяет преодолеть даже границу физической жизни отдельного человека: творец живёт в созданных им культурных ценностях, учениках, друзьях столь долго, сколь ценны были он и его деятельность. Правда, в некотором смысле эти границы человеческой жизни в отчуждённой форме преодолеваются и в условиях предыстории. Так, рыночная система, в которой частная собственность, общественное богатство передаются по наследству, тоже как бы «увековечила» внешнее выражение человеческой деятельности.

Все названные выше черты рыночной системы, равно как и она сама, снимаются в процессе качественного диалектического отрицания по мере перехода к «царству свободы».

Существенно также, что товарные отношения, фетишизм денег и товаров являются лишь высшей формой развития отчужденных механизмов распределения труда и поддержания пропорций. Последовательное их снятие невозможно без предшествующего преодоления более простых и более жестких отчужденных механизмов распределения ресурсов и поддержания пропорций – таких как традиция, насилие (война), иерархия и др. Эти механизмы преодолевались на протяжении развития буржуазного общества, но они вытеснены отнюдь не окончательно. Поэтому *снятие рынка предполагает снятие и добуржуазных форм координации (распределения ресурсов).*

* * *

Проведённое выше исследование позволяют предположить наличие некоторых устойчивых закономерностей, характеризующих противоположность отношений товарного производства и креатосферы, в частности, противоположность механизмов рыночного отчуждения товаров и опредмечивания/распредмечивания мира культуры.

Начнём с относительно частной закономерности, характеризующей противоречие в развитии частной собственности и конкуренции в мире креатосферы. Эта связь выглядит, на первый взгляд, достаточно спорно, но она легко выводится из предыдущего анализа. Коротко она может быть сформулирована так: *чем полнее и завершённое система прав [частной] собственности на культурное благо (например, новую технологию), тем меньше возможности конкуренции на данном конкретном рынке.*

Поясним эту связь на простейшем примере. Предположим, что г-н Н. изобрел лекарство от рака. Если он запатентовал это изобретение на неограниченный срок, то есть если он обладает абсолютной частной собственностью (подобной, скажем, частной собственности на машину) на этот продукт, то вплоть до того момента, как объект его собственности «износится» (в нашем случае – его know how устареет), данное лекарство полностью выпадает из сферы конкуренции: никто, кроме г-на Н. не имеет право его производить (напомним: всякий продукт подлинно творческой деятельности уникален и единственен по определению). Следовательно, конкуренции здесь не может быть вообще. Противоположный предельный случай – абсолютно свободной конкуренции бесконечно большого (в пределе) числа фирм, производящих данное лекарство, – возможен, как легко догадаться, лишь в том случае, если вообще никто не обладает частной

собственностью на данное культурное благо (патент не является объектом частной собственности, он лишь фиксирует приоритет г-на Н. как изобретателя, удовлетворяя его честолюбие, но не принося никакого дохода).

Следовательно, предположив (в пределе) бесконечным срок действия права частной собственности на являющийся культурным благом товар (как и на любой другой товар: в условиях классического рынка, купив товар, вы становитесь его собственником «навсегда»), мы получим абсолютную монополию, абсолютно отрицающую конкуренцию. И наоборот: абсолютно свободная конкуренция на рынке культурных благ возможна только при полном отсутствии частной собственности на последние. Иными словами, для попыток развития рынка в мире креатосферы характерно внутреннее ограничение: *чем полнее развит один атрибут рынка (частная собственность), тем меньше развит другой (конкуренция).*

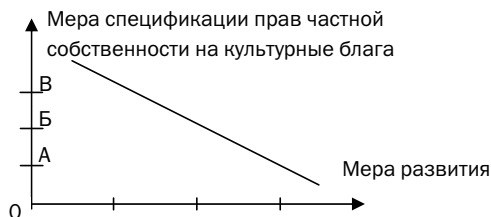
Поясним эту связь. Прежде всего, подчеркнём, что связь носит *мерный* характер, это и качественная, и количественная противоположность. Последнее позволяет на практике найти некоторый компромисс: «немного» частной собственности (например, патент на 5 лет), «немного» конкуренции (после окончания действия патента).

Но это именно внешнее ограничение «естественных» (имманентно присущих, атрибутивных) свойств рынка, основанного на частной собственности. В самом деле, ведь никому даже в голову не придёт ограничить действие вашего права собственности на построенный за свои деньги и своим трудом дом сроком в 5 лет. Однако ограничение вашего права собственности на созданное вами новое знание таким сроком ныне выглядит «естественным» и это не случайно: при последовательной реализации права частной собственности «общество знаний» вообще не могло бы развиваться.

С изрядной долей условности (вообще характерной для графических иллюстраций сложных закономерностей) можно показать названные связи при помощи приводимого ниже графика, где точки А, Б, В показывают ограничение прав частной собственности (например, срока действия патента) на «А», «Б», «В» (например, 3, 5, 10) лет.

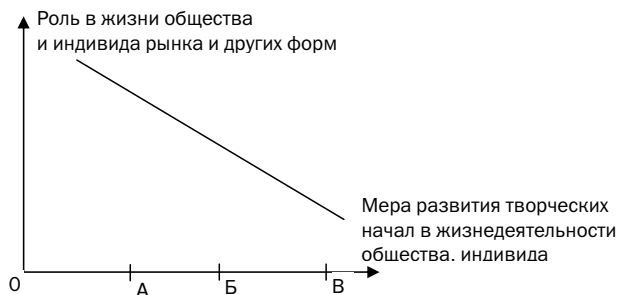
Названная противоречивая взаимосвязь вновь показывает, что частная собственность и конкуренция являются внешними ограничениями развития креатосферы.

Развивая это суждение, мы можем вывести и более общую закономерность: *мера развития рыночных (и, шире, вообще основанных на отчуждении) механизмов организации и мотивации деятельности постепенно «убывает» (речь идет опять же о единстве качественных и количественных характеристик) по мере продвижения от репродуктивного труда к творческому.*

Сформулированную выше зависимость легко проиллюстрировать и эмпирическим материалом. При всем том, что рыночная атмосфера в целом господствует в современном мире, даже сегодня роль рыночных стимулов и конкурентных начал, ориентация на прибыль больше (а социальные ограничения и роль государства, творческих коллективов, не денежных стимулов меньше) в массовом производстве, чем в прикладной науке, а в прикладной науке – чем в фундаментальной. То же можно сказать о связи: массовое производство – шоу-бизнес – подлинное искусство; или: обучение специалистов – профессиональное образование – формирование свободно и гармонично развивающейся личности и т. п.

Как и выше весьма условно мы можем проиллюстрировать названные связи при помощи приводимого ниже графика.

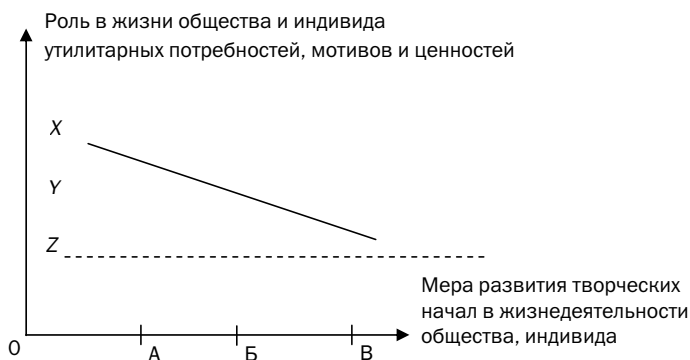

Комментируя схему мы можем (опять же с известной долей условности) предположить, что на отрезке [О-А] будет располагаться массовое производство, шоу-бизнес и иные сферы фиктивного сектора, требующие определённых творческих усилий от их агентов; на отрезке [А-Б] – прикладная наука, профессиональное образование, дизайн и декоративно-прикладное искусство и т. п.; на отрезке [Б-В] – фундаментальная наука, воспитание, образование и культура, ориентированные на гармоничное развитие личности и т. д.

К числу закономерностей «заката» рынка относится и *нелинейное вытеснение качеств «рационального экономического человека» по мере прогресса креатосферы и адекватных ей социальных отношений, типа личности.*

Как и в двух предыдущих случаях мы можем предложить в качестве графической иллюстрации простейшую кривую, которая указывает на снижение роли утилитарных потребностей (от уровня «X» к уровню «Y», но не ниже уровня «Z» – уровня рациональных потребления) по мере развития творческого содержания деятельности.

Существенно, что господство тотального рынка и других форм отчуждения может существенно модифицировать эту связь, приводя к тому, что творческая деятельность, осуществляемая в мире отчуждения, является лишь одним из детерминантов поведения человека. В той мере, в какой субъект такой деятельности подчинён рынку, деньгам, капиталу, его потребности, ценности и мотивы будут оставаться по преимуществу утилитарными. Мы ещё вернёмся к этой проблеме ниже, а сейчас прокомментируем названную выше закономерность.

Несложно зафиксировать, что бурный прогресс креатосферы уже в 1950–70-е гг. бросил человеческому миру вызов: черты *homo economicus* стали вытесняться рождающимися ценностями и мотивами *homo creator'a* (хomo креатора), развернулась не только научно-техническая, но и «человеческая революция» (ещё ранее чрезвычайную популярность приобрели теории «человеческого капитала», где в косвенной форме была отражена эта проблема).

Более того, даже в жёсткой атмосфере СССР эта эпоха породила новый феномен «шестидесятников» – людей, для которых на первом месте были прогресс науки и искусства, освоение нового пространства (романтика, престиж профессий геологов, лётчиков, космонавтов, полярников).

Откат в этих сферах и ренессанс *homo economicus*, начавшийся в 1980-е годы, оказался порождён усилением гегемонии глобального капитала и жёстко связан с развитием превратных форм индивидуализации творче-

ского труда, развитием иных процессов, довольно подробно раскрытых в теориях «общества профессионалов». Эти теории, в свою очередь, оказались неслучайны: возникающее «общество профессионалов» становится реакцией, с одной стороны, на невозможность имманентного прогресса креатосферы в условиях господства современной корпоративно-капиталистической рыночной экономики; с другой – оно тормозит прогресс креатосферы и развивает широкий круг её субститутов и превратных форм. Но эта попятная тенденция временна, неоднозначна (нерыночные мотивы и ценности и ныне остаются среди доминирующих у лиц, хотя бы частично занятых творческой деятельностью, что показывают практически все современные социологические исследования¹).

Подытожим. Анализ существующих ныне материальных, технологических и социальных предпосылок нового общества позволяет построить некоторые **гипотезы генезиса пострыночной системы отношений**, дополняя сказанное выше. Именно эти *пострыночные отношения* должны стать *первым шагом генезиса царства свободы; первым звеном новой социальной системы, обеспечивающей как рост эффективности материального производства, так и ответы на «вызовы», которые бросает социальным творцам генезис креатосферы.*

Как результат развития общественного разделения труда и диалектического отрицания господствующей ныне формы отчуждения в экономике – товарных отношений – может возникнуть *пострыночная (планомерная) форма регулирования социально-экономического развития, поддержания пропорций, распределения и учёта затрат [репродуктивного] труда и других ресурсов.*

Это должен быть более сложный и эффективный (нежели рынок) способ регулирования, который невозможно построить «сверху» – в этом случае получится очередная бюрократическая пародия на планомерность общественного производства. Он может вырасти лишь «снизу», на основе раз-

¹ См., например Сергеева, И., Быков В. Материальные и нематериальные факторы мотивации труда // Человек и труд, № 9, 2010. с. 43; Скрауч О.Н., Мехришвили Л.Л. Специфика научной мотивации молодых преподавателей региональных вузов: по материалам социологического исследования // Современные проблемы науки и образования. №2, 2013 . В теоретическом ключе об этом писали многие марксисты-«шестидесятники». Позднее этот феномен отметил В.Л. Иноземцев (Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность, № 3, 2001. с. 145).

вития процессов обобществления труда и ассоциирования трудящихся, естественно-историческим путём, но при помощи активного социального творчества ассоциированных работников, проходя ряд стадий зрелости.

Характеристика пострыночных отношений не входит в задачу данного текста¹. Отметим лишь, что их генезис – отношения общественного учёта и контроля (некоторый опыт которого приобретён уже и в нашей стране, особенно в первые годы Советской власти, и массовыми демократическими движениями Запада, включая рабочее и профсоюзное); демократическое регулирование и социально-экологическое ограничение рыночной экономики; нормативный учёт качества и количества труда – все это не фантазия. И новая экономическая политика в СССР (равно как и противоречия последующего развития механизмов сознательного регулирования), и социал-демократические модели, и внутрихозяйственное планирование в рамках гигантских корпораций – во всех этих явлениях угадываются первые шаги и направление развития таких отношений.

Более зрелыми новые пострыночные механизмы становятся, развиваясь до демократического народнохозяйственного программирования экономики (оно сегодня считается будущим, судить о котором мы можем, лишь пытаясь «очистить» от демократических деформаций мутантную систему планирования «социалистических» стран).

Эти механизмы, естественно, долгое время будут противоречиво сосуществовать с ограничиваемыми, регулируемыми (и в этой мере отрицающими, но реальными) товарными отношениями.

Существенно, что рынок не был и не будет нейтрален по отношению к этим новым (планомерным) отношениям; планомерность и товарные отношения будут сосуществовать, находясь в состоянии противоречия, соперничества, борьбы. Планомерное регулирование при этом будет иметь лишь одно основание для вытеснения рынка: более высокую экономическую и социальную результативность.

¹ Авторы, развивая традиции наших учителей (Н.В. Хессин, В.Н. Черковец и др.), написали в своё время серию работ, посвящённых проблеме планомерности, в которых постарались показать содержание и форму этого отношения (Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. – М.: Изд-во МГУ, 1983; Бузгалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988; Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990 и др.

Базой для этого могут стать процессы реального обобществления труда (вплоть до развития всеобщего труда и распространения описанного выше механизма *распределения издержек*, вытесняющего эквивалентный обмен по мере движения к информационному обществу) и ассоциирования трудящихся.

Вырастая на базе раскрепощения процессов свободного ассоциирования трудящихся, царство свободы с самого начала складывается как *система экономического самоуправления*, соединяющая в единое целое такие подсистемы, как:

- Производственное и территориальное самоуправление (в бригаде, цехе, на предприятии; в микрорайоне, посёлке, городе);
- Участие представителей трудовых коллективов и иных ассоциаций граждан в управлении отраслевыми и региональными экономическими процессами;
- Демократическое планирование (снимающее противоречия «плановых сделок» эпохи «реального социализма»);
- Функциональное экономическое самоуправление (деятельность полновластных профсоюзных, потребительских и т. п. организаций по нормативному регулированию экономики) и т. п.¹

Элементы этих отношений, предпосылки их массового развития существуют уже сегодня, оставаясь в то же время не более чем переходными, постоянно возникающими и гибнущими (под давлением господствующих механизмов отчуждения, в частности рынка, гегемонии корпоративного капитала) ростками будущей системы экономического самоуправления. Возможности их развертывания в общественном масштабе – это уже совсем иная тема.

* * *

Подождим наши размышления.

¹ Подчеркнём: в СССР в конце 1980-х годов вышла серия интересных работ по проблемам самоуправления, Это неслучайно: именно тогда, в конце горбачевской «перестройки» это отношение развивалось (естественно, в достаточно противоречивых первоначальных формах) на практике в весьма широких, по сути, народнохозяйственных масштабах (Аузан А. Социалистическое самоуправление в экономике: политэкономический аспект. М.: Экономика, 1987; Белоцерковский В.В. Самоуправление: будущее человечества или новая утопия? – М, 1992; Бузгалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988 и др.

Пятьдесят лет, прошедшие с момента написания книги Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», конечно же значительно изменили многие параметры общественной экономической жизни позднего капитализма. Но важнейшие достижения этого ученого по-прежнему остаются актуальны.

Мы в данном очерке остановились только на трех аспектах, прямо или косвенно затрагиваемых в работах этого автора – изменениях в материальном базисе экономики, природе рынка и возможностях развития пострыночных отношений. Книги Гэлбрейта, конечно же, содержат гораздо более широкий спектр проблем. Но даже в тех вопросах, которые мы отметили, хотелось бы подчеркнуть то, что, на наш взгляд, абсолютно необходимо сохранять и развивать современному обществознанию вообще и экономической теории, в частности.

Это, во-первых, внимание к исследованию материально-технических основ производства.

Во-вторых, понимание того, что рыночные отношения в XX веке подверглись частичной трансформации и что крупный капитал способен осуществлять локальное регулирующее воздействие.

Наконец, в-третьих, крайне важно постоянно использовать во всяком исследовании выводы Гэлбрейта о развитии особо типа экономических отношений, того, что он назвал «плановой системой» и что мы выше обозначили как пострыночные отношения.

Литература

1. Аузан А. Социалистическое самоуправление в экономике: политэкономический аспект. М.: Экономика, 1987.
2. Белоцерковский В.В. Самоуправление: будущее человечества или новая утопия? М, 1992.
3. Бенедетти К. Европа: практики обновления // Альтернативы, №2, 2011.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1989.
5. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Философия свободного духа. М., 1994.
6. Библер В.С. Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975.
7. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016.

8. Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России. № 2(44), 2015.
9. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России №2 (48), 2016.
10. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация Российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. №1 (35) с. 39–41, 2013.
11. Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
12. Бузгалин А.В. Роза Люксембург: ответы на вызовы времени // Альтернативы, №2, 2012.
13. Бузгалин А.В. Частная собственность устарела // Отечественные записки, № 6, 2004.
14. Бузгалин А.В., Булавка Л.А. Диалектика диалога versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. № 1, 2004.
15. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х томах. М., 2014.
16. Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. – М. : Изд-во МГУ, 1983.
17. Бузгалин А., Колганов А. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.
18. Булавка Л.А. Императивы симулятивного бытия // Альтернативы, № 2, 2012
19. Булавка Л.А. К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки, № 10, 2012. С. 56–71.
20. Булавка Л.А. Постсоветская культура: принуждение к мутации // Политэкономия провала. Природа и последствия рыночных «реформ» в России. М. URSS, 2013.
21. Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: социофилософский анализ // Фундаментальные проблемы культурологии. Том 6: Культурное наследие: от прошлого – к будущему. М.-СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009.
22. Глазьев С.Ю. Грядет ли новый финансовый кризис в России? // Вопросы экономики, №6, 2000.
23. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
24. Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Опасный пессимизм. Отказаться от демонизации роли государства в экономике // Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие). М.: ЛЕНАНД, 2014.

25. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
26. *Залетный А.А.* Финансовый капитал: взгляд изнутри. М.: ТЕИС, 2014.
27. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010.
28. *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. М.: «Academia» – Наука, 1999.
29. *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) // *Общественные науки и современность*, № 3, 2001.
30. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России. М.: ИНФРА-М, 2004.
31. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. Под ред. проф. В.Б. Супяна. М.Магистр, 2009.
32. *Колганов А.И.* Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990.
33. *Колганов А.И.* Собственность на знания как тормоз экономического и социального развития // *Альтернативы*, №1, с. 22–24, 2002.
34. *Кутырёв В.А.* Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010.
35. *Ленин В.И.* Философские тетради // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 29. М.: Политиздат, 1969.
36. *Ленин В.И.* Замечания на второй проект программы Плеханова // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.: Политиздат, 1963.
37. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
38. *Лобастов Г.В.* Диалектика разумной жизни и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012.
39. *Малый бизнес: история, теория, практика.* М.: ТЕИС, 2000.
40. *Маркс К.* Капитал, т. I // *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. 23. М.: Политиздат, 1960.
41. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.
42. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: Политиздат, 1969.
43. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955.
44. *Маркс К.* Капитал, т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М.: Политиздат, 1962.
45. *Межуев В.М.* Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007.

46. Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. М.: ИПРАН РАН, 2008.
47. Орлов В.В., Васильева Т.С. Труд и социализм. Пермь: Изд-во ПГУ, 1991.
48. Рубе В.А. Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М.: Изд-во МГУ, 1978.
49. Рубе В.А. Сотрудничество или эксплуатация. (Мелкий бизнес глазами буржуаз. экономистов). М.: Мысль 1986.
50. Рыбаков В. На чужом пиру. М.: АСТ, 2000.
51. Сергеева И., Быков В. Материальные и нематериальные факторы мотивации труда // Человек и труд, № 9, 2010.
52. Скрауч О.Н., Мехришвили Л.Л. Специфика научной мотивации молодых преподавателей региональных вузов: по материалам социологического исследования // Современные проблемы науки и образования. №2, 2013.
53. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999.
54. Тапскотт Д., Вильямс Э. Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет всё. М.: BestBusinessBooks, 2009.
55. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2007.
56. Финансовый словарь http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/13798
57. Фромм Э. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990.
58. Щедровицкий Г.П. Интеллект и коммуникация // Вопросы философии, №3, 2004.
59. Щедровицкий Г.П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное // На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004.
60. Экономический словарь <http://abc.informbureau.com/html/eiiaaoess.html>
61. Яковлева А. Социальное и философское значение «всеобщего труда» Маркса // Критический марксизм. Поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под. ред. Г.Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014.
62. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Edited and translated by Caryl Emerson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984.
63. Bourdieu P. Acts of Resistance. Against the Tyranny of the Market. New York: New Press, 1998.
64. Brzezinsky Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. New York: Scribner, 1993.
65. Castels M. The Rise of the Network Society. Malden, Mass. Oxford: Blackwell, 1996.

66. *Fine B.* Theories of Social Capital. Researched behaving Badly. London: Pluto Press, 2010.
67. *Florida R.* The Rise Of The Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community And Everyday Life. New York, NY: Basic Books, 2002.
68. *Frank R., Cook P.* The Winner-Takes-All Society. New York: The Free Press, 1995.
69. *Friedman Thomas L.* A Manifesto for the Fast World // New York Times Magazine, March 28, 1999.
70. *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995.
71. *Greider M.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. New York: Simon & Schuster, 1997.
72. *Habermas, Jürgen.* Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984.
73. *Korten D.* When Corporations Rule the World. West Hartford: Kumarian Press, 1995.
74. *Kristof Nicholas D.* Crony Capitalism Comes Home. http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1
75. *Luttwak Edward.* Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. New York: Harper Collins Publishers, 1999.
76. Perspectives on Free and Open Source Software / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2007.
77. *Reich R.B.* The Work of Nations: Preparing ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y.: Vintage Books, 1992.
78. *Singh, Ajit; Zammit, Ann.* Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of 'doing business'? // Corporate Governance: an International Review, №14 (4), 2006.
79. *Stiglitz Joseph E.* Crony capitalism American-style. <http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>
80. *Tapscott D., Williams A.* Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. New York: Penguin, 2007.
81. *Wei, Shang-Jin.* Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // International Finance, №4, 2001.

Капитализм, новое индустриальное общество и современное государство

Михаил Илларионович Воейков

Заведующий сектором политической экономии

Центра методологических и историко-экономических исследований

Института экономики РАН, д.э.н., профессор

Mikhail I. Voeykov

The Chairman of the department of Political Economy at The Center of Methodological, Historico-Economic Research (Institute of Economics at Russian Academy of Sciences), Dr. of Economics, Professor

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы создания и развития нового индустриального общества, его характерные черты, соотношение плановой и рыночной систем, императивы отечественной экономической теории, проблемы политической экономии. Выделяются новые направления в этой области. Показана политическая экономия как специфическая форма отечественной интеллектуальной традиции.

Ключевые слова: Новое индустриальное общество, корпорации, рынок, планирование, политическая экономия, экономикс, национально-государственные интересы России

Capitalism, the New Industrial State and modern government

Abstract. The article discusses an issue of creation and development of the New Industrial State, its characteristics, relations between planned and market systems, imperatives of Russian economic theory, questions of Political Economy. The new areas in this sphere are distinguished. Furthermore, Political Economy is illustrated as a specific form of Russian intellectual tradition.

Keywords: The New industrial society, corporations, market, planning, Political Economy, Economics, national and state Russian interests

Введение

В свое время, то есть 50 лет назад, Дж.К. Гэлбрейт сформулировал концепцию «нового индустриального общества», главный тезис которой со-

стоял в утверждении, что капитализм эпохи свободной конкуренции подходит к своему концу и что «рыночный механизм заменяется тем, что принято называть вертикальной интеграцией», «где применяется наиболее сложная и передовая техника, рыночный механизм полностью замещается, а планирование становится поэтому наиболее надежным». И наконец, «врагом рынка является не идеология, а инженер... Не социалисты враги рынка, а передовая техника»¹. Вся глубина и масштабность этого положения в то время была плохо понята, что на Западе, что у нас. Так, в Предисловии к книге Гэлбрейта «Экономические теории и цели общества», изданной у нас в 1976 г. сказано: «Гэлбрейт создал априорную схему американской экономики и оперирует надуманными категориями, пытаясь доказать недоказуемое»². Сегодня мы можем смело сказать, что все не так. Схема Гэлбрейта основывается на большом эмпирическом материале, а его концептуальные выводы за последние десятилетия получили бесспорное подтверждение. Теперь это очевидно всем и не требует каких-либо изощренных доказательств. Но и американцы не очень прислушивались к Гэлбрейту. По словам М. Блауга, они считали Гэлбрейта ренегатом, никогда не прекращали критиковать ни его, ни его искреннюю веру в планирование и увеличение государственного регулирования, и, «конечно, они не могли простить ему тот факт, что его книги продавались миллионными тиражами»³.

Гэлбрейт сформулировал и систему противоречий капиталистической системы, которая, по его мнению, не имеет «тенденции к самосовершенствованию». «Неравномерно развитие, – пишет Гэлбрейт, – неравенство, ничемные и вредные нововведения, ущерб окружающей среде, пренебрежение интересами отдельной личности, власть над государством, инфляция, неспособность наладить координацию между отраслями являются составной частью системы, как и составной частью реальности. Это не мелкие дефекты... Они глубоко присущи самой системе»⁴. О противоречиях капитализма говорят и пишут сравнительно давно, но лишь сегодня об этих противоречиях стали писать почти все. Кроме, конечно, упертых либеральных экономистов, которые экономическую науку подменяют иде-

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: «Прогресс», 1969. С. 63, 68, 71.

² См. Там же с. 24.

³ Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2005. С. 73

⁴ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 269–270

ологической ангажированностью и предвзятостью мнений. Но эти люди выпадают за рамки серьезного научного рассмотрения.

Итак, противоречия современного капитализма. Их можно сгруппировать в две большие группы: эндогенные и экзогенные противоречия. Эндогенные противоречия – это внутренние противоречия, которые рождаются самим капитализмом почти ежедневно и которые он сам преодолеть не в силах. Развитие капитализма под воздействием этих противоречий ведет к системной его трансформации, что позволяет говорить уже о конце капитализма. Экзогенные противоречия – это противоречия внешнего характера, когда собственно капитализм не в силах решить, возникающие противоречия по ходу его развития.

Так как в настоящей статье рассматриваются в основном противоречия первого рода, укажем на некоторые экзогенные противоречия, о чем писал Гэлбрейт 50 лет назад. Это проблемы сохранения окружающей среды (экология), доступности всеобщего образования, сохранения и развития культуры, здравоохранения и т.п. Но это, прежде всего, проблема социально-экономического неравенства, которая сегодня приобрела всеобщий и угрожающий характер. Так, по данным специалистов, в 2015 г. 1 % населения всего мира владел 50 % мирового богатства, всего лишь 42 тыс. человек имеют индивидуальное состояние более 100 млн долл¹. Но эти противоречия как бы внешнего характера, при них капитализм еще может существовать довольно долго. Другое дело внутренние противоречия капитализма, которые его подрывают изнутри и которые только углубляются с его развитием.

Итак, эндогенные противоречия. Есть классическое положение, согласно которому капитализм содержит в себе такие внутренние противоречия, которые рано или поздно неизбежно приведут его к разрушению или перерождению. Эта концепция своим основанием имеет марксистскую доктрину и сегодня получает дополнительное подтверждение. Особенно это стало ясно после недавнего мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.

Отметим также, что одним из важнейших выводов марксистской теории кризисов является положение об объективной неизбежности кризисов при капитализме. В любом виде и форме кризис есть необходимый атрибут капитализма, средство его взбадривания. Некоторые праволиберальные экономисты считают, что это и хорошо, ибо кризис, как генеральная уборка помещения, выметает из общества все дряхлое и нежизнеспособное. Конечно, это верно, мусор надо выметать. Но лучше это делать каждый день, сознательно и планомерно, а не ждать когда грянет буря и раз-

¹ Пороховский А. Мир перемен без перемен. // Мир перемен, 2015, № 4. С. 181.

бив стекла, ворвется в помещение и перевернет там все верх дном. Как показал последний финансовый кризис, некоторые люди в его результате покончили жизнь самоубийством. Что же тут хорошего? Нормальное общество не может успешно развиваться, переходя от кризиса к кризису. Такое общество обречено на исчезновение.

Не погружаясь в детальное описание недавнего кризиса, отметим его некоторые особенности. Во-первых, представляется, что этот кризис при всей его похожести на классические экономические кризисы, не является обычным циклическим кризисом капиталистического воспроизводства. Прежде всего, это денежный кризис, который начался в финансовой сфере и там произвел определенные опустошения. Конечно, он затронул и реальный сектор экономики. Но в реальной экономике опустошения не оказались столь значительными, как это, например, было в эпоху мирового кризиса 1929–1932 гг. Перепроизводства товаров в капиталистическом мире пока нет. Таким образом, можно согласиться с той литературой, где отмечается, что этот кризис имеет ряд важных особенностей. Одна из этих особенностей, о которой, правда, пишут меньше, состоит в том, что этот кризис заставляет задуматься об основополагающих элементах и принципах рыночной экономики. Даже политические лидеры ведущих стран мира заявляли о чрезвычайной опасности современного кризиса для всей капиталистической системы, что капитализм после кризиса должен стать иным. Если оставить за скобками политическую риторику, то, тем не менее, в заявлениях о настоятельной необходимости изменения капитализма есть объективная составляющая. Это касается, прежде всего, того, что рыночная экономика как материальная база капитализма угасает. Возможно, угасает и сам капитализм. Это мнение все больше и больше разделяют многие современные интеллектуалы. Так, современный американский экономист Л. Туроу пишет: «Вечные истины капитализма – экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность, повышение реальной заработной платы, – по-видимому, исчезают по мере того, как исчезают его враги. Что-то изменилось внутри самого капитализма...¹».

Перечислим кратко некоторые новые явления современного капитализма, которые могут свидетельствовать об угасании рыночной экономики. Это: возросшая степень концентрации производства и в соответствии с этим сверхмонополизация капитализма; выведение золота и драгоценных металлов из денежного оборота и необеспеченность бумажных денег,

¹ Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 11.

появление фидуциарных денег; трансформация конкуренции из экономического явления в политическое, когда национальные государства обеспечивают привилегии своим национальным монополиям; диффузия экономического феномена собственности, превалирование юридической формы («права собственности»), угасание частной собственности на средства производства, когда корпоративной собственностью распоряжаются топ-менеджеры, а не сами акционеры, то есть собственники; расширение экономической роли и функции государства и порой жесткое регулирование с его стороны рыночной экономики.

Таким образом, многое в современном мире изменилось и теперь марксистская теория кризисов в ее конкретном прочтении в целом для современного этапа почти не применима, ибо основные элементы экономики современного капитализма стали или становятся принципиально иными, чем это было во времена К. Маркса. Нет свободного рынка, нет свободной конкуренции, появились деньги как политический институт, то есть уже не экономический. Это многое меняет. Опять обратимся к Гэлбрейту. Он признавал, что наблюдается «возрождение интереса к теории марксизма. Марксистская система в прошлом была великой альтернативой классической экономической мысли... Маркс предвидел многие тенденции капиталистического развития, однако он не обладал сверхъестественной силой, позволяющей ему в свое время предвидеть все, что в конце концов произойдет. После Маркса произошло многое, что надо принимать в расчет сейчас¹». Таким образом, экономика перетекает в политику. И здесь востребованной становится общая марксистская теория капитализма в целом, гласящая, что капитализм сам себя подрывает изнутри.

Факторы трансформации капитализма

По мнению специалистов, за последние 20–30 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы, которые по большому счету некуда девать. Существует перенакопление капитала и тем самым капитализм если не подходит к своему концу, то, безусловно, переходит в какую-то иную стадию. Одним из важнейших факторов является, так называемая, финансиализация современного капитализма. Это означает, что финансовый сектор приобрел самостоятельное значение, оторвался от реально-

¹ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 56.

го сектора экономики и по существу концентрируется на финансовых спекуляциях. Основой этого процесса, на наш взгляд, являются фидуциарные деньги. Итак, что же такое современные деньги?

Маркс писал о деньгах в «Капитале» следующее: «Именно потому, что все товары как стоимости представляют собою овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, – именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, то есть деньги¹». Во времена Маркса деньгами выступали драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не размениваются. Что же представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры ничтожен по сравнению с ее номиналом.

Сегодняшние деньги вообще ничем не обеспечены. Даже в тех странах, где было в ходу золотое обращение, то есть размен банкнот на золото, полного или 100 % золотого обращения на деле не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. Количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20 % денежной массы. Остальные 80–90 %, как пишет М. Фридман, состояли из «серебра, фидуциарных [неполноценных – М.В.] денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом²». Но это было давно и сегодня про золото или серебро как основы денежной системы почти уже никто кроме фундаменталистов рыночной идеологии, не вспоминает. Любопытно современное признание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике: «Много лет назад эту роль [обеспечения ценности банкнот – М.В.] выполняло золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает то, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности³». А недавний мировой финансовый кризис вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей, будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1955–1974. С. 101.

² Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 68.

³ Самуэльсон П., Нордхауз В. Экономика. М., 2005. С. 425.

ческом мире что-то переворачивается. Строго говоря, деньги превратились в особый документ политического соглашения (фидуциарные деньги, от латинского слова *fiducia* – сделка, основанная на доверии). Ничего рыночного в этих деньгах уже нет.

В капитализме что-то переворачивается, несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдают и не снижают своей активности в защиту рыночной экономики времен средневековой первозданности. Наоборот, финансовые неурядица и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. В пример приведем книгу американского экономиста М. Ротбарда «Государство и деньги». Так, он утверждает: «Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать». И дальше: «Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой¹».

Если закрыть глаза на некоторые преувеличения, то по существу М.Ротбард прав. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза и что в теории характерно для социалистического общества. Гэлбрейт еще 50 лет назад так и писал: «Наша экономическая система, под какой бы формальной идеологической вывеской она ни скрывалась, в существенной своей части представляет собой плановую экономику²». И в другом месте уже о социализме: «Доводы в пользу социализма неоспоримы в слабейших частях экономики. Они также, как это ни парадоксально, неопровержимы в ее сильнейших частях³». Все это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, то есть формой политического соглашения и государственного регулирования, то это означает, что из под рынка выбит основной конституирующий его элемент.

Ибо деньги есть показатель, знак или символ отношений стоимости, то есть особого социального отношения между людьми в рыночной экономике. Однако в современном товарно-капиталистическом хозяйстве

¹ Ротбард М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. С. 114.

² Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 41.

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 353

деньги, перестав размениваться на золото, то есть оторвавшись от своей объективной основы, перестали быть символом абстрактного труда. Теперь они лишь символ политического соглашения в обществе между гражданами и правительством, которое просто печатает бумажки (то есть деньги) по своему усмотрению. Тем самым, подрывается объективный механизм существования и развития товарно-капиталистического хозяйства. И, как мы видим, в последнее время современные экономические кризисы – это не кризисы сбыта, перепроизводства товаров, а кризисы перепроизводства пустых, ничем не обеспеченных денег.

Следующим элементом трансформации капитализма является усиление процесса концентрации производства, и, стало быть, углубление и расширение монополизации современной экономики. Еще В.И. Ленин писал в 1916 г.: «Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом¹». Сегодня монополия не только стала фактом, но превратилась в фундаментальную основу трансформации современного капитализма. Об этом писали западные экономисты еще лет 50 тому назад (хотя, заметим в скобках, что Ленин писал об этом 100 лет назад). Так, Гэлбрейт в середине 1960–1970-х гг. писал, что роль и значение крупных корпорации в современной рыночной экономике существенно возрастает: «С конца прошлого столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников²».

Доля же мелкого и среднего бизнеса заметно сокращается. Создается так называемая планирующая система из крупных корпораций, которые трансформируют саму рыночную экономику. А сама рыночная система, по мысли Гэлбейта, «это мир мелких фирм». За последние 30–40 лет этот процесс концентрации производства заметно усилился. Современные исследования показывают, что за период с 1970 г. по 2014 г. доля активов крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности США увеличилась на 40 %. Так, на долю 847 крупнейших корпорации США, которые составляют лишь 0,33 % от общей численности предприятий, в 1970 г. приходилось менее 50 % всех активов отрасли, то в 2014 г. они уже концентрировали у себя 88,7 % всех активов³. Идет интенсивный процесс моно-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 тт. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1960–1966. С. 315.

² Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 40.

³ Комолов О.О. Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике // Экономическое возрождение России, 2015, № 4(46). С.158.

полизации производства и ослабления конкуренции, и, соответственно, вытеснения рыночной экономики.

Другим важнейшим элементом трансформации является диффузия собственности и, если можно так сказать, угасание частной собственности. Известно, что частная собственность на средства производства есть фундамент капитализма и рыночной экономики. Но если в современной экономике господствуют крупные корпорации, которые монополизировали рынки и существенно снизили накал конкурентной борьбы, то частная собственность очевидно уже уходит на второй план. Ибо для крупных корпораций характерным является акционерная собственность, рассеянная среди тысяч мелких акционеров. В такой корпорации уже нет реального собственника. Так Гэлбрейт пишет: «В течение трех последних десятилетий накапливалось все больше доказательств того, что власть в современной крупной корпорации постепенно переходит от собственников капитала к управляющим¹». Таким образом, отмечал Гэлбрейт в более поздней книге, «власть собственников капитала, то есть держателей акций, равна нулю²». Стратегические решения принимает высший менеджмент, который может быть просто наемным персоналом.

Американский крупный инвестор и основатель второго по величине в мире индексного паевого фонда Vanguard Д.К. Богл, сокрушаясь по поводу разрушения рыночной экономики и фундаментальной трансформации капитализма («фондовый рынок превратился не просто в цирк, а в казино для спекулянтов», «капитализм движется в неправильном направлении» и т.п.), заключает, что «ответственность за этот подрыв капитализма лежит на распылении собственности в корпоративной Америке, в результате которого возник вакуум власти собственников³». Таким образом, частная собственность на средства производства в корпоративном секторе развитых западных стран исчезает. Стало быть, исчезает объективная основа капитализма. На её место приходят технократические и бюрократические структуры, основным мотивом для которых является не укрепление мифической для них «частной собственности», а развитие и процветание собственных структур. Современный капитализм чем-то начинает походить на бюрократические структуры советского общества.

Такую систему, где господствуют технологические структуры, Гэлбрейт и называет «новым индустриальным обществом». Вот его слова: «Было бы

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: «Прогресс», 1969. С.88

² Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 70.

³ Богл Д.К. Битва за душу капитализма. М., 2011. С. 37.

целесообразно еще до того, как мы получим более точные формулировки, дать какое-то обозначение той части экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций. Такое обозначение напрашивается: я буду называть ее «индустриальная система». В свою очередь, индустриальная система – это определяющая черта «нового индустриального общества»¹. И в этой системе центральное место занимает современная корпорация, которую Гэлбрейт рассматривает «как инструмент планирования, преодолевающий рынок»².

Действительно, рыночная экономика и капиталистическое общество сегодня претерпевают фундаментальную трансформацию. Исчезает частная собственность на средства производства, деньги перестают быть рыночным инструментом регулирования рынка, концентрация производства и монополизация достигли наивысшей ступени своего развития, когда уже с объективной необходимостью требуется введение плановой системы, государство становится полным хозяином (даже диктатором) в рыночной экономике. Да так, что от самого рынка скоро останутся лишь некоторые внешние атрибуты. Действительно, в капиталистическом мире что-то меняется.

Государственная экономическая стратегия

Таким образом, в современных условиях объективно возрастает роль государства и его регулирующих функций в экономике. Обратимся опять к Гэлбрейту. По интересующему нас вопросу он пишет: «Индустриальная система действительно неразрывно связана с государством. Развитая корпорация в важнейших отношениях является орудием государства. А в важных делах государство выступает как орудие индустриальной системы»³.

Итак, государство. За период горбачевской перестройки и последующих трансформаций у нас о государстве и его роли в экономике написано много бестолковых и уничижительных текстов. Самые лучшие публицисты и ученые соревновались друг с другом, чтобы оплевать свое собственное государство, развалить его, или хотя бы принизить. В исходной точке критика в адрес советского государства была в чем-то оправдана, ибо тогдаш-

¹ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 45.

² Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 171.

³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 350.

нее государство было чрезмерным государством, не оставляло никакой возможности для проявления гражданской и экономической инициативы, тотально опекая все общество в целом и каждого его члена в отдельности. В этой связи справедлив и оправдан был, начавшийся тогда, в конце 1980-х годов, процесс разгосударствления многих сторон общественной жизни и прежде всего жизни экономической. Однако на практике дело кончилось низведением государства до положения «ночного сторожа», но, видимо, в силу российских традиций, плохо оплачиваемого, плохо вооруженного и, главное, бестолково инструктируемого.

В современном мире такое отношение к государству представляется самоубийственным. По крайней мере, по двум крупным основаниям Россия должна отказаться от такого уничижительного отношения к государству. Первое – это особенности, геополитические прежде всего, и традиции России. С древнейших времен Россия формировалась как все более укрепляющееся государственное образование. Раздробленность на отдельные княжества (графства или герцогства), что было типично для развития Европы, в России довольно быстро было преодолено и постепенно шло создание весьма централизованного государства. Иначе, видимо, Россия не сохранилась бы как великая держава. Соответственно все или почти все существенные начинания, реформы, изменения осуществлялись как инициатива верховной власти, из одного центра. Даже развитие промышленности, начиная с реформ Петра I, шло по инициативе государства, в форме государственной промышленности.

Второе – современный опыт развитых западных стран. Еще Л. Эрхард в 1955 г. замечал, что «современное и сознающее свою ответственность государство просто не может себе позволить еще раз вернуться к роли «ночного сторожа»¹. В настоящее время все экономически развитые страны мира демонстрируют все возрастающую долю государства в распределении валового национального продукта. Так, по имеющимся данным в таких странах как Швеция, Норвегия, Нидерланды уровень государственных расходов составляет более 50% ВВП, при среднеевропейском уровне в 40–45%. В России этот показатель составляет с 1992 г. примерно 30%, что является самым низким показателем в мире². В таких условиях не может сохраниться достаточно сильное государство для проведения серьезной и успешной модернизации.

¹ Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Начала-Пресс, 1991. С. 226.

² Воейков М.И. Стратегии модернизации российской экономической системы. // Экономическое возрождение России, 2014, № 3(41). С. 21

Вместе с тем следует сохранять разумность в повышении экономической роли государства, подходить к этому вопросу исторически и конкретно. Так, ясно, что в первый период курса на восстановления народного хозяйства, видимо, жесткость государственного экономического регулирования будет максимальной. Ибо восстановить хозяйство можно только с помощью сильной государственной политики. Мировой опыт XX века свидетельствует, что выход из кризисного состояния экономики в любой стране обеспечивался серьезным государственным вмешательством в экономику. Поэтому в этот период многие конкретные хозяйственные мероприятия будут походить на нечто очень близкое к модернизационной стратегии – например, восстановление государственной монополии внешней торговли по стратегическим продуктам. И в самом деле, эти мероприятия будут носить мобилизационный характер. Другое дело, что не следует слишком сильно увлекаться этими мероприятиями, понимать и чувствовать пределы их применимости.

В следующий период, когда экономическое положение стабилизируется, государство может сузить сферу своего влияния с тем, чтобы рыночное саморегулирование обеспечивало большую эффективность экономического процесса. Однако, надо иметь в виду, что крупные корпорации, которые представляют становой хребет современной экономики, уже давно находятся в зоне жесткого государственного контроля. Это есть объективная необходимость. А рынок и рыночное саморегулирование оттеснены сегодня на обочину экономического прогресса. «Рыночная система, – писал Гэлбрейт, – это мир мелких фирм¹».

Итак, оптимальная стратегия экономического развития должны базироваться на трех принципах или элементах: народнохозяйственном планировании, рыночном саморегулировании и политической демократии. Именно разумное сочетание этих трех элементов и дает в комплексе это оптимальное направление. Можно отметить, что такое сочетание этих трех принципов до сих пор не было свойственно известным нам типам экономик. Так, советский тип экономического порядка предусматривал систему жесткого народнохозяйственного планирования с очень небольшой (минимальной) долей рыночного саморегулирования (в части распределения товаров народного потребления и натурализации безфондового обмена средствами производства) и с полным отсутствием политической демократии. Экономически развитые страны Западной Европы,

¹ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: «Прогресс», 1976. С. 173.

наоборот, имеют достаточно эффективное рыночное саморегулирование и действенную политическую демократию, но не используют или используют в минимальной степени народнохозяйственное планирование. Исключение составляют лишь экстремальные периоды, когда государственное регулирование экономики весьма близко подходило к экономическому порядку народнохозяйственного планирования.

Россия также сегодня находится в экстремальной ситуации и уже поэтому оправдано здесь и сейчас использовать народнохозяйственное планирование. Кроме того, планирование в России имеет давние традиции и в силу характерных особенностей российской индустрии является наилучшей формой государственного регулирования экономики. Отказ от народнохозяйственного планирования привел к расчленению экономики, разрушению экономических связей, развалу народнохозяйственного комплекса. Например, становится совершенно ясно, что неконтролируемый рост железнодорожных тарифов, не увязанный с общими пропорциями народного хозяйства приводит сегодня к положению, что Дальневосточные регионы России будут экономически примыкать не к Центральной России, а к другим странам (Китай, Корея, Япония). Отсутствие народнохозяйственного планирования приводит к серьезным перекосам в соотношении многих взаимосвязанных элементов экономики.

Речь, конечно, не идет о восстановлении того, директивного планирования, которое предусматривало планирование из одного центра производство каждой гайки. Надо сказать, что такого сверхжесткого планирования практически у нас и не было (может быть, исключая годы войны и некоторые другие отдельные периоды). Уже в последние годы существования СССР (примерно с 1988 г.) советское народнохозяйственное планирование было намного более мягким и гибким (вспомним, например, госзаказ).

Вообще народнохозяйственное планирование было вызвано к жизни отнюдь не учением «марксизма-ленинизма», а практической потребностью ведения всего народного хозяйства как единого целого. Если говорить более углубленно, то надо заметить, что идею экономического планирования русские социалисты во многом заимствовали из практики Германии времен Первой мировой войны и некоторых работ немецких ученых того периода (К. Баллод), а в период Временного правительства (1917 г.) самым активным энтузиастом народнохозяйственного планирования был меньшевик В.А. Базаров. Планирование в тех или иных формах и объемах существует везде, во всех развитых странах и организациях.

Восстановление народнохозяйственного планирования может и должно осуществляться в различных формах: как прямое директивное плани-

рование на первых порах экономической стабилизации и по строго ограниченному кругу товаров (возможно в виде госзаказа), как индикативное планирование по широкой массовой номенклатуре, планирование в виде программ (особенно для отдельных отраслей и отдельных территорий). Возможны и другие виды народнохозяйственного планирования.

Главное во всем этом деле – это не сводить все народнохозяйственное планирование к какому-то одному его виду. Многим понятно, что сегодня нельзя восстанавливать директивное планирование во всем его объеме. Но многие экономисты уповают на всеобщность индикативного планирования. Однако это не должно отрицать в необходимых случаях программно-целевое планирование, векторное планирование, тоже и директивное планирование. Словом, без серьезного отношения к восстановлению народнохозяйственного планирования с обновленными формами и методами добиться восстановления народного хозяйства страны просто невозможно. Без этого невозможно проводить и модернизацию экономики.

Однако народнохозяйственное планирование не должно заменять или подминать собой рыночный механизм. Суть рыночного механизма (конкуренции) состоит в сопоставлении, соизмерении индивидуальных издержек труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие производители товаров достигают максимальных преимуществ, а худшие в конце концов выводятся за пределы хозяйственного процесса. Здесь нет застоя. Каждый непосредственно ощущает возможности существенного роста материального благосостояния или резкого его снижения в прямой зависимости от своего труда и результатов своего производства. Это элементарный рыночный механизм, а соревнование или конкуренция (что для рынка более адекватно) – его главный стержень. Рыночный механизм регулирует и согласует (балансирует) стремления и возможности каждого производителя по отношению к другим в процессе его экономического самоопределения, и составляет важнейший мотив хозяйственной деятельности.

При этом заметим, что рынок вообще вещь плохая. Это зло, но, к великому сожалению, зло объективно неизбежное. Но без него, без рынка на определенных этапах исторического развития невозможно осуществлять нормальное общественное производство. Без рынка мы вернемся к административно-командной системе, которая весьма действенна в экстремальных условиях, но совершенно непригодна в нормальных экономических условиях для данного уровня цивилизации. Поэтому здесь рынок

и нужен. И рынок плох не потому, что он сам по себе плохой, а потому, что он есть просто отражение еще очень недостаточного экономического развития. Рынок это эквивалентный обмен в обществе. Но современное общество имеет развитые сферы, которые невозможно поддерживать и развивать на принципе эквивалентного обмена (образование, культура, здравоохранение и т.д.). Поэтому мы и говорим вслед за Гэлбрейтом, что рынок сегодня уже недостаточен.

Итак, рынок, как говорится в экономических словарях, это аллокация ресурсов без участия государства. В словаре, конечно, может быть такое определение и теоретически, абстрактно можно это понять. Но реально представить себе какую-либо экономику, где происходит распределение ресурсов без прямого или косвенного участия государства просто невозможно. Во многих европейских странах так или иначе до 50 процентов валового продукта распределяют с помощью государства. А в некоторых странах и существенно больше. Кроме того и само государство некоторые свои мероприятия и действия может основывать на рыночных принципах.

И последнее, заметим насчет рыночной экономики в целом. Все-таки каждая страна представляет собой набор особенностей и специфичностей. Бесспорно, что каждая страна находится на различных этапах исторического развития. И если взять, скажем, с одной стороны, Индонезию, Индию, Пакистан, Филиппины и, с другой стороны, Англию, Германию, Швейцарию, Францию – то везде мы обнаружим рыночную экономику. Ведь никто не будет утверждать, что в Индии нет рыночной экономики. Но экономика Индии и экономика Англии – это совершенно разные экономики. И я думаю, что и в России есть рыночная экономика. Поэтому, отвечая на вопрос, сложилась ли в России рыночная экономика, можно сказать совершенно утвердительно, что, безусловно, современная экономика России – рыночная.

Более того, я бы сказал, что она и раньше была рыночная. В советский период действовали почти все рыночные категории (товар, цена, прибыль, деньги, кредит, процент и т.д.). Другое дело, что функционирование этих категорий было искажено, затруднено, но эти категории реально присутствовали в экономике. Более того, вся экономическая деятельность (я подчеркиваю, экономическая, а не политическая) была нацелена на повышение эффективности производства, а это, безусловно, есть рыночный критерий жизнедеятельности общества. Просто в советский период нормальное функционирование рыночных отношений было сильно затруднено, степень рыночности была резко снижена, а сегодня рыночные отношения совершенно свободны. Свободны даже от самых необходимых ограниче-

ний. Кстати говоря, это объясняет и широкую криминализацию экономики. Ведь свободному рынку не нужны никакие законы, там побеждает сильнейший. И только современный цивилизованный мир эту рыночную борьбу ставит в какие-то рамки, ограждает законами. Сильнейший должен побеждать не любыми средствами, а лишь признанными и допустимыми цивилизованным миром. То есть, цивилизованный рынок – это рынок ограниченный государством, ограниченный законами. Свободный же рынок есть по определению рынок криминальный с точки зрения современного цивилизованного человека. Наша бывшая плановая система рынок как таковой не искореняла, ибо это невозможно, но чрезмерно его ограничивала, перекореживала. Из этого также вытекало много неприятностей. Но тем не менее наша экономика была и раньше рыночной и сегодня она рыночная. Но степень рыночности, конечно, разная.

Наша экономика после всех, так называемых, рыночных преобразований получается такая, какая только может получиться: малоцивилизованная, коррумпированная, перекошенная и что самое главное, почти непригодная для развития страны. Даже при самом хорошем правительстве все равно у нас не будет рыночная экономика такая же, как во Франции или Германии. Это объясняется многими причинами, прежде всего объективного характера. Возьмем хотя бы географическое положение страны. Любую европейскую страну можно проехать на машине или на автобусе за сутки или даже быстрее. В России же это совершенно невозможно. От Москвы только до Петербурга можно доехать на машине за одни сутки, а ведь это только маленький кусочек страны. А взять климатические условия! А северный завоз! Как на рыночных условиях этот Север содержать? Это просто невозможно.

Все страны идут, так сказать, одним путем рыночного развития, идут в одну сторону, к новому технологическому укладу, что Гэлбрейт назвал новым индустриальным обществом. И рынок на этом пути не цель, а средство, этап развития. Рано или поздно мы тоже подойдем к какому-то общецивилизационному рынку. Посмотрите на Японию. Это чрезвычайно специфическая, ни на кого не похожая страна. Но если взять все их достижения в компьютерах, в электронной технологии, в машиностроении, то это все западное, точно такое же, как в любой другой высокоразвитой западной стране. Может быть, только немного лучше. Но ничего специфически японского в области технологий, собственно, они не придумали. Они вложили свой интеллект, изобретательность и работоспособность, добились особого качества продукции, сохранили в чем-то свои специфические трудовые отношения. Продукция же, которую они делают, совершенно такая

же, как западная продукция. И даже лучше качеством. И дай Бог нам тоже дойти до такого состояния, чтобы выпускать продукцию, которая будет отличаться от западной только в лучшую сторону.

Но путь общественного развития один. И никакая особая цивилизация не подарит нам другого пути технологического развития, а стало быть, и социально-экономического развития. Направление пути одно и тоже, хотя ходить надо, конечно, со своей головой. То есть, формы и темп движения по этому общецивилизационному пути могут быть своеобразными. Но и то, только до какого-то уровня общественного развития.

Вместе с тем, не следует переоценивать возможности рыночного механизма. В долгосрочной перспективе его воздействие весьма незначительно, слабое воздействие он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т.п.). В современном мире мы можем наблюдать весьма диалектический процесс симбиоза рынка и планирования. Там и тогда, где рынок отступает эти ниши заполняют определенные формы планирования (например, военное производство, космические программы, природоохранные мероприятия и т.д.). Но в производстве, ориентированном на массового потребителя полностью господствует рынок, планирование здесь может выполнять только очень косвенную роль. Так или иначе, но планирование и рынок в современном мире совмещаются, хотя и не без проблем.

Для России народнохозяйственное планирование объективно необходимо по ряду существенных причин:

- Поддержание должного уровня обороноспособности, что требует жестко скоординированного большого комплекса отраслей и производств;
- Растянутость территории страны, которая в условиях свободного рынка может просто распасться на отдельные куски;
- рискованное земледелие, требующее планомерного государственного регулирования;
- необходимость планомерного балансирования добывающих и обрабатывающих отраслей;
- Превращение энергетики в основу экономического развития всего народного хозяйства как целого;
- Освоение новых территорий, как правило, расположенных в труднодоступных районах;
- Поддержание, достигнутого за предыдущие десятилетия, сравнительно высокого уровня культурного и социального развития.

При всем этом и рынок некуда не денется. Нельзя согласиться с модным ныне утверждением, что рынка раньше в СССР не было, и появился он только с января 1992 г. Конечно, если под рынком понимать вакханалию цен, дикий разгул нуворишей, бедлам в законодательстве, ваучеризацию и прочее, то такого рынка, действительно, раньше никогда не было. Но такого рынка нет ни в одной цивилизованной стране мира. Брутальный рынок, конечно, тоже рынок. Но рынок бывает и другой: цивилизованный, ограниченный, государственно регулируемый, зажатый, деформированный и т.п. Так и рынок в бывшем СССР был зажат, деформирован. Цены как рыночные категории давали зачастую искаженное представление об эффективности. Но тем не менее все субъекты хозяйствования в целом придерживались требований рыночной стратегии (предприятия стремились выпускать только выгодную продукцию, работники стремились к максимуму зарплаты при минимуме трудовых затрат, госбюджет стремился к минимизации расходов).

Ошибка радикал-экономистов 1990-х гг. была не в том, что они сделали более свободным рыночный процесс, так сказать, ослабили пружину зажатости рынка, а в том, что вообще отпустили эту пружину. И распрямившись, она выбила из правящих структур всякие представления о разумном хозяйствовании. И если общество хочет вернуться к разумности, оно должно обуздать рыночную стихию. Первым средством этого действия является народнохозяйственное планирование.

Методологические основы стратегии социально-экономического развития

Экономическая политика сегодняшнего российского правительства, курс на углубление либерально-экономических реформ, инспирированный западной либеральной мыслью (точнее, американскими финансовыми вливаниями в эту мысль), очевидно ведет к окончательной дестабилизации экономического положения и ставит под вопрос само существование России как независимого, сильного государства. В этой связи перед отечественной экономической наукой встает проблема выбора и обоснования экономической политики (стратегии экономического развития). Вопрос сводится к следующему: возможны ли разные экономические политики, которые приведут к одному и тому же результату? Речь идет не о той или иной форме политического курса в экономической области (более демократичной или менее, авторитарной и т.д.), а о сущности, содержании экономической политики.

Основная цель и задача – показать, что экономическая политика (стратегия социально-экономического развития) в сегодняшней России не может быть любой или случайной. Эта стратегия изначально предопределяется объективными закономерностями экономического развития страны в данных природных, исторических, геополитических и ресурсных ограничениях, особенностях и условиях. Так, громадная территория страны, суровый климат, рисковое земледелие объективно предопределяют иные формы рынка, чем это исторически присуще западноевропейским странам. Важно учитывать разнообразный состав населения, его евразийский менталитет, традиции коллективизма и патернализма в экономических отношениях. Важна также духовная составляющая российских народов, роль образованных слоев (интеллигенции).

Конечно, имеется некий веер выбора экономической стратегии. Но нельзя думать, что проведение любой экономической политики в равной мере поведет к экономическому процветанию страны в целом. Напротив, та или иная экономическая стратегия в конечном счете отвечает конкретным экономическим (а следовательно, и политическим) интересам определенных слоев и классов общества. Поэтому задача состоит в том, чтобы научно выявить: интересы каких слоев и классов общества в наибольшей мере соответствуют общенациональным интересам государства. Поэтому есть лишь одна экономическая политика, которая отвечает коренным общенациональным интересам. Другой вопрос, в какой исторической или политической форме эта политика проводится или может проводиться.

Еще важный вопрос. Экономическая стратегия должна как бы угадывать объективные закономерности экономического развития, объективные тенденции экономического процесса, развивать и «подталкивать» их или же добиваться поставленных целей в любом случае? Думается, первое. Сами цели экономического развития не должны искусственно навязываться обществу, а должны вытекать из объективных тенденций и возможностей его развития. И на эти единственно возможные цели и должны быть ориентирована экономическая стратегия.

Если исходить из этого положения – единственно возможной экономической стратегии, то встает вопрос о соответствующей экономической теории. Ведь, без теории нет и экономической политики: сегодняшний экономический процесс настолько сложен, что руководствоваться только здравым смыслом просто невозможно. Нужна экономическая теория. До сих пор у нас довлеют лишь две теории (говоря предельно обобщенно): старая советская экономическая теория жестко централизованного хозяйства и новая либеральная теория. Но можно ли единственно возможную

экономическую стратегию обосновать любой экономической теорией? Очевидно, нет. Теория экономического либерализма описывает и обосновывает рыночный процесс для европейских стран прошлого столетия. Очевидно, что эта теория не для российских просторов и климата, не для современного технологического уклада. Возможен ли простой синтез ряда западных теорий (классики, неoinституционализма, посткейнсианства, неомарксизма и т.д.)? Думается, что и это не годится. При всем том, что надо полностью использовать все достижения мировой экономической мысли, все же нужен теоретический блок, специфически приспособленный для описания и обоснования российского экономического процесса.

Россия по многим географическим и историческим причинам (суровый климат, огромная протяженность территории, рисковое сельское хозяйство и т.д.) не может целиком полагаться только на рыночное саморегулирование. Это хорошо представляют себе многие отечественные экономисты, как теоретики, так и, особенно, практики. Однако здесь возникает одна идеологическая трудность. Большинство отечественных экономистов привыкли (а, может быть, и сознательно делают такой выбор) к марксистским построениям и к советской хозяйственной практике, когда рынок не имел существенного регулирующего значения. Во всяком случае, основные и не основные пропорции народного хозяйства в советский период определялись не рынком. После 1991 г. марксистские построения и система планового централизованного хозяйствования стали не модны. Мода пошла на неоклассическую экономическую модель и монетаризм. Тем более, что монетаризм и неоклассика были явления западной теоретической мысли, а ведь нам твердили, что все хорошее имеется именно на Западе. Значит, нам нужно было и экономическую идеологию брать с Запада. Хотя и на Западе имелись трезвые головы, которые предупреждали, что неоклассическая экономическая теория существенно устарела и сегодня мало что может объяснить. Так, Гэлбрейт писал, что «неоклассическая система многим обязана традиции – она приемлема как описание общества, которое когда-то существовало¹». Да и Г.В. Плеханов еще в конце XIX века называл рыночных фундаменталистов представителями «отсталой школы»: «Для экономистов отсталой школы ... талисманом служит прелестный девиз: *«невмешательство государства»*². А в наших универси-

¹ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 54.

² Плеханов Г.В. Наши разногласия. // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. I. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956. С. 301.

татах часто этих отсталых экономистов выдают за современную экономическую мысль.

Но что было делать многим отечественным экономистам, которые не разделяли и не разделяют неоклассическую теорию? Некоторая часть (правда, очень незначительная, но довольно радикальная) таких оппозиционных экономистов стала утверждать, что необходимо вернуться к прежним формам централизованного планового хозяйствования. Может быть, лишь допуская некоторые более развитые формы рынка. Тем более, что они уже и так присутствуют в нашей жизни. Однако подавляющее большинство оппозиционных экономистов не могло согласиться с такой позицией. Во-первых, их обвинили бы в консерватизме и отсталости. Что, конечно, неприятно. Во-вторых, и это главное, возврат к прежним формам хозяйствования, пусть и слегка модернизированным, неминуемо поведет к возврату прежней экономической идеологии марксизма-ленинизма (или с другим названием, но по существу того же самого), прежней экономической стратегии и, вероятно, к возврату прежних проблем хозяйственного механизма. Поэтому нужно было искать какую-то новую идеологию, лучше всего заморского происхождения.

Классическая и неоклассическая экономические теории все дело сводят к рациональному поведению рационального человека, который везде и всюду подчиняется рыночному закону спроса и предложения. И это для неоклассической теории почти достаточно, все остальное она объявляет ненаучным. Институциональная теория берет вопрос шире. Она обращает внимание, что, например, внутри фирмы рыночные законы уже не господствуют, что есть большая, принципиальная разница между поведением людей на рынке и поведением людей внутри фирмы. Принципы действия фирмы на рынке и внутри существенно различны. Суть институционализма сводится к тому, что рынок в современном мире существует не один, а в совокупности с другими институтами (государство, законы, полиция, традиции и менталитет народа и т.п.). Институты ограждают рынок, регулируют его и вообще всю хозяйственную жизнь общества. В современном мире нет и не может быть совершенно свободного (то есть стихийного, хаотичного) рынка. Экономическая жизнь достаточно жестко регламентирована со стороны общества с помощью различных институтов. При этом напомним, что Гэлбрейт был видным представителем, так называемого, «старого институционализма».

Вполне можно допустить, что в примитивных обществах на ранних этапах человеческой истории институтов или не было вообще, или было очень мало. В основном это были устоявшиеся нормы и обычаи жизни

первобытного сообщества людей. Конечно, эта система норм поведения была уже достаточно сложной. Но, скажем, писаных законов в те времена не было, не было, следовательно, специально выработанных институтов, сознательно принятых всем обществом (например, конституции). Поэтому, надо думать, институтов в первобытные времена было меньше, чем в современном обществе. В нашем обществе таких институтов масса. Основная причина появления институтов по Д. Норту состоит в росте транзакционных издержек: «Моя теория институтов возникла из теории человеческого поведения, соединенной с теорией издержек транзакций¹». Поэтому появляется необходимость рассмотреть понятие транзакции, транзакционных издержек.

Транзакционные издержки – это центральная категория институциональной теории. Вообще транзакция (transaction) в переводе с английского – сделка, контракт. Значит, буквально транзакционные издержки – это издержки по сделке, вокруг контракта. «Транзакция, – пишет О. Уильямсон, – имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от заключительной точки одного технологического процесса к исходной точки другого, смежного с первым²». Говоря по-русски, транзакционные издержки – это накладные расходы. То есть, те издержки (денег, времени, сил и т.п.), которые не являются прямыми затратами по производству, а являются как бы косвенными. В словаре современной экономической теории транзакционные издержки определяются так: «Издержки помимо цены, возникающие при торговле товарами и услугами. Эти издержки могут быть значительными на тех рынках, где продается разнородная и сложная продукция³». Так, например, чтобы купить батон хлеба никаких особых затрат, кроме стоимости этого хлеба, покупатель нести не должен. В данном случае транзакционные издержки для покупателя равны нулю или близки к нему. Для продавца и в данном случае появляются некоторые издержки, связанные с продажей этого товара (например, реклама). С более сложной покупкой, например, квартирой, и покупатель несет значительные транзакционные издержки. Ему надо кроме самой стоимости квартиры, оплатить (деньгами или своим временем) стоимость сбора информации о разных

¹ Норт Д. (1997а). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С.197

² Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». СПб, 1996. С. 27.

³ Словарь современной экономической теории Макмиллана. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 498.

квартирах, оформления документов, гарантии надежности сделки и т.п. Трансакционные издержки в данном случае начинают составлять довольно заметную величину.

Можно сделать вывод, что чем сложнее сделка, тем больше она обставлена различными институтами (в случае продажи-покупки квартиры используются институты нотариальный, безопасности, прописки по месту жительства и др.), тем выше трансакционные издержки. «Трансакционные издержки, – пишет Д. Норт, – наиболее очевидное свойство институциональной системы, которое выступает основой ограничений для обмена¹». Таким образом, можно, наверное, сделать такой вывод: чем более развитое общество, чем более рынок и вообще все разные стихийные процессы в обществе упорядочены, тем больше в этом обществе разного рода институтов и тем выше трансакционные издержки. Тот же Норт приводит цифру, что свыше 45 % национального дохода приходится на трансакционные издержки и что эта доля за последнее столетие выросла примерно с уровня в 25 %². Можно сделать и такой вывод, что новое индустриальное общество характеризуется наличием большого количества институтов и с более сложной структурой, чем индустриальное общество прошлого.

Таким образом, институциональная теория содержит многие элементы и составляющие, которые показывают ограниченность чисто рыночных механизмов ведения народного хозяйства и весьма приближаются к традициям отечественной экономической стратегии. Но, как мы знаем, последняя базировалась на марксистском подходе к анализу действительности. Поэтому встает проблема взаимоотношений институционализма и марксизма. Надо сказать, что Гэлбрейт специально подчеркивал этот момент. «Приверженность Марксу, – пишет он, – продолжает оставаться признаком мужественного, раскрепощенного мышления³». Действительно, если 40 или 50 лет назад эти слова советскому читателю ничего не говорили, то сегодня они стали весьма актуальными. Хоть выноси их в эпиграф статьи.

Совершенно не случайно в институционализме есть довольно большое течение, которое обсуждает совместимость его с марксизмом⁴. Действи-

¹ Норт Д. (1997а). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 93.

² Там же, С. 46.

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 163.

⁴ См. William M. Dugger and Horward J. Sherman (1997). "Institutionalist and Marxist Theories of Evolution." *Journal of Economic Issues*, 31 (December 1997): 991–1009.

тельно, определенный набор институтов как бы ограничивает стихийный экономический процесс, делает его более упорядоченным. А если институты создаются обществом сознательно и целенаправленно, то можно говорить о том, что появляется и плановое начало. Так, М. Алле пишет: «Основные преимущества экономики рынков и преимущества сознательного действия общества по плану, нацеленному на достижение более эффективной и одновременно более справедливой экономики, могут сочетаться только при такой организации экономики, когда она, с одной стороны, основана на свободной и самостоятельной деятельности экономических агентов (индивидов и предприятий) в рамках экономики рынков и, с другой стороны, на планировании институциональных рамок этой экономики¹». То есть, сознательное (или планомерное) регулирование общественной экономики путем создания и внедрения институтов прямо смыкается с марксистским тезисом о сознательном и планомерном ведении хозяйства.

Поэтому понятен большой интерес институционалистов к марксизму и даже практике советской экономической системы, с одной стороны; и не меньший интерес к институционализму со стороны отечественных экономистов, привыкших к марксистскому понятийному аппарату и методом планового ведения хозяйства, с другой стороны.

Сегодня экономическая стратегия развития России не базируется на какой-либо осознанной экономической идеологии. Это самый плачевный вариант. И это доказывает, что простой переход с методологии жесткого централизованного планирования к неолиберальной экономической концепции невозможен. И то и другое – умственные усилия вчерашнего дня. Для сегодня и для завтра нужна новая экономическая методология, которая соответствовала бы требованиям «нового индустриального общества». И сегодня совмещение марксизма с некоторыми элементами институционализма представляется наиболее приемлемой методологией для успешного экономического курса развития России в начале XXI века.

Этапы поиска рациональной экономической стратегии

Сегодняшнее российское правительство членораздельно не формулирует экономическую политику. Есть некоторые высказывания, некоторые пожелания, некоторые попытки что-то сделать, но ничего путного не получается. Правительство постоянно уверяет всех, что оно «мониторит»

¹ Алле М. Экономика как наука. М., 1995.с.22.

инфляцию и будет удерживать ее на минимальном уровне. Однако мы имели инфляцию часто в двузначных цифрах, или, как сказал С.Ю. Глазьев, инфляцию «обещали снизить вдвое, а получили ее двукратное повышение¹». Если это политика, то иначе как антигосударственной и антinationальной ее не назовешь. Если это не сознательная политика, а просто так сложились обстоятельства, то правительство показывает себя полностью не компетентным и не состоятельным государственным органом. Конечно, есть некоторые объективные основания для современной печальной ситуации в российской экономике. Страна не смогла осуществить структурный поворот, остается заложницей сырьевого экспорта, сказалось также ухудшение мировой экономической конъюнктуры, в частности, падение цен на энергоносители. Но все это было известно давно. Более того, либеральные экономические реформы и начинались в целях преодоления этих объективных обстоятельств, сдерживающих экономическое развитие страны. Но за все эти годы ничего не было сделано.

Есть ли альтернатива теперешней российской экономической политике? Да, конечно, и многие ее аспекты уже обсуждались на многих экономических форумах и в научной печати. Прежде всего, нужно управлять экономикой. В такой громадной стране как Россия с очень разными условиями жизни и деятельности, сложным климатом, многообразным и разнообразным населением нужна направляющая и цементирующая все это разнообразие централизованная стратегия развития. Рынок сам по себе может привести только к развалу страны. Рыночному механизму много больших стран не нужно. Он выделяет центр, который живет за счет эксплуатации периферии. Но вокруг России такие центры уже есть, которые стремятся разорвать ее на периферийные куски. Ибо целиком России проглотить невозможно.

Таким образом, нужен мобилизационный сценарий структурного поворота с хорошо продуманными и просчитанными этапами. И в этом сценарии центральное место должна занять концепция нового индустриального общества, ибо без развития материального производства и индустриализации на новой основе страна развиваться не может. На первых этапах жесткая централизация управления с концентрацией всех ресурсов на приоритетных направлениях. Эти направления (например, высокотехнологичные производства) должны быть выведены из под рыночного саморегулирования. Производство предметов массового потребления, мелкий

¹ Глазьев С.Ю. Размышления о путях обеспечения роста российской экономики. // Труды ВЭО России. Т. 202. – М., 2016.с.42.

бизнес должны наоборот максимально регулироваться рынком. Государством в этом случае действительно может перейти на роль «ночного сторожа». Но сторож этот должен быть умным и умелым. Нужно сохранять социальную стабильность в обществе, не допускать резкого разрыва между бедными, средними и богатыми. Нужно способствовать развитию среднего класса, понимая под ним не только предпринимателей, но и специалистов народного хозяйства, врачей и преподавателей, деятелей культуры и науки и даже государственных служащих и т.п. Такой структурный поворот должен опираться не на очень узкий слой богатых и сверхбогатых людей, а на массовую поддержку рядовых трудящихся.

Сегодня необходимо опять взяться за индустриализацию, но уже на новой технологической базе. Это то, что С.Д. Бодрунов вслед за Гэлбрейтом называет новым индустриальным обществом. «Речь идет, – пишет Бодрунов, – о неизбежности перехода общества к новому этапу развития, следующей генерации индустриально общества, которое автор назвал новым индустриальным обществом второго поколения – НИО.²». Другого способа возрождения экономики и культуры у России просто нет.

Таким образом, развитие производительных сил вызывает соответствующие изменения производственных или общественных отношений. Значит, по степени развития производительных сил можно определять общественные отношения или общественное устройство конкретной страны. Значит, есть какие-то объективные критерии развития, в равной мере (более или менее, конечно) применимые для всех стран. Нормальная общественная наука должна давать более или менее четкие критерии общественного развития, помочь определить, на какой стадии этого развития находится та или другая страна, определить соотношение уровней их развития и его движущие силы. Это означает, что все страны при их безусловных отличиях и многих особенностях, имеют одни и те же закономерности исторического развития, проходят в своем историческом развитии примерно одни и те же этапы. Общество не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни отменить их декретами.

Достигла ли Россия фазы постиндустриального общества? Можно полностью согласиться с тезисом и пафосом С.Д. Бодрунова о том, что постиндустриальное общество – это пока еще слова. Это красивые слова и радужные перспективы². Возможно, постиндустриальное общество и будет таким

¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.с.6.

² Там же.

«хорошим обществом», но как туда попасть, что для этого надо делать – все это не есть простые вопросы. И будет наивно полагать, что правящий слой, даже обеспокоенный интересами страны и народа, знает туда дорогу. Хорошие руководители страны как раз опираются на науку, советуются с учеными. Можно привести такой пример. Когда 16 января 1922 г. Г.Я. Сокольникова назначают фактическим руководителем Наркомфина РСФСР, он через 10 дней собирает крупнейших буржуазных ученых в области денежного обращения и финансов, с которыми обсуждает основные контуры будущей денежной реформы. Это марксист, большевик, революционер Сокольников опирается в создание советского червонца на буржуазную науку и достигает блестящего результата в 1924 г¹. Руководители России начала 1990-х годов сделали как раз наоборот: отстранили крупнейших ученых экономистов от проведения экономических реформ и устроили в стране шокотерапию, то есть повальный разгром производства и страны, что и сегодня еще в полной мере восстановить не удастся.

В этой связи Л.И. Абалкин писал: «Отношения научных кругов и правительства в России всегда складывались непросто. Были более привлекательные времена: дважды за послевоенные годы, в середине 60-х и во второй половине 80-х, в начале перестройки, когда поняли, что без науки нельзя, началось ее оживление. Затем к власти пришли люди, которые считали, что знают все! Гений, как известно, в советчиках не нуждается. Мы в своих институтах что-то делаем, исследуем, прогнозируем, а правительству до этого и дела нет. Когда кризисные явления обострились, когда правительство потеряло контроль над происходящим, начался некий поворот внимания: “Ну, хорошо, что вы можете предложить?” Но теперь все уже сложнее: сначала наворотили, не советуясь, а теперь давайте рекомендации. Кроме того, возникли и различия в подходах школ, если хотите, стратегий. Ну, а подход все тот же “генсековский”: “Вы, ребята, такое предложите, чтобы к осени все было нормально, но принципиально ничего не меняя...”²».

Вот в этом и сказывается роль науки, которая в своих рекомендациях опирается на выявленные закономерности экономического развития. Тут важна постановка теоретического знания на первое, главное место в развитии общества. То есть общество должно развиваться не само по себе,

¹ Воейков М.И. Логика экономической концепции Г.Я. Сокольникова. // Вопросы экономики, 2008, № 6

² Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.с.240.

как растет трава или куда выведет «невидимая рука рынка», а сознательно и целесообразно. И, стало быть, переходить к постиндустриальному обществу без четкого теоретического представления об основных характеристиках этого общества, не получится. И такие характеристики будущего общества должны разрабатываться научно. Кстати, после разгрома отраслевой науки в начале 1990-х гг. правительство стало громить академическую науку. Академик Ж.И. Алфёров по этому поводу сказал так: «Только глупостью, а возможно и чем-то хуже, можно объяснить ведущуюся у нас уже более 20 лет кампанию против Российской академии наук и противопоставление вузовской и академической науки¹». Но ведь должно быть понятно, что «возрождать экономику, основанную на высоких технологиях, без научных учреждений страны, и прежде всего Российской академии наук, невозможно². Видимо, кому-то в российском правительстве это не понятно.

Конечно, правящий слой или класс всегда был и долгое время еще будет. Но если этот слой или класс делает что-то полезное для благополучной жизни народа, для процветания страны, то очевидно его положительное значение. Если же правящий класс довел народ до нищеты, страну до национального унижения, материальное производство сократилось почти вдвое, как все это было в России в 1990-е годы, тогда ни о каком положительном значении правящего класса говорить не приходится. Социальная наука, а мы все занимаемся именно этой наукой, приходит в столкновение с такими руководителями страны, уходит в оппозицию. Ибо общественная функция социальной науки состоит не в обслуживании личных интересов правителей страны, а в создании «хорошего общества» для всех людей. Что, например, надо сделать, чтобы жизнь значительного большинства людей стала лучше. Вместо этого западная неоклассическая экономическая теория просто обслуживает капиталистическую систему. Едкие критические слова против неоклассической теории можно встретить в разных местах у Гэлбрейта. Вот, например: «Содействие, которое экономическая теория оказывает осуществлению власти, можно назвать ее инструментальной функцией в том смысле, что она служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе³».

¹ Алфёров Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М.: Алгоритм, 2012.с.152.

² Там же. С.55

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 31.

Экономические теории используют ученые для понимания реальных процессов и объяснения чего и как. Западная экономическая наука в силу своей позитивистской направленности стремится объяснять мир, не переделывая его. Это советская наука как носящая в целом нормативный характер стремилась изменить (или улучшить) экономику в интересах процветания всей страны. Конечно, пока еще ни наука, ни общество не достигли такого состояния, когда можно руководствоваться исключительно рекомендациями науки в экономическом развитии. Но прислушиваться к разумным рекомендациям науки много лучше, чем все пустить на самотек.

Мы имеем опыт советской экономики как положительный пример бескризисного развития. И жили лучше, чем сейчас. Советская политэкономика, несмотря на свою догматичность была все-таки отражением нашей ситуации и для ее понимания давала определенные ориентиры. Более того, у нас был вполне успешный опыт смешанной экономики первой половины 1920-х годов. Действительно, у нас самих накоплен колоссальный опыт регулирования экономического развития. Вспомним нашу систему народнохозяйственного планирования. Да, там было много нелепостей и дурости. Но сам принцип планового начала (в виде индикативного планирования, векторного, программно-целевого) являлся большим достижением советской экономической науки и экономической практики. Да и наши крупные экономисты об этом писали и пишут постоянно. В последней своей книге академик Л.И. Абалкин прямо сказал: «Страну спасет плановое хозяйство». В этой работе он доказывает, что стране «нужны сейчас элементы планового хозяйства»¹. Академик Ж.И. Алфёров также указывает, что для формирования стратегии развития страны «нужен настоящий Госплан»². Можно привести и положение Гэлбрейта, что в новом индустриальном обществе «понадобится создание государственного планового органа»³.

Отечественные ученые неоднократно высказывали соображения о несостоятельности неоклассической теории и либерально-провальных реформ. Вспомним многих ученых Российской академии наук, которые громко и открыто говорили в самом начале 1990-х гг. о пагубности курса экономической политики того времени. Вспомним выступления многих отечественных экономистов, предупреждающих от неверной экономической

¹ Абалкин Л.И. Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 49.

² Алфёров Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М.: Алгоритм, 2012. С. 52.

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. С. 397.

стратегии «шоковой терапии». Именно «с самого начала» экономических реформ и именно профессиональные экономисты в своем большинстве были против «шоковой терапии» и дальнейшего курса реформ в духе рыночного фундаментализма.

Так, Л.И. Абалкин в начале современного реформирования предупреждал, что бездумный, стремительный переход к рынку («шоковая терапия») поведет в «другую комнату». Так и случилось. В своей программе, разработанной в 1989 г. («Программа Абалкина»). Абалкин предлагал реформы градуалистского типа, то есть постепенный, продуманный, хорошо просчитанный процесс реформирования тогда еще советской экономики. Однако, установка на свободу привела к тому, что ничего серьезного нельзя было сделать. И борьба Л.И. Абалкина за разумный подход к реформированию, в общем, была обречена. Все разговоры о постепенных реформах никого не волновали. Был общественный настрой: мы заслужили хорошую жизнь, а вы нам ее не даете. И нельзя забывать о громадной ошибке разбалансированности платежного спроса и товарного покрытия, она действительно была громадная. Так и не получилось сочетание плана и рынка в 1989 году, и сегодня мы имеем безбрежный экономический либерализм.

Абалкин со всей решительностью выступал против рыночного фундаментализма, за существенное повышение роли и значения государства в регулировании экономики. Речь идет, пишет Абалкин, о попытках распространения рыночных регуляторов «на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию – охрана окружающей среды, фундаментальная наука, культура в высших ее проявлениях, национальные заповедники, а также сфера прав человека и нравственности¹». Поэтому общий подход сторонников нового индустриального общества должен выражаться в формуле: да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу.

Поэтому мы сами должны думать и идти правильным путем. Конечно, надо пользоваться «жемчужинами западной экономической мысли». Но главное – это разработки и достижения нашей отечественной экономической науки. И на это не следует жалеть сил и времени. Возьмем в пример политическую экономию, которая более 200 лет является важнейшей частью российской интеллектуальной традиции. В этой связи С.Д. Бодрунов пишет: «Политическая экономия – это наука, которая позволяет доказать, что при всех изменениях, которые произошли и происходят на протяжении последнего столетия в материальном производстве (включая сокра-

¹ Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С.14

щение его доли в ВВП развитых стран, «информационную революцию» и т.д.), именно материальное производство остается основой самого существования экономики¹». Иными словами, экономика предопределяет все общественное развитие.

А что у нас происходит с политической экономией? Сегодня политическая экономия стала как бы запрещенной наукой. Ее вывели из наших университетов, диссертационных советов, из учебников, из научной проблематики. Создается впечатление, что действительно политэкономия – очень опасная наука, и может, не зря ее отменили в начале 1990-х гг. Правда, кто и чего боится – это другой вопрос.

Политическая экономия изучает не просто отношения между людьми, но отношения прикрытые вещами. Через вещи, посредством вещей изучаются и ценятся люди. Если у человека много вещей (то есть много денег), то этот человек высоко ценим в буржуазном обществе. Его транслируют в СМИ, каждое его высказывание и действие тиражируется и бесконечно комментируется. В общем, богатый человек представляет большой общественный интерес. И политэкономия объясняет, почему так происходит: почему кто-то стал очень богатым, а кто-то бедным. А вот если людей брать без вещей, то политэкономии тут делать нечего, она не нужна. Просто людей и их взаимоотношения изучают другие науки – психология, социология и др. Политическая экономия, таким образом, выполняет особую мировоззренческую функцию.

Сегодня «на Западе» мировоззренческая функция политической экономики отошла к другим социальным наукам и прежде всего к социологии и политологии. Возьмите книги Гэлбрейта и др. – это с нашей точки зрения типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших политэкономов, например, Абалкина. С западной точки зрения – это типичные социологические работы. Хотя социология у нас интенсивно развивается уже много десятилетий, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. Так что отмена политической экономики разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор

¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. С. 324.

различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку.

Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая, есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. То есть нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Вторая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага, для которых создается «квазирынок». Или крупные корпорации, которые переходят из рыночной системы в плановую. Все это предмет изучения политической экономии.

У нас в России в XX веке политэкономия отменяли два раза. В начале 1920-х гг. ее отменили большевики, когда намечался переход к коммунизму и социализму. Они говорили: зачем нам наука, которая изучает отношения между людьми через вещи. Ведь в коммунистическом обществе будут прозрачные отношения, люди не будут прикрываться вещами. Ведь не будет богатых и бедных, все будут равны. В 1920-х гг. в вузах преподавалась только политэкономия капитализма и небольшой курс под названием «Теория советского хозяйства».

Однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР придумали формулу о «политической экономии в широком смысле», что позволило сохранить ее, а заодно и политэкономов в советском социализме. Действительно, тут была проблема. С одной стороны, в советской жизни сохранялись все основные категории рыночной экономики (товар, деньги, цена, кредит и т.д.), которые изучает и объясняет политэкономия. С другой стороны, собирались строить коммунизм, где не будет товарного производства и рыночных категорий и, стало быть, политэкономия не нужна. Как соединить социализм и рынок, товарное производство? Поэтому и запустили в оборот формулу о политической экономии «в широком смысле слова» как единой экономической теории, изучающей прежде всего специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а также общие законы, свойственные всем общественным формациям. И вот в начале 1990-х гг., когда наметился переход к капитализму, политэкономия отменили во второй раз. Первых большевиков понять можно, ведь они собирались строить коммунизм, где не будет товарного производства и рыночных отношений и, стало быть, политэкономия не нужна. А вот реформаторов 1990-х гг. понять

невозможно, ведь они наоборот развивали рыночные отношения, что и есть предмет изучения политической экономии. Зачем же ее было отменять?

Так что же произошло с политэкономией? Все это очень серьезно. В 1990-х гг. мы обезьянничали, перенимали все, что есть у американцев. Даже в русский язык вошло много заимствований из английского, и далеко не всегда это оправдано. Но когда перенимается из другой страны все подряд без всякого учета наших особенностей и национального характера, исторических традиций и, главное, без учета нужд нашего экономического развития, то это уже не анекдот, а безмозглость или преступление. Использование термина и понятия «политическая экономия» является отечественной научной традицией. Отечественные исследователи за более чем 150-летний период выработали понятийный аппарат, инструментарий, набор категорий и понятий и в общем привыкли к политэкономическому дискурсу.

Сегодня все наоборот. Переименование многих бывших кафедр «политической экономии» в кафедры «экономической теории» носит в большинстве случаев поверхностный, конъюнктурный характер. Там же, где в действительности отказались от политэкономии, преподавание свелось к пересказу компиляций из западного экономикс, имеющего мало отношения к реальной российской экономике. Отказ от понятия «политическая экономия» надолго дезориентирует отечественных экономистов и преподавателей, в конечном счете, окончательно сведет русскую экономическую мысль к подражанию моделям западного экономикс. Отказ от политической экономии как учебной и научной дисциплины, как верно заметил А.В. Бузгалин, будет означать «умирание оригинальной отечественной социально-экономической теории и вчерашний день американской науки¹». В отечественной экономической науке сложилась определенная схема, классификация, традиция в соотношении различных ветвей. Конечно, эту схему можно совершенствовать и развивать, что будет означать большую детализацию, уточнение, наконец, усложнение. Простая же замена термина «политическая экономия» на термин «экономическая теория», наоборот, упрощает схему экономических наук. Но надо учитывать национальные особенности каждой страны, и особенно, такой как Россия. Наша страна по историческому прошлому, по культурному наследию ничем не меньше США, а где-то и больше. Зачем же нам продолжать быть обезьянами и продолжать американизироваться. И как раз в то время, когда США ведет необъявленную холодную войну против России.

¹ Бузгалин А.В. Классическая политэкономия: путь в университеты. // Вопросы политической экономии, 2015, № 1.С.23.

Литература

1. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
2. Абалкин Л.И. Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011.
3. Алфёров Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М.: Алгоритм, 2012.
4. Алле М. Экономика как наука. М., 1995.
5. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2005.
6. Богд Д.К. Битва за душу капитализма. М., 2011.
7. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
8. Бузгалин А.В. Классическая политэкономия: путь в университеты. // Вопросы политической экономии, 2015, № 1.
9. Воейков М.И. Логика экономической концепции Г.Я. Сокольникова. // Вопросы экономики, 2008, № 6.
10. Воейков М.И. Стратегии модернизации российской экономической системы. // Экономическое возрождение России, 2014, № 3(41).
11. Глазьев С.Ю. Размышления о путях обеспечения роста российской экономики. // Труды ВЭО России. Т. 202. М., 2016.
12. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
13. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
14. Комолов О.О. Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике // Экономическое возрождение России, 2015, № 4(46).
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 тт. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1960–1966.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1955–1974.
17. Норт Д. (1997а). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997.
18. Норт Д. (1997б). Институциональные изменения: рамки анализа. Вопросы экономики. 1997, № 3.
19. Плеханов Г.В. Наши разногласия. // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. I. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956.
20. Пороховский А. Мир перемен без перемен. // Мир перемен, 2015, № 4.

21. *Ротбарт М.* Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008.
22. *Самуэльсон П., Нордхауз В.* Экономика. М., 2005.
23. Словарь современной экономической теории Макмиллана. М.: ИНФРА-М, 1997.
24. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
25. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношения»! Контрактации. СПб, 1996.
26. *Фридман М.* Капитализм и свобода. – М.: Новое издательство, 2006
27. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. – М.: Начала-Пресс, 1991.
28. *Dugger, William M. and Sherman, Horward J.* (1997). "Institutionalist and Marxist Theories of Evolution." *Journal of Economic Issues*, 31 (December 1997): 991–1009.

Теория планирующих систем Гэлбрейта и уроки российских административных реформ. *(Об изгнании плана и планирования из либеральной экономики, необходимости и политико-экономических войнах за его возвращение)*¹

Андрей Евгеньевич Городецкий

Заслуженный деятель науки РФ, Руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д.э.н., профессор

Andrey E. Gorodetsky

Honored Scientist of the RF, Supervisor of “The institutions of the modern economy and innovation development” research area at the Institute of Economics (Russian Academy of Sciences), Dr. of Economics, Professor

Аннотация. В статье рассматривается концепция «планирующей системы», и ее связь с определениями нового индустриального общества в книге Дж.К. Гэлбрейта. Необходимость государственного управления в современных условиях анализируется под углом зрения феномена «провалов государства», их причин и следствий. Неуправляемость и дисфункции рассматриваются как главные угрозы качеству и эффективности государственного управления. С этой точки зрения анализируются итоги институциональных реформ 2000 годов в России, включая реформы государственного управления и государственной службы, причины и виды свойственных им дисфункций. Поднимается вопрос о необходимости воссоз-

¹ В статье использованы материалы ранее опубликованных работ: Городецкий А.Е. О фундаментальных провалах государства: дисфункции государственного управления и их преодоление. В Книге «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады Пятого Международного форума. (06.08–09 декабря 2016 года). М. 2016. С. 335–347 и Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // журн. «Аудит и финансовый анализ», 2016, № 6. С. 426–437.

дания государственного стратегического планирования и трудности, возникающие на этом пути. Делается вывод о наличии системного кризиса госуправления, рассматриваются основные принципы и направления реформ государственного управления для преодоления этого кризиса.

Ключевые слова. Внутренние и внешние экономические перемены. Индустриальное общество. Планирование. Провалы государства. Административные реформы. Итоги реформ государственного управления. Дисфункции государственного управления. Государственное стратегическое планирование. Системный кризис государственного управления. Исходные принципы новой концепции реформ государственного управления

Galbraith's theory of the planning systems and experience of Russian administrative reforms. (On the expulsion of plan and planning from the liberal economy, its necessity and wars for its resumption)

Abstract. In this paper the concept of «planning system» and its link with the characteristics of new industrial state in the book of J.K. Galbraith are considering. The necessity of state governance in the current circumstances is analyzing from the viewpoint of phenomenon of «failure of state», its causes and consequences. Ungovernability and disfunctions are considering as the main threats for the quality and efficiency of state governance. From this point of view the results of institutional reforms of 2000s in Russia are analyzing, including the reforms of state governance and public service, causes and kinds of dysfunctions peculiar to them. The question of necessity of rebuilding of state strategic planning and of the difficulties on this road is bringing up. The conclusion of the presence of systemic crisis of state governance is making and the main principle and directions of the reform of state governance to overcome this crisis are considering.

Keywords. Internal and external economic changes. Industrial society. Planning. Failures of the state. Administrative reforms. Results of reforms of public administration. Dysfunctions of public administration. State strategic planning. System crisis of public administration. Initial principles of the new concept of reforms of public administration

1. О роли научных идей планирования Гэлбрейта

Дж.К.Гэлбрейт – один из признанных родоначальников лидеров «индустриалистской» ветви институционализма. В ставшей знаменитой книге «Новое индустриальное общество» он выдвигает концепцию «индустри-

ального общества», где определяющей характеристикой социума становится понятие «индустриальная система».

Гэлбрейт вводит в научный оборот такие понятия, как «техноструктура», «зрелая корпорация». Он обосновывает положение о том, что в современных крупных корпорациях управление переходит от отдельных лиц к техноструктуре – группе людей, претендующих на профессиональное знание в сфере образования и понимания всех сторон развития и деятельности корпорации. Основной целью такой деятельности становится уже не получение максимальной прибыли, а высокий темп производства, что естественно соответствует интересам общества.

Характерными особенностями нового индустриального общества становятся активная роль государства, планирование как регулярный институт управления индустриальными системами в системе государственного регулирования, более того, формируется институт постоянного диалога и партнерства власти и бизнеса, который, в том числе реализуется через систему правительственных заказов, стимулирующих, как теперь говорят, «загоризонтные» направления технологического прогресса. Теория индустриального общества в лице его многочисленных научных школ и направлений (технологического общества, конвергенции обществ, электронного общества, цивилизации третьей волны, технотронной эры и др.) дала мощный толчок развитию институциональной теории в экономике. «Новое индустриальное общество» Гэлбрейта нашло продолжение в идеях Д.Белла о «постиндустриальном обществе» и Э.Тоффлера о «сверхиндустриальной цивилизации».

Гэлбрейт убедительно обосновал, почему промышленное планирование становится «осознанной необходимостью для предприятия. Планирование существует потому, что хорошо изученный и описанный механизм рынка перестал быть надёжным. Развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее – на месяцы и даже годы вперёд. То же приходится осуществлять и в отношении всех моментов, связанных с организацией производства и сбыта соответствующих товаров, для удовлетворения запросов потребителя. Фирма самым ходом вещей вынуждена ставить на место рынка планирование.

По мере увеличения продолжительности процесса производства и потребности в капитале для компании становится всё более рискованным полагаться на неконтролируемые колебания покупательского спроса, и чем сложнее становится технология производства того или иного продукта, тем риск больше.

С точки зрения промышленной компании планирование заключается в том, чтобы предусмотреть действия, которые нужно предпринять в период от начала процесса производства до его завершения, и подготовиться к выполнению этих действий. Оно заключается также в том, чтобы предвидеть любые неожиданности, которые могут возникнуть по ходу дела, и иметь возможность справиться с ними. С точки зрения экономиста, специалистов в области управления, политических наук планирование заключается в том, чтобы заменить стихийные цены и рынок авторитетным управленческим решением, устанавливающим, что будет произведено и потреблено и по каким ценам. Таким образом, термин «планирование» употребляется Гэлбрейтом в двояком смысле.

На практике, однако, эти два вида планирования, если их можно так назвать, тесным образом связаны друг с другом. Фирма не может с пользой для дела предусмотреть и спланировать будущие действия или подготовиться к непредвиденным обстоятельствам, если она не знает, каковы будут цены на её продукцию, объём её продаж, издержки, включая расходы на рабочую силу и капитал, и что она сможет получить при таком уровне расходов. Если рынок ненадёжен, фирма всего этого не знает, а следовательно, она не может планировать. А поскольку с развитием техники и связанной с ним специализации рынок становится всё более ненадёжным, промышленное планирование ещё в большей мере станет невозможным, если только рынок не уступит место планированию. То, что фирма считает планированием, в немалой мере заключается в стремлении свести к минимуму влияние рынка или избавиться от него.

Развивая кейнсианские традиции, Гэлбрейт по новому поставил проблемы регулирования сбережений, их взаимосвязи с инвестициями, а также с циклическими колебаниями предложения капитала, характером циклического движения производства. В этой сфере также, особенно на фоне достижений планового хозяйства того времени, рыночные механизмы не справлялись с долгосрочными, стратегическими инвестиционными проблемами корпоративной экономики. И здесь на смену рынку, как считал ученый, приходят системы промышленного планирования. Оно укореняется в практике управления крупными корпорациями, оно, распространяясь по всему сектору крупных и крупнейших корпораций, образует своеобразный сектор планирующих систем, которые, так или иначе, взаимодействуют друг с другом. Планирование осуществляется также государством, оно не менее тесно взаимодействует с планирующими системами корпораций. И эти процессы приводят к тому, что планирование формируется как важнейший системообразующий элемент национальных систем государственного регулирования.

Индустриальная система действительно неразрывно связана с государством. Развитая корпорация в наиболее важных отношениях является орудием государства. А в важных делах государство выступает как орудие индустриальной системы. Гэлбрейт развеял либеральные и консервативные предубеждения о том, что любое сотрудничество государства и частных организаций есть аномалия и социализм. Он доказывал, что сложившаяся в индустриальной системе планирующая система есть факт и результат, прежде всего, объективного индустриального развития, господства крупных корпораций и объективного существования проблем, которые традиционные механизмы рынка решить не в состоянии. Важно то, что одним из конституирующих признаков этой системы является то, что в ней вырабатываются механизмы согласования целей и интересов государства и техноструктуры. По важнейшим вопросам стратегического развития цели и приоритеты всех сторон национального альянса, участников планирующей системы, совпадают.

Идеи Гэлбрейта и его научной школы имеют непреходящее значение для России. Система советского народнохозяйственного планирования, созданная в СССР и обеспечившая его превращение во вторую сверхдержаву XX века, была полностью разрушена в ходе рыночных реформ. Она, доказавшая свою несомненную эффективность в эпоху перманентных перемен апокалиптического века войн и революций, научно-технических, технологических, структурных и управленческих революций, социальных прорывов, – была «отправлена на свалку истории» пестрым сообществом партийно-комсомольской номенклатуры второго и третьего рядов, «титанов гуманитарного знания» без реального управленческого и политического опыта («завлабы» и старшие научные сотрудники во власти), многочисленными иностранными советниками, соглядатаями и надзирателями во всех порах государственного управления, этнократией в республиках, наконец, активистами «демократической России» с улиц и площадей, набившихся в кабинеты всех ветвей власти. Утерян уникальный и бесценный опыт общественного управления.

Но не только это. Сегодня, когда страна решает наисложнейшие задачи восстановления индустриальной мощи, ре- и неоиндустриализации, действительной и всесторонней социально-экономической модернизации, в условиях обрушения старого миропорядка и однополярного мира монопольного доминирования США, их клиентелл, – вопрос о воссоздании планирующей системы в форме государственного стратегического планирования стоит как никогда остро. Потребности и неизбежность его развития налицо. Но налицо и беспощадные войны, которые арьергард «разруши-

тельных 90-х» в лице соответствующих политических и управленческих элит ведет против государства и государственного регулирования, укрепления стратегических и проектных начал в экономике, их ядра – стратегического планирования и стратегического плана.

2. Патернализм и провалы государства

Современная экономическая наука хорошо изучила и достаточно уверенно оперирует понятиями провалов рынка, которые призвано компенсировать государство и государственное регулирование рыночных отношений. Вмешательство государства в экономику часто понимается как патернализм. Теоретический анализ феномена патернализма широко представлен в работах А.Я. Рубинштейна и Р.С. Гринберга в рамках исследований концепции опекаемых благ¹. Патернализм, помимо его видовых различий реализуется через систему государственного управления, понимаемую в достаточно широком смысле как система институтов и механизмов, обеспечивающих целенаправленное воздействие на экономику. И провалы государства являются таким же теоретически возможным и исторически наблюдаемым фактом, как и провалы рынка, сводя на нет патерналистские усилия государства.

Провалы государства могут быть объективно обусловлены недостаточным пониманием его сущности, реальных противоречий, характера как многогранного социального явления, сложной многофункциональной, внутренне дифференцированной целостности. Понятие государства рассматривается в рамках разных научных дисциплин.² Абсолютизация лишь од-

¹ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСПРЕСС, 2000. 278 с.; Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2013. 479 с.; Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр. 2016. 160 с.; Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М., ИЭ РАН, 2015; Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. №2. 2016. С. 5–38.

² При определении сущности государства на современном этапе можно выделить пять основных подходов: теологический, классический (в рамках камеральных наук об администрировании), юридический, социологический, кибернетический. Существуют и другие подходы к определению сущности государства. В соответствии с ними государство – 1) это аппарат насилия экономически господствующего класса (классовый подход); 2) это институциональное см. на след. странице

ного из подходов в рамках тех или иных научных дисциплин, на практике может привести к сакрализации государства, искажению роли той или иной разновидности форм правления и режимов политической власти, попыткам необоснованного расширения/сужения границ государства и его активности в ущерб экономике, обществу, правам и свободам граждан.

Государство часто оказывается глухим к вызовам времени и пониманию специфики исторического момента. Это ведет к целому шлейфу далеко идущих негативных последствий.

Сегодня и на Западе происходят достаточно противоречивые процессы. Как считают многие западные экономисты и политики, в глубоком кризисе находится так называемое социальное государство, или государство всеобщего благоденствия, которое не выдерживает нагрузок, связанных с обеспечением благосостояния нынешних поколений за счет будущих, разбухания долгов и долговой нагрузки на государственные бюджеты, в том числе за счет обязательств государства выкупа токсичных активов проблемных банков и финансовых институтов в антикризисных целях. Государство, продолжая санировать (исправлять) провалы рынка прежними, видимо, подходящими к исчерпанию методами, своими руками готовит собственный фундаментальный провал (имея в виду вступающую в свои права эпоху перемен и глобальных трансформаций современного экономического миропорядка)/

Ярким примером являются попытки российских властей механически перенести и внедрить на российской почве либерально-демократическую модель власти и управления при весьма абстрактном понимании сути ли-

см. на предыдущей странице воплощение власти (институциональный подход); 3) это определенным образом организованное насилие (силовая концепция); 4) это организованное господство политической элиты (элитарный подход); 5) это совокупность правовых норм, регулирующих поведение людей (нормативный подход); 6) это определенный формативный порядок, обеспечивающий интеграцию и жизнедеятельность людей (Санистебан, испанская школа); 7) это правовая форма организации и функционирования политической власти (политико-правовой подход). 8) Согласно маркетинговому подходу, государство – специфическая макроорганизация, сервисный центр, «предприятие сферы услуг» (Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. Гл. 2. (2.1.; 2.2; 2.3.). М.: Юрид. лит., 1997. 400 с. ISBN 5-7260-0843-X; Государственное управление. Основы теории и организации. Том I. Под редакцией В. А. Козбаненко. Издание 2-е, с изменениями и дополнениями. М.: Статут, 2002. 366 с. ISBN 5-8354-0109-4 (в пер.); Сайт Института экономики и права Ивана Кушнира http://be5.biz/gosudarstvo_i_pravo/tipy_gosudarstva.html

берально-демократического государства. По факту это приводит к тому, что складывается эклектический вариант из разнородных элементов авторитаризма, традиционистского консерватизма, весьма специфических разновидностей политических олигархий, популизма и, в конечном итоге, к системным провалам в государственном управлении

На современные модели государственного управления большое влияние оказали процессы, которые происходили в ходе структурных, технологических, информационных и управленческих революций в последнюю четверть XX века, положили начало процессам глобализации, которые и определили характер современного мироустройства. В теоретическом плане на науке и практике государственного управления сказались теории неоклассического синтеза, а позднее и даже ещё в большей степени, теории нового индустриального общества, особенно в США, где они привели к развитию методологий стратегического планирования и управления, программно-целевых методов,

Сказалось также утверждение неолиберальных взглядов в экономике и экономической политике, которые, наоборот, привнесли в сферу государственного управления методы, более характерные для рыночных институтов. Системы государственного управления были везде подвергнуты реформированию. В моделях реформирования появилось много новых черт. В основе многих теоретических конструкций как в зарубежных теориях государственного управления, так и в политических и управленческих практиках значительное место заняла модель так называемого «клиентоориентированного государства», с одной стороны, основанного на многостороннем партнерстве власти и гражданского общества и, с другой стороны, впитавшая в себя опыт современного менеджмента корпораций, включая финансовый менеджмент, опору на конкурентные отношения, привнесение в государственное управление элементов рыночной организации.

Похоже на то, что сегодня государства, как и экономики, вступают и уже вступили в эпоху перемен, и непонимание этих фактов чревато угрозами целого ряда провалов как государства, так и рынка. **Каким в этих условиях будет и, самое главное, каким должно быть государство в новых исторических условиях, – это ещё предстоит понять, отразить, и претворить в конкретные социально-политические, юридические, экономические и институциональные определения и практики.**

Провалы государства проявляются через системные или циклические сбои в системе государственного управления. Они характеризуются рядом

признаков, социально-экономических и социально-политических последствий.¹

О понятии провалов государства в экономике, управленческий ракурс, – можно сказать следующее:

- Провалы государства – это утрата им собственной миссии и предназначения² в организации и регулировании общественных отношений, возникновение противоречий и конфликтов между властью, бизнесом, гражданским обществом, гражданами;
- Деградируют механизмы генерирования и интеграции общих интересов, ценностных, этических и мотивационных ориентиров, политических и стратегических приоритетов для всей системы интересов;
- Политические элиты утрачивают способность генерировать культурные идеи и политические идеалы, предвидеть будущее, формулировать желаемое будущее и альтернативы развития; элиты теряют способность договариваться друг с другом во имя национальных интересов. Провалы государства сопровождаются расколом элит. Договороспособность падает, конфликтность растет;
- Политический класс и государственная бюрократия не исполняют своих общественно-государственных задач и функций в сфере разработки и исполнения государственных решений, принятия и исполнения необходимых законов;
- Законодательная власть утрачивает свой конституционный статус ведущей ветви власти, ослабевают возможности гражданского общества через парламентское представительство, законодательно влиять на исполнительную власть, правительство, качество государственного управления;
- Исполнительная власть, государственный аппарат, резко снижают качество и эффективность государственного управления, возникают си-

¹ А.Я. Рубинштейн дает в данном случае следующие определения: «Патернализм государства: воздействие на экономических агентов с целью направленного изменения их поведения в соответствии с установками государства; жесткий и мягкий патернализм... Патерналистский провал – генерирование ошибочных установок государства. Следствием патерналистского провала является “провал государства” – потери благосостояния индивидуумов и общества» (Рубинштейн А.Я. Введение в общую теорию изъятий смешанной экономики. // Пространственная Экономика. 2016, № 4. С. 13–32 (Статьи УДК 330))

² Миссия и предназначение государства, – это организация дееспособной и эффективной власти, исполнение объективно присущих ей регулятивных и служебных функций в интересах всех классов и социальных групп общества, нации (народа) в целом.

стемные дисфункции управления, ухудшается экономическое положение, происходит отчуждение народа, граждан от власти. Идет перманентное многолетнее разбухание госаппарата, неконтролируемый рост чиновничьего класса и его удорожание (расходов на содержание аппарата, доходов госслужащих).

Провалы государства, далее, проявляются через всю совокупность моделей, задач и функций, структур и механизмов управления, реализуясь, в конечном счете, в понятии **дисфункций**. Устойчивые и долговременные дисфункции управления, приводящие в пределе к экономическим кризисам и неуправляемости, и означают провалы государства и исчерпание возможностей той или иной разновидности патернализма, возможно объективной необходимости применения этого методологического принципа на данном историческом этапе в целом.

3. Административные реформы первого десятилетия 2000-х годов и стратегическое планирование.

Реформы 2-го поколения, «институциональные реформы, – вертикали власти (политический и экономический федерализм), административные реформы (федеральной исполнительной власти, институтов национальной безопасности и правоохранительной деятельности, государственного управления и государственной службы), социальной политики и социальной инфраструктуры, формирование институтов гражданского общества. Предполагалось, что для создания современного успешного на международной арене государства важно выстроить соответствующую специфике и масштабам страны систему государственного управления, восприимчивого к прогрессивным технологическим и коммуникационным решениям, а главное – отвечающего потребности общества в удобном, открытом государстве.

С целью создания конкурентоспособного, социально-ориентированного государства руководством страны были поставлены следующие приоритетные задачи: ограничить вмешательство государства в экономическую деятельность, исключить чрезмерное регулирование, снизить административные барьеры для бизнеса, повысить качество и доступность государственных и муниципальных услуг населению, уровень открытости деятельности органов власти и степень участия граждан в выработке государственной политики.

Стержневые направления совершенствования системы государственного управления обозначены в системе концептуальных и нормативных правовых документах¹.

Трехуровневая система органов исполнительной власти была закреплена Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

Были разработаны и приняты «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг.» (2005 г.)²; «Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 годы»³; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

В ходе административной реформы 2000-х годов удалось решить многие проблемы, связанные с восстановлением дееспособности государственной власти и укрепления властной вертикали, реформированием государственной службы, совершенствованием структуры федеральной исполнительной власти.

В первое десятилетие 2000-х сложилась более или менее регулярная, соответствующая рыночным отношениям система и структура институтов государственного управления, заложены основы экономики стратегических национальных проектов, формируется национальная система государственного стратегического планирования. Упорядочивается система программно-целевого планирования. В настоящее время в стране, по данным портала ruxpert.ru/⁴, реализуется порядка 270 экономических проектов с бюджетом не менее 10 млрд рублей, охватывающих предприятия и отрасли реального сектора, транспортной и социально-экономической инфраструктуры. Среди них есть крупнейшие международные проекты.

¹ Административная реформа в России. Научно-практическое пособие (под ред. Нарышкина С.Е., Хабриевой Т.Я.). – "ИНФРА-М", 2006 г.; Система ГАРАНТ: URL: <http://base.garant.ru/5303774/#ixzz4Z8qvJkS>

² Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. и план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг.»

³ Распоряжение Правительство РФ от 10 июня 2011 года N 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 годы и плана по реализации мероприятий Концепции (с изменениями на 28 августа 2012 года)»

⁴ Крупные российские проекты (строящиеся). Сайт: <http://ruxpert.ru/>

Но это не отменяет и серьезные, нерешенные проблемы государственного управления. Полного восстановления управляемости, ожидаемого улучшения в деятельности, особенно в качестве и эффективности государственного управления, в целом не произошло. Не удалось преодолеть бюрократические барьеры в экономике, существенно снизить уровень коррупции в государственном аппарате.

Сегодня хорошо видны недостатки проведенных в 2000-е годы реформ государственной власти и управления, государственной службы, федеративных отношений, общественного самоуправления, в частности, правоохранительных структур, судопроизводства. Формирование организационной структуры органов Федеральной исполнительной власти, решение сложнейших вопросов централизации и децентрализации, уровней власти, набора задач и функций, целесообразности передачи части функций госуправления саморегулируемым организациям (СРО), – решались путем эмпирического выявления и устранения так называемых избыточных и дублирующих функций. Критериями при этом являлись не столько определенные теоретические подходы и модели, сколько готовые зарубежные образцы.

Выдвижение на первый план в конце первого десятилетия 2000-х годов идей и приоритетов модернизации, ре- и неоиндустриализации, а затем и проблем преодоления последствий мирового экономического кризиса, в том числе на основе структурных реформ и импортозамещения, – придало особую актуальность вопросам дальнейшего совершенствования государственного управления.

В проблеме государственного управления отразились потребности усиления и углубления стратегических начал в развитии экономики. С одной стороны, опыт со всей очевидностью показал, что косвенное регулирование экономических процессов на основе стандартных инструментов макроэкономической политики не позволяет ставить и решать стратегические цели и приоритеты развития. Подтверждением того, что государству рано уходить из экономики, что оно продолжает оставаться важнейшим субъектом экономических отношений, послужил и глобальный экономический кризис, не прекращавшаяся вплоть до 2017 года стагнация. Государства в ведущих странах Запада, наиболее динамично развивающихся странах БРИКС, позднее – в сформировавшейся «группе 20-ти», активно принимали и проводили в жизнь антикризисные программы, финансировало нефинансовые и финансовые корпорации, выкупало «плохие долги», в ряде случаев шло на фактическую национализацию обанкротившихся банков.

Но, с другой стороны, начался пересмотр роли государства с учетом новых внутренних и мировых трендов, – вызревание новой модели эко-

номического мироустройства и глобализации, потребностей в обеспечении международной экономической безопасности, осуществлении национальными государствами их цивилизационно-культурной миссии, возвращением на первый план ценностей социальной справедливости и солидарности, национального суверенитета и национальных интересов.

Это понимание находит свое отражение и в стремлении воссоздать институт государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации.

Сегодня практика государственного управления остро нуждается в наборе управленческих инструментов, которые позволяют:

- разворачивать долгосрочные решения (со сроком реализации 5 и более лет) в набор средне- и краткосрочных задач, увязанных между собой и подчиненных общей цели;
- балансировать планируемые действия, требующие значительных затрат, по ресурсным и организационным возможностям (проекты в энергетике, транспорте, демографии, национальной безопасности);
- четко ориентировать субъекты Российской Федерации на деятельность, отвечающую интересам страны в целом в соответствии с поставленными целями социально-экономического развития Российской Федерации;
- обозначать долгосрочные ориентиры для бизнеса (в области развития производственной инфраструктуры, энергетической и минерально-сырьевой базы, рынка рабочей силы, социальной инфраструктуры, науки и технологий и т. д.), позволяющие снизить риски при принятии долгосрочных инвестиционных решений.

Комплексная система государственного стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации – это и есть упорядоченный набор таких инструментов. И надо сказать, что утрата культуры научного предвидения и долгосрочного планирования как в процессе рыночных реформ в целом, так и в ходе институциональных реформ второго поколения, в том числе в ходе административных реформ, – это один из фундаментальных провалов государства, недостатков и утрат трансформационных процессов в России за истекшие 25 лет.

Административные реформы трансформировали систему государственного управления, сформировали основы новой модели, в значительной мере осовременили её. **Но они же породили и целый букет дисфункций¹.**

¹ О дисфункциях государственного управления подробно см. Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ, 2016, № 6. С. 426–437

Дисфункции государственного аппарата приводят к неэффективности государственного управления, дезориентирует органы власти и государственной службы, негативно влияет на качество управления, соблюдение прав и свобод личности. Борьба с дисфункциями государственного аппарата должна вестись с помощью не только управленческих, экономических, но и правовых методов¹.

Краткий перечень причин и условий, порождающих дисфункции, можно суммировать следующим образом.

- **Отсутствие концептуального понимания государства и государственности, обосновывающей место и роль государства в регуляции общественных процессов.** Особенно ярко это видно в сфере управления экономикой. Общество, по всей видимости, не имеет представления о понятии исторически складывающегося в ходе реформ российского государства (как минимум того, в котором мы живем), построением какого государства мы собственно занимаемся: олигархического капитализма, государственного капитализма, какой-то другой модели. Усилиями власти мы пока что выстроили нечто эклектичное, соединяющее в себе элементы самых разных типов государственности под давлением идеологических догм, политической целесообразности, экономического лавирования в зависимости от экономической конъюнктуры и баланса социальных сил и настроений. **И это можно считать серьезным провалом государства во всех смыслах и аспектах его деятельности, – с точки зрения как выполнения собственно политических, административных и социальных функций, так и исправления провалов рынка.**

- **Имитация зарубежного опыта** административных реформ, основанных на привнесении в государственное управление идей «клиентоориентированного государства», методов финансового менеджмента, принципа конкуренции, моделей горизонтальных связей, характерных для развитого гражданского общества и развитой политической демократии. Они не были адаптированы к особенностям российской экономики, специфике российских управленческих культуры и практик. Эти реформы и на англо-саксонской почве имели немало недостатков, вели, в том числе, к фрагментации управления. У нас новые подходы наложились на процветавшие в 90-е годы практики приватизации власти чиновниками, теневые коммерческие схемы принятия решений в интересах олигархического капитала и теневых дельцов. В конечном итоге это привело к разным формам коммерциализации испол-

¹ Трегубов М.В. Бюрократия в механизме государства // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 60–68.

нения функций государственного управления, в том числе, передаче бюджетных денег на исполнение этих функций сторонним исполнителям работ¹.

• **Конфликт между конституционным определением государства как социального и проведением в течении 25 лет праволиберального курса реформ**, которые серьезно подрывают положение государственно-го сектора, малого и среднего бизнеса, социальные права граждан, постоянно вынуждают принимать эксклюзивные решения в режиме ручного управления и вторжения лично Президента РФ, его администрации в компетенцию Правительства, лично главы кабинета, в сферы полномочий отдельных министерств и ведомств.

• **Противоречия в структуре исполнительной власти**, – между группами интересов внутри Кабинета министров, группирующихся вокруг таких полюсов как экономический блок, монетарные власти, и представители реального сектора, социального (бюджетного) секторов экономики, правоохранительных и оборонных ведомств.

• **Слом исторически сложившейся вертикали управления**, в которой министерства выступали распорядительным органом власти и (отраслевого либо межотраслевого) управления на мезоуровне, дробление задач, функций, полномочий между тремя уровнями (министерства-федеральные службы-федеральные агентства) лишило министерства каких-либо реальных функций, кроме правоустанавливающих, не предоставило им реальных рычагов для координации и контроля, управления госимуществом, не сформировало единообразных методических и организационных принципов функционирования служб и агентств. Министерства превратили, по выражению известного юриста А.А. Фатьянова, в раздутые юридические отделы. Нижестоящие уровни оказались без строго определенных в юридическом и нормативно-методическом смысле полномочий, прав и обязанностей, что нередко приводило к переформатированию или даже упразднению этих промежуточных звеньев управления². Конечно, это непосредственно сказалось на управляемости в экономике.

¹ Без указания на масштабные финансовые нарушения в госуправлении не обходится ни одно публичное выступление главы Счетной палаты Т.А. Голиковой. Коррупция проникает даже туда где запускаются выставочные в принципе проекты типа «Сколково», в ведомства, которые укомплектовываются элитным топ-менеджментом, выпускниками самых привилегированных российских вузов. См. Бюллетень Счетной палаты №9 (сентябрь) 2016 г.

² Аналитическая записка «Некоторые вопросы развития министерств в России: опыт и современность», Фатьянов Алексей Александрович. ИСГИЗ РАН, 2005 г.

- **Нестабильность организационной структуры органов государственного управления:** внутренние реорганизации, плохо обоснованные слияния и разделения органов государственной власти, образование новых структур без достаточных оснований с точки зрения появления, новых объектов управления, изменения целей, задач и функций.

- **Бездействие системы административных регламентов как методов администрирования и контроля в системе государственного управления.**

- **Слабость и неэффективность саморегулирующих организаций,** которым был делегирован целый ряд функций, признанных избыточными и дублирующими для органов государственной исполнительной власти.

Современная экономика с развитыми стратегическими началами настоятельно диктует необходимость восстановления института и механизмов стратегического планирования. Это основное и исходное условие перехода всей системы государственного управления на качественно новый уровень.

Попытки воссоздать систему стратегического планирования предпринимались на всем протяжении 2000-х годов.

В Министерстве экономического развития была сформирована целевая программа совершенствования государственного управления с ориентацией на ключевую роль стратегических начал в экономике, долгосрочные приоритеты, закрепленных в Конституции Российской Федерации, Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, Концепции долгосрочного социального экономического развития на период до 2020 года, а также Основных направлений деятельности правительства до 2012 года.

Уже тогда было ясно, что недостаточно восстановить управляемость и, собственно, государственное управление после «сокрушительных 90-х. Отсюда и появилась компромиссная формулировка о системе государственного стратегического управления, поскольку вокруг Закона о стратегическом планировании в РФ велась самая настоящая война и его принятие откладывалось вплоть до самого последнего времени.

Система государственного стратегического управления должна была обеспечить:

- обоснование долгосрочных приоритетов деятельности государства в области социально-экономического развития, определение ориентиров, позволяющих бизнесу планировать и управлять рисками, в том числе при принятии долгосрочных инвестиционных решений;

- Постановку конкретизирующего стратегические цели и приоритеты комплекса кратко-, средне-, и долгосрочных задач, согласованных между собой;
- Организационное и ресурсное обеспечение планируемых действий, их увязка с реализацией проектов в энергетике, на транспорте, в области демографии, национальной безопасности, в сфере развития человеческого потенциала;
- Увязку общенациональных целей, приоритетов и задач с региональными и местными приоритетами развития, решениями принимаемыми на региональном и муниципальном уровне.
- Мониторинг реализации принимаемых решений и внесение необходимых уточнений в управленческие решения.

Развитие национального стратегического планирования и управления требовало поднять на новый качественный уровень и **прогнозирование социально-экономического развития**. Но, к сожалению, долгое время «перманентное прогнозирование всего и вся, и по всем временным горизонтам» без надежных механизмов контроля за точностью и качеством прогноза подменяло собой действительное стратегическое планирование, его организационные основы, соответствующие институты и механизмы.

На начальных стадиях и только во внутренних министерских докладах предполагалось, что в интересах планирования:

- Макроэкономическое планирование и прогнозирование охватывают основные показатели экономического роста и пропорции ВВП, а не только финансовые индикаторы;
- Возрождаются **балансовые методы планирования и прогнозирования**;
- Разрабатываются **балансы по важнейшим видам топливно-энергетической, промышленной и сельскохозяйственной продукции** для обоснования прогнозных показателей развития отдельных секторов экономики
- Возобновляются разработка **Сводного финансового баланса Российской Федерации**, который служит инструментом прогнозирования государственных и негосударственных финансов и является составной частью прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период.

В систему Государственного стратегического управления включалось достижение государственных приоритетов через **механизмы программно-целевого планирования** (Федеральная адресная инвестиционная программа, Государственные программы и ведомственные целевые програм-

мы, позволяющими комплексно и системно обеспечивать реализацию государственных приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации).

В состав стратегического планирования включалось управление государственным имуществом и государственным сектором в целом.

Эти благие намерения не удавалось реализовать вплоть до принятия Закона о стратегическом планировании, да и по сей день его институты и механизмы с достаточной степенью определенности не прописаны ни в законодательстве, ни в практических научно- и нормативно-методических документах.

На развитии стратегического планирования капитальным образом скажутся дисфункции государственного управления.

Сегодня практически по всему спектру объективных функций государственного управления наблюдаются нарушения, позволяющие говорить **об устойчивых, системных дисфункциях**. Остановимся на наиболее важных.

1. Они серьезно повлияли на **механизмы целеполагания, определения задач, функций и методов государственного управления**. Конфликт между конституционным определением государства как социального и проведением в течение 20 лет праволиберального курса реформ, которые серьезно подрывают положение государственного сектора, бизнеса, социальные права граждан, постоянно вынуждают принимать **эксклюзивные решения в режиме ручного управления** и вторжения лично Президента РФ в компетенцию Правительства, лично главы кабинета, в сферы полномочий отдельных министерств и ведомств. Сложилась по сути 2-х секторная экономика, в которой действуют две разные модели экономики и управления – **регулируемая**, – в секторе ОПК и сопряженными с ним отраслями и видами деятельности; и секторами и отраслями, отданными на откуп **рыночному саморегулированию**.

Отсюда и в структуре Власти складываются известные противоречия между Президентом и его администрацией с одной стороны и Кабинетом министров, – с другой. Это хорошо просматривается на проблеме выполнения майских (2012 года) Указов Президента, определивших стратегические горизонты развития российской экономики. Попытки корректив отдельных целевых показателей, урезания финансирования под предлогами колебаний экономической, финансовой и политической конъюнктуры, антикризисных целей, – регулярная практика, с которой сталкивается высшее руководство страны.

В самом Кабинете имеются реальные противоречия и группы интересов, группирующиеся вокруг таких полюсов как экономический блок и представители реального сектора, социального (бюджетного) секторов экономики, правоохранительных и оборонных ведомств.

Нет единства мнений и по важнейшим позициям антикризисной программы, где Минфин, похоже, занимает открыто обскурантистскую политику, отказываясь согласовывать важные антикризисные инициативы Правительства.

Характерен спор между Председателем кабинета министров Д.А. Медведевым и министром финансов А. Г. Силуановым о выделениях Минфином РФ сумм порядка 260 млрд рублей на финансирование антикризисных мероприятий, в то время как, по свидетельству Счетной палаты, в 2015 году в бюджете страны остались неиспользованными 850 млрд рублей, – по сути, второй золотовалютный резерв Российской Федерации. Складывается впечатление, что в Правительстве нет единой команды, заряженной под общие цели, определенные политически, законодательно, оформленные действующими концепциями и стратегиями социально-экономического развития страны, национальной безопасности, государственными планами, проектами и программами.

Монетарные власти, по сути, занимают позиции, противоположные целям прорывной модернизации, активной антикризисной стратегии, ускорения экономического роста и структурных реформ. Монетарная политика не дает бизнесу развернуться в направлении реальной политики реиндустриализации и импортозамещения, новой национальной технологической инициативы. Отчасти это объясняется институциональным статусом Центробанка, главной целью которого является антиинфляционное регулирование и поддержание финансовой стабильности. Изменить эти институциональные ограничения могут только конституционные реформы. Но и имеющиеся возможности поддержки бизнеса, реального сектора средствами процентной и валютной политики системно не используются.

Здесь потребуются системные решения, связанные не только с оперативным устранением дисфункций в финансовой системе, но и её серьезной перенастройкой в русле перехода к новой модели социально-экономического развития, экономики с развитыми проектными и стратегическими началами, выстраиванию системы государственного управления вокруг своего ядра, – государственного стратегического планирования.

Бюджет в условиях развития стратегических и проектных начал в экономике

Финансовая система, традиционно ориентирована на финансовую стабилизацию и текущее антиинфляционное регулирование, она очень труд-

но вписывается в трехлетнее бюджетное планирование, особенно в условиях циклических и конъюнктурных колебаний и совершенно не вписывается в институты государственного стратегического планирования, в особенности, когда оно становится ядром государственного регулирования и управления в экономике.

Основные пункты этого процесса для финансовой системы следующие.¹

Встраивание долгосрочной Бюджетной стратегии в систему стратегического планирования

В рамках прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ (в частности – на период до 2030 г.) прогноз основных параметров бюджетной системы является простым результатом прогноза динамики различных секторов отечественной экономики и российских регионов. Фактически не учитывается обратное влияние бюджетных параметров на динамику социально-экономических процессов. Параметры бюджетной системы с одной стороны являются следствием динамики макрохозяйственных и социальных процессов в экономике, а с другой – оказывают на эти процессы весьма существенное влияние.

Даже в рамках системы целеполагания бюджетная стратегия и бюджетные процессы играют весьма активную роль. Это относится как к макропоказателям уровня налоговой нагрузки и ее двух ключевых компонентов (нагрузки на нефтегазовый сектор и не-нефтегазовый сектор), так и к масштабам расходной части бюджетной системы и долговой нагрузки на экономику.

Фактически целью Бюджетной стратегии является определение финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на достижение целей государственной политики, то есть представляет собой некий пассивный результат прогноза. Бюджетная стратегия может и должна выступать ре-

¹ Теоретическая модель сопряжения государственного стратегического планирования и управления бюджетно-налоговыми процессами предложена д.э.н., проф. Л.Н. Лыковой в исследованиях Института экономики РАН, посвященных Стратегии социально-экономического развития РФ до 2030 года и на долгосрочную перспективу. См. *Лыкова Л.Н.* Налоговая система России: возможности повышения устойчивости к финансовым шокам. Научный доклад. – Институт экономики РАН. 2016. – 43 с.

альным инструментом, результаты работы которого должны отражаться в вариантах социально-экономического прогноза. С учетом того, насколько активно реагирует отечественная экономика на объемы и параметры бюджетных расходов, нельзя не учитывать объективную активность данного инструмента.

Долгосрочное бюджетное планирование должно:

- обеспечивать стабильность и устойчивость программных расходов бюджетной системы (бюджета расширенного правительства) в соответствии с определяемыми целями и приоритетами;

- обеспечивать стабильность и устойчивость программных расходов региональных бюджетов в рамках системы межбюджетных отношений и бюджетного выравнивания;

- обеспечивать уточнение параметров бюджетной системы с учетом изменяющихся макроэкономических глобальных трендов (в частности, долгосрочного тренда динамики цен на энергоносители);

- определять сравнительную эффективность/целесообразность использования тех или иных балансирующих систему элементов (выбор между сокращением/ростом расходов, повышением/снижением налоговой нагрузки, ростом/сокращением объемов госдолга, изменением параметров суверенных фондов) применительно к конкретной прогнозируемой социально-экономической ситуации. В рамках данного блока необходимо установление обоснованных контрольных значений названных выше бюджетных параметров (доходы, расходы, долг, фонды).

- устанавливать «потолки» программных расходов, включающих в себя прямые бюджетные расходы и налоговые расходы. Должны быть предусмотрены возможность и механизм пересмотра «потолков» расходов с учетом оценок эффективности реализации программы в целом (степень достижения целей программы) и эффективности расходов в рамках программы (по общей сумме и отдельно по прямым расходам и по налоговым расходам). При этом «потолки» программных расходов могут различаться в рамках различных сценариев экономического развития (консервативный, инновационный).

- допускать введение новых программ (агрегирования действующих программ, формирование блоков программ) в среднесрочном и долгосрочном периоде на основе четко закрепленного механизма;

- предусматривать в качестве самостоятельного блока оценку рисков долгосрочного социально-экономического развития в рамках каждого из сценариев бюджетной стратегии (в первую очередь внешних рисков) и степени подверженности бюджетной системы внешним шокам.

Формирование Программного бюджета

Программный подход к бюджетному планированию позволяет четко определить цели, на выполнение которых направлено бюджетное финансирование, а значит, и оценить степень приближения к заявленной цели и эффективность осуществленных расходов. В то же время сформированные в настоящее время госпрограммы, которые распадаются на подпрограммы, а некоторые включают в себя и федеральные целевые программы, носят достаточно укрупненный характер. В этих условиях цели программ отчасти размываются, что затрудняет оценку их достижения и увязку конкретных категорий расходов с установленными целями. Интегрирование разработанных федеральных целевых программ в состав госпрограмм приводит к существенному «понижению» статуса сформированных целей и показателей этих программ.

Против полноценной реализации программного бюджетирования работает также существенная доля трансфертов физическим лицам в структуре некоторых программ. Сложившаяся в настоящее время тенденция (стремление) максимизировать долю программных расходов в структуре расходов бюджетной системы (федерального бюджета, в первую очередь) приводит к подрыву возможностей реализации собственно программного метода управления и финансирования. Отчасти сегодняшние программы представляют собой просто иную форму представления бюджетных планов и бюджетной отчетности, а не реализацию программно-целевого метода как такового.

В этих условиях задачей является более четкая формализация уже разработанных программ и вывод за их пределы (или недопущение включения) определенных категорий расходов непрограммного характера. Вопрос разграничения в рамках бюджетной системы программных и не-программных расходов сегодня стоит достаточно остро. Фактически в рамках бюджета (федерального, бюджета субъекта федерации, бюджета муниципального образования) должны выделяться программная и непрограммная части, режим управления которыми должен существенно различаться по всем стадиям (прогнозирования, планирования, текущего управления, отчетности и аудита).

Используемый в настоящее время подход к формированию госпрограмм ставит вопрос и об органах управления программами. Сегодня ими выступают отдельные министерства, а по некоторым программам – несколько министерств (по подпрограммам). Фактически орган управления программой не формируется, а его функции возлагаются на сформиро-

ванный для реализации совершенно иных целей институт. Для этого института вопросы управления программами являются вторичными и фактически поглощаются иными функциями. В настоящее время для большинства сформированных из нескольких блоков госпрограмм практически невозможно сформировать полноценный орган программного управления. Сегодня госпрограммы управляются и финансируются скорее как обычный объект бюджетного планирования на основе прямых бюджетных назначений (расходов).

Существенной проблемой является сложившаяся система необязательности финансирования программ. Отчасти эта необязательность компенсирует существенные недоработки и прямые ошибки при формировании отдельных программ, но может и препятствовать достижению целей программ.

В этих условиях на повестку дня может быть поставлен вопрос о формировании в рамках федерального бюджета (а также бюджета субъекта федерации) не подлежащей переутверждению программной части – части, сформированной программными расходами в рамках соответствующих законов о госпрограммах. Такой подход позволит обеспечить безусловное финансирование в текущем бюджетном году утвержденных программ, но потребует существенного (принципиального) повышения качества разработки программ и формирования механизма управления программами со стороны специального органа управления конкретной программой.

Оценка эффективности управления бюджетными расходами

Это предполагает выстраивание двух моделей оценки – для программной части бюджета и для непрограммной.

Для программной части необходим мониторинг текущего исполнения программ, который включает оценку эффективности реализаций целей программы со стороны органа управления программой и со стороны независимого аудитора (Счетной палаты или иного органа). В рамках мониторинга должны отслеживаться не только отдельные программы и их показатели, но и близкие по целям или связанные по ресурсам и /или исполнителями (или бюджетополучателями) программы.

Необходим также учет общей и сравнительной эффективности расходов по программам. При этом сравнительная эффективность предполагает оценку и сравнение эффективности прямых и налоговых расходов в рамках каждой из программ и между связанными программами.

4. Расстройство механизмов исполнения принятых решений.

Яркий пример этого – неисполнение ни одной из концепций и\или стратегий социально-экономического развития страны, начиная с приснопамятной Программы Г.О. Грефа и кончая недавними опытами Концепции–2020. Остались декларациями модернизация и переход экономики страны на инновационный тип развития, избавление от экспортно-сырьевой модели развития. В глубоком кризисе пребывают сегодня отрасли социально-экономической инфраструктуры, – наука, образование, здравоохранение, культура, ЖКХ. И даже главное дело современной российской власти, – финансовая стабилизация, снижение инфляции, – не принесло искомым результатов, имея в виду финансовый кризис 2008–2010, бедствия бюджета страны в связи с падением мировых нефтяных цен, падением курса рубля, лихорадкой на финансовых рынках, оттоком капиталов из страны. Характерна судьба майских (2012 года) Указов Президента РФ. По оценкам ряда экспертов, к концу II квартала 2016 года исполнено всего 5 % поручений по этим указам.

Если тщательно не разобраться в этих процессах, то формируемую сегодня Стратегию – 2030 постигнет та же судьба. Она тоже станет «чисто литературным памятником» эпохи идеологии неолиберализма, которая растянулась, несмотря на неудачи и провалы, более чем на 25 лет.

Приоритеты экономического роста, заложенные в важнейшие стратегические документы, предполагают необходимость развития на уровне не менее 5% в год, что на минимальном уровне гарантирует сокращение разрывов в уровне и качестве развития по сравнению с лидерами западного мира. Однако после 2008 года мы не только не можем по факту выйти на экономически безопасные значения экономического роста, а уж тем более на его важнейшие обеспечивающие компоненты, связанные с реиндустриализацией, импортозамещением, технологическим рывком, – но и стараемся объяснить и аргументировать якобы объективную неспособность страны решить эту проблему.

С некоторых пор все реже говорится о целевом 5-% росте, а всё чаще о целевых показателях роста производительности труда. Но от перемены мест проблема только усугубляется. По оценкам Минэкономразвития, достигнуть роста производительности труда к 2018 году в 1,5 раза, как этого требует указ Президента России, не удастся. Виной тому экономический кризис и низкий уровень квалификации кадров¹.

¹ Нетребя Петр. Экономический рост – не указ // Коммерсант. 2014. №78 от 12.05.2014, с. 8

Как пишет газета Коммерсантъ со ссылкой на материалы Минэкономразвития, динамика производительности труда отстает от запланированных темпов: так, по итогам 2015 года значение показателя составило 97,7% к показателю 2014 года, планом же было предусмотрено 102,1%. Наиболее сильное отставание демонстрируют обрабатывающая промышленность (96,8% при плане 109,5%), авиационная промышленность (112,9% вместо 125,9%), судостроение (102,1% при плане 112,5%) и строительство (98,8% вместо 106%). Планового показателя достигла (и даже перевыполнила план) одна отрасль – сельское хозяйство (104,1% при плане 103,8%)¹. Об итогах социально-экономического развития российской федерации в 2015 году².

Как отмечает ведомство, выполнение отдельных мероприятий плана оказывает недостаточное воздействие на динамику производительности труда как в целом по экономике, так и в разрезе отраслей. Неудачи связаны с комплексом причин: снижением численности работников предприятий обрабатывающих производств, низкой инвестиционной активностью, динамикой цен на нефть и другие экспортные товары, а также низкими темпами повышения уровня квалификации и несовершенством системы подготовки исследовательских, инженерных и технических кадров. При сохранении текущих тенденций развития экономики показателей роста производительности труда в 1,5 раза к 2018 году достигнуть не удастся. Такая цель предусмотрена указом президента от 7 мая 2012 года³.

Теперь уже не только желаемых темпов роста невозможно достигнуть, но и производительности труда. И, конечно, – в виду действия факторов непреодолимой силы, которыми данный орган государственного управления не управляет, да и не должен управлять в силу своего «институционального статуса»

То же относится к **структурным реформам**, которые являются одним из важнейших вызовов и категорическим императивом развития и безопасности страны. Много и многими говорится о необходимости преодоления экспортно-сырьевой модели экономики, желательности структурных изменений. Но при этом мы не только не можем концептуально до-

¹ Сценарные условия, основные параметры прогноза социально– экономического развития российской федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. (Минэкономразвития России). Сайт Минэкономразвития:

² Сайт Минэкономразвития:

³ О высокопроизводительных рабочих местах и динамике показателя производительности труда. Сайт Правительства РФ: <http://government.ru/orders/selection/406/25649/>

говориться о том, насколько необходимы эти реформы и в чем они объективно заключаются, но и реализовывать уже ранее принятые решения по реструктуризации экономики.

5. Дисфункции в области собственно стратегического планирования и управления (болезни роста)

Его разработка и принятие в качестве нормативного правового документа встречали сильное сопротивление, шли с серьезными откатами, содержание планирования постоянно пытаются выхолащивать, отвергая и советский и зарубежный опыт планирования, в частности, использование балансовых методов, разработку сводного народнохозяйственного баланса, планирование структурного каркаса (контура) экономики, налаживание мезо-планирования в отраслевом разрезе.

Отметим при этом, что развитие практики государственных корпораций не явилось полноценной заменой промышленной, структурной, и межотраслевой политики, необходимости аутентичного планирования и управления в отраслевом и межотраслевом разрезе. Хотя и позволило консолидировать, сохранить и развить ряд обрабатывающих производств, и, прежде всего, в интересах ОПК. Правда, опять-таки, благодаря преимуществам двухсекторной экономики. При этом не дали ожидаемого эффекта специально созданные институты развития: ВТБ оказался на грани банкротства, вложившись в зимнюю (2014 г.) Олимпиаду в г. Сочи, не оправдали ожиданий ни Российская венчурная компания, ни скандально известные Роснано-технологии.

Важным достижением было введение практики трехлетнего бюджетного планирования. Оно далеко не исчерпывает содержание стратегического планирования, но и оно было на время свернуто до краткосрочного годового планирования под предлогом кризиса и прогнозной неопределенности. В 2016 году в Правительстве РФ приступили к возобновлению «бюджетно-налоговой трехлетки». Но восстанавливать – не свертывать, и насколько реально и эффективно будет сверстана «трёхлетка» пока остается неопределенным. Вообще-то говоря, непрерывность планирования есть его фундаментальный принцип и её нарушение, пусть и в виду кризиса, само по себе может квалифицироваться как сбой, дисфункция, подрывающая его устойчивость и эффективность.

Несмотря на принятие закона о государственном стратегическом планировании, его организационная структура в министерствах и ведомствах,

хотя бы экономического блока, не создается. Так, по некоторым сообщениям, в Минэкономике РФ уже после выхода закона был ликвидирован созданный Департамент государственного стратегического планирования. Неясные сигналы о его восстановлении пока не внушают особых надежд на кардинальный поворот в этой области.

Приостановлено действие Стратегии социально-экономического развития РФ до 2030 года в виду неясности прогнозных перспектив. Тишина царит и в отношении планирующих систем, институтов, способных осуществлять функции общегосударственного, без перекоса в сторону ведомственных и региональных интересов, стратегического планирования.

Принципиальное решение, принятое на уровне Президента РФ по созданию Совета по стратегическому планированию и проектам, – важный шаг. Но Совет является в большей степени экспертно-аналитической структурой и не может заменить собой орган власти с соответствующими компетенциями и полномочиями, не отменяет и не заменяет необходимости создания соответствующих институтов по всей вертикали исполнительной власти.

Политическая блокада усилий по воссозданию государственного стратегического планирования грозит самыми серьезными экономическими последствиями: мы и дальше будем провоцировать состояние управленческого хаоса и неуправляемости как первоочередных вызовов и угроз экономической безопасности и ставших привычными срывы исполнения важнейших политических и экономических решений из области фундаментальных стратегических перспектив развития страны.

Сегодня одна из основных нагрузок в «управлении будущим» приходится на **государственные программы**. То, что значительная часть государственных программ управляется неэффективно, признает и правительство. По его данным, из «32 программам по открытой части бюджета эффективность ниже среднего уровня и низкую за 2015 год имеют 13 программ на общую сумму 1,6 трлн рублей, или 10,3% от расходной части бюджета¹». Это объясняется серьезными недостатками в определении целей и приоритетов, программ, подчас, отсутствием научно-обоснованных и количественно определенных показателей оценки, неспособностью обеспечить компетентное управление для достижения целевых показателей выполнения программы, фальсификацией отчетности. А ведь программный и

¹ Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2015 года. Сайт Правительства РФ: <http://government.ru/media/files/cG6nOsmqRzygK01ljvjgXzFxxuufA8VPI.pdf>

проектный разрез государственного стратегического планирования являются его несущими конструкциями.

Действительность, однако, ещё серьезнее. Согласно проверкам Счетной палаты, средний уровень эффективности имеют 13 госпрограмм из 38 (2014 г. – 3), низкий – 7 (2014 г. – 17), не подлежат оценке из-за отсутствия в программе количественно верифицируемых критериев и показателей 18 (2014 г. – 12). Все эти данные свидетельствуют о недостаточном качестве работы по планированию показателей и, самое главное, отбору приоритетов, управлению ресурсами, неготовности к работе, связанной с проектным планированием.

Еще один показатель эффективности использования бюджетных средств – это исполнение федеральной адресной инвестиционной программы. К сожалению, за 2015 г. он составил всего 93,3% от планируемого. Это самый низкий показатель за последние (после кризиса 2008–2010 гг.) годы. Введен 281 объект или 50,4% от того, что планировалось. Как следствие, растет общий объем незавершенного строительства, который составил 2,2 трлн рублей или 10,7 тысяч незавершенных объектов.

По-прежнему, как уже здесь отмечалось сегодня в этом зале при обсуждении первого вопроса, остается неэффективной работа государственных корпораций, государственных компаний с точки зрения использования тех средств, которые выделяются из бюджета.

Счетная палата проверила каждого главного распорядителя и, более того, отдельные подведомственные учреждения и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти на предмет достоверности отчетной информации. Результаты таковы: у 14 главных распорядителей отчет был недостоверным (из Выступления Председателя Счетной палаты Т.А. Голиковой на пленарном заседании Государственной Думы 21 октября 2016 года с докладом об анализе исполнения федерального бюджета за 2015 год).

6. Системные дисфункции укоренились в защите и поддержании добросовестной конкуренции, антимонопольном регулировании

В России сложился предельно монополизированный олигархический капитализм, и антимонопольные органы не в состоянии как-то противостоять этому факту. Именно он является главным тормозом экономического роста. Он не сводим к теме «избыточного» государственного участия в экономике. Его проблемы не решаются формальной приватизацией госу-

дарственных активов, дальнейшим сокращением государственного регулирования. И он точно не в самую первую очередь связан со злоупотреблениями органов правопорядка и избыточным административным давлением на бизнес.

Олигархический капитал научился политически защищать и продвигать свои интересы в органах государственной власти, выработал и освоил современные методы монополистической конкуренции, сформировал в ущерб потребностям развития паразитический тип оффшорной экономики. Причем последняя выросла не в период укрепившегося государства, а в эпоху его в силу использования неолиберальной модели. Слом системы монопольного олигархата – необходимое условие успешного осуществления административных реформ и обновления системы государственного управления.

7. Бюрократизм и коррупция в государственном аппарате.

Видимо, нет необходимости очередной раз говорить о том, какой вред наносит имиджу власти, нормальному процессу госуправления коррупция. Борьба с коррупцией идет, но коренного перелома в этой великой битве не произошло. С одной стороны, совершенно затухли импульсы проведения реформы государственной службы, свернуты программы по научному и законодательному обеспечению реформы государственной службы, действовавшие в первой половине 2000-х годов.

С другой стороны, в правоохранительной системе (МВД, Прокуратуре, следственном аппарате, Госкомнаркконтроле) все эти годы шли нескончаемые организационные перетряски и сокращения, которые не способствовали успехам в антикоррупционной борьбе. И, что самое главное, при действующих экономико-правовых и правоохранительных институтах не удалось сломить экономическую базу коррупционной преступности в виде теневой и криминальной экономик, организованной экономической преступности.

Продолжившаяся реорганизация правоохранительной системы в связи с образованием Росгвардии идет по старым лекалам принятия политических и организационных решений без предварительной проработки вопросов о задачах и функциях нового института, масштабном перераспределении полномочий, частей и подразделений, аппаратных, кадровых, материальных и финансовых ресурсах. Значит, и дальше элементы организационного хаоса, управленческой дестабилизации, процессы крити-

ческой адаптации системы национальной безопасности и правоохранительной деятельности без определенных планов, по факту, эмпирически, нередко в пожарном порядке, будут сопровождать её функционирование неопределенно долгое время.

В этом же направлении действует **нестабильность внутренней организационной структуры** органов государственного управления: внутренние реорганизации, плохо обоснованные слияния и разделения органов государственной власти, образование новых структур без достаточных оснований с точки зрения появления, новых объектов управления, изменения целей, задач и функций. Это также порождает и усугубляет дисфункцию управления, дезориентацию системы органов власти и государственной службы, приводит к соответствующим результатам с точки зрения эффективности и качества управления.

Административные реформы были частью институциональных реформ, во многом производными от общей направленности реформирования экономических институтов. За истекшие 25 лет у нас сформировалась общая система институтов, которая по-прежнему заточена на *приоритеты финансовой стабилизации и антиинфляционного регулирования*. Для стимулирования инновационного развития сформирована специальная система *институтов развития*. В таком виде эта система институтов толком не может капитально решить ни те, ни другие задачи. Об этом говорит череда скандалов с «Российской венчурной компанией», «Роснано», а теперь и «Сколково». Они не оправдали возложенные на них надежды, были адаптированы действующей системой, и продолжают стагнировать вместе с ней.

Сегодня во главу угла реформирования институтов государственного регулирования и управления необходимо заложить цели экономического роста и развития, не разделяя систему институтов на два неравноценных уровня. Регулярная система институтов должна по определению работать на развитие, рост и безопасность. И лишь эксклюзивные, принципиально новые линии развития, элементы нового, только зарождающегося технологического уклада, могут потребовать специальных институтов и механизмов регулирования и поддержки. Весь мир работает по этому правилу, и мы тоже должны следовать в фарватере мировых трендов.

Академик С.Ю.Глазьев часто говорит о потере управляемости в области макроэкономических решений. Проведенный анализ позволяет говорить о серьезном системном кризисе государственного управления и необходимости новой серии реформ. В этом сходятся практически все экономисты. Но сами принципы этих реформ видятся совершенно по-разно-

му. Мы полагаем, что нуждаются в глубоком переосмыслении сами исходные принципы этих реформ. Нужна не просто реформа как продолжение незавершенных реформ 2000-х, основанная на тех же моделях, принципах и методах проведения. Нужна **«реформа реформ»**, требующая новых исходных концептуальных положений. В самом общем виде они могут быть сведены к следующему:

- *Разработка научно обоснованных положений по идеологии российской государственности и государства.* Внесение корректив в конституционное законодательство в части определения природы российского государства, его функций в регулировании и управлении. Одно из возможных предложений: использовать дополненную формулу известного русского юриста Б.А. Кистяковского: «государство правовое, социальное, демократическое». Кроме того, необходимо четко обосновать и определиться с понятием современного социального государства, поскольку конституционные нормы не могут базироваться на неопределенных и противоречивых терминологических конструкциях. О социальном государстве: и либеральные, и левые идеи имеют свои версии социального государства. Они значительно варьируют как национальные модели, будь то англосаксонские, французские и\или скандинавские. В наших разработках мы, прежде всего, должны исходить из совокупного исторического опыта России, исторического своеобразия её публичных институтов, огромных достижений социалистического государства в социальной сфере. Не обходить мимо и зарубежный опыт. Государство в Российской Федерации не может ограничиваться лишь поддержкой социально незащищенных слоев. Оно должно в полной мере выполнять свои функции развивающего и социально ответственного государства (не просто регулирующего), вкладывая в развитие социально-культурной инфраструктуры, человека и человеческий капитал, создание задела фундаментальных и поисковых знаний, разработок для революционных технологий будущего (6-го и 7-го технологических укладов).

- *Внесение корректив в методологию и модель реформирования государственного управления на основе различных зарубежных версий государственного менеджмента.* Целесообразно удерживать то, что связано с взаимопроникновением государства и общества, прозрачностью процесса разработки и принятия решений, участия в нем граждан, и, вместе с тем, переосмыслить англосаксонский опыт по инкорпорированию в государственное управление элементов рынка, конкуренции, финансового менеджмента, корпоративного управления. Нужна адаптированная, возможно переходная модель, основанная на современных гибких методах, не отвергающая ценностей и норм отечественной управленческой культуры.

- *Устранение сложившихся фундаментальных дисфункций государственного управления и их причин (пробуксовка механизмов определения национальных интересов, целеполагания, принятия и исполнения решений, стратегического планирования, программирования, проектного управления, профессиональной подготовки кадров и т.д.).* Стратегический фундамент и каркас государственной экономической политики и государственного управления, – Стратегии социально-экономического развития на 10–15–20–25 лет; Стратегия пространственного развития; Стратегии и программы антикризисного регулирования; Государственное стратегическое планирование и Государственный план, включая трехлетнее скользящее планирование госбюджета; Стратегия внешней политики и экономической дипломатии; Стратегия национальной безопасности, Стратегия экономической безопасности, – должны объективно определять облик и парадигму государственного управления, перечень его задач и функций, структуру и механизмы его функционирования. В системе государственного стратегического планирования необходимо четко обозначить его опорные элементы: макроэкономическое планирование; определение долгосрочных трендов структуры и пропорций экономического развития, возвращение на новой основе балансовых методов; управление государственным имуществом. Это повлечет за собой изменение в соотношении между основными органами федеральной экономической власти, имея в виду логику формирования и принятия экономических решений: на первый план выходят планирующие структуры, определяющие стратегические цели и приоритеты, которые должны ставить соответствующие обеспечительные задачи монетарным властям и другим органам государственного управления.

- *Системная реконструкция «вертикали власти».* Реформы вертикали исполнительной власти должны включать: упорядочение соотношения функций и их исполнения между верховной, президентской и федеральной исполнительной властью (Правительство РФ); внутри федеральной исполнительной власти (экономический блок – социальный и отраслевые блоки, особая (неприкасаемая) позиция Минфина РФ; федеральная исполнительная власть и монетарные власти). Уточнение правового статуса Правительства, политико-правовых принципов его формирования и ответственности, парламентской подотчетности. Внесение соответствующих уточнений в конституционное и федеральное законодательство. Возвращение министерству ключевых функций государственного управления как опорного института во всей вертикали власти, включая координацию и контроль подведомственных уровней исполнительной власти, управление госимуществом. Обоснование новой современной модели политического и эко-

номического федерализма, административно-территориального деления стран.

Литература

1. Административная реформа в России. Научно-практическое пособие (под ред. Нарышкина С.Е., Хабриевой Т.Я.). «ИНФРА-М», 2006 г.
2. Аналитическая записка «Некоторые вопросы развития министерств в России: опыт и современность», Фатьянов Алексей Александрович. ИСГиЗ РАН, 2005 г.
3. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. Гл. 2. (2.1.; 2.2; 2.3.). – М.: Юрид. лит., 1997. – 400 с. ISBN 5-7260-0843-X
4. Бюллетень Счетной палаты №9 (сентябрь) 2016 г. Режим доступа: Режим доступа : <http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/882/>
5. Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ, 2016, № 6. С. 426–437
6. Городецкий А.Е. О фундаментальных провалах государства: дисфункции государственного управления и их преодоление. В Книге «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады Пятого Международного форума. (06.08-09 декабря 2016 года). М. 2016. С. 335–347.
7. Государственное управление. Основы теории и организации. Том I. Под редакцией В. А. Козбаненко. Издание 2-е, с изменениями и дополнениями. «Статут». М. 2002. – 366 с. ISBN 5-8354-0109-4 (в пер.)
8. Гринберг Р.С. В поисках равновесия. М.: Магистр. 2016. – 160 с.
9. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2013. 479 с
10. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПРЕСС, 2000. – 278 с
11. Крупные российские проекты (строящиеся). Сайт: <http://ruxpert.ru/>
12. Лыкова Л.Н. Налоговая система России: возможности повышения устойчивости к финансовым шокам. Научный доклад. – Институт экономики РАН. 2016. – 43 с
13. Нетреба Петр. Экономический рост – не указ // Коммерсант. – 2014. №78 от 12.05.2014, стр. 8
14. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–

2008 гг. и план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг.»

15. Распоряжение Правительство РФ от 10 июня 2011 года № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 годы и плана по реализации мероприятий Концепции (с изменениями на 28 августа 2012 года)»

16. Рубинштейн А.Я. Введение в общую теорию изъянов смешанной экономики. // Пространственная Экономика. 2016, № 4. С. 13–32

17. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. №2. 2016. с. 5–38

18. Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М., ИЭ РАН, 2015

19. Сайт Правительства РФ: <http://government.ru/orders/selection/406/25649/>

20. Сайт Института экономики и права Ивана Кушника http://be5.biz/gosudarstvo_i_pravo/tipy_gosudarstva.html

21. Сайт Минэкономразвития:

22. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2015 года. Сайт Правительства РФ: <http://government.ru/media/files/cG6nOsmqRzygKoiIjvjgXzFxuufA8VPl.pdf>

23. Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/5303774/#ixzz4Z8qvJakSj>

24. Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития российской федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. (Минэкономразвития России). Сайт Минэкономразвития:

25. Трегубов М.В. Бюрократия в механизме государства // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 60–68.

часть 3 Гэлбрейт: предвидение реиндустриализации?

section 3 It's there Galbraith's prevision
of reindustrialization?

Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансовократия или новая технологическая революция?

Виктор Тимофеевич Рязанов

Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессор

Viktor T. Riazanov

The Chairman of the department of Economic theory at Saint-Petersburg State University, Dr. of Economics, Professor

Аннотация. Анализируется теория индустриального общества Дж.К.Гэлбрейта, ее особенности и значение для понимания современных проблем развития экономики после мирового кризиса 2008–2009 годов. Переход из кризиса в фазу устойчивого и сбалансированного роста предполагает возрождение приоритетности индустриального сектора экономики на новой технико-технологической основе. Обосновывается необходимость разработки программы социализации финансов для преодоления существующих диспропорций и спекулятивных искажений в экономике. Ее реализация позволит преодолеть деиндустриализацию и обеспечит формирование новой модели смешанной экономики.

Ключевые слова: новое индустриальное общество, корпорации, структура, рынок и планирование, социальные реформы, финансовый капитал и финансовократия, возрождение индустриализма и новая промышленная революция, неоиндустриализация, социализация финансов

Galbraith's theory of the New Industrial State: the existence of a global financial power or the New technological revolution?

Abstract. There is examination of the J.K.Galbraith's theory of industrial state, its characteristics and importance for understanding contemporary problems of development of the economy after the global financial crisis 2008–2009. Transition from the crisis in a sustainable and balanced growth implies the revival of priority industrial sectors of the economy on the new technique and technological basis. For overcoming of the existing disproportions and speculative distortion in the economy is based the need for development and implementation

of the program of socialization of finances. Its implementation will help to overcome the deindustrialization and ensure the formation of a new model of mixed economy.

Keywords: new industrial society, corporations, technostucture, market and planning, social reforms, financial capital and financial power, revival of industrialism and the new industrial revolution, neoindustrialization, socialization of finance

Одним из самых известных западных экономистов в СССР был видный американский ученый-экономист Дж.К. Гэлбрейт (1908–2006). Достаточно отметить то обстоятельство, что его основные труды своевременно и с редкой оперативностью для советской обществоведческой практики переводились на русский язык, активно обсуждались, хотя при этом и критиковались. Его левореформистская политическая позиция, критическое отношение к рыночному фундаментализму, новаторство и оригинальность в исследовании современного капиталистического общества и его эволюции – все это не могло не привлекать повышенного внимания к нему самому и к его работам. Особый интерес вызвала книга «Новое индустриальное общество» (1967, русский перевод – 1969) и продолжение разработки данной теории с особым акцентом на проблемы социального реформирования современного капиталистического общества, представленное в книге «Экономические теории и цели общества» (1973, русский перевод – 1976). Известна была и его совместная работа с советским экономистом С.М. Меншиковым (1927–2014) под названием «Капитализм, социализм, сосуществование» (1988), вышедшая на русском и английском языках¹.

То, что Гэлбрейт не был обделен вниманием советских экономистов², было не случайно и отражало тот большой интерес, который он вызывал в американской и в целом в западной экономической науке. Правда, следует заметить, что представители неоклассической школы, которые в те

¹ Уже в постсоветское время на русском языке вышла более ранняя книга Дж. К. Гэлбрейта, опубликованная первым изданием в 1954 г. – «Великий крах 1929 года» (Минск, 2009). Это неудивительно, поскольку новый мировой экономической кризис 2008–2009 гг. возродил интерес к самому масштабной в истории мирового капитализма экономической депрессии, а оценки американского автора остаются полезными для понимания природы кризисов и возможностей проведения антикризисной политики. Также на русском языке была издана и его последняя книга «Экономика невинного обмана: правда нашего времени» (М., 2009).

² Отметим также, что в 1988 г. Дж. К. Гэлбрейт был избран иностранным членом АН СССР.

годы постепенно отвоевывали лидирующие позиции в экономической науке, чаще всего игнорировали Гэлбрейта, считая его не столько экономистом, сколько социологом или политологом. Не принимали они альтернативности его взглядов относительно природы современного капиталистического хозяйства, также как и пренебрежение к использованию формализованных экономико-математических моделей в исследованиях. Такое отношение к нему М.Блауг в своем кратком очерке об американском экономисте не без основания дополнил таким объяснением: ортодоксальные представители экономической науки не могли простить ему тот факт, что его многочисленные книги неоднократно переиздавались и продавались миллионными тиражами¹.

Хотя Гэлбрейт за свою долгую творческую жизнь был автором более чем тридцати книг, его работа «Новое индустриальное общество» стала главной и «самой амбициозной книгой» (Блауг), выдержав ни одно переиздание, и переведенное во многих странах. В этой книге он обобщил свои ранее опубликованные работы, также ставшие экономическими бестселлерами, дополнив и развив свою концепцию².

Сегодня эта книга Гэлбрейта не может не привлекать внимания, хотя бы имея в виду юбилейную дату публикации – 50 лет со дня ее выхода из печати. Но еще более существенное значение приобретает разработанная им концепция нового индустриального общества, которую полезно оценить как с точки зрения последующей эволюции капиталистического общества, так и обращаясь к характеристике природы современной посткризисной экономики и места в ней индустриальной сферы. В этой связи следует согласиться с мнением С.Д. Бодрунова, который не без основания утверждает о вызревании потребности перехода к новой генерации индустриального общества, которое им обозначается как «новое индустриальное общество второго поколения (сокращенно – НИО.2)»³. Для России данная проблематика тем более актуальна в контексте разработки и реализации стратегии неоиндустриализации, призванной возродить экономическую мощь страны и обеспечить для нее достойное место в международном разделении труда.

Проанализируем наиболее существенные теоретические позиции Гэлбрейта, раскрывающие новый концептуальный подход к эволюции капи-

¹ Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2005. С.70–73.

² Речь идет прежде всего о таких его книгах – «Американский капитализм» (American Capitalism, 1952), «Общество изобилия» (The Affluent Society, 1958)

³ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М., Культурная революция, 2016. С. 45.

талистического общества, предложенный им. В первую очередь следует выделить в качестве главного достоинства оригинальную и творческую разработку американским автором характера перемен в капиталистическом способе производства, которые происходили на протяжении всего XX века и завершилась к его середине утверждением новой модели капиталистического общества. Она и была определена как переход к «новому индустриальному обществу». Окончательное его формирования произошло благодаря беспрецедентно успешному экономическому росту в послевоенный период (1950–1960-е годы), ставшим результатом воплощенной в экономической политике «кейнсианской революции» в экономической науке и позволившим достичь состояния потребительского изобилия и благополучия для значительной части капиталистического общества.

Не менее существенно и то, что как сама политика активного стимулирования экономики, так и взгляды Гэлбрейта, отражали поиск эффективного ответа на вызов, который был представлен в альтернативном проекте социалистического хозяйственного переустройства, который в те годы вполне успешно реализовывался в СССР и конкурировал с капиталистической организацией производства. При этом его позиция радикально расходилась с традиционным взглядом на природу капитализма с присущим ему апологией роли конкурентно-рыночного механизма. Вместе с тем Гэлбрейт с его достаточно взвешенным и в целом критическим отношением к капитализму не разделял марксистский вывод о его неизбежной смене новым способом производства, обосновывая благотворность происходящих перемен и перспективность реформирования.

Что же собой представлял капитализм и его хозяйственная система, перешедшие к этапу утверждения нового индустриального общества?

Прежде всего Гэлбрейт подверг основательной критике главный вывод о природе капитализма, базирующейся на конкурентно-рыночном механизме. В его представлении роль рынка со всеми основными инструментами и рычагами, включая механизм ценообразования, с переходом к господству крупных корпораций принципиально изменилась. Рыночный механизм претерпел масштабную трансформацию в связи с образованием многоотраслевых корпораций и развитием вертикальной интеграции. Наличие крупных предприятий и сокращение числа конкурентов, как им доказывалось, ведут к регулированию рынка и оно ими успешно осуществляется. Тем самым крупные корпорации подчиняют себе рынок. Поэтому современная капиталистическая экономика представляет собой соединение двух разнородных сегментов (частей). Первый – самый главный – это «мир корпораций, быстро развивающихся в техническом отношении, обла-

дающих огромными капиталами и сложной организационной структурой¹. Вторая часть экономики – сфера деятельности тысяч мелких традиционных собственников, продолжающих жить в рыночной среде. Не только количественно, но и в содержательном отношении «мир корпораций» раскрывает главное изменение в современной индустриальной системе, характеризуя «определяющую черту “нового индустриального общества”»².

В результате капитализм свободной конкуренции превращается в регулируемый капитализм. При этом объектом регулирования выступают не только цены и издержки производства, но и потребительский спрос. С доминированием крупных корпораций меняются мотивы и цели хозяйственной деятельности. Не максимизация прибыли, что присуще фирме в конкурентно-рыночной среде, а обеспечение устойчивости и непрерывности развития – вот что характерно для крупных корпораций при условии поддержания гарантированного уровня прибыли.

Важной чертой регулируемого капитализма, согласно Гэлбрейту, становится превращение регулирования в разновидность планирования хозяйственной деятельности. Это означает, что формирующаяся «экономическая система ... в существенной своей части представляет собой плановую экономику»³. Данное обстоятельство послужило дополнительным основанием для поддержки выдвинутой П.Сорокиным еще в 1960 г. идея конвергенции в виде взаимного сближения двух стран (США и СССР) с образованием общества «смешанного социокультурного типа»⁴. Что касается Гэлбрейта, то развиваемая им гипотеза о конвергенции двух систем подкреплялась экономическими причинами и в первую очередь внедрением плановых начал в систему капиталистического хозяйствования. Если в советской экономике планирования развивалось как метод централизованного регулирования хозяйственными процессами с последующим расширением экономической самостоятельности самих предприятий, то в условиях современного капитализма центром планирования становятся крупные корпорации. В такой трактовке современная корпорация выступает как «инструмент планирования, преодолевающий рынок»⁵. Сам же сектор крупных корпораций становится «планирующей системой».

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М. Прогресс, 1969. С. 45

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 41.

⁴ Sorokin P.A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. №1. P. 143–176.

⁵ Гэлбрейт Дж.К. Указ. соч. С. 171.

Еще одно существенное изменение, как обосновывал Гэлбрейт, произошло в процессе утверждения нового индустриального общества. Оно затронуло организацию системы власти в корпорациях и привело к изменению характера принятия решений, что отразилось на трансформации общего механизма корпоративного управления. То, что с возобладанием акционерной формы собственности происходит разграничение капитала-собственности и капитала-функции, об этом писал еще К. Маркс, а затем на этой основе возникла концепция «революции управляющих», первоначально сформулированная в 1930-е годы американским ученым Дж. Бёрнхемом. В ней был зафиксирован переход реальной экономической власти и ответственности от акционерных собственников к высшему аппарату управления компаний. Гэлбрейт дополнил и развил данную концепцию, выдвинув гипотезу о появлении в структуре корпоративной власти нового центра управления и принятия решений, который он обозначил понятием «техноструктура». Ее рождение можно рассматривать как своего рода результат *«технократической революции»* в сфере управления, произошедшей в зрелом индустриально-капиталистическом обществе.

В отличие от относительно немногочисленного высшего управляющего звена, традиционно принимающего решения в крупных компаниях, американским экономистом было обнаружено как количественное расширение, так и существенное усложнение его состава. При этом в происходящих исторически переменах в системе экономической власти присутствует своя внутренняя логика. Она, как доказывал Гэлбрейт, определяется изменяющейся значимостью факторов производства. «Власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить»¹. В соответствии с такой логикой в процессе становления индустриальной экономики произошло перемещение источника власти от земли к капиталу.

Что касается зрелого индустриального общества, то в нем наблюдается сдвиг источника власти от капитала к техноструктуре как новому правящему слою. Он представляет собой весь управленческий персонал – снизу доверху, обладающий всем многообразным комплексом специальных знаний, необходимых в процессе принятия управленческих решений. Ведь масштабность производства и самое главное – его существенное технико-технологическое усложнение требуют набора огромного количества специальных знаний, обладание которыми невозможно какими-то небольшими группами специалистов. Это означает, что в такой новой технико-

¹ Там же. С. 95.

экономической среде успешность управления компаниями обеспечивается коллегиальностью принятия решений, учитывающей всю совокупность позиций и мнений по каждому конкретному решению.

Особо стоит подчеркнуть, что произошедший переход власти к техноструктуре, согласно Гэлбрейту, является характерным явлением как для капиталистических компаний, так и для социалистических (государственных) предприятий, отражая схожие изменения в масштабах и сложности современного крупного индустриального производства в разнотипных общественно-экономических системах и с этой стороны служа дополнительным аргументом в поддержке идеи их конвергенции.

Еще более существенно то, что произошедшее радикальное изменение в системе экономической власти, затрагивающее сферу корпоративного управления, в действительности представляло собой по своей значимости революционный сдвиг в самой системе властных отношений современного капиталистического общества, что объясняется господствующей ролью крупных корпораций в экономике и в обществе. Ведь любая революция своим результатом имеет смену системы власти. Это означает, что американским экономистом технократическая революция в сфере управления выдвигалась в качестве альтернативы социальной революции, которая в классическом марксизме обосновывается как объективно необходимое условие разрешения внутренних противоречий капиталистического способа производства. Замещение социальной технократической революцией, по замыслу Гэлбрейта, должно было обеспечить не менее успешное снятие внутренних противоречий и ограничений капиталистического способа производства, не разрушая всех основ сложившегося зрелого индустриально-капиталистического общества. Как им доказывалось, возникающая благодаря технократической революции индустриальная система «сводит к минимуму источники столкновения интересов», а ее цели становятся целями всех, кто связан с ней, иначе говоря, «целями всего общества»¹.

С учетом выделенных характеристик нового индустриального общества становится понятной и предложенная футурологическая оценка его будущих перспектив, представленная в завершающей главе книги, которая называлась – «Будущее индустриальной системы». Оно виделось как дальнейшее укрепление его основ в следующих направлениях. Во-первых, прогнозировалось последовательное устранение границ между двумя ведущими институтами современного капиталистического общества – круп-

¹ Там же. С. 379.

ными корпорациями и государством, что существенно преобразит природу и структуру собственнических отношений, сформировав единый частно-государственный комплекс в экономике.

Во-вторых, на этой основе будет происходить дальнейшее расширение сферы планирования, включая контроль над ценами и над тем, что покупается по этим ценам. «Другими словами, рынок должен быть заменен планированием»¹.

В-третьих, сохранение и развитие самостоятельности технотрактуры как нового правящего класса создает благоприятные условия для переподчинения целей развития корпораций. Такая перенацеленность в книге обозначена как курс на «социализацию корпораций», а его реализация предполагает служение интересам всего общества².

Действие отмеченных выше тенденций должно было, как прогнозировал Гэлбрейт, продолжить и завершить процесс конвергенции двух систем, образовав новый тип общественно-экономического устройства смешанного характера, представленного многоукладностью, но при доминировании частно-государственного комплекса. Его функционирование должно было основываться на использовании преимущественно планового регулирования и быть нацеленным на развитие всего общества.

Подводя итог разработанной Гэлбрейтом теории нового индустриального общества, отметим ее целостность, масштабность и новаторский характер. Принципиальной особенностью разрабатываемого подхода стала попытка соединения экономической теории с социологией и политологией с ее направленностью на создание общей теории общественно-экономической системы, которую впоследствии сам автор назвал «общей теорией экономической системы» или «теорией высокого уровня экономического развития».

Судьба такого рода метатеорий всегда непростая, особенно имея в виду трудности в реализации хотя бы из-за инерционности общественных процессов и живучести привычных представлений. Не случайно то, что сам автор предвидел ее неприятие из-за укоренившейся американской традиции частного предпринимательства, что не могло не привести к сопротивлению на пути практической осуществимости, особенно относительно идеи конвергенции двух систем. Он оказался прав, утверждая о том, что эта идея «не скоро получит всеобщее признание»³.

¹ Там же. С. 453.

² Там же. С. 458.

³ Там же. С. 454.

Однако не только непривычность взглядов Гэлбрейта и их радикализм объясняют последующий разворот экономической системы США по направлению к восстановлению либерально-рыночной модели экономики. Прежде всего сказалось возникновение ограничений в функционировании регулируемой рыночной экономики, указав на исчерпанность потенциала государственного вмешательства в экономику. Как и любая система хозяйства, если своевременно не снимаются ограничения в ее функционировании, то она неизбежно подходит к границе своего использования. Недооценка опасности неконтролируемого разрастания государственных расходов, развитие бюрократических тенденций в сфере управления и снижающаяся эффективность государственных инвестиций – уже такие процессы не могли не породить возникновения проблем в экономическом развитии. И в середине 1970-х они проявились в острой кризисной форме, породив стагфляцию, которую не удалось нейтрализовать усилением государственного регулирования и попыткой установления контроля за ценами. В результате был задействован монетаристский механизм преодоления кризиса с последующей переориентацией на частнопредпринимательскую активность.

Следует отметить, что Гэлбрейт, предвидя нарастание ограничений в развитии сложившейся индустриальной системы, предлагал свой способ их преодоления. В следующей книге, которая вышла в 1973 г. буквально накануне наступления кризиса, он, продолжая разработку общей теории экономической системы, выдвинул более чем радикальную программу назревших реформ. В главном они были направлены на реформирование социальной сферы, учитывая социальную конфликтность и противоречивость, присущие изначально капиталистическому способу производства.

Если выделить самое существенное в его программе реформирования, то ее можно выразить в виде усиления идеи конвергенции двух систем через выдвижение проекта «*нового социализма*». Он был нацелен на достижение более справедливого общества за счет различных программ выравнивания доходов среди разных групп населения, используя для этого в первую очередь политику прогрессивного налогообложения, а также активное участие профсоюзов в установлении размера и уровня различий в оплате аппарата управления компаний в процессе заключения коллективных договоров, расширение контроля государства как за общим уровнем дифференциации доходов в обществе, так и за ценами. Еще более радикальной мерой было предложение об «огосударствлении» крупных корпораций¹.

¹ Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 341.

Можно считать, что произошедшая технократическая революция в управлении, как ее ранее обосновывал американский экономист, была дополнена и усилена предложением свершить по существу мирную «социальную революцию», коренным образом преобразив не только хозяйственную, но и социальную сферу американского общества. Важно подчеркнуть, что в его обосновании «новый социализм» в отличие от традиционного («марксистского»), представленного в сложившейся практике советского социализма, «не имеет идеологического характера, он навязывается обстоятельствами», продиктованными техникой и организацией производства. К ним необходимо добавить действие таких факторов как неравномерность развития, недостаток внимания к общественно значимым отраслям и социальной инфраструктуре. Это означает, что «новый социализм» «стремится не к командным высотам, а ищет слабые звенья», чтобы обеспечить их сбалансированное развитие¹. Тем самым экономика должна приобрести заверченный вариант смешанной экономики, в которой утверждается «социализм для крупных фирм» и сохраняется свободное предпринимательство для малого и среднего бизнеса.

Вполне понятно, что предлагаемый фактический демонтаж основ социально-экономической системы капитализма не мог встретить какой-либо поддержки со стороны правящей политической элиты США. К тому же и мировая система социализма постепенно вступала в период затухания развития, что к началу 1990-х годов завершилось ее крахом и распадом СССР. Этим был и устранен один из главных внешних раздражителей в трансформации капиталистической общественно-экономической системы.

Тем не менее теория индустриального общества Гэлбрейта заняла свое место в поиске концепций развития современного капитализма, поддерживая и стимулируя разработку новых и по многим позициям альтернативных версий, объясняющих происходящий характер изменений в экономике и обществе. Таковыми стали различные варианты теории формирования постиндустриального (информационного) общества, также претендующие на статус метатеории.

В этой связи весьма характерной представляется переключка концепции нового индустриального общества с теорией постиндустриального общества, разрабатываемой в 1970-е годы американским социологом Д. Беллом. Ее главным отличием стало идея грядущего перехода также в новую стадию развития, но которая мыслилась в конструкции «постиндустриализма». Обосновывалось, что с его достижением преодолевается индустриальная

¹ Там же. С. 347, 349.

природа прежнего способа производства и формируется новый характер человеческой деятельности с соответствующими социальными последствиями.

Сама историческая эволюция общественного устройства трактовалась как последовательный переход от аграрного (доиндустриального) общества к индустриальному, а затем в перспективе и к постиндустриальному обществу. Такой подход к развитию общества, выдвигался как альтернатива марксистской схеме, основанной на материалистическом его объяснении с главным акцентом на смене форм собственности и разных типов экономических отношений. Отличался он и от подхода Гэлбрейта, разрабатывающего версию зрелого индустриализма, но который нуждается в социальном обновлении и реформировании путем конвергенции двух общественно-экономических систем.

Для Д.Белла главным фактором грядущего перехода в постиндустриальную эру являлось беспрецедентное влияние науки на производство, возникшее уже в начале XX века. Его самыми важными признаками становятся «центральная роль теоретического знания и расширение сектора услуг по отношению к производящему хозяйству»¹. Поэтому для экономики постиндустриального общества свойственно преимущественное производство услуг в сравнении с производством товаров.

Другие не менее принципиальные изменения касаются роли отношений собственности с адекватными изменениями в системе властных отношений. Как утверждал Белл: «В капиталистическом обществе осевым институтом была частная собственность, а в постиндустриальном им является центральная роль теоретических знаний»². Такого рода изменение в «осевом институте» ведет к отрицанию целесообразности использования таких общих понятий как капитализм или социализм, также как становится бессодержательной и идея их конвергенции.

Соответственно прогнозировались и перемены в системе властных отношений. Также развивая идею перехода власти к технократии, Белл мыслил его не в варианте технотрактуры Гэлбрейта с ее широким представительством, а в контексте желательности формирования меритократии, которая представляет собой достаточно узкий правящий слой (элиту) из наиболее одаренных людей с высоким интеллектом, обладающих необходимыми навыками и умением.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. CLIX.

² Там же. С. 155.

Если теперь обратиться к хозяйственной практике развитых капиталистических стран, как она осуществлялась особенно с конца 1980-х годов, то сопоставляя теории неоиндустриализма и постиндустриализма, казалось бы, есть достаточные основания для констатации вывода о постиндустриальном сдвиге. О нем можно судить по изменению в структуре занятости и преобладании производства услуг в составе ВВП развитых стран.

табл. 1 Структура занятости в трех секторах экономики развитых стран и БРИКС

	1995			2005			2010		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
США	2,9	24,3	72,9	1,6	20,6	77,8	1,6	16,7	81,2
Великобритания	2,0	27,3	70,2	1,3	22,2	76,3	1,2	19,1	78,9
Франция	4,9	26,9	68,1	3,6	23,7	72,4	2,9	22,2	74,9
Канада	4,1	22,0	74,0	2,7	22,0	75,3	2,4	21,5	76,5
Германия	3,2	36,0	60,8	2,3	29,7	67,9	1,6	28,4	70,0
Япония	5,7	33,6	60,4	4,4	27,9	66,4	3,7	25,3	69,7
Италия	6,6	33,7	59,8	4,2	30,8	65,0	3,8	28,8	67,5
Россия	17,3	33,1	49,6	10,1	28,0	61,9	8,8	25,5	65,7
Бразилия	26,3	19,8	53,9	20,5	21,4	58,1	17,0	22,2	60,9
Китай	52,2	23,0	24,8	44,8	23,8	31,4	36,7	28,7	34,6
ЮАР	14,3	27,9	57,9	7,8	25,5	66,6
Индия	61,9	15,8	22,3	56,1	19,0	24,9	51,2	22,3	26,4

Источник: World Bank: World Development Report 2013. Jobs. Washington, 2012..P.352–353.

Обозначения:

I – первичный сектор (аграрно-сырьевой сектор: сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых);

II – вторичный сектор (обрабатывающая промышленность и строительство);

III – третичный сектор (сфера услуг).

Как видно по приведенным данным в табл.1, ситуация со структурой занятости характеризуется общей тенденцией возрастания значения сферы услуг, но она существенно разнится, особенно если сравнить ведущие капиталистические страны, например, с Индией, которая по структуре своей экономики наиболее близка из стран БРИКС к стандартам развивающегося мира. По-прежнему для нее характерно сохранение преоблада-

ния аграрно-сырьевого сектора (51,2% в сравнении с 26,4% в сфере услуг). Хотя и у нее также происходят сдвиги в занятости, соответствующие современным экономическим тенденциям.

Также следует иметь в виду, что относительное сокращение занятости в сфере материального производства происходит наряду с продолжением в ней абсолютного роста численности работников. Данное обстоятельство тем более становится очевидным, если анализировать структуру занятости всего мирового хозяйства. По существу речь должна идти не о вытеснении материального производства сервисным сектором, а о переформатировании структуры совокупного работника. Этим подтверждается вывод о том, что сфера услуг, выполняя важную социально-воспроизводственную функцию в обществе, одновременно играет возрастающую роль в обеспечении роста производительности труда в материальной сфере, отражая ключевую значимость образования и квалификации работников в экономическом развитии.

Более конкретно тесная взаимосвязь материального производства и сферы услуг проявляется в особенностях формирования цепочек создания добавленной стоимости. В условиях глобально организованной экономики такого рода цепочки характеризуются непосредственным встраиванием отраслей сферы услуг в их начальных и конечных звеньях. Этим обеспечивается сохранение центров прибыли в развитых капиталистических странах и извлечение ими технологической ренты.

Таким образом, происходящие структурные изменения в современной экономике не столь однозначны для оценки происходящей «сервисной революции». Во всяком случае, они не дают основания для вывода о замещении материального производства сферой услуг. Популяризация мифической идеи «постиндустриального общества» исказила роль подлинных причин в случившемся развороте, которые связаны с защитой экономического интереса транснационального капитала. Вовсе не само по себе возвышение сервисного сектора жестко и однозначно требует сворачивания реального производства, обрабатывающей индустрии. Напомним: первая промышленная революция не привела ни к «закрытию» аграрного сектора, ни к его перемещению в другие зоны мирового хозяйства, а напротив, способствовала агропромышленной революции, которая обеспечила масштабную механизацию аграрного труда. Поэтому нигилизм «постиндустриального» отношения к современному индустриальному производству нельзя напрямую рассматривать в контексте разворачивания сервисной (информационной) революции: подобная «привязка» заведомо искусственна и надуманна. Следует иметь в виду, что само представление

о замещении индустрии сервисным сектором оказалось ошибочным. С развитием экономики ее структура не упрощается, а усложняется за счет достраивания новыми звеньями (укладами).

В произошедших изменениях в структуре экономики более существенно не само по себе увеличение роли сферы услуг, а ее финансового звена. Попутно отметим, что Д.Белл обращал внимание на полезность детализации сферы услуг с выделением «третичного» сегмента, включающего в свой состав транспорт и коммунальное хозяйство, «четвертичного», состоящего из торговли и сферы финансов, «пятиричного», включающего здравоохранение, образование, науку, индустрию отдыха и сферу государственного управления¹.

В такой неоднородной по своему экономическому содержанию сфере услуг главную роль в очередной трансформации капиталистической модели хозяйства сыграло возвышение финансового звена. Дело в том, что новое индустриальное общество Гэлбрейта как фаза в развитии регулируемой модели капиталистической экономики в силу внутренней логики накопления капитала с объективной неизбежностью сменилось проведением «*финансократической революции*» с установлением господства спекулятивно-финансового капитала и финансократии.

То, что внутренняя логика накопления капитала обусловила утверждение доминирования финансового капитала, отражает циклическую природу не только воспроизводственного процесса, но и смены хозяйственных систем в капиталистическом способе производства. Итальянским ученым Дж.Арриги приведены весомые аргументы, подтверждающие волнообразную природу перехода от одного режима накопления капитала к другому. Соответственно, фаза финансовой экспансии, возникшая в 1970-е годы, представляет собой четвертую смену в режиме накопления капитала, начиная с зарождения капитализма². Если не касаться конкретных форм и факторов, определявших историческое своеобразие такой трансформации на отдельных этапах, хотя итальянский ученый его подробно анализирует, то выявляется следующая повторяющаяся закономерность в смене фаз развития капитализма. В процессе материальной экспансии рост производства и торговли содержит в себе тенденцию снижения нормы прибыли, которая уже была обнаружена А.Смитом, а для К.Маркса она стала ключевым пунктом в последующем обосновании самоотрицания капитализма.

¹ Там же. С. 158.

² Арриги Д. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. С. 33–34.

Главная причина зарождения тенденции снижения нормы прибыли обусловлена обострением конкуренции между товаропроизводителями за более высокую прибыль в условиях наличия неизбежных спросовых ограничений, постепенной исчерпанности ранее сложившейся технико-технологической базы и организационной структуры производства. В результате возникает избыток капитала в сфере производства, который не может найти привычного прибыльного вложения в традиционных отраслях промышленности и торговли, что ведет к нарастанию противоречия между самовозрастанием капитала и возможностью его осуществить в процессе товарной экспансии. При этом появление такого противоречия в острой форме, по определению Арриги, может быть интерпретировано как точка бифуркации, прерывающая старую линию развития, то есть фазу товарно-материальной экспансии¹.

В такой ситуации перенакопление капитала оборачивается стагнацией производства и может вылиться в наступлении кризисной фазы, если не будут открыты новые возможности прибыльного вложения капитала. Потенциально они заложены в сфере финансов. Ведь она динамично развивается уже в фазе производственно-товарной экспансии, поскольку необходимость в кредите и отработке финансовых технологий рождается из потребности самого производства. Тем самым, банки и другие финансовые институты на этом этапе в свои руки получают мощные средства контроля над капиталом в производстве и торговле, а также возможность регулирования его деятельности. В такой конкурентной борьбе между промышленным и финансовым капиталом закономерно нарастало действие двух расходящихся тенденций: снижение прибылей на капитал в сфере производства и торговли и одновременный рост прибылей на капитал, вкладываемый в кредит и финансовые спекуляции. При этом, как подчеркивает Арриги, «всякий рост торговли и производства содержит в себе тенденцию к снижению нормы прибыли»². Собственно этим подкрепляется вывод Маркса о действии исторической тенденции падения средней нормы прибыли.

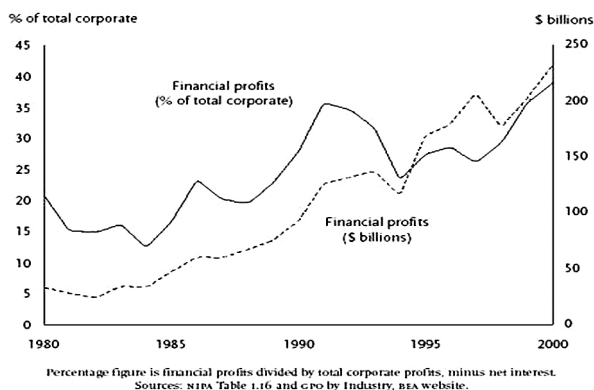
Трансформация американской модели нового индустриального общества в модель финансового капитализма, происходила по стандартной схеме – из-за сокращения прибыльности производственно-товарной деятельности и появления избыточной ликвидности. Это запустило процесс транснационализации американских корпораций с последующим переключе-

¹ Там же. С. 297.

² Там же. С. 290.

нием на финансово-спекулятивные операции. Целью такого процесса была потребность в сохранении господствующей позиции США и американского капитала в мировой экономике. Возможность ее реализации усилилась под влиянием серьезных изменений в экономической политике США, а затем и в других ведущих капиталистических стран.

рис. 1 Прибыль финансового сектора США (в млрд долл., правая шкала) и ее доля в общей прибыли корпораций (левая шкала)

Источник: Brenner Robert: The Trajectory of the US Economy // New Left Review 25 – Jan. Feb. 2004

Переход экономической власти от технократии к финансово-кратии происходил на фоне действия двух тенденций. Во-первых, речь идет о том, что на современном этапе в сервисной экономике обеспечивается значительно более высокая прибыльность, особенно в ее финансовом блоке, в сравнении с промышленным производством. Так, в США в период с 1980 по 2000 гг. номинальное значение прибыли финансового сектора возросло более чем в 5 раз, приблизившись к 250 млрд долл. в год, а ее доля в общей прибыли корпораций увеличилась более чем в 2 раза, достигнув почти 40% (см. рис. 1). Для сравнения, в 1960 г. эта доля не превышала 10%. Этим объясняется произошедшее смещение экономического интереса не только правящей финансовой элиты, но и наемного персонала со сферы реальной экономики на сферу услуг.

Во-вторых, сокращение роли промышленного производства в развитых капиталистических странах было обусловлено не столько постиндустриальной революцией, сколько выгодностью его переноса в развивающиеся

страны. Несопоставимо более низкие издержки в этих странах, прежде всего связанные с мизерным уровнем затрат на оплату труда и на социальную защиту населения, а также более низкие налоги и меньшие экологические ограничения – все это определило возможность получения огромных прибылей западных компаний в странах «третьего мира». Следует учитывать, что «затраты на персонал» в себестоимости любого товара, произведенного в США, является главной статьёй расходов, превышая 50%, а иногда и 60% в ее общей величине. Для сравнения приведем данные на начало XXI века по среднечасовой ставке оплаты труда в сфере производства. Если в Германии она составляла около 32 долл., в США – 17, в Японии – 24, во Франции – 19, то в Китае – 0,57 долл., а в Индии, Индонезии она не достигала 30 центов.

Исторический анализ чередования фаз доминирования производственно-товарного и финансового капитала и соответственно моделей капитализма подтверждает общую логику развития капитала и капитализма. В ней переход от одного к другому – это переход от простого «начала» к «неразвитому», а от него к «развитому» началу. Ведь в своей самой элементарной форме капитал выступает как сумма денег, приносящая новые деньги (или «самодвижущиеся деньги»). При доминировании производственно-товарной фазы данное приращение акцентирует внимание и экономический интерес на процессе производства благ. Промышленный капитал, в этом случае, можно трактовать как «неразвитое начало», ибо его приращение требует опосредования производственно-хозяйственной деятельностью. При этом внутренне противоречивая природа капитала получает адекватный способ ее разрешения: хотя увеличение капитала в виде появления прибавочной стоимости обусловлено самим актом производства, реальное присвоение в виде универсальной денежной форме происходит в сфере обращения.

Однако данное противоречие капитала может иметь и иную форму разрешения. При переходе к доминированию финансового капитала его приращение в реальной хозяйственной практике может уже быть обеспечено за счет обособления и самостоятельного движения вне зависимости от производственно-товарной фазы и деятельности промышленного капитала. Тогда финансовый капитал как его развитое начало выступает зрелой и идеальной формой капитала как такового с его способностью к непрерывному самовозрастанию.

Иначе говоря, то, что капитал имеет два способа разрешения своего внутреннего противоречия, объясняет общую логику смены фаз доминирования его господствующих форм, периодически наблюдаемую в исто-

рической практике капитализма. При этом неизбежность перехода от доминирования производственно-товарной к финансовой фазе заложена в самом стремлении капитала к достижению своей предельной (идеальной) форме, когда деньги способны создавать новые деньги вне зависимости от реального производства¹.

Следовательно, внутренняя логика накопления капитала, как и сама природа капиталистического хозяйствования, сильнее происходящих перемен в организации производства и в сфере управления, которые в концепции Гэлбрейта играли решающую роль. В конечном счете, она способна их переподчинить служению интересам капитала с его экспансионистской природой к расширению. В этой связи требует уточнения и роль технико-технологических и организационных изменений в трансформации капиталистического хозяйства. Безусловно, возможности капиталистического производства зависят от влияния технико-технологических и организационных факторов, отражая возрастающую роль НТП в обеспечении экономического развития и, что немаловажно, в преодолении периодически возникающих кризисов.

Начиная с промышленного переворота, а ее символом стало изобретение знаменитой прялки «Дженни» (1764 г.), технико-технологические нововведения не только изменяли облик производства и перенастраивали общественно-институциональную структуру, но и выступали важнейшими факторами поддержания экономического роста и социального развития в индустриально рыночной экономике.

Об этом свидетельствует взрывной рост используемых в производственно-хозяйственной деятельности машин и оборудования. Так, в 1820–2003 гг. количество машин и оборудования в расчете на душу населения (в долл. 1990 г.) в Великобритании увеличилось в 155 раз, в США – в 372 раза, а в Японии с 1890 г. – в 332 раза. Соответственно существенно повысилась роль человека и его профессионально-образовательной подготовки в обеспечении успешной работы постоянно растущей техносферы². Поэтому

¹ Подробнее о логике финансиализации капиталистической экономики см.: Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016. С. 47–89.

² Под техносферой понимается весь комплекс факторов, связанных с использованием научно-технического прогресса (НТП) в интересах развития производства. Поэтому она включает как собственно научные достижения, ждущие своего применения в хозяйственной практике, так и используемые технические новшества, технологии, организационные и управленческие нововведения см. на след. странице

вполне закономерно, что в указанный период среднее количество лет обучения на одного занятого увеличилось в США в 12 раз, в Японии – в 11 раз, в Великобритании – в 8 раз¹.

Завершающим этапом в трактовке не просто важнейшей, а детерминирующей роли науки и техники в развитии производительных сил общества и обеспечении экономического роста стала констатация в середине XX века превращения НТП в научно-техническую революцию (НТР). Этим фактически закреплялась представление об определяющей роли техносферы в экономике и в социальной сфере, которое в теории и на практике приобрело значение *технологического детерминизма*.

Собственно в такой логике технологического детерминизма представит и теория неоиндустриального общества Гэлбрейта со всеми ее ожиданиями о возможности изменения природы капитализма в результате технократической революции в сфере управления. Симптоматично, что в своей последней книге, опубликованной в 2004 г., американский экономист существенно образом скорректировал свою теоретическую позицию. Прежде всего, реальные процессы в экономике раскрыли иллюзорность перспективы за счет технократического переворота в сфере управления изменить саму природу капитализма. Оказалось, что в реальной жизни власть техноструктуры трансформировалась во власть «корпоративной бюрократии», прикрытой нейтральной маской корпоративного менеджмента. При этом главными целями этой бюрократии стали не стремление обеспечить успешное развитие общества, как ранее мыслилось автору, а «власть и самообогащение»². Отсюда и размах корпоративного мошенничества, который получил широкое распространение в последние десятилетия.

Тем не менее, вопрос об условиях разрешения кризиса финансовой глобализации, произошедшего в 2008–2009 гг., актуализирует задачу воз-

см. на предыдущей странице и т.п. Особое место в ней, бесспорно, занимают непосредственно создатели и разработчики нововведений, которых в настоящее время принято обозначать собирательным термином «креативный класс». Благодаря их творческому потенциалу раз за разом открываются новые возможности для социально-экономического развития.

¹ Мэдисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М., 2012. С.472, 119.

² Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М., 2009. С. 71. Примечательно, что главку о природе современных американских корпораций автор назвал следующим образом: «Конец корпоративной невинности».

рождения индустриальной модели экономики на основе разворачивания новой промышленной революции. Ведь именно за счет технологических переворотов капиталистическая система хозяйства преодолевает системные кризисы.

Аргументами в возможность наступления периода скорого устойчивого экономического роста благодаря подъему индустриализма являются приводимые данные об подготовленных научно-технологических заделах, применение которых позволяет вернуть мировой экономике утраченный динамизм. В этом случае считается, что уже накоплен необходимый научно-технический задел в так называемых NBIC-технологиях в виде конвергенции нано- и биоинженерии, инфо – и когнитивных технологий.

Помимо NBIC технологий в обозримой перспективе видится возможность применения абсолютно нового принципа организации производства, при котором оно превращается в подобие трехмерной печати с использованием технологии 3D-принтера, благодаря которой происходит изготовление объемных деталей на основе технологии послойного создания твердого объекта с неисчерпаемым спектром разнообразия по форме, цвету и другим характеристикам. При этом изготовление большого количества потребительских товаров с помощью 3D-принтеров, а оно уже возможно на дому в соответствии с персональными предпочтениями каждого пользователя, фактически приведет к устранению разрыва между производством и потреблением, а потребители превратятся в непосредственных производителей жизненных благ.

Существующие технико-технологические нововведения, по некоторым оценкам, в состоянии обеспечить новый впечатляющий экономический рывок с выходом на траекторию среднегодового роста ВВП в 4–4,5% в наиболее технологически продвинутых странах (США, Япония, Германия). Казалось бы, есть и убедительное подтверждение такой ситуации, а оно видится в исключительно высоких темпах роста расходов на освоение новейших технологий и масштаба их применения в передовых странах, которые определяются примерно в 35% ежегодного увеличения.

В настоящее время уже появилось немало как отечественных, так и зарубежных исследований, в которых выдвигаются разные версии, описывающие вероятные сценарии технико-технологического прорыва, с которыми связывают наступление «новой» или «третьей промышленной революции»¹.

¹ См.: *Chris Anderson. The New Industrial Revolution. Random House Business Books, 2012; Marsh Peter T. The New Industrial Revolution. Consumers,* см. на след. странице

Не без оснований также считается, что в период смены технико-технологической парадигмы развития для догоняющих стран, включая Россию, открывается «окно возможностей» для совершения опережающего рывка, опираясь на имеющиеся дополнительные резервы ее освоения. Ведь такие страны, не отягощенные чрезмерным обесценением накопленного капитала, могут развернуть свои ресурсы на формирующихся прорывных направлениях роста и потеснить прошлых лидеров.

Опорой для такого научно-технического оптимизма служит теоретическая конструкция о возможности и даже предопределенности перетока значительной части освободившегося капитала в сферу формирования нового технологического уклада после обвала спекулятивно-финансовых рынков в экономике. Такой сценарий развития экономики можно проиллюстрировать на примере концепции К. Перес о роли технологических революций в общественно-экономическом развитии.

Суть ее рассуждений следующая. В условиях наступившего экономического кризиса, а его начальная фаза связана со схлопыванием финансового пузыря, появляется избыточный капитал, ищущий сферы выгодного приложения. Произошедший крах на финансовых рынках влечет за собой обесценение значительной части задействованном на них капитала и в целом приводит к резкому снижению прибыльности финансовых операций. В этих условиях возникает благоприятная ситуация для переориентации инвестиций на внедрение новых технологий, которые потенциально могут инвесторам обеспечить растущие прибыли. Следствием такой активной инвестиционной поддержки инновационной деятельности становится выход экономики из застойного посткризисного состояния, который опирается на масштабное развертывание базисных нововведений, формирующих ядро нового технологического уклада в сфере производства. Наступление последующего экономического роста поддерживается растущей эффективностью и преобразующей способностью нового уклада, который последовательно распространяет свое действие по всему хозяйственному пространству.

Таким образом, возникновение и развертывание технореволюции происходит через взрывной переход доминирующей роли в экономике от финансового к производственному капиталу, восстанавливая тем самым наиболее благоприятную среду для реализации курса на обновление произ-

водственной сферы. При этом роль финансового капитала – двойственная. Она поддерживающая и разрушающая. Ведь финансовый капитал «первым оказывает поддержку развитию технологической революции, затем вносит свой вклад в углубление противоречий, ведущих к возможному краху, позднее содействует процессу развертывания и, наконец, помогает рождению следующей революции»¹.

Казалось бы, на современном этапе уже накоплен достаточный научно-технический потенциал для ее вывода в фазу устойчивого роста на новой технико-технологической основе. Тем не менее, этого не происходит. Почему мировая экономика по истечению уже шести лет после кризиса пробуксовывает и не может выйти в фазу устойчивого роста?

Хотя статистика зафиксировала выход из кризиса по показателям ВВП и промышленного производства с III квартала 2009 г. (в США) и с IV кв. данного года в большинстве развитых экономик, но последующие события продемонстрировали, что в действительности произошел всего лишь восстановительный краткосрочный подъем с ограниченным масштабом и противоречивыми проявлениями в разных сферах хозяйственной деятельности.

Что же касается поставленного вопроса, то для ответа на него следует обратиться к анализу важнейшей предпосылки успешного технологического прорыва в экономике. Речь идет о том, что высвобождаемый капитал вследствие произошедшего краха финансового рынка не должен получить шанс вновь восстановить свой самодостаточный потенциал и высокую прибыльность, сохраняясь в этом же качестве. Рассчитывать только на силу рынка в этом случае не приходится. Тормозящим фактором развертывания технореволюции становится наличие институциональных барьеров. Их экономическая природа обусловлена самим сохранением доминирования спекулятивно-финансовой хозяйственной деятельности. Хотя определенные меры по ее реформированию и были предприняты, но они принципиально не изменили ситуацию в экономике. Финансовая сфера по-прежнему остается более привлекательной для капитала, поддерживая свое преимущество в уровне прибыльности. Поэтому ожидаемого перетока свободного капитала в перспективные области технологического прорыва в сфере производства не наблюдается, поскольку отсутствует для этого экономическая мотивация.

Вывсвободившийся финансовый капитал в своей основной массе не устремился в сферу разработки и внедрения технико-технологических иннова-

¹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания М., 2011. С. 18.

ций. Вброшенные колоссальные денежные средства на борьбу с кризисом, в конечном счете, ушли на те же финансовые рынки, которые вновь превратились в источники «спекулятивных пузырей».

Недостаточность наличного стимулирующего потенциала для технико-технологического разворота современной экономики подтверждается сохраняющейся низкой инвестиционной активностью в развитых капиталистических странах. Объем инвестиций относительно ВВП остается невысоким и более того в странах ЕС даже падает (см. табл. 2).

табл. 2 Инвестиции в текущих ценах (в % к ВВП)

	2004	2009	2014
ЕС-28	19,6	18,9	17,3
ЕС-18	20,2	19,4	17,7
Германия	17,4	17,2	17,2
Франция	18,7	19,5	19,2
Италия	20,6	19,4	17,2
Великобритания	16,9	14,9	13,9
США	22,0	18,5	18,8
Япония	22,2	20,8	21,7
Китай	43,0	47,2	48,1
Россия	18,4	20,5	17,0

Рассчитано по: Сайт Евростата www.evrostat.ec.europa.eu

Таким образом, экономическое устройство в посткризисный период характеризуется сохранением масштабных диспропорций и спекулятивных искажений.

Это:

- самодостаточность и избыточная прибыльность в финансовой сфере;
- преобладание в экономической мотивации ориентации на максимизацию получения прибыли в краткосрочном периоде;
- возникновение нового финансового пузыря в виде огромного объема производных инструментов (по оценкам, от 625 трлн до 1 квадриллиона долларов);
- блокирование канала перевода сбережений в инвестиции в производство;
- неустойчивость роста и нарастающую угрозу неизбежности нового кризиса.

Это означает, что балом по-прежнему правит стремление к наживе любой ценой, которой эффективно не противодействуют экономико-пра-

новые и этические барьеры. Такая ситуация – не нова. Она раскрывает системную подоплеку произошедшего в 2008–2009 гг. мирового кризиса глобального капитализма, напоминая, в частности, ситуацию в годы Великой депрессии.

То, что произошедший кризис был системный, выход из которого требует радикального переустройства хозяйственного механизма, убедительно подкрепляется выводом, который был сделан Дж.М. Кейнсом в его книге по обобщению опыта проведения антикризисной политики в годы Великой депрессии. В ней английский экономист не случайно обратил особое внимание на значение финансовой сферы в антикризисной политике. Им обосновывалось, что выход из кризиса производственной сферы требует активизации инвестиционной деятельности, которой в такой период за счет частных инвестиций не добиться снижением ставки процента даже до предельно низкого уровня. Данный вывод в очередной раз нашел подтверждение в современной практике. Поэтому государство вынуждено «брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций», которую Кейнс называл «социализацией инвестиций»¹. Такая его позиция вполне реалистична и соответствует установке на приоритетность стимулирования роста производства и занятости. Одновременно она объясняет главный смысл хозяйственного системного перестроения, который требовался в 1930-е годы и был реализован в последующей модели регулируемой государством рыночной экономики. Она-то и послужила для Гэлбрейта в качестве объекта исследования в его концепции нового индустриального общества.

Позднее фактически об этом утверждал авторитетный последователь кейнсианства Х.Мински, с еще большим усилением обосновывая необходимость усмирения финансовой экспансии. Он отмечал, что «сложное, и динамическое устройство самой финансовой системы, такое, как оно есть, становится дестабилизирующей силой, порождая глубокие депрессии в условиях нерегулируемого капитализма: поэтому финансы нельзя оставлять на откуп свободным рынкам»². По сути дела, речь идет о возрождении модели регулируемой и социально ориентированной экономики в обновленном варианте, как она была представлена в кейнсианской теории и осуществлялась на практике после Второй мировой войны. Ее отличительной чертой следует считать большее внимание к организации функционирования финансовой сферы. По существу, речь идет о поиске варианта

¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 229, 453.

² Minsky H. Stabilizing An Unstable Economy. McGraw Hill, 2008. P. 324.

сбалансированного взаимодействия реальной экономики с финансовым сектором, ибо разрыв между ними порождает и будет еще ни один раз порождать системные причины в возникновении тяжелых экономических кризисов.

Следует подчеркнуть, что с точки зрения политэкономической теории кризисов хроническая избыточность денежного капитала, не находящего сферы выгодного вложения в производственную деятельность, – это опережающий признак перенакопления капитала с соответствующими последствиями в виде наступления грядущего кризисного обострения. Собственно и сам экономический кризис проявляется не столько в перепроизводстве товаров, сколько в перепроизводстве денег, созданных в финансовой сфере и в ней вращающихся.

Следовательно, необходимость формирования нового финансового порядка, которая приобрела повышенную актуальность после мирового кризиса 2008–2009 гг., требует продолжения поиска приемлемого пути его глубокого перестроения. В этой связи стоит обратить внимание на опыт работы банков по развитию так называемого *«проектного финансирования»*. Для него характерно использование финансовых ресурсов в инвестиционных проектах, при котором банки берут на себя полностью или частично инвестиционные риски при их реализации. Другими словами, они выступают уже не как кредиторы, а фактически как соинвесторы. При этом выделение средства, как правило, не требует обеспечения и гарантий, а погашается исключительно или в основном за счет доходов, генерируемых самими проектами.

Вообще же в мировой практике накоплен значительный опыт балансирования двух секторов хозяйства, во всяком случае, обеспечивающий более или менее эффективное «укрощение» спекулятивной деятельности и неограниченной экспансии финансов¹. Подчеркнем, что лишь с установлением достаточно жестких рамочных условий, которые действуют относительно финансового капитала, можно рассчитывать на достижения устойчивого и сбалансированного роста с соответствующими благоприятными социальными последствиями. Создание такого рода рамочных условий дает основание для выдвижения программы *социализации финансов*².

¹ См.: Рязанов В.Т. Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8. С. 3–23.

² См.: Рязанов В.Т. Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России // Экономическое возрождение России. 2016. № 2. С. 45–50.

Ее практическая реализация предполагает формирование социализированного (общественно-государственного) финансового сектора, взаимодействующего с частным сектором в остальных отраслях народного хозяйства. Его создание представляет собой расширенную версию смещения разнокачественных хозяйственных укладов, которая имеет разнообразные исторические образцы в прошлом и ныне существующие, но в заведомо свернутом виде вследствие господства неолиберальной идеологии и хозяйственной практики. Соответственно его цель – образование двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции, один из которых функционирует в обычном рыночном режиме, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов, другой – действует в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая прямое финансирование приоритетных народнохозяйственных проектов, а в конечном счете направленное на преодоление деиндустриализации экономики с развертыванием новой промышленной революции.

Важно, чтобы в социализированном сегменте был обеспечен запрет на участие в операциях с валютой, ценными бумагами и их производными. Тем самым будет отделена сфера инвестиционного финансирования, опирающаяся на безрисковые депозиты (государства, населения), от рискованного кредитования финансовых институтов с частичным резервированием. Исключение спекулятивной мотивации в этом сегменте финансов наилучшим образом поддержит инвестиционный потенциал в экономике.

Принять во внимание также следует и перспективную цель. Сама конструкция социализированной финансовой системы в обычном понимании может рассматриваться в качестве установления надежного контроля и регулирования государством и общественными институтами финансового посредничества. Однако ее реализация содержит в себе более глубокий и содержательный смысл. По существу речь идет о воссоздании работающей модели смешанной экономики, опирающейся на возрождение индустриального сектора экономики на новой технико-технологической основе как реальной альтернативы господству неолиберальной идеологии и практики глобального финансового капитализма. Этим определяется важность поиска проектов формирования «посткапиталистической рыночной экономики», опираясь на традицию разработки Гэлбрейтом теории нового индустриального общества.

Это то, что обеспечит возвращение в политику и хозяйственную практику обновленного, и, что существенно, самостоятельного и альтернативного неолиберализму социально-ориентированного проекта переустройства общества и хозяйства с воссозданием нового центра политического при-

тяжения со своей собственной и привлекательной для значительной части современного общества идейно-теоретической и практической платформой.

Литература

1. *Арриги Д.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
3. *Блауг М.* 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2005.
4. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб., 2016.
5. *Гэлбрейт Дж.К.* Великий крах 1929 года. Минск, 2009.
6. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М. Прогресс, 1969.
7. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М., 2009.
8. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества. М., 1976.
9. *Гэлбрейт Дж.К., Меньшиков С.М.* Капитализм, социализм, сосуществование. М., 1988.
10. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
11. *Мэдисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М., 2012.
12. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания М., 2011.
13. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.
14. *Рязанов В.Т.* Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8. С. 3–23.
15. *Рязанов В.Т.* Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России // Экономическое возрождение России. 2016. № 2. С. 45–50.
16. Сайт Евростата www.evrostat.ec.europa.eu
17. *Anderson Chris.* The New Industrial Revolution. Random House Business Books, 2012.
18. *Brenner Robert.* The Trajectory of the US Economy // New Left Review 25 – Jan.–Feb. 2004.
19. *Marsh Peter T.* The New Industrial Revolution. Consumers, Globalization and the End of mass Production. Yale University Press, 2012.

20. *Minsky H.* Stabilizing An Unstable Economy. McGraw Hill, 2008.
21. *Rifkin Jeremy.* The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. Palgrave MacMillan. 2011.
22. *Sorokin P.A.* Mutual Convergence of the United States and the USSH to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 1.
23. World Bank: World Development Report 2013. Jobs. Washington, 2012.

«Новое индустриальное общество» Гэлбрейта и стратегия индустриализации России

Александр Иванович Московский

Доцент кафедры политической экономики
ЭФ МГУ им.М.В.Ломоносова, к.э.н.

Alexander I. Moskovsky

Associate Professor at the department of Political Economy (Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University), PhD in Economics

Аннотация. Статья посвящена обсуждению тесных связей теоретических идей Дж.К.Гэлбрейта с широким кругом проблем – научно-образовательных, политических, идеологических, практических – для разработки стратегии новой индустриализации, приобретающей в обществе сегодня все большую популярность.

Ключевые слова: новая индустриализация; изначальная институциональная экономика; новая институциональная экономика; капитализм и промышленность; техноструктура; наука и технология; неоклассика и новый институционализм; опыт СССР и России

Galbraith's "The New Industrial State" and strategy of industrialization in Russia

Abstract. The article discusses the close linkages of the theoretical ideas of J.K. Galbraith with a wide range of issues – scientific, political, ideological, practical – to develop the strategy of new industrialization, acquiring in society today is increasingly popular.

Keywords: new industrialization; original institutional economics; new institutional economics; capitalism and industry; technostucture; science and technology; neoclassical and new institutional economics; experience of USSR and Russia

Идеи Гэлбрейта в контексте современной России и Советского Союза

«Возвращение Дж.К.Гэлбрейта» весьма актуально для современной России по многим обстоятельствам. Но я остановлюсь только на трех аспектах: 1 – связи идей Гэлбрейта с разработкой проблем и формировании стра-

тегии «новой индустриализации»; 2 – актуальности исследований современной индустрии и трудностей – теоретических и идеологических – её понимания именно в России; 3 – проблемы, связанные с институционализмом, к которому принадлежал и который развивал Гэлбрейт.

Последний пункт требует пояснения. Дело в том, что институционализм пришел в 90-е годы в Россию в одежде «нового институционализма», корни которого лежат в «неоклассике», что плохо осознается, или совершенно не осознается, не только широкой публикой, но даже и многими профессионалами. Это – очень существенное обстоятельство, поскольку институционализм Дж.К.Гэлбрейта, или «Original Institutional Economics», ведущий свое начало от Т.Веблена и Дж.Коммонса, сегодня представляет собой самую мощную теоретическую и методологическую оппозицию «неоклассике», являющейся теоретическим ядром «мэйнстрима». «Неоклассика» же со своим самоназванием «мэйнстрим» давно представляет публике сторонников этого институционализма не иначе как «еретиками», «маргиналами», «аутсайдерами» экономической науки вообще. «Новый» же «институционализм», являясь продолжением «неоклассики» в областях неэкономических (право, политика, демография, некоторые области социологии), представляет собой дополнительный, можно сказать – идеологический – ресурс «неоклассики», который в ней и без того немалый, что неоднократно отмечено в научной литературе, для выработки разнообразных политологических, социально-экономических, идеологических рекомендаций. Иными словами, тандем «неоклассики» и «нового институционализма» заключает в себе широкие возможности весьма свободной интерпретации действительности.

В России научные достоинства «нового институционализма» чрезмерно завышаются уже в течение несколько десятилетий, но мои рассуждения о нем будут неполны, если я не приведу слова Р. Коуза, которого у нас иногда называют основателем этого теоретического направления. В своем интервью 1997 года он отметил несколько «проблемных» областей «нового институционализма». Коуз подчеркивает, что «новый институционализм» пока не является «одним телом мысли» (is not the single body of thought), а представляет скорее пучок отдельных нитей, связи между которыми ещё необходимо исследовать. Кроме того, он высоко оценивая заслуги экономистов в объяснении некоторых норм права, с сожалением отмечает, что они практически ничего не сделали в объяснении того, как право воздействует на экономику.¹ И за 20 лет здесь мало что изменилось.

¹ The Ronald Coase Institute. Interview about NIE. September 17, 1997

Джеймс, сын Джона Гэлбрейта имел достаточные оснований заявить «Еретическая экономика» это метка Каина. И я счастлив носить это клеймо, нанесенное самопровозглашенным «мейнстримом» на всех неортодоксов. Последователи Дж.М.Кейнса, Т.Веблена, Дж.Коммонса и длинного ряда других имен (включая моего отца) отнюдь не являются аутсайдерами экономики. Наоборот, они сохраняют, продвигают вперед и развивают все самое ценное в этой дисциплине. Другие же со всей их властью над журналами и назначениями в правительстве являются ограниченными и претенциозными самозванцами (*narrow and pretentious impostors*)»¹

С начала финансового кризиса 2008 года, как сообщают СМИ, имя Гэлбрейта – среди первых в списке авторов, писавших о современном капитализме. Видимо, оказалось много людей, кто не понял или крепко подзабыл о том, что писал Гэлбрейт о современном обществе и экономических теориях, объединенным самоназванием «мейнстрим», якобы долженствующих отображать его наиболее существенные свойства. Для современной России его труды – об «американском капитализме», об «обществе изобилия», об «экономикс и целях общества» и особенно о «новом индустриальном обществе» стали актуальны вдвойне.

Дискуссии о необходимости смены курса либерально-рыночных реформ в России с набившими за 25 лет оскомину однообразными мантрами: «либерализации» – «приватизации» – «финансовой стабилизации» вызвали к жизни идею новой стратегии – «стратегии новой индустриализации, ставшей сегодня, видимо, наиболее популярной на фоне утвердившейся в стране «модели сырьевого развития экономики», консервирующей её экономическую деградацию.

Популярность в обществе идеи «новой индустриализации» обусловлена целым рядом причин. Некоторые из них совершенно очевидны и лежат, можно сказать, на поверхности. Самую очевидную сегодня все, наверное, помнят. В 90-е годы страна испытала резкую, сокрушительную «деиндустриализацию» экономики, когда промышленность в целом сократилась в среднем на половину, а некоторые отрасли – на 90%. Многие заводы машиностроения, приборостроения и др. были просто ликвидированы загадочной процедурой «реструктуризации», замысловато соединенной с «приватизацией» и «финансовой стабилизацией». Поэтому стратегия «новой индустриализации», очевидно, включает в себя как минимум просто необходимость восстановления утраченного потенциала. Конечно же, это

¹ 100 words on Heterodox Economics: content and origin.// Heterodox Economics Directory

не означает чисто механического восстановления разрушенных за четверть века предприятий, поскольку мир материально-технологически существенно изменился и новая индустриализация должна неизбежно включать инновационную составляющую, требующую глубокого понимания *конкретных* и *реальных* источников нововведений в каждой сфере промышленности. А это означает необходимость освоения огромного опыта индустриализации в мире и его отображения в экономической теории – от превращения мануфактуры в машинную фабрику до становления «науки технологии» (К.Маркс) и «взрывного роста науки» как необходимого института индустриальной экономики, до исследования природы технологии¹ и понимания «истинной идеи» современной науки².

Кроме того, мало кто осознает, что процесс деиндустриализации России не остановился, а продолжается и сегодня. Он захватил науку как институт индустриального способа производства. Сначала она затронула отраслевую науку, когда почти в одночасье были ликвидированы едва ли не все отраслевые НИИ, этот мощный блок технических и технологических наук – вслед за ликвидацией отраслевых министерств. Возникшие вместо них новые министерства никакой потери не почувствовали. Казалось, что «наука им не нужна». Но «деиндустриализация» прямо затронула и науку фундаментальную – первоначально просто резким сокращением финансирования.

Последним, по времени, но непросто понимаемым её свидетельством является реформирование РАН, а вслед за ней и всей российской науки (или «научного хозяйства» – термин, введенный в свое время П.Л. Капицей) законом № 253³, и учреждением ФАНО, введенного Указом президента одновременно с подписанием им закона о реформировании РАН. Эта одновременность знаменательна, поскольку чисто формально свидетельствует как о единстве этих документов, так и о неглубокой продуманности их обоих. Об этом прямо говорит И.Дежина, известный экономист, вышедший «из гнезда Гайдара»⁴, что тоже немаловажно, поскольку она неоднократно выражала солидарность с идеями заявленными теоретиками Института Гайдара. Но в вопросе реформы РАН, она нашла веские осно-

¹ Arthur B. The Nature of Technology. 2008

² Agassi J. The Very Idea of Modern Science: Francis Bacon and Robert Boyle. 2013

³ Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 27.09.2013 №253 – ФЗ

⁴ Дежина Ирина. «Реформа РАН: причины и последствия для науки в России», май 2014, IFRI Центр Россия/ННГ. С.21–22

вания оппонировать официальной точке зрения по реформированию РАН и российской науки в целом.

Оба документа несут на себе отчетливую печать фантастической идеи «чисто рыночной модели науки», давно лелеемую и неоднократно заявленную первым министром науки и технологии пореформенной России Б.Г. Салтыковым¹, взгляды которого вполне разделяет Е.Г. Ясин², другой авторитетный теоретик гайдаровских рыночных реформ. Я думаю, что можно вполне логично и строго дедуктивно доказать, что формула «чисто рыночной модели науки» никакого объективного научного содержания в себе не содержит. Она искусственна, насквозь мифологична и идеологически односторонне перегружена. «Чисто рыночная модель науки», если она подразумевает именно науку, никогда не существовала, не существует, не может и не будет существовать. Она может иметь смысл и даже быть аргументом только для формирования лженаучных структур, таких, как, например, ФАНО, или «исследовательских центров» типа «империи Мэддоффа». Но эта формула – совершенно ложный ориентир развития и реформирования науки, к сожалению, принятая, руководством страны, и рядом своих следствий получившая закрепление в некоторых нормах права и решениях правительства, и уже ведет витиеватыми путями к уничтожению российской науки.

Один из таких «путей развития» (по существу – не развития, а уничтожения, или умерщвления) российской науки представлен проектом «конвергентных технологий» НБИКС Михаила Ковальчука, как говорит академическая молва, «любимого физика» В.В. Путина. Ряд академиков уже оценили этот проект как «новую лысенковщину». «Теретическую» основу, главный пункт этого проекта составляет идея «междисциплинарности», возведенная во всеобщий принцип развития науки. То обстоятельство, что важные открытия действительно иногда были получены на стыке разных наук, является делом случая сближения совершенно конкретных научных дисциплин – «здесь и сейчас», а не правилом – «везде и всегда». Поэтому совершенно прав ленинградский биолог Оскольский публикацией статьи «Осторожно, междисциплинарность!»³ в которой абсолютно справедливо

¹ Салтыков Б.Г. Выступление на заседании Никитского клуба в 2003 г. по проблеме «Экономики знания»

² Эхо Москвы р/с. Программа «Разрушение науки» 27 марта 2008, Салтыков Б.Г., Ясин Е.Г.

³ Оскольский А. Осторожно, междисциплинарность! //Троицкий вариант – наука 2013 № 138

сформулировал принцип: «Роскошь междисциплинарности могут позволить себе лишь хорошо внутренне организованные дисциплины». Ни «нано», ни «био», ни «информ», ни «когнитив», ни тем более «социо», из которых образовано оглушительная аббревиатура НБИКС таковыми пока не являются. Поэтому априорно-схоластическое объединение этих дисциплин и чисто административное слияние институтов, ими занимающихся, может привести только к их деградации и разрушению. Вред для науки уже почувствовали академики от объединения трех академий.

Для Российской науки все же остается пока ещё некоторая надежда, быть может, зыбкая. Академик В.А. Рубаков, один из решительных оппонентов «ливановской» реформы РАН, нашел какие-то основания заявить более чем через два года осуществления этой реформы на РС: «Наука оказалась устойчивой системой»¹. Может быть, все же появление РАН – не просто «прихоть Полубога» – так поверхностно представлено учреждение Российской Академии Наук Петром I² в 1724 году, а следствие, необходимость вполне объективных оснований? Именно на это обстоятельство объективности и необходимости возникновения науки и РАН заставляет обратить внимание фраза Рубакова об «устойчивости науки».

Разработка стратегии «новой индустриализации» ставит важную задачу – разобраться и понять не только «новую индустриальность» и формально коррелирующее с ней давно известное понятие «новое индустриальное общество» Гэлбрейта с его идеями и реальностью «техноструктуры», «зрелой корпорации», «конвергенции социализма и свободного предпринимательства», но и понять саму *природу* индустриальности вообще – во всех её началах, сердцевине и современном содержании.

В течение полутора десятка лет в России вышло большое количество работ, посвященных исследованию различных аспектов индустриализации как экономического феномена, разработке базовых моментов стратегии новой индустриализации в России и конкретных мер для проведения её в жизнь. Может показаться странным, но вполне объяснимым то, что представления об индустриальной экономике даже среди вполне образованной и профессиональной публики оказались удивительно поверхностными, фрагментарными и совершенно необоснованно и очень односторонне идеологически ангажированными, о чем ярко свидетельствует статья Б.В. Корнейчука³.

¹ Радио Свобода 6 мая 2016 Сергей Добрынин, академик В. Рубаков, интервью.

² Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К. 6 мифов РАН // Эксперт, № 48, 2009

³ Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. N 3.

Досаду вызывает, то, что «главный» журнал в экономической науке России принял на себя функцию быть рупором столь поверхностных взглядов о промышленности, её месте в капиталистической экономике вообще и экономике современной России, в частности.

Единственное, хотя и весьма малое оправдание автору (но не журналу!) дает то, что тема индустриальности чрезвычайно сложна и абсолютно непосильна для ортодоксального мейнстрима – по причине его предметно-методологического ограничения своих исследований исключительно процессами обмена, или каталлактикой (Дж.Хикс, 1976)¹, и всем (!) его прямым и косвенным приверженцам в России.

В Россию перенесен с Запада стандартный монополизм «неоклассического мейнстрима», который только себя признает экономической наукой «конвенциональной наукой», высокомерно числит себя «ортодоксией» экономической науки, оставляя всем остальным теоретическим направлениям роль исключительно «маргиналов», «еретиков» или вообще «аутсайдеров» экономической науки.

Актуальные сложности понимания и оценки индустриальной структуры экономики и необходимость освоения зарубежного опыта анализа

Прежде всего, сегодня забыто марксистское (кто сегодня читает К.Маркса?) представление внутренней и глубокой взаимосвязи *промышленности и капитализма. Промышленность – необходимая и адекватная форма производственной системы капитализма.* Сегодня даже некоторые марксисты смотрят на неё исключительно сквозь призму «одномерного человека» Г.Маркузе, словно это – единственный результат, который способна произвести промышленная организация производства. Конечно проблема «частичного работника» сохраняется и сегодня, но расширяется пространство работников, выполняющих так или иначе управленческие функции – на этот счет есть немало социологических исследований. Но более важно вспомнить, осмыслить, развить еще одно старое положение Маркса о промышленности как «открытой книге сущностных сил человека», что сегодня лежит в плоскости сложной и непрерывной взаимосвязи промышленности, науки, знания и иерархии профессионализма работников. Все это – важные элементы современной «техноструры» (Гэлбрейт), системы управления и

¹ Method and Appraisal in Economics, ed. By Spiro Latsis, 1976

планирования и требует исследования форм «процесса труда» (опять Маркс) современной «зрелой корпорации» (Гэлбрейт).

Понимание необходимости новой индустриализации искусственно усложняется тем, что к реальным проблемам модернизации промышленности подключаются идеологические или политические «призраки-страшилки». Многолетний советник российского президента А.Н. Илларионов, став полномочным представителем «Института Катона» на радио «Эхо Москвы», убеждает или пугает слушателей тем, что технологическая модернизация несет в себе «угрозу сталинизма». Иногда идея «новой индустриализации» изображается просто как «ностальгия по прошлому», но сегодня этот тезис способен вызывать скорее «ностальгию по настоящему» А.А. Вознесенского – «по настоящей промышленности», «по настоящей школе», «настоящей науке». Слишком много вокруг шоу, деятельности напоказ. Символом современной России является не завод, а торгово-развлекательный центр.

Не менее искусственного заключено в смешении проблемы «новой индустриальности» с разбухшей до невероятных размеров проблематикой «постиндустриализма». Действительно, разве «неоиндустриальность» и «постиндустриальность» не одно и то же? Интеллигентно пугают «лезвием Оккама» – «зачем бесконечно множить сущности»? Но есть два достойных и убедительных ответа на эти вопросы.

Ответ первый: В.Л. Иноземцев, самый авторитетный специалист в исследовании постиндустриализма в России и основатель и руководитель «Центра исследований постиндустриального общества», выступая в печати по поводу одного из вариантов «Облика будущего России», заявил категорически, что невозможно построить сколько-нибудь конкретный «образ будущего России», отталкиваясь от «признаков постиндустриального общества».

Ответ второй – книга Р.С.Гринберга под названием – «Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России»¹.

Со страшилкой ностальгии по прошлому соседствует страшилка социализма и советскости, не позволяющая посмотреть здраво и объективно на семидесятилетний опыт СССР, наполненный, несмотря ни на что, очевидными, зримыми материальными свершениями и извлечь что-либо полезное для осуществления «новой индустриальности».

¹ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм: Опыткритического анализа. М., Научный эксперимент, 2012.

От советского социализма, оказывается, ничего полезного не получить нельзя, поскольку-де «социализм технически невозможен», как утверждал много лет А.И. Стреляный на «Свободе», когда-то совсем не последний писатель именно в Советском Союзе, или просто констатируя, что социализм-то в России был «мутантным». В обоих случаях имплицитно, но достаточно прозрачно присутствует мысль, что никакого социализма в Советском Союзе и не было – либо потому, что он «технически невозможен», либо потому и поскольку он «был какой-то не такой», «какой-то не настоящий». Поэтому-де социально-экономическая система, возникшая в России после Октября 1917 года и, не взирая ни на что, утвердившаяся и просуществовавшая в последующие семь десятилетий, была «нежизнеспособна» и «обречена» уже при рождении, и это уже в 1917 году якобы предопределило её крах в 1991-м. Иными словами, семидесятилетнее существование советского государства представляется не иначе как «иллюзия», «мистика», «дым»!

Конечно же «нежизнеспособность» и «обреченность» продемонстрировала Советская Россия устояв в гражданской войне и преодолев интервенцию!(?) Полную «иллюзию» представляет превращение аграрной России во вторую индустриальную державу мира!(?) Даже победа в Великой Отечественной войне над фашистской Германией – это просто «дым», потому что, как иронизировал над такими оценками знаменитый режиссер и актер Р.А. Быков, «победили-то мы, оказывается, как-то не так!», как-то не по правилам (не уж-то «неполиткорректно»?), видимо, как-то «мутантно», как-то не по-настоящему, иначе говоря, вовсе даже и не победили!!!(???) Всё это – свидетельства существования сил, или вернее и современнее – «групп интересов», и интересов, весьма влиятельных, стремящихся, вопреки очевидности, зачеркнуть семидесятилетнюю историю России, представить дело так, что её просто не было! Ну не было! И всё тут! И непременно всё начать с чистого листа! Полностью игнорируя тот реальный и немалый опыт, который Советская Россия все же дала всему человечеству!

В 1957 году вдруг весь мир посмотрел на опыт Советской России совсем иначе. А что, собственно, произошло? По меркам советских людей – вполне ожидаемая, хотя и совсем нерядовая вещь. Просто в Советском Союзе был осуществлен запуск первого искусственного спутника Земли. И, кажется, все люди земли стали вглядываться в ночное небо, чтобы увидеть пересекающую его звездочку и услышать радиосигнал от неё. В английском языке появилось слово *sputnik*, естественно звучащее, скорее, как «спатник». И этот «спатник» теперь уж не давал спать многим – и в правительственных, и в военных, и в научных, и в образовательных кругах на Западе. Любому грамотному человеку было очевидно, что запуск искус-

ственного спутника Земли свидетельствовал о наличии в Советском Союзе мощной научной мысли – фундаментальной, инженерной, технической, и соответствующих технологий. И что-то, видимо, очень значимое и важное присутствовало в советском образовании. И «понаехали»... эмиссары. К научно-технологическим секретам допуск им был ограничен. Но что касается образования – пожалуйста, изучайте! И это, видимо, пригодилось в годы рыночных реформ российского образования в качестве начинки «мягких технологий» их сопровождения «иностранными агентами», которых в России немало.

Примечательно, что имя выдающегося советского педагога А.С. Макаренко названо в конце 80-х комиссией ООН по культуре и образованию среди четырех имен, определивших педагогическую мысль и практику в мире в 20-м веке. Вот эти имена: Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнер, М. Монтессори и А.С. Макаренко.

Для понимания и усвоения советского опыта образования и перипетий реформирования российского образования, уместно напомнить как экс-министр науки и образования, а ныне помощник президента А.А.Фурсенко, который педагогическими тонкостями ни мало не был отягощен, определял цель образования прямолинейно и поверх всякой педагогики – двумя ориентирами: «взрастить потребителя», что отражало освоение им идеологии мейнстрима, и «уйти от советскости», что представляло собой специфическую форму «советофобии» как еще одного момента идеологии «рыночных реформаторов». Деятельность его на этом посту снискала ему звание «палача российского образования», что не совсем справедливо – очевидно, что у него были и вдохновители и помощники. Самое существенное – не «он первый это начал!»

Все эти и другие примыкающие к ним экономические и политические аллюзии составляют и сегодня существенную часть идеологии и фактической политики экономических реформ в России.

Гэлбрейт и институционализм

«Возвращение Гэлбрейта» может быть очень ценным для российской экономической мысли тем, что реактуализирует «изначальную институциональную экономическую теорию» (Original Institutional Economics), которую сразу как только возник интерес к «институциональной экономике», стали именовать «старой институциональной экономикой» (Old Institutional Economics). Институционализм вошел в Россию в одежде «нового

институционализма», который ещё в 1979-м получил от А.Филда совершенно корректное определение «неоклассический институционализм».¹ Для институционализма «изначального» в России жизнь осложнилась тем, что, по-видимому, «историки мысли» у нас весьма некритично восприняли заявление Эрика Ролла: «“Институциональная” школа...сейчас [1942] почти совсем мертва, и...прерывистые попытки ее оживить неизменно не вызывали большого интереса.»²

И эта мысль стала расхожей в российских рассуждениях об институционализме, иногда сдвигая время его кончины с начала сороковых на начало пятидесятих. Гэлбрейт же принадлежит школе именно «изначального институционализма». Более того, он был активным участником обновления этого институционализма с конца 50-х и в 60-е годы. Он стоял у истоков создания Ассоциации «За Эволюционную Экономику» (AFEE) которая учредила ставший весьма быстро популярным журнал – Journal Of Economic Issues с 1966 года.

Это теоретическое направление не только не умерло, а продолжает мощно развиваться по широчайшему кругу проблем *реальной экономики*, представляя собой сегодня самую сильную альтернативу неоклассике, постепенно теряющей на пути ограниченности своих методологических подходов и математического формализма связь с реальностью, действительно превращаясь в autistic economics.

Искусственный спутник вызвал на Западе поворот в отношении к науке. Широкий круг проблем, находящихся на стыке экономической теории и проблем технологического развития – «философии науки», «философии технологии», «философии экономики», «экономики науки», «философии и теории информации и образования» нашли отражение в серии публикаций, начатых еще в 60-е годы и продолжающейся по сей день, под общей рубрикой Boston Studies in the Philosophy of Science. Сегодня в этом проекте издано более 300 фундаментальных работ по различным аспектам философии и истории науки, ни одна из которых не появилась на русском языке. Но все эти вещи, а конкретнее – наука и технология – изначально от самого Т.Веблена представляют весомую часть исследований «изначального институционализма», одним из сравнительно недавних итогов которых стала фундаментальная антология по этим проблемам, подготовлен-

¹ Field A. (1979), “On the Explanation of Rules Using Rational Choice Models.

² В оригинале: «The “institutionalist” school...is now [1942] almost completely dead, and...intermittent attempts to revive it have invariably failed to arouse much interest». Roll Eric. A History of Economic Thought New York, 1942, p. 498

ная американцем Ф. Мировски и экономистом из Нидерландов Э.-М. Сент – «Наука купленная и проданная»¹.

Очевидная и понятная, казалось бы, связь «науки» и «технологии», где первенство отдавалось «науке», а «технология» выступала как «прикладная наука», стала представлять в необычном виде: в ряде случаев о «науке» было бы более точно сказать как о «теоретической технологии». Примечательно, что кибернетика Н.Винера «конституировала философию технологии».² А сама «технология» обнаружила своё глубинное родство с «информацией».³

Ограниченность предмета и метода «конвенциональной экономической науки» не позволяет не только анализировать, но даже просто подступать к анализу таких интегративных феноменов современного общества как «знание», «наука», «технология», «информация». Поэтому, если что интересное и делается в этой области экономистами, то экономистами – «еретиками»: марксистами, институционалистами («классиками»! Но не «новои-нституционалистами»!), посткейнсианцами, которых приверженцы неоклассики пренебрежительно называют «маргиналами», «еретиками» и просто «аутсайдерами» экономической науки. Впрочем, Дж.Уайсман, постоянно ревниво оберегающий себя от обвинений в пристрастном отношении к какой-либо одной школе экономической мысли, высказал, тем не менее, предположение, что в недалеком будущем «еретики» могут оказаться «священниками»⁴, поскольку только они исследуют тот широкий круг вопросов, который «конвенциональная» экономическая наука не может ни решить, ни понять, либо сознательно обделяет своим высоким вниманием.

Конечно, и в «изначальном» институционализме существуют нерешенные проблемы. В институциональном направлении нет пока того единодушия представлений, которое все же присутствует в других научных школах, включая мейнстрим и до сих пор мало работ, посвященных тщатель-

¹ Science Bought And Sold: Essays in The Economics of Science. Ed by Philip Mirowski and Esther-Mirjam Sent Chicago, 2002

² Philosophy and Technology. Ed. by C.Mitcham and A.Huning. 1986, p.3.

³ Ibid., p.10.

⁴ См.: Economic Journal, 1991, № 101. Это он заявил в ответе «Экономическому журналу», который в канун своего столетия обратился к двум десяткам знаменитых экономистов с вопросом: «Как Вы представляете будущее 100 лет экономической науки и место нашего журнала в ней?». Было получено более двадцати очерков разного объема от 4 до 7–8 страниц. И все ни опубликованы в первом номере журнала за 1991 год – здесь и Э.К. Маленво, и М.Фридман, и Ч. Уасман, и Дж. Кей, и др. Это – богатый материал для исследования состояния и перспектив развития экономической науки. Но мне неизвестно, чтобы кто-нибудь взялся за эту работу.

ной и последовательной систематизации этого подхода, и оно пока еще не закрепились в некоторой сумме общепризнанных формул. Попытки такого рода представляют работы К. Эйреса, в особенности его книга «Индустриальное общество: его технологический базис и институциональная судьба», изданная в 1952 г., работа М. Тула *The Discretionary Economy* 1979 года, название которой трудно компактно перевести на русский язык – «Экономика, находящаяся под осмысленным контролем общества и его структур», и ряд других работ. Но они не имеют широкой известности даже на Западе и практически неизвестны в России.

Но в этом институционализме заключен огромный потенциал и наработки для исследования технологии, нововведений, науки, знаний, предпринимательства, а главное, как сказал однажды Дж.Адамс: «Мы знаем куда двигаться». Отношение институционалистов к технологии можно иллюстрировать словами одного из наиболее авторитетных современных представителей этого направления – У. Сэмюелса (W.Samuels): «Все институционалисты считают, что технология является главным фактором, влияющим на системную эволюцию и результаты экономической деятельности. Для последователей традиции Веблена – Эйреса (Ayres C.) технология больше, чем главная движущая цель, – это императив. Для них это основной двигатель (! – А.М.) экономического развития., источник ценности (! – А.М.), а также сердцевина процесса индустриализации. Для последователей традиции Дж.Коммонса технология в меньшей степени является императивом, но по-прежнему является главным фактором развития»¹.

Институт называют «привычкой», «обычаем», «образом жизни». Но в институционализме классическом это – безусловно важные в определенных отношениях, но все же частные, фрагментарные его определения. И они не так много стоят, если не рассматриваются как «оболочка» *человеческих действий*, необходимо обусловленная содержанием, инструментарием, целью этих действий. И она будет различна для человека, ориентирующегося на *salesmanship* («умение продавать») или на *workmanship* («умение что-либо производить»). Противостояние этих ориентиров отмечал еще Веблен, заметив что оно находит специфическое выражение в различии позиций «инженера» и «бизнесмена» в обществе. Они известны под названием «дихотомий Веблена».

Отличительной особенностью понимания столь разнообразно определяемого понятия «институт» является то, что институт есть «*социальное*

¹ Сэмюелс У. Дж. Институциональная экономическая теория. // Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб., 2002, с.131.

образование», формирующееся из взаимодействий людей друг с другом(!), природой(!) и культурой(!). Все эти взаимодействия существенно значимы для научно-технологического развития, но остановлюсь на одном из них – на «взаимодействии людей с природой», получившем у теоретиков институционализма неожиданное, но, как кажется, продуктивное истолкование. Это «взаимодействие» известно в марксизме под чуть иным названием «отношения человека с природой» – либо непосредственно как «процесс труда», либо как собирательное и слишком общее понятие «производительные силы». Но если для К. Маркса применение последних понятий не означало исчезновения внимания к роли собственно *природы* в экономической деятельности человека (например в его трактовке технического прогресса, включая применение машин, как замены «сил человека силами природы»), то большинство марксистов в дальнейшем потеряли к природе всякий интерес, который возобновился частным и специфическим образом лишь с появлением так называемых «экологических проблем», в которых природа представлена пассивно, или даже «страдательно» и только как «среда обитания» человека.

Для институционалистов же отношения человека с природой заключают в себе позитивное начало, своеобразный «ресурс развития». Сошлюсь на два примера. К. Эйрес, наиболее авторитетный представитель этого направления середины XX века, обсуждая проблему изобретений как необходимого звена технического развития, писал своему другу, что конечным источником всякого изобретения являются «мощь мозга и технологический потенциал вселенной» («brain power and technological potential of universe»). Мысль в общем-то могущая показаться простой, но заметить в *природе* и не терять из поля зрения ее *технологический потенциал* немало стоит. Она хорошо коррелирует с идеями создателей и энтузиастов ТРИЗа (Теории Решения Изобретательских Задач), составляя более или менее осознанный и необходимый момент алгоритма действий изобретателя. Но в действительности очень непросто понять конкретные шаги «увеличения силы мозга» и расширения используемого человеком «пространства технологических возможностей природы», связанные с развитием науки, образования, технологии, информации, социальной организации общества. Определенные возможности понять эти непростые связи дает «вихревая модель» взаимосвязей природы и общества, предложенная Ф. Миrowsки на основе обобщения им идей Дюркгейма-Мосса и М. Дуглас¹.

¹ *Mirowski Ph. The philosophical basis of institutional economics // Journal of Economic Issues, 1987, Vol. 21, p. 1001–1038;*

Другой пример – статья упоминавшегося выше американского институционалиста Т.ДеГрегори под названием, вызывающим недоумение у современных экономистов-неоклассиков, – *Resources are not, they become*¹(в прямолинейном, или дословном русском переводе означающее «Ресурсов нет, они «делаются», или «ими нечто становится»). «Загадочное» название в компактной форме, и, – как говорил персонаж известной детской книжки Иа-Иа, – «с подковыркой», выражает довольно простую и очевидную для институционалистов мысль: ничто в природе не является *ресурсом* до тех пор, пока не возникнет *технология*, использующая данный элемент природы. Иными словами, *технология* обладает замечательным свойством *превращать нересурсы в ресурсы*. А это выводит технологию из ряда обычных ресурсов и ставит ее на особое место, придавая ей статус *ресурса ресурсов*, способного запускать «цепную реакцию» технологических нововведений. Между прочим, этим обстоятельством можно объяснить почему науку в некоторых случаях следует рассматривать в качестве *теоретической технологии*, а промышленность – в качестве *экспериментальной науки*.

В практическом отношении важно то, что между новыми технологиями и финансовыми затратами, оказывается, нет никакого заведомого «правила пропорциональности», а во многих случаях технологическое обновление может происходить с незначительными добавочными расходами.

Политики и политологи в общем-то научными критериями не обеспокоены – они используют другие инструменты в качестве аргументов и доказательств. Поэтому фраза из декларации окинавского саммита «большой восьмерки» о том, что политика должна основываться «на принципах науки (?) и защиты прав человека», вызывает скорее некоторое недоумение, чем надежду на то, что где-то, как-то наука может войти в большую политику вообще и тем более в политику России. Дело в том, что наука всем прежним реформистским правительствам России не была нужна и не нужна нынешнему, поскольку «всё знает», «всё может», «всё делает» **только рынок!** – **И никто, и ничто больше!** Но так к науке относятся только в России и только сейчас. Развитые страны уделяют науке куда более внимания – и денег(!), чем современная Россия, хорошо усвоив (безо всяких аллергических последствий) марксистскую истину, что экономический прогресс существенно зависит от «уровня развития науки и степени её технологического применения». Эта истина была хорошо известна в советские времена. Западные советологи даже отмечали, что в Советском Союзе суще-

¹ Journal of Economic Issues. 1987. Vol.21. P. 1241–1263

ствуем «фетишизм науки». Впрочем, не следует забывать ещё об одном советском фетишизме – «фетишизме образования». И мало, кто из нынешних политиков сознает, какую роль в развитии экономики Советского Союза сыграли именно наука и образование, испытывающие на себе сегодня разрушительные последствия рыночных экспериментов, лишая Россию будущего.

Сегодня российские руководители фетишизируют рынок как универсальное средство *от* всего и *для* всего: только приватизируй и монетизируй, превращай в рынок науку, превращай и образование в рынок – и экономический прогресс обеспечен! А чтобы он был гарантирован – и гарантирован надолго, – сделай функцией образования задачу – «возвращение потребителя, который умеет пользоваться технологиями, создаваемые другими людьми». Словно у людей в современном обществе нет вообще другого занятия, как только покупать и продавать. Стоит ли удивляться, что в рынок превращается и суд, и правоохранительные органы, и сами государственные учреждения. А как зажигателен пример (США, Швеция и др.) приватизации и превращения тюрем в «рынок судебно-исполнительных услуг»!

Литература

1. Гурьев С., Ливанов Д., Северинов К. 6 мифов РАН // Эксперт, № 48, 2009
2. Дежина Ирина. «Реформа РАН: причины и последствия для науки в России», май 2014, IFRI Центр Россия/ННГ.
3. Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. N 3.
4. Осольский А. Осторожно, междисциплинарность! //Троицкий вариант – наука 2013 № 138
5. Радио Свобода 06 мая 2016 Сергей Добрынин, академик В. Рубаков, интервью
6. Салтыков Б.Г. Выступление на заседании Никитского клуба в 2003 г. по проблеме «Экономики знания»
7. Сэмюэлс У. Дж. Институциональная экономическая теория //Панорама экономической мысли конца XX столетия. Редакторы: Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт. С-Пб., 2002
8. Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 27.09.2013 №253 – ФЗ

9. Эхо Москвы р/с. Программа «Разрушение науки» 27 марта 2008, Салтыков Б.Г., Ясин Е.Г.
10. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм: Опыт критического анализа. М., Научный эксперт, 2012.
11. 100 words on Heterodox Economics: content and origin.// Heterodox Economics Directory
12. Agassi J. The Very Idea of Modern Science: Francis Bacon and Robert Boyle. 2013.
13. Arthur B. The Nature of Technology. 2008.
14. Economic Journal, 1991, No. 101.
15. Field A. (1979), On the Explanation of Rules Using Rational Choice Models.
16. Journal of Economic Issues. 1987. Vol.21. P. 1241–1263.
17. Method and Appraisal in Economics, ed. By Spiro Latsis, 1976.
18. Mirowski Ph. The philosophical basis of institutional economics // Journal of Economic Issues, 1987, Vol. 21, p. 1001–1038
19. Philosophy and Technology. Ed. by C. Mitcham and A. Huning. 1986.
20. Roll Eric. A History of Economic Thought New York, 1942, p. 498.
21. Science Bought And Sold: Essays in The Economics of Science. Ed. by Philip. Mirowski and Esther-Mirjam Sent Chicago, 2002.
22. The Ronald Coase Institute. Interview about NIE. September 17, 1997.

Будущее индустриального производства: технологии, институты, пространства¹

Михаил Юрьевич Павлов

Доцент кафедры политической экономики
ЭФ МГУ им.М.В.Ломоносова, к.э.н

Mikhail Y.Pavlov

Associate Professor at the department of Political Economy
(Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University),
PhD in Economics

Аннотация. Автор рассматривает современные тенденции и будущее индустриального общества («трансыночной цивилизации»), в котором важнейшей целью становится развитие творческого потенциала человека.

Ключевые слова: творческий потенциал человека, творчество, инновационное развитие, пострыночный, постиндустриальное общество, экономика, основанная на знаниях, Третья волна; Викиномика; инновационное развитие экономики; электронный коттедж; удаленная работа; хомстед; гомстед

The future of industrial production: technologies, institutes, spaces

Abstract: The author examines modern trends and the future of industrial society («trans-market civilization») in which the most important goal is the development of human creativity.

¹ В статье использованы материалы ранее опубликованных работ: Павлов М.Ю. Формирование и использование творческого потенциала человека в экономике, основанной на знаниях [Электронное издание]. – Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова Москва, 2016; Павлов М.Ю. Экономика знаний: творческий потенциал человека. М.: ТИРУ, 2012; Павлов М. Экономика нанотехнологий: Учебное пособие для студентов магистратуры. – Издательство Московского университета Москва, 2013; Инновационное развитие экономики: от «Хомстед-акта» до электронных коттеджей и «викиномики» // США v Канада: экономика, политика, культура. №12 (516), 2012; Pavlov M. A new energy paradigm for the third millennium // World affairs: the journal of international issues. 2006. № 10. P. 2–18

Keywords: human creative potential, creativity, post-market, postindustrial society, knowledge-based economy, the Third Wave; Wikinomics; innovational economic development; electronic cottage; telework; homestead

Переход от индустриальной экономики к экономике, основанной на знаниях, имманентно предполагает качественные изменения в экономике и социуме. Технологии создания и распространения (передачи) новой, по сравнению с ранее имевшейся, информации, нового знания о феноменах, как создаваемых без участия человека, так и антропогенных, играют все более значимую роль в сохранении и приумножении общественного богатства. При этом всё острее становится противоречие между новыми возможностями развития, с одной стороны, и старой формой (суть которой великолепно раскрыл Дж.К. Гэлбрейт, назвав её «эпохой технотруктур»¹). Создающийся наукоемкий продукт и мир экономики в настоящее время представляют собой сложное переплетение национально-государственных экономических пространств и транснациональных экономических структур.

Реальным условием национальной конкурентоспособности на современном этапе является мощный каркас национальных производственных научно-технических структур (наука–технология–производство). Как замечает П.Садлер, «...в прошлом талантливые люди работали в основном в одиночку или объединялись в небольших товариществах; сегодняшние таланто-интенсивные организации могут нанимать тысячи людей, быть глобальными по масштабу и иметь ежегодный оборот в миллиарды долларов»². Экономика, основанная на знаниях, предъявляет еще большие требования к человеку.

В главе XXXV «Будущее индустриальной системы»³ Гэлбрейт пишет о возможностях снятия противоречия между новыми возможностями развития и ограниченностью технотруктур: «Мы уже знаем, в чём заключается надежда на спасение. Индустриальная система в отличие от своих экономических предшественников предъявляет спрос на вышколенные умы. Для обслуживания своих интеллектуальных и научных нужд она вызывает к жизни такую социальную силу, которая, как мы надеемся, отвергнет её монополию на определение задач, стоящих перед обществом»⁴.

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

² Sadler P. "Managerial Leadership in the Post-Industrial Society", p.105.

³ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 551–567.

⁴ Там же. С. 567.

С момента выхода в свет работы Гэлбрейта прошло уже полвека. За это время многое, о чём писал Гэлбрейт, стало более ясным, чётким, выявилось более наглядно, а главное – проступили контуры нового качества экономики. Российские учёные С.Д. Бодрунов¹, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов², С.С. Губанов³ и др. сформировали целостные концепции будущей экономики. Относительно современной модели экономики в настоящее время идут дискуссии, тем не менее, многие исследователи сходятся на том, что это экономика, основанная на знаниях. Рассмотрим отличительные черты экономики, основанной на знаниях, в сопоставлении с чертами индустриальной экономики, более подробно.

Ресурсы. Информация, знания не являются не только ограниченными (разве что применительно к определенному периоду времени), но и уничтожимыми, так как благодаря Интернету они, распространяясь по всему миру без пространственных и даже временных ограничений, могут существовать на неограниченном количестве материальных носителей, емкость которых возрастает со временем обратно пропорционально их пространственным размерам. Так, Р. Кроуфорд отмечал: «Знания являются расширяющимися и самогенерирующимися. Сырьевые ресурсы индустриальной экономики являются конечными благами; железная руда расходуется в момент производства стали. В отличие от железной руды, однако, знания в результате их использования возрастают. Используя мои знания, я выполняю задание, я совершенствую мои знания и расширяю мое понимание задачи»⁴. Уже по одной этой причине определение предмета эконо-

¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016; Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество: облик новой индустриальной эпохи // Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте. СПб., 2015; Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. №2 (48). С. 5–14.

² Бузгалин А. В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. – Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015; Бузгалин А. В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. – Т. 2. Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded). – М.: ЛЕНАНД, 2015.

³ Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. (Серия «Сверхдержава»). М.: Книжный Мир, 2012.

⁴ Crawford R. In the Era of Human Capital: The Emergence of Talent, Intelligence and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it Means to Managers and Investors. N. Y.: Harper Business, 1991. P. 11.

мической науки из «Экономикса» как науки об эффективном использовании ограниченных ресурсов¹ становится, как минимум, неполным. «Период полураспада» знаний благодаря информационной революции все больше сокращается и сегодня, согласно оценкам ряда ученых МГУ, достиг уже 1 года, а в некоторых областях и нескольких месяцев, принципиально меняя концепцию знаний как ресурса.

Потребности. Гипертрофированная концентрация «классической» рыночной экономики на утилитарных потребностях человека вела к игнорированию его творческой природы, притом что с древних времен философские, политические и даже религиозные деятели подчеркивали, что подлинная сущность человека – не сущность потребителя, а сущность творца. Потребность в самоосуществлении, в выявлении своих возможностей К. Маркс считал родовой, т.е. сущностной, характеристикой человека. Согласно Марксу, человек бесконечен в своих возможностях и относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному. Именно в бесконечном творчестве заключается, по Марксу, подлинная природа человека. Характерно, что именно важнейшей потребностью человека Маркс считал потребность действовать для всеобщего блага и таким образом проявить себя в обществе².

В данном контексте интересен опыт фактической имплементации этих положений в педагогике на примере педагогического подхода В.А. Сухомлинского к воспитанию детей, включающего в себя в качестве неотъемлемой части воспитание желаний ребенка, направленное формирование его потребностей³. Утилитарное потребление может быть заторможено лишь тогда, когда творчество становится внутренним стимулом деятельности человека, то есть в экономике, основанной на знаниях. В экономике, основанной на знаниях, преодолевается отмеченный еще Гэлбрейтом дисбаланс «классической» рыночной экономики, при котором слишком много ресурсов направляется на производство потребительских товаров и недостаточно – на общественные нужды и инфраструктуру⁴.

Полезность. Нигде прежде, как в «экономике, основанной на знаниях», не было таких предпосылок для преодоления исторической ограниченности теорий «предельной полезности». Воистину, если составная часть об-

¹ Макконелл К.Р., Брю С.Л., Флинн Ш.М. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 2009

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 1–50. М.: Политиздат, 1955–1981.

³ Подробнее см.: Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. В 3-х т. М.: Педагогика, 1981.

⁴ Galbraith J.K. The Affluent Society. [N.Y.], 1958.

щественного богатства является наукоемкой, «знаниеинтенсивной», то ее полезность только возрастает по мере возрастания количественного измерения этого блага. Так, по возрастании технических и иных возможностей доступа к Интернету (даже за последнее десятилетие – от «дайл-ап» (dial-up) соединения до выделенных линий и «вай-фай» (wi-fi), 3G – сетей) «пучок» его функций возрос от простого обмена информацией между удаленными друг от друга компьютерными устройствами до накопления, сохранения и приумножения всех областей научного знания (классический уже пример – проекты фонда «Викимедия»: многоязыковая Википедия, Вики-источники /Wikisources/ и др.). Полезность Всемирной сети далеко превзошла те ожидания, которые в свое время высказывал А.Д. Сахаров в своей статье 1974 года «Мир через полвека»¹.

Пространственные и временные ограничения. Технологии передачи информации, в том числе и информации о новом знании, нивелируют проблему пространственных ограничений, но ставят с новой силой «на злобу дня» проблемы ограничений во времени. По сути, благодаря тому же Интернету доступ к информации в пространстве безграничен. Та же Википедия дает яркий пример функционирования самосохраняющейся и самообновляющейся силами постоянных авторов Википедии (иначе говоря, участников «Вики-сообщества») системы накопления знаний.

В данном контексте весьма репрезентативна и история работы над проектом Большого адронного коллайдера, демонстрирующая, что для проектов современного уровня нельзя оставаться в рамках одной страны и даже группы стран (региона), то есть существует транснациональный характер, имманентно присущий экономике, основанной на знаниях. Эти новейшие примеры подтверждают сказанные В.Л. Иноземцевым еще в 1997 году слова о том, что креативная корпорация, производящая «знаниеемкие» товары и услуги, чаще всего не следует текущей хозяйственной конъюнктуре, а формирует ее².

В матрице сопоставления индустриальной экономики и экономики, основанной на знаниях, в качестве критериев сравнения приводятся те факторы и институты, которые представляют собою инвариант практически всякой экономической системы, как реально существовавшей когда-либо, так и представлявшей собой не более чем теоретическую модель.

¹ Сахаров А.Д. Мир через полвека. Режим доступа: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html, дата обращения 20.12.2011

² Иноземцев В.Л. Творческие начала современной корпорации // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 18–30.

табл. 1 Матрица сопоставления индустриальной экономики и экономики, основанной на знаниях

№ п/п	Критерий / ИЭ или ЭЗ	Индустриальная экономика (ИЭ)	Экономика, основанная на знаниях (ЭЗ)
1	Ресурсы	Стандартные; Ограниченные; Уничтожимые	Уникальные; Неограниченные; Неуничтожимые
2	Потребности	Безграничные количественно; Ограниченные качественно	Ограниченные количественно; безграничные качественно
3	Основной вид деятельности	Репродуктивная (воспроизводящая) деятельность	Креативная (творческая) деятельность
4	Имеет ценность	Результат труда	Как результат, так и процесс труда
5	Динамика ресурсов	Уменьшаются	Возрастают
6	Возможности математических методов анализа	Существенные	Очень ограниченные в силу дискретности знания (знание либо есть, либо его нет)
7	Результат производства	Предсказуем и легко измерим	Малопредсказуем
8	Человек в производстве	Функция, биоробот	Творец
9	Себестоимость	Зависит от объема выпуска	Не зависит от тиражирования и числа пользователей
10	Полезность	Чем больше блага, тем меньше его полезность	Чем больше «знаниеинтенсивного» блага, тем выше его полезность (пример: Интернет)
11	Пространственные ограничения	Резко выраженные	Практически отсутствуют. Благодаря ИКТ на первый план выходят потоки байтов, а не транспорт физических ресурсов
12	Ограничения по времени	Несущественны	Принципиально важны, т.к. стоимость знаний значительно меняется во времени
13	Мотивы трудовой деятельности	Необходимость, внешние мотивы	Интерес, саморазвитие, внутренние мотивы
14	Распределение времени	Доля рабочего времени больше доли свободного времени	Доля свободного времени больше доли рабочего времени

№ п/п	Критерий / ИЭ или ЭЗ	Индустриальная экономика (ИЭ)	Экономика, основанная на знаниях (ЭЗ)
15	Структура общественного производства	Сфера производ- ства материаль- ных благ больше, чем сфера услуг	Сфера услуг больше, чем сфера производства материальных благ
16	Лимитирующие установки	Внешние (ресурсы, нехватка благ для всех людей)	Внутренние (способности и возможно- сти человека, его ценностные установ- ки и мотивы деятельности, в частности, способности к «распредмечиванию»)

Источник: составлено автором

Повышение «знаниеинтенсивности» продукции привело к стиранию четких границ между отдельными продуктами, производимых разными отраслями, и, соответственно, между самими отраслями. Особенно ярко это проявилось в отраслях «новой экономики». Например, сказать сегодня, где начинается компьютерная отрасль и где она заканчивается, не может практически ни один самый добросовестный и пунктуальный исследователь. Компьютеры применяются в автомобилях, самолетах, поездах, космических кораблях, бытовой технике, игрушках, музыкальных центрах, станках, инструментах, зданиях... Список можно продолжать и продолжать. Появились даже такие понятия, как, например, город-компьютер. В Южной Корее строится город-компьютер (или «цифровой город») – Нью-Сонгдо.

Экономика, основанная на знаниях, преодолевает те ограничения, на которые натывается традиционное индустриальное общество. Но чем же ограничивает возможности реализации всего потенциала человека индустриальная система? Об этом много писал Гэлбрейт. Интересно рассмотреть взгляды Э. Тоффлера, также исследовавшего данную проблему.

Тоффлер обнаружил, что у общества «Второй волны» – индустриально-го/рыночного/технократического, был «скрытый код» – шесть основных правил, принципов, отражающих некий единый план.

Вот эти принципы: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация¹. Эти принципы были выгодны технократии, но не самим людям. И именно эти принципы программировали поведение миллионов, влияя на все аспекты человеческой жизни², в том числе и вынуждая людей переселяться в города. «Естественным об-

¹ Toffler A. The Third Wave. NY: Morrow, 1980. P. 52–76 (Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 94–116).

² Там же. С. 94.

разом вырастая из разрыва между производством и потреблением (то есть из рыночной экономики – М.П.), эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни – от секса и спорта до работы и войны»¹.

Так, принцип стандартизации привёл к стандартизации норм оплаты труда, дополнительных льгот, обеденных перерывов, праздников и даже порядка подачи жалоб. СМИ распространяли стандартизованные системы образы, и миллионы людей читали одни и те же новости, одни и те же рекламы, одни и те же рассказы. Стандартизация привела к практически полному исчезновению местных диалектов и даже языков. «Каток глобализации», порождённый экспансией крупнейших корпораций, снёс многие уникальные особенности различных культур. Разные части страны, разные поселения, разные территории стали выглядеть совершенно одинаково. Люди стали стандартно строить свою жизнь («школа-карьера-пенсия»).

Стандартная жизнь нашла отображение даже в песнях – вслушайтесь в слова композиции Abba «The day before you came»². Стандартный день из жизни девушки, проведенный по совершенно стандартному расписанию. Многие миллионы девушек жили по такому же стандартному распорядку, даже читая одни и те же «бестселлеры» и коротая стандартные вечера за просмотром одних и тех же телесериалов.

Но Вторая волна способствовала также и тому, чтобы люди влезали в серьёзные долги, только бы следовать определённым стандартам (автомобили, бытовая техника и электроника, и многое другое приобретаемое «в кредит»). Стандартным становилось всё, – даже фрукты и овощи в магазинах выглядели пугающе одинаковыми.

Власть стандартизации над человеком очень хорошо продемонстрировал известный кинорежиссёр Э.А. Рязанов в фильме «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» В самом начале фильма зритель видит короткий и ёмкий рисованный мультфильм о том, как стандартизация ударила по архитектуре, превратив красивые интересные дома в безликие коробки. Стандартные дома, стандартные улицы... У них даже имена стандартные! Стандартное времяпровождение (каждый год – одно и то же посещение бани), стандартные закуски на столе, стандартные интерьеры, стандартные ориентиры в жизни, стандартный «принц» (Ипполит) со стандартным набором благосостояния, вершина которого – новейшая (на тот момент)

¹ Там же. С. 94.

² Подчинение человеческой жизни определённым стандартам нашло отражение также в композициях Depeche Mode «Everything counts», Duran Duran «Skin trade» и многих других.

модель «Жигулей» (самая престижная из доступных обычному человеку). Главная героиня (Надя) всеми силами пытается следовать стандартам, навязанным индустриальным обществом, но от этого становится только несчастной. И вдруг один лишь сбой (не того в самолёт посадили) серьёзно бьёт по стандартной жизни, разрушая ограничения, давая возможность выйти за пределы стандартов. И именно за пределами стандартов главные герои фильма находят своё счастье. Что интересно, сама возможность выйти за пределы появляется в СССР – в социалистической стране – индустриальном обществе, но обществе с мощными ростками будущего.

Специализация привела к тому, что даже здоровье в обществах Второй волны стали рассматривать скорее как «продукт, предлагаемый врачом и чиновниками здравоохранения, чем как результат разумной заботы о себе самом пациента»¹. Человек всё больше должен был заботиться о своём здоровье не сам, а отдавать его на попечение «профессионалом». То же самое происходило и с другими сторонами жизни. Даже воспитание детей и ведение беременности (хорошо, что пока ещё не зачатие детей) передавались от самого человека специализированным организациям.

Из универсального, многомерного и многогранного творческий человек превратился в частичного, одномерного работника, называемого «профессионалом». Для профессионального, специализированного труда в огромном большинстве случаев требуется не весь человек, во всей полноте его способностей, потенций и энергий, а лишь его часть. Г.Форд в своей книге «Моя жизнь, мои достижения» в главе с символичным названием «Террор машины» писал, что для изготовления одного автомобиля Ford T «670 работ могут выполняться безногими, 2637 людьми с одной ногой, 2 – безрукими, 715 – однорукими, 10 – слепыми»². Человек может проработать и прожить всю жизнь, так и не использовав всего того, что в него заложено, используя лишь маленькую часть самого себя. О какой полноте жизни можно говорить в обществе Второй волны?

Синхронизация была следствием зависимости от требований рынка, от денежных показателей. Недопустимо, чтобы дорогостоящие машины простаивали, не принося доходов. Поэтому машины стали навязывать свой ритм людям, требуя подстроить человеческую жизнь под свои ритмы. В дополнение к природным ритмам индустриальная цивилизация установила для людей свои, очень жёсткие ритмы³. Даже дети были обязаны при-

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 101.

² Ford H. My Life and Work. NY: Doubleday, Page, 1923. P. 108–109.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 102–103.

ходить в школу к удару колокола или к звонку, «чтобы впоследствии они всегда приходили на фабрику или на службу точно к гудку»¹. Выражение «с девяти до шести» (или с «девяти до пяти») обозначало временные рамки для миллионов работников.

Но не только рабочая жизнь подверглась синхронизации. Часы досуга, отпуска стандартной продолжительности, праздники, перерывы были также включены в рабочие графики. Учебный год для детей начинался и заканчивался в одно и то же время. В больницах одновременно будили на завтрак всех пациентов. Транспортные системы испытывали часы пик². Более того, «даже наиболее глубокие и интимные стороны жизни были вплетены в индустриальную ритмическую систему. ... везде семьи поднимались одновременно, ели в одно и то же время, ехали на работу, работали, возвращались домой, отправлялись спать, спали и даже занимались любовью более или менее в унисон»³.

Концентрация в обществах второй волны возникла из-за необходимости собирать в одном месте большие запасы природного топлива, необходимого для работы машин. Однако Вторая волна концентрировала не только энергию, но и трудовую деятельность, перемещая людей с земли в гигантские урбанизованные центры⁴. Фабрики, заводы и офисы под одной крышей собирали тысячи работников. Разрыв между производством и потреблением также породил максимизацию. Слово «большой» стало синонимом «эффективный», а в обществах Второй волны, по выражению Э. Тоффлера, распространилась «болезнь навязчивой «макрофилии» – разновидность техасской страсти к огромным размерам и постоянному росту»⁵. Но макрофилия индустриализма вышла далеко за пределы заводов, фабрик, корпораций. Она нашла отражение в смешении множества самых различных данных в одном статистическом показателе – ВВП (валовом внутреннем продукте)⁶. У ВВП, как показателя, много недостатков: не имеет значение, производятся ли детские товары или смертоносное оружие; снос дома или автокатастрофа увеличивают ВВП; измеряется лишь деятельность рынка и не учитывается то, что производится в домашних хозяйствах. Однако макрофилия настолько сильно поразила правительства

¹ Там же. С. 103.

² Там же С. 103–104.

³ Там же С. 104–105.

⁴ См. там же С. 105.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ См. там же. С. 110.

Второй волны, что во всём мире они оказались вовлечёнными «в слепую гонку за увеличением ВВП (или же ВВП – примечание М.П.) любой ценой, максимизируя «рост» даже несмотря на риск экологической и социальной катастроф»¹.

Централизация привела к тому, что централизованная банковская система и центральное правительство стали двигаться рука об руку². Тоффлер практически обошёл тему централизации стороной, уделив ей минимум внимания. Но централизация закономерно должна была привести к созданию центрального правительства для всего мира. По идее, технократическая система должна порождать мировое правительство.

Взятые вместе, эти шесть принципов Второй волны мощнейшим образом преобразовали образ жизни людей. *Даже искусство подстраивалось под принципы Второй волны.* Так, музыка сдвинулась от камерных к симфоническим формам, подстраиваясь под принцип максимизации: когда ещё не было звукоусилительной техники, симфоническая музыка за счёт более мощного звучания позволяла сконцентрировать в одном зале большее число слушателей³.

По мнению Тоффлера, всего три основные структуры: малая семья (то есть супружеская пара и её дети)⁴, обучение фабричного типа и гигантские корпорации – «стали определяющими социальными учреждениями всех обществ Второй волны»⁵. Более того, базовые мысли технократического общества, воплотившись в 3 базовые структуры, сильнейшим образом определяли жизнь человека: «Таким образом, повсюду в мире Второй волны, как в Японии, так и в Швейцарии, Великобритании, Польше, Соединенных Штатах и Советском Союзе, большинство людей двигалось по одной и той же стандартной жизненной траектории: воспитанные в малых семьях, они шли в потоке через школы фабричного типа, а затем поступали на службу в крупную корпорацию, частную или государственную. На каждом этапе жизненного пути человек находится под контролем одного из главных институтов Второй волны»⁶.

Эта базовая мысль, базовая структура породила множество других организаций. Вокруг этих трех стержневых институтов возникли правитель-

¹ Там же. С. 110.

² См. там же. С. 115.

³ См. там же. С. 72–73.

⁴ В отличие от традиционной «большой семьи», состоявшей из множества родственников нескольких поколений.

⁵ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 71.

⁶ Там же. С. 71.

ственные министерства, спортивные клубы, церкви, торговые палаты, профсоюзы, профессиональные организации, политические партии, библиотеки, этнические объединения, группы совместного отдыха и тысячи других¹. Базовая мысль, единый стандартный образ овладевали умами людей и: «В любой из стран Второй волны изобретатели в социальной сфере, считающие, что фабрика или завод являются наиболее прогрессивным и эффективным органом производства, пытались воплотить свои принципы и в другие организации. Таким образом, школам, больницам, тюрьмам, правительственным структурам и другим организациям присущи многие черты фабрично-заводского производства с его разделением труда, с иерархической структурой и полной безликостью»².

Многие структуры, институты (школы, больницы, корпорации, правительственные структуры и т.д. и т.п.), которые мы считаем сегодня неотъемлемой частью современной жизни принадлежат прошлому миру – технократической эпохе, обществу «Второй волны».

Нужны ли будут эти структуры в будущем? Очевидно одно: мы стоим на пороге очень больших изменений. Даже если из этих структур какие-то и сохранятся, они испытают весьма значительные изменения, возможно, что изменятся до неузнаваемости.

В современном мире жизнь людей в огромной мере подчиняется тем или иным шести принципам Второй волны. Человеческая мысль скована ими, замкнута, зациклена на них, и почти не выходит за их пределы.

Даже освоение новых миров люди воспринимали и продолжают воспринимать сквозь призму этих шести принципов: в проектах огромные звездолёты (созданные согласно принципу концентрации), централизованные поселения-колонии на других планетах, специализация целых планет на определённых задачах, концентрация энергии и ресурсов – и, как правило, всё под контролем огромной корпорации или же централизованного бюрократического правительства. Самые смелые и далеко идущие фантазии – как писателей-фантастов, так и ученых-разработчиков так или иначе повторяют и воспроизводят эти принципы.

Человечество сегодня ходит по замкнутому кругу, Мышление подавляющего большинства людей закольцовано и не может оторваться от них.

Люди ведут себя как биороботы, подчиняя не только свою жизнь, но и даже свои мысли, свои желания только, не видя больше ничего вокруг себя, за пределами .

¹ Там же. С. 71–72.

² Там же. С. 72.

Человек лишился свободы и вынужден жить так, как это угодно индустриальной системе. О какой свободе человека сегодня вообще может идти речь?

Свобода в цивилизации Второй волны иллюзорна. Человек не обретёт ее, пока производство будет оставаться оторванным от потребления.

Изобретение денег, символизирующих отрыв производства от потребления, закономерно породило эти шесть принципов. Однако деньги, денежные отношения долгое время не были определяющими. И лишь в цивилизации Второй волны принципы, развернулись в полную силу.

Сегодня миллионы людей не только зарабатывают одинаковые деньги и потребляют одинаковые продукты. Они живут одинаковой жизнью.

Миллионы женщин сломали свои судьбы и совершенно лишили себя свободы, считая, что счастье сводится к *максимизации* определённых качеств (богатства, силы, власти) своего мужа.

И даже люди, по меркам современного общества продвинувшиеся дальше других – миллиардеры, влиятельные политики, топ-менеджеры, звёзды – действуют и живут по одним и тем же принципам, мощнейшим образом подчиняя им свою жизнь и испытывая серьезнейшие проблемы при попытках, выйти за их пределы.

На смену понятию «счастья» пришло понятие «успеха», означавшего лишь успешность следования шести принципам Второй волны. Но естественны они лишь на маленьком (по историческим меркам) отрезке времени, на котором господствует цивилизация Второй волны.

Человеческая жизнь может быть намного богаче и разнообразнее, чем слепое следование неким постулатам, которые запрограммировали поведение миллиардов людей и превратили в биороботов. Человек думает, что счастье означает успешное следование этим принципам. Отсюда в современном обществе столь важным стало слово «успех», Но в этом ли подлинное счастье?

Но можно ли надеяться на то, что скачок в технологическом прогрессе, связанный с переходом к знаниеинтенсивной экономике, сам по себе способен решить эти проблемы индустриального общества? Да, технологии открывают колоссальные новые возможности, позволяющие преодолеть ограничения традиционного индустриального мира, но одновременно таят в себе и огромные потенциальные риски. Рассмотрим вершину развития технологий – нанотехнологии. Нанотехнологии способны значительно изменить свойства материалов. К примеру, с помощью нанотехнологий можно создавать не только сверхчистые, но и абсолютно чистые материалы. Их чистота будет не сколько-то «девяткой после запятой», а все

100%. Сегодня это практически недостижимо. Какой-то процент примесей всё равно остаётся. А даже практически незаметные доли процента примесей способны кардинально изменять свойства веществ. Даже такого обычного и привычного материала, как железо. Все знают, что железо очень легко корродирует, ржавеет. Каждый год мир несёт огромные потери – сотни тысяч тонн железных изделий превращаются в ржавчину.

Железо, подвергнувшееся обработке на наноуровне, позволило бы делать автомобили с практически «вечными» кузовами, строить здания, мосты и другие сооружения с увеличенными в несколько раз сроками службы и многое другое для сохранения национального богатства страны.

Есть металлы, которые мы считаем хрупкими. Немало металлов подвержены коррозии. Те же металлы, но уже сверхчистые, вдруг оказываются гибкими и пластичными.

Обычное стекло плохо отталкивает воду и грязь. Если посмотреть на поверхность стекла под микроскопом, то можно увидеть, что оно вовсе не гладкое. А напоминает горные кряжи. Множество пиков и впадин. Именно из-за шероховатости стекла об него довольно просто можно зажечь спичку. Даже довольно тяжёлое стекло сравнительно легко можно удерживать. Но если модифицировать поверхность стекла, заполнить впадины, то стекло становится очень скользким. Вода и грязь скатываются с такого стекла, практически не задерживаясь.

И это лишь один из примеров, насколько сильно нанотехнологии могут трансформировать нашу жизнь. Однако вершиной нанотехнологий видится создание нанорепликаторов – роботов, способных к самовоспроизводству, более того – самостоятельному размножению.

Однако на пути развития нанотехнологий человечество сталкивается с серьёзнейшими рисками. Кратко рассмотрим лишь основные риски.

1. Гуманитарные. Взращая мощь человеческого разума до неведомых доселе вершин, интересы индивида и личности могут оказаться на втором плане. Как всегда при появлении нового знания, все громче звучат голоса тех, кто обеспокоен возможной неподконтрольностью этого знания. Кому в руки попадет инструмент, созданный нанотехнологиями? (Здесь гуманитарные риски и этические аспекты пересекаются с геополитическими). Опасения подпитываются историей – и тех, кто разделяет эти взгляды, именуют «наноапокалиптиками». Они предлагают радикальные меры: наложить временный мораторий на развитие нанотехнологий до тех пор, пока не будет создан и одобрен всем мировым сообществом строгий свод правил о применении нового знания. Наноапокалиптики говорят о неминуемости войн, которые, защищая интересы своих создателей, будут вести

нанороботы-дизассемблеры. Но очень скоро, предполагают наноапокалиптики, у нанороботов могут появиться собственные интересы, которые не будут иметь ничего общего с интересами человека.

Характеризуя еще одну гуманитарную проблему, используя понятия и реалии современного этапа развития экономики, можно говорить о возникновении двухклассового нанотехнологического общества, которое состоит из выпадающего из потока развития офф-лайн (offline) пролетариата¹, отрезанного от информации, ноу-хау, а значит, и от лучшего будущего, и находящейся в потоке развития онлайн-элиты. При этом не предвидится обещанного нанотехнологической революцией «благосостояния для всех». Может возникнуть новое неравенство – имеющие доступ к новым технологиям и не имеющие доступа. Можно создать новое оружие против человека – можно отравить, заразить любым вирусом. Найти следы практически невозможно. Огромные возможности появляются для шпионажа, кражи информации и вмешательства в личную жизнь. Возникает «мир без границ» для имеющих доступ к преимуществам нанотехнологий и тотальный контроль над другими. Расслоение пройдет теперь по критериям здоровья и продолжительности жизни. Возможно формирование новых, чрезвычайно могущественных элит, потенциально способных удерживать власть тысячелетиями.

II. Геополитические – то, о чем мы только что говорили применительно к силе нанотехнологического потенциала, в том числе и военного, как факторе конкурентного взаимодействия не только между корпорациями, но и между странами и регионами мира. Особую значимость этой группе рисков и этических аспектов придает то, что в результате революционных смен власти в тех или иных странах соответствующие технологии могут оказаться под контролем самых радикальных политических сил и уже представлять угрозу для мира в целом.

III. Чисто биологические и технологические риски, хотя этический аспект в них выражен, казалось бы, значительно в меньшей степени, тоже существуют применительно к результатам применения нанотехнологий, и не

¹ См., например: *Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов*. М.: Добрая книга, 2003. Множество фактов, отраженных в данной работе, в частности таблица на с. 602–603, свидетельствуют о том, что многие современные «креативные» бренды имеют и другую сторону – огромные фабрики в развивающихся странах с рабочей неделей в среднем по 60–80 часов, ставками зарплаты 13–32 цента в час и другими совершенно иными стандартами для сотрудников этих фабрик, отличающихся от принятых корпорацией кодекса поведения.

менее значимы, чем две вышеприведенных группы. Так, речь идет о том, что наночастицы могут быть потенциально значительно более токсичными, нежели «обычные» частицы, так как наночастицы имеют большую площадь поверхности, что повышает их химическую реактивность; иначе говоря, вещество, которое может быть инертным на макроуровне или микроуровне, может приобретать опасные свойства при уменьшении до наноразмеров. При этом наночастицы могут без труда преодолеть обычные заслоны иммунной системы человека, например, барьер между кровью и мозговой жидкостью.

Проблему оппортунистического поведения, которую применительно к нанотехнологиям оказывается более корректно отнести к разряду скорее технологических, чем гуманитарных, приобретает в условиях господства нанотехнологий новую форму. Э.Дрекслер в «Машинах Создания» описал систему репликаторов, вышедшую из-под контроля. Он назвал эту техногенную катастрофу «серой слизью». Представьте себе, что алмазоидные нанороботы из-за ошибки в программе стали разбирать всё вокруг себя на атомы, из которых они тут же собирают собственные копии. Так за два года (используя модель Дж.фон Неймана) вся биосфера Земли может превратиться в месиво, состоящее из одних нанороботов. Это, конечно, очень страшно. Тем более что этот процесс практически невозможно будет остановить. Подобный сценарий описал М.Крайчтон в последней книге «Моли-тесь». И правда, любой сбой (случайный или намеренный – террористический акт) в программе работы нанорепликатора, собирающего наноманипуляторы, может привести к появлению все разрастающейся массы «неправильных» наноманипуляторов, неподконтрольных человеку и саморазмножающихся; такой все возрастающий комок «серой слизи», способный в короткие сроки (от нескольких месяцев до нескольких десятков лет) покрыть собой всю планету. Различные правительственные и неправительственные организации всерьез рассматривают эту угрозу и ищут возможности для ее предотвращения. Возможно, она останется столь серьезной, что мы так и не увидим экономику, основанную на нанотехнологиях.

Итак, мы увидели, что потенциально нанотехнологии могут кардинальным образом трансформировать окружающий мир, социум, экономику, политику и многие другие сферы. Могут изменить облик Земли до неузнаваемости. Однако сможет ли человечество контролировать эти изменения? К сожалению, надёжных средств контроля здесь просто не существует. И вряд ли 100% надёжные средства контроля хоть когда-нибудь появятся. Именно об этом предупреждал С.Лем в своих произведениях «Непобедимый» и «Мир на Земле». Слишком маленькие частицы, чтобы их

было легко обнаружить. Крохотные, невидимые даже в лучшие оптические микроскопы. И слишком могущественные. Слишком опасные. Способные обойти практически любую защиту. Особенно опасны самореплицирующиеся, то есть способные размножаться самостоятельно нанороботы.

Поэтому человечеству стоит серьёзно задуматься над тем, стоит ли выпускать джина из бутылки. Нужно ли создавать самореплицирующихся нанороботов? Даже если заложить в каждого наноробота 3 закона робототехники А.Азимова, то всё равно остаётся вероятность, что нанороботы начнут создавать новые копии самих себя уже без соблюдения этих законов. Или это сделает злой гений-человек. Террорист.

А можно ли создать мир без этих опасностей? Можно. Но для этого надо развивать не технократическую среду, а природные способности и возможности человека. Главным умением человека должно стать умение «распредмечивать»¹ природу. Жизнь на Земле, согласно данным современной науки, существует уже 3,5 млрд лет. И существует в замечательном балансе, в непревзойдённой гармонии. И «распредмечивать» окружающую нас природную среду плодотворно и перспективно. Причём какой бы подход мы ни взяли – эволюционизм или же креационизм – «распредмечивание» заметно увеличит возможности человека и человечества. Если исследователь будет стоять на позициях креационизма, то «распредмечивание» будет означать познание мыслей Бога, заложенных в его творение. Если же исследователь будет стоять на позициях эволюционизма, то «распредмечивание» будет означать обнаружение множества приспособлений к колоссальному количеству перемен в окружающей среде (за 3,5 млрд. лет живая природа должна была выработать мириады адаптационных механизмов). В отличие от техносферы, которая не может нормально функционировать без постоянной поддержки человека, живая природа способна самовоспроизводиться, саморегулироваться и самовосстанавливаться.

Однако такая переориентация хозяйственной деятельности человека наталкивается на противоречия, свойственные ныне господствующей эко-

¹ Понятие «распредмечивание» появилось в классической немецкой философии. Приведём определение процесса «распредмечивания», данное А.В. Бузгалин и А.И. Колганов в книге «Глобальный капитал» (М.: УРСС, 2006. С. 48): «если Вы берете эту книгу и используете ее как источник для размышлений, если Вы вступаете в диалог с автором этой книги, пытаетесь понять его мысли, чувства, стремления, ценности, и они находят отклик в Вашей душе, в Ваших действиях, в Вашем творчестве, – в этом случае Вы распредмечиваете эту книгу, этот феномен культуры, она для Вас предстает как общественная культурная ценность»

номической системе. На пороге XXI века цивилизация сталкивается с уже реальной угрозой своему существованию, исходящей не от политических факторов, как это имело место во второй половине прошлого столетия, а из противоречий ранее достигнутого уровня экономического развития и обеспеченных стандартов материального благосостояния. Ряд проблем, в частности энергетических, не может быть автоматически разрешен по мере углубления хозяйственного прогресса. Необходимы организованные усилия по устойчивому развитию энергетики со стороны всех национальных правительств и международных организаций. Так, например, знаменитый индийский мыслитель-гуманист профессор Дж. С. Капур предлагает решение вопроса, рассматривая человечество как семью¹.

Научно-технический прогресс и информатизация, активно проникая в традиционные отрасли, приводят не только к тому, что многие страны в последние десятилетия активно наращивают производство материальных благ, не увеличивая при этом потребления энергии и сырья.

В современном мире развитие личности оказывается источником и условием технологического прогресса; переориентация производства на преимущественное создание информации и знаний сокращает потребности в использовании материальных ресурсов и энергии. Основными ресурсами в новой экономике становятся не материальные, а интеллектуальные. Экономика, основанная на знаниях, немыслима без новых интеллектуальных, наукоемких технологий энергосбережения, получения энергии из возобновляемых и альтернативных источников.

В то же время неолиберальная доктрина толкает к безудержному росту в рамках ресурсного ограничения – «потребности безграничны, ресурсы ограничены». В то же время величайшие умы планеты призывали к умеренности в использовании ресурсов «Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность²». Будда говорил, что главное – усмирить непомерные желания, поскольку страдания рождаются именно как следствие желаний. Иисус: «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» (Лука: 9, 25).

За 1950–90-е годы люди потребили товаров и услуг больше, чем все предыдущие поколения за всю человеческую историю. Сегодня по всему

¹ Капур Дж. С. Человечество как семья // Глобалистика: Энциклопедия М.: Радуга, 2003. С. 1163–1164.

² Большая книга афоризмов. Душенко К.В. Изд. 5-е, исправленное. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 994

миру ездит множество внедорожников, которые никогда не съезжают с дороги. Слишком большие машины создают заторы сами себе, поскольку еле разъезжаются друг с другом на узких улочках. Их владельцы не нуждаются в высоких внедорожных возможностях автомобиля. В чем они действительно нуждаются – в престиже, чтобы их назвали владельцами технически совершенной и обязательно дорогой вещи. Т. Веблен назвал этот феномен «демонстративное потребление». Частные дома сегодня увеличились в размерах и стали использовать намного больше энергии чем прежде. Парадокс состоит в том, что люди, которые могут купить большой дом или квартиру, зачастую подавляющее большинство времени проводят вдали от своего жилья. И отпуск проводят также вдали от своего жилища.

Есть много книг в мире, которые осуждают чрезмерное, неограниченное потребление¹. Различие между достаточным и излишним очень хорошо показал Гэлбрейт. По его мнению, общество изобилия (*affluent society*) удовлетворило подлинные материальные потребности своих членов². Теперь у него есть другие, более важные занятия. «Обставить пустую комнату – это одно. Но продолжать наполнять ее мебелью пока не прогнется фундамент – это совсем другое. Не суметь решить задачу производства достаточного количества товаров – значило бы оставить человека наедине с его самым давним и самым тяжелым несчастьем. Но не суметь увидеть, что мы уже решили эту задачу, и не суметь перейти к решению дальнейших задач – было бы не менее трагично»³.

Гэлбрейт считал, что «общество потребления» развивает экономический дисбаланс, направляя слишком много ресурсов на производство потребительских товаров и недостаточно – на общественные нужды и инфраструктуру. Потребление – это совсем не то же самое, что автоматическое продвижение человека на более обеспеченный, счастливый уровень. Потребление требует времени, сил, а нередко и специальных программ обучения (чтобы в полной мере потребить качества дорого спортивного автомобиля, необходимо пройти специальные курсы). В типичном современном супермаркете ассортимент насчитывает 10.000 наименований, выбрать из них продукты на каждый день в соответствии с максимизацией потребления – задача, требующая недюжинного внимания и напряжения ума, а также

¹ См. например: *Kapur J.C. Our Future: Consumerism or Humanism. New Delhi: Kapur Surya Foundation, 2005; De Graaf J., Wann D., Naylor T.N. Affluenza: The all-consuming epidemic. San-Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2002.*

² *Galbraith J.K. The Affluent Society, 1958.*

³ *Galbraith J.K. The Affluent Society, 1958. P 260.*

физических сил – толкать тележку с тяжелыми товарами, стоять в очереди, раскладывать все по пакетам или перекладывать в багажник способствует усталости. Не решает проблему и Интернет – выбор наилучшего предложения из уже не 10 000, а 1 000 000, поиск и сравнение цен, условий обслуживания, потребительских тестов, отзывов. Но с покупкой процесс потребления еще не прекращается – необходимо удалить упаковку, прочесть и понять инструкцию, выбрать место для больших покупок и т.д. и т.п. Вещи стареют, ветшают, ломаются, требуют обслуживания, чистки, защиты от посягательств посторонних, страховки, замены на новые, утилизации. Разнообразие требований, которое обрушивается на человека, владеющего большим количеством вещей, способствует возникновению стрессов, снижению работоспособности (сотрудник, который каждые 15 минут подходит к окну, чтобы удостовериться, что его новую машину не увели со стоянки, вряд ли покажет хорошие результаты – его мысли заняты не работой, а машиной).

Слово «потребитель» происходит от требовать, потреблять – корень треб; смысловое поле слова – «нужда», «жертва», «терзать». Психология потребителя – это психология человека, терзающего Землю и испытывающего нужду.

Генеральный секретарь ООН К.Аннан в послании по поводу Международного дня биологического разнообразия (отмечается 22 мая) выразил обеспокоенность по поводу того, что нерациональное использования и чрезмерное потребление в последние десятилетия привели к большему, чем в любой другой период истории человечества, сокращению биологического разнообразия на планете. Эта тенденция, по его словам, поставила под угрозу способность экосистем справляться с последствиями экономического прогресса, к которому мы сегодня стремимся. В качестве примера, глава ООН отметил тенденцию чрезмерного вылова рыбы, которая приводит к закрытию для лова многих из морских районов, а это имеет серьезные социально-экономические последствия. А обезлесение и опустынивание в тропических районах, ведут, как правило, к сокращению количества дождевых осадков и усугубляют ситуацию с нехваткой воды¹.

Перенос акцента с потребления на творчество является необходимым условием выхода из этих противоречий. Он вовсе не означает переход к скудости и аскетизму, и не приведет к тому, что люди станут несчастными и обездоленными. В отличие от бесконечного перераспределения, приводящего к росту дифференциации, творчество способно реально повысить уровень жизни всех людей.

¹ Сайт ООН. <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=3763>

Человечество должно совершить большой скачок в мир, где знание, образование, созидание преобладают. И тогда человечество решило бы и проблему нехватки потребительских благ (творчество открыло бы человеку неизведанные богатства Вселенной) и осуществило бы давнюю мечту людей о самореализации. В этом мире реальная цель жизни была бы прогрессом и самосовершенствованием человека. Потребление бы не было искусственно урезано, но и не было бы как в настоящее время чем-то всепоглощающим, гипертрофированным, поставившем себе на службу человека и забирающим все лучшее от него ради мимолетного удовольствия от новой вещи (впрочем, быстро сменяющимся на неудовлетворенность), а стало бы только одним из средств для сбалансированного, всесторонне-го гармоничного развития человека-творца. Номо consumens превратится в homo creativus.

Почему же за полвека, прошедшие с момента публикации книги Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», человечество так и не перешло к новому качеству экономики и социума? Всеобщая автоматизация (характерная именно для постиндустриального общества), успешно начавшись в 1950-е гг., уже в 1960–1970-е стала отставать, не поспевая за разработками в области робототехники и изобретением микропроцессоров, а в 1990–2000-е отстала окончательно, уступив место очень дешевой рабочей силе Китая и ряда других стран. Автоматические станции бороздили просторы космоса, суперкомпьютеры моделировали ядерные взрывы, прогнозировали погоду и климатические изменения, создавались материалы с заранее заданными свойствами, был уже изобретен Segway, а организация производства оставалась преимущественно индустриальной.

Еще в 1930-е появились экспериментальные торговые автоматы, метро уже давно оснастили турникетами, а сегодня фотоаппараты стали полностью автоматическими, движение по железным дорогам автоматизировано, даже такие сложные процессы, как пилотирование самолетов, полеты и даже посадку (самый сложный вид маневра!) межпланетных космических аппаратов удалось автоматизировать. При таком уровне развития техники автоматизировать индустриальное производство (заводы и фабрики), сферу торговли, бытового обслуживания было бы довольно легкой задачей.

Почему же этого не произошло? Благодаря научно-технической революции значительно выросла производительность труда. И это сослужило очень плохую службу потребительскому обществу, фактически значительно отбросив его назад в своем развитии. Что бы означала тотальная автоматизация? Значительное сокращение численности рабочей силы. Что было делать с высвободившимися работниками? Было несколько вариан-

тов действий. Реализованы были практически все, только некоторые провалились, о чем мы скажем ниже.

а) Строить новые предприятия, наращивать производство. Но кто бы стал покупать эти товары, если и так наблюдалось перепроизводство? Можно было только стимулировать рост потребления, что и было сделано. Кардинально проблемы это не решило, но немного поубавило избыточную численность работников.

б) «Вернуть» часть работников в традиционные сектора – например, аграрное производство. Это также было сделано путем выдачи субсидий фермерам. В результате возникло также перепроизводство. Развитым странам эта мера стоила дорого, но, по крайней мере, была решена проблема продовольственной безопасности.

в) Обеспечить высвобожденных работников работой на государственные заказы. И так было сделано. Но в каких сферах? Развивать образование – частично так и поступили. В результате создалась ситуация меритократии, то есть переобразованности, когда работник не мог найти работу по специальности. Развивать науку? Это привело бы к еще большему росту производительности труда. Поэтому число патентов и разработок на порядок превышало число внедрений. Была еще одна опасность – подорвать научно-техническими разработками окружающую среду. Вспомним, что полицейские в 1970-е стояли на перекрестках в респираторах – такой был сильный смог. Массово запрещались новые химические препараты, урожающие детей и животных, снимались с производства наиболее передовые машины – ТУ-144 и Конкорд. «Дженерал Моторс» подвергся громкому преследованию за модель «Шевроле-Корвейр». Произошла авария на атомной электростанции в США, поднявшая мощную волну протеста. Осваивать космос? Но после лунной миссии начались массовые протесты против растраты бюджетных денег. В итоге, найти сферу, в которой можно было бы масштабно создать новые рабочие места и при этом сохранить бездефицитным бюджет государству не удалось – ни в США, ни в Западной Европе, ни в Японии. СССР аккумулировал избыточную рабочую силу в системе НИИ, ВУЗов, оборонных предприятий. Отсюда столько протестов впоследствии, что НИИ не занимались реальным делом. Также заводы, фабрики и другие предприятия держали избыточных работников – это было возведено в ранг государственной политики.

г) Уменьшить продолжительность рабочего дня. Это не удалось, поскольку работники упорно, всеми силами увеличивали реальную продолжительность рабочего дня – устраивались на 2-ю, 3-ю работу, брали сверхурочную работу.

В 1990-е в стремление работников поднять свой потребительский уровень привел к тому, что средний класс (хорошо образованные интеллектуальные работники, а вовсе не «синие воротнички») поменял работу с 8-часового графика на ненормированный. Все хотели повысить уровень своего потребления, поэтому при малейших послаблениях в графике брали дополнительную работу. Это подтверждается данными Исследовательского центра портала Superjob. В 2014 году данным Центром был проведен опрос относительно инициативы Международной организации труда о переходе на 4-дневную рабочую неделю. По результатам опроса «53% экономически активных россиян выразили убеждение, что введение 4-дневной рабочей недели отрицательно скажется на экономике страны (четверть (24%) уверена, что такое влияние будет однозначно отрицательным, вариант «скорее отрицательное» допускают еще 29%)»¹. Самыми критично настроенными были мужчины (58% против 49% у женщин) и люди старшего поколения (58%)². В своих комментариях они называли предложение МОТ «одной из мер по развалу экономики нашей страны» и жаловались, что «народ и так работать не заставишь, а тут он вообще сопьется». Опасались респонденты и того, что из-за сокращения числа рабочих дней увеличится нагрузка на сотрудников. Кроме того, замечали россияне, «будем меньше работать – меньше зарабатывать – хуже жить». «Мы всегда ждем халявы, а взамен не готовы давать ничего. Производительность труда «в благодарность» за еще один выходной не вырастет», – считают опрошенные»³. К.Маркс считал главной ценностью свободное время. Однако у «индустриального» человека, человека-биоробота, заменителя машины, психология другая – если машина (или человек) простаивает, она (он) только портится (спивается). Что свободное время можно проводить не в простое и в потерях, а создавая богатство, такому человеку даже вообразить трудно. Именно такая, индустриальная (главное – больше, в отличие от постиндустриальной, где основным девизом становится «малое прекрасное») психология и не дала сократить продолжительность рабочего дня.

д) Создать рабочие места в других сферах, негосударственных. Именно так и развилась огромная сфера услуг, в том числе и с большой долей руч-

¹ Россияне не уверены, что им нужна 4-дневная рабочая неделя. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/111653/rossiyane-ne-uvereny-cto-im-nuzhna-4-dnevnyaya-rabochaya-nedelya/>

² Там же.

³ Там же.

ного труда. Так развился мелкий бизнес – крупные предприятия вынесли часть рабочих мест за свои пределы, обеспечив гарантированными заказами вновь образованных мелких подрядчиков. Крупные предприятия сохраняли избыточных рабочих под давлением профсоюзов, а также, частично и добровольно. Любой предприниматель знает, что к нему регулярно обращаются знакомые с просьбой кого-нибудь взять к себе на работу. И он нередко берет, даже если работник ему не нужен. Часть излишних работников с успехом оттягивали и финансовые структуры. Именно поэтому современная экономика и получила столь причудливые контуры.

При этом ни одно правительство не признавалось, что оно имеет дело с типичной проблемой, описанной в «Капитале» Маркса – относительным перенаселением; проблемой, которую политики лишь обостряли, не осуществляя полномасштабный переход к постиндустриальному обществу. Любой политик страшно боялся сказать, что в его стране есть избыточное население. Правительства развитых стран при этом избегали осуществлять политику стимулирования рождаемости (в отличие от социалистических стран, делающими детские товары и все связанное с материнством и детством дешевым и доступным), а также старательно закрывали границы от притока излишней рабочей силы.

Только М.Тэтчер открыто призналась, что правительства анализируют процессы относительного перенаселения, приведя выкладки для России, согласно которым численность населения России не должна была превышать 35–40 млн человек. Трудно поверить, что такой же подсчет не был сделан для Англии, США, ряда европейских стран. Только эти результаты не были обнародованы. Но теория «золотого миллиарда» свидетельствует о том, что соответствующие подсчёты были произведены.

В 1990-е решение проблемы относительного перенаселения в развитых странах было успешно отсрочено открытием рынков стран МСС, а также рынков ряда других стран благодаря развитию глобализации. Именно 1990-е были периодом довольно интенсивной автоматизации производства – АСУ, САПР и т.д. стали самой модной темой.

Но проблема не была решена; она была лишь отсрочена. Нобелевский лауреат Р.Солоу удивлялся тому, что не росла производительность труда. На самом деле, она росла, но весь ее рост поглощался избыточной численностью работников. Поэтому в результате в статистике получался нулевой рост, поскольку показатели избыточности работников (груз на экономике) и роста производительности труда нейтрализовали друг друга.

А затем Китай, завалив дешевыми товарами полмира, способствовал сокращению численности рабочих в развитых странах. Развитые страны

усиленно развивали потребительское кредитование, создавали новые рабочие места в сфере услуг, но уже ничего не могли сделать.

Можно ли решить эту проблему? Да, изменив характер расселения, сделав его постиндустриальным. Сегодня города в огромной степени перегружены. Прочитируем Тоффлера, предсказавшего принципиально иной, чем наблюдаемый сегодня характер расселения: «Наряду с поощрением малых производственных групп, наряду с возможностью децентрализации и деурбанизации производства, наряду с изменениями существующего характера труда, новая производственная система может перенести буквально миллионы рабочих мест с заводов и из офисов, куда они были занесены Второй волной, и вернуть их туда, где они были до того: в дом»¹. «Сейчас требуется смелость, чтобы предположить, что наши самые большие заводы и офисные здания могут еще при нашей жизни наполовину опустеть, превратиться в мрачные склады или их переделают под жилые помещения. Но это вполне возможно при новом способе производства: при возвращении к домашнему производству на новой, более высокой, электронной основе и с новым отношением к дому как к центру общества»².

В последнее время появились интересные и весьма перспективные проекты с точки зрения выхода из кризиса. Все эти проекты связаны с изменением характера расселения. В проектах предложено выделить каждой желающей семье (или одинокому гражданину) по 1–1,5 га земли (размер участков в разных проектах варьируется от 0,25 до 10 га) из резервного земельного фонда государства в бессрочное, наследуемое владение. Участки земли неотчуждаемы в принципе, их можно только передавать по наследству, а продукция, выращенная на этих участках (равно как и сами участки), не облагается никакими налогами.

Возможно ли это? Идеи и выводы, изложенные в книгах В.Н.Мегре, однозначно подтверждают, что такие возможности есть, если исходить не из приоритета денег и прибыли, а из приоритета развития способностей человека и улучшения качества среды, при выборе нетехнократического пути развития³.

Таким образом, решается одновременно несколько задач.

Во-первых, граждане обеспечиваются доступным жильем – стоимость строительства дома в «нераскрученном» районе равна цене 2-3 кв. м. жилья в Москве.

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. С. 321.

² Там же. С. 322.

³ Мегре В.Н. Сотворение. СПб.: ДИЛЯ, 2006 и др. книги данного автора.

Во-вторых (и это самое главное для нынешней власти), решается проблема безработицы и обеспечения социального минимума. Если человек оказывается «лишним» в кризис, он всегда может прокормить свою семью с участка. Причем, в случае необходимости, так можно прожить и ряд лет, не завися от средств резервного фонда, стабфонда или чего-либо еще, что может весьма быстро кончиться.

В-третьих, решаются важнейшие государственные задачи – демографическая проблема (видя, что есть надежность и стабильность, есть будущее, женщины стремятся рожать), продовольственная безопасность (на большом участке можно вырастить продукты и для своей семьи, и излишки на продажу), экологическая проблема (идет масштабное восстановление заброшенных земель), здравоохранение (работа на свежем воздухе, свежая, натуральная пища, отсутствие вредных техногенных воздействий) и многие другие.

Эта идея становится все более привлекательной по мере вступления России в полосу кризиса и росту числа безработных.

Что самое главное, подобное размещение населения совершенно не означает возврата к старому, аграрному обществу. Наоборот, это – постиндустриальное расселение, поселение «третьей волны» (Э.Тоффлер), оборудованное новейшими технологиями («Электронные коттеджи»), использующие новейшие достижения науки.

Почему при этом не произойдет движения назад, к аграрному обществу?

Во-первых, развитые страны уже имеют опыт движения именно по такому пути расселения и темпы научно-технического прогресса в них вовсе не упали. Идея подобного расселения была предвосхищена многими исследователями постиндустриального общества.

Во-вторых, значительно выиграют отношения бизнеса и наемных работников. Имея выбор – жить на своей земле и обеспечивать себе социальный минимум или же идти в наемные работники, каждый человек сможет выбирать не «лишь бы какую» работу, не дающую возможность умереть с голоду, а занятие, к которому у него лежит душа. Вследствие значительного роста зарплат резко повысится эффективность бизнеса. У предпринимателей также будут развязаны руки – увольняя работников, они будут знать, что не оставляют человека без средств к существованию, а лишь способствуют смене его жизненной обстановки. Таким образом, излишняя численность работников, оставляемая работодателями из соображений альтруизма и жалости (а то и под давлением правительства), резко сократится, а, следовательно, вырастет эффективность и возможность маневра для предприятий. Резкий старт будет дан развитию новейших технологий.

В-третьих, граждане получают реальную возможность выбора – между скученным (городским) и распределенным расселением и каждый сможет выбрать себе образ жизни в соответствии со своими интересами, а не от безысходности. Выбор станет намного более осознанным. Впервые люди получают подлинную свободу выбора – идти или не идти на работу. Наниматель, предлагающий низкую зарплату или плохие условия, просто не получит сотрудников. Или они уйдут в любой момент. Поневоле останутся только предприятия с хорошими условиями труда.

В-четвертых, предприниматели в условиях подорожания рабочей силы будут вынуждены значительно повысить эффективность предприятий – на заводах произойдет всплеск автоматизации, роботизации. Производительность труда резко возрастет. Сбудется и еще одна мечта фантастов 1970-х – самоналаживающиеся и саморемонтирующиеся машины, ремонтные роботы. Сегодня многие изделия специально делают хрупкими (те же автомобили) и требующими трудоемкого обслуживания – чтобы создать больше рабочих мест в сфере услуг.

В-пятых, значительно улучшится состояние окружающей среды. Суеты и бессмысленной деятельности станет намного меньше – человек не будет идти на нелюбимую работу лишь бы не умереть с голоду, лишь бы не оказаться хуже, чем другие. И даже те, кто не найдет себе работу по специальности, места в жизни, будут не спиваться, а вести целенаправленную деятельность по совершенствованию окружающей среды, оставляя после себя мир лучше, чем тот, в который он пришел. Наука и знания поднимутся до очень высокого уровня развития, поскольку работа ученых станет свободнее, менее зависимой от зарплаты.

А можно ли прокормиться с такого участка, не работая с утра до ночи? Новейшие исследования и открытия на практике доказали, что относительно большие затраты труда нужны лишь на начальном этапе. Так японец М.Фукуока открыл принципы «натурального земледелия», согласно которым производительность труда при выращивании растений можно резко увеличить, создав на участке многообразие видов. Главная задача – создать саморазвивающуюся органическую систему, которая по мере своего развития будет требовать все меньше и меньше труда. Российский исследователь Н.И.Курдюмов адаптировал метод Фукуоки для российских условий, получая большие урожаи при минимуме вложений и трудозатрат. Российский изобретатель В.В.Фокин придумал достаточно простое с виду и дешевое в производстве устройство – плоскорез, способное заменить до 20 (!) различных инструментов, используемых при работе с растениями. Производительность труда при работе с плоскорезом возрастает на поря-

док – даже пенсионер способен обработать с его помощью 10 соток за день, то есть на порядок больше. Если все сделать по-научному (на достаточно высоком уровне знаний), не вопреки природе, а с умом используя законы роста и развития растений (индустриальное сельское хозяйство XX века в этом плане безнадежно устарело, как устарел арифмометр по сравнению с современным персональным компьютером), то можно получать большие урожаи при минимальных затратах труда.

В-шестых, люди, живущие в красивых садах, уверенные в завтрашнем дне, обеспеченные едой, жильем, творческой работой будут стремиться продолжить себя, передать по наследству красивый мир. Воспитание и формирование детей будет происходить не среди чадающих автомобилей и крошечных детских площадок, чудом уцелевших в условиях точечной застройки, а на основе биогеоценозных, ноосферных ценностей.

Итак, новая гуманистическая модель территориальной организации экономики будущего представляют наиболее богатые возможности и в плане развития творческих способностей и совершенствования человека, восстановления природных сообществ, биогеоценозов, совершенствования среды обитания, так и в плане обеспечения, заработка и богатства.

Сегодня у России есть все шансы первой осуществить переход к Третьей волне и стать лидером в современном глобальном мире. Этот переход не требует ни сколь-нибудь существенных инвестиций, ни насильственного слома старых структур. По сути, этот переход может стать одним из самых гуманных за всю историю человечества. И если политические лидеры не смогут проявить достаточную политическую волю, этот переход будет осуществляться «снизу».

Ход истории не остановить, сколько бы ни было реверсивных движений в ней. Как отмечает Э.Тоффлер в главе «Трансрыночная цивилизация»: «Человечество по меньшей мере 10 тыс. лет занималось строительством всемирной сети обмена – рынка. За последние 300 лет, с самого начала Второй волны, этот процесс шел на бешеной скорости. Цивилизация Второй волны маркетизировала мир. Сегодня – как раз в момент нового появления «производства для себя» – этот процесс завершается¹. И далее: «Теперь, когда основная задача по построению рынка практически завершена, огромную энергию, которая ранее направлялась на создание всемирной рыночной системы, можно будет употребить на другие цели. Только из одного этого факта следует множество цивилизационных изменений. Возникнут новые религии. Произведения искусства достигнут дотоле неведомого уров-

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 445.

ня. Будут сделаны фантастические научные открытия. И кроме того, появятся совершенно новые социальные и политические институты¹».

Литература

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
2. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. №2 (48). С. 5–14.
3. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество: облик новой индустриальной эпохи // Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте. СПб., 2015.
4. Большая книга афоризмов. Душенко К.В. Изд. 5-е, исправленное. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: УРСС, 2006.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. – Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015.
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. – Т. 2. Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015.
8. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. (Серия «Сверхдержава»). М.: Книжный Мир, 2012.
9. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
10. Инновационное развитие экономики: от «Хомстед-акта» до электронных коттеджей и «викиномики» // США v Канада: экономика, политика, культура. №12 (516), 2012.
11. Иноземцев В.Л. Творческие начала современной корпорации // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 18-30
12. Капур Дж.С. Человечество как семья // Глобалистика: Энциклопедия М.: Радуга, 2003. С. 1163–1164.
13. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: ООО «Добрая книга», 2003.
14. Макконелл К.Р., Брю С.Л., Флинн Ш.М. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 2009.

¹ Там же. С. 451.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 1–50. М.: Политиздат, 1955–1981.
16. Мегре В.Н. Сотворение. СПб.: ДИЛЯ, 2006.
17. Павлов М.Ю. Формирование и использование творческого потенциала человека в экономике, основанной на знаниях [Электронное издание]. – Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова Москва, 2016.
18. Павлов М.Ю. Экономика знаний: творческий потенциал человека. М.: ТИРУ, 2012.
19. Павлов М. Экономика нанотехнологий: Учебное пособие для студентов магистратуры. – Издательство Московского университета Москва, 2013.
20. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/9637>
21. Сайт ООН. <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=3763>
22. Сахаров А.Д. Мир через полвека. http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html, дата обращения 20.12.2011
23. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. В 3-х т. М.: Педагогика, 1981.
24. Россияне не уверены, что им нужна 4-дневная рабочая неделя. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/111653/rossiyane-ne-uvereny-chto-im-nuzhna-4-dnevnyaya-rabochaya-nedelya>
25. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
26. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999.
27. Congressional Globe, 37th Congress, 2nd Session. Appendix 1
28. Crawford R. In the Era of Human Capital: The Emergence of Talent, Intelligence and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it Means to Managers and Investors. N. Y.: Harper Business, 1991.
29. Ford H. My Life and Work. NY: Doubleday, Page, 1923.
30. Galbraith J.K. The Affluent Society. [N.Y.], 1958.
31. Pavlov M. A new energy paradigm for the third millennium // World affairs: the journal of international issues. 2006. № 10. P. 2–18.
32. Sadler P. «Managerial Leadership in the Post-Industrial Society»
33. Toffler A. The Third Wave. NY: Morrow, 1980.

приложения слово Джону Кеннету Гэлбрейту

Уважаемый читатель!

Наша книга об авторе «Нового индустриального общества и других работ, вышедших из-под его пера, была бы неполной, если бы мы не предоставили слово самому Джону Кеннету Гэлбрейту.

Однако, учитывая, что основные работы этого ученого переведены на русский язык и заинтересованный читатель может ознакомиться с ними в Интернете в режиме открытого доступа, мы решили ограничиться всего лишь некоторыми короткими фрагменты из двух основных работ этого автора, а в качестве послесловия опубликовать фрагмент текста о Гэлбрейте выдающего нашего соотечественника – Станислава Меншикова.

Джон Гэлбрейт

Новое индустриальное общество¹

(John Galbraith. The New Industrial State)

фрагменты из книги

Глава II. Требования, диктуемые техникой

2

Под техникой понимают последовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач. Наиболее важное следствие применения современной техники, по крайней мере с точки зрения экономической науки, заключается в том, что она заставляет разделить любую такую задачу на её составные части. Таким, и только таким, образом можно добиться воздействия систематизированных знаний на производство.

Если говорить конкретнее, не существует никакого способа, с помощью которого систематизированные знания могли бы оказать воздействие на производство автомобиля в целом или даже изготовление его корпуса или шасси. Они могут быть применены только тогда, когда задача разделена таким образом, что каждая её часть укладывается в рамки определённой области научных или инженерных знаний. Хотя знания в области металлургии нельзя использовать для изготовления всего автомобиля, они могут быть использованы при конструировании системы охлаждения или двигателя. И, если знания механики недостаточно для того, чтобы изготовить автомобиль, оно может пригодиться при обработке коленчатого вала. Наконец, с помощью химии нельзя смонтировать весь автомобиль, но она может быть использована для выбора отделки или оформления автомобиля.

Но дело этим не ограничивается. Знания в области металлургии используются не для определения количества стали вообще, а для выяснения потребности в специальных марках стали, химия же нужна не для выбора

¹ Перевод на русский язык: Л.Я. Розовский, Ю.Б. Кочеврин, Б.П. Лихачёв, С.Л. Батасов. М., 2004. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 29.03.2012.

красок или пластиков как таковых, а для получения и изменения конкретных молекулярных структур, требуемых в данном случае¹.

Почти все следствия применения современной техники и в значительной мере характер функционирования современной промышленности определяются прежде всего этой потребностью расчленения возникающих производственных задач. Они определяются, далее, необходимостью использования знаний для решения этих частных задач и, наконец, необходимостью свести воедино элементы задачи в виде законченного цельного продукта. Шесть следствий имеют непосредственное отношение к интересующему нас вопросу.

Первое. Возрастает отрезок времени между началом и завершением той или иной работы. Сначала решается микрозадача, составляющая частичку общей задачи; затем она рассматривается в сочетании с какой-либо другой частичной задачей, далее – в других сочетаниях, и в конце концов решается вся задача. Весь этот процесс растягивается во времени, подобно тому как корни растения уходят в глубь почвы.

Самый длинный из «корней» определяет общую продолжительность времени, необходимого для производства. Чем более широкое применение находит новая техника (или, используя общепринятое и по крайней мере широко распространённое выражение, чем сложнее производственный процесс), тем шире используются научные и прочие знания. Тем больше, соответственно, времени проходит между постановкой и завершением задачи.

Изготовление первого «Форда» не было слишком сложным процессом. Оно не потребовало никаких изысканий в области металлургии. Были использованы обычные марки стали, которые можно было утром получить со склада, а во второй половине дня подвергнуть обработке. В результате

¹ Концепция разделения труда, отнюдь не новая в экономической науке, лишь приблизительно и неполно отражает высказанные выше мысли. Если расчленить какую-либо механическую операцию, как, например, изготовление знаменитых булавок Адама Смита, она сведётся ко все более простым движениям, как, скажем, насаживание головки или иглы булавки. Это равносильно утверждению, что проблема поддается решению путём использования однообразных по существу знаний в области механики. Однако членение задачи в соответствии с существующими отраслями систематизированных знаний не ограничивается механическими процессами и не имеет какого-либо особого отношения к ним. Оно имеет место в медицине, управлении предприятием, проектировании здания и уходе за детьми и собаками – словом, везде, где решение проблемы связано с совокупностью разнородных научных знаний.

отрезок времени между началом и завершением процесса изготовления автомобиля оказывался очень незначительным.

Напротив, сталь для современного автомобиля выбирается в соответствии с теми условиями, которые были заданы конструкторами или лабораторией, поставляется сталелитейным заводом по специальным заказам (причем одновременно заказывается соответствующее металлообрабатывающее оборудование), подвергается испытаниям, а затем уже используется в производстве.

Второе. Возрастает участвующий в производстве капитал – помимо того роста, который обусловлен увеличением объема продукции.

Более длительный процесс производства и связанные с этим большие капиталовложения в незавершенное производство приводят к увеличению затрат. С расходами сопряжено использование знаний для решения различных элементов общей задачи. Для решения какой-либо частичной производственной задачи, как правило, требуется также разработка машины, выполняющей соответствующую функцию. (Термин «техника» ассоциируется с понятием «машина»; это и неудивительно, поскольку машинное оборудование представляет собой одно из наиболее полных проявлений техники.) Создание такой машины, равно как и оборудования, для воссоединения элементов задачи в виде законченного продукта также требует капиталовложений.

Капитал, связанный с изготовлением первого «Форда», был больше, чем оплаченный капитал компании, равный 28,5 тысяч долларов, поскольку часть его была вложена в машины, оборудование и запасы тех предприятий, которые, как, например, «Додж бразерз», поставляли детали. Однако капиталовложения в сам завод были ничтожно малы. Материалы и отдельные части поставлялись, как правило, со стороны; высокооплачиваемых специалистов не приглашали; для сборки автомобиля использовалось лишь самое примитивное оборудование. Раму автомобиля могли поднять два человека.

Третье. С развитием техники усиливается действие ещё одной тенденции: время и деньги, расходуемые в процессе производства, все более привязываются к выполнению какой-либо одной задачи. Эта задача должна быть точно определена до того, как она будет расчленена на составные части. Соответствующие знания и оборудование используются затем для решения частных задач с учётом того, как задача в целом была определена с самого начала. Если задача изменяется, для её решения требуются иные знания и иное оборудование.

Проще обстоит дело на заводе компании «Додж бразерз», где изготавливались моторы и шасси для первого «Форда». Это предприятие не было

специализированным. Оно с равным успехом могло производить велосипеды, паровые турбины или коробки передач и действительно использовалось таким образом. Если бы Форд и его сотрудники решили однажды переключиться с двигателя, работающего на бензине, на энергию пара, завод «Додж бразерз» мог бы перестроиться в соответствии с этим изменением в течение нескольких часов.

В противоположность этому все детали автомобиля «Мустанг», инструменты и оборудование, использованные для обработки этих деталей, равно как сталь и прочие материалы, пошедшие на их изготовление, были предназначены эффективно выполнять одну конечную задачу. Если бы автомобиль был существенно изменён и это была бы, скажем, модель «барракуда» или, быть может, «змея», «скорпион» или «таракан» (а до этого обязательно додумаются), значительную часть работы пришлось бы переделывать. Вот почему в течение восемнадцати месяцев, предшествовавших появлению автомобиля, работа компании была подчинена выпуску данной конкретной модели.

Четвёртое. Современная техника требует специализированной рабочей силы, и это вполне очевидно. Систематизированные знания могут быть использованы только теми, кто владеет ими. Однако не только состояние техники предъявляет определённые требования к рабочей силе, планирование, если пока ограничиться упоминанием о нем, также предполагает сравнительно высокий уровень специализированных знаний. Способность всесторонне предвидеть будущее и спланировать соответствующие действия не обязательно требует высокой научной квалификации. Но она предполагает умение организовать и использовать соответствующую информацию или по крайней мере способность интуитивно реагировать благодаря накопленному опыту в соответствующей области.

Это вовсе не означает, что теперь требуются способности более высокого порядка, чем на ранних ступенях технического прогресса. Те, кто сделал первый «Форд», были талантливыми людьми. Братья Додж изобрели вначале велосипед и паровой катер. Их завод изготавливал широкий ассортимент продукции, и в Детройте ходили легенды о том, как разыгрывалась фантазия братьев, особенно если они напивались. Александр Малколмсон, ближайший партнёр Форда, был преуспевающим угольным торговцем. Джеймс Казенс, который в большей степени причастен к успеху предприятия, чем Генри Форд¹, работал на железных дорогах, в угольной

¹ Я неоднократно высказывался по этому вопросу. См. главу «Was Ford a Fraud» в книге: «The Liberal Hour», Boston, 1960, p 141 и след

промышленности, а затем, уйдя от Форда, стал полицейским комиссаром и мэром Детройта, сенатором от Республиканской партии (штат Мичиган) и поддерживал Франклина Д. Рузвельта. Далеко не все из тех, кто работает сейчас в компании Форда, могут сравниться с людьми такого масштаба. Но сотрудники компании обладают значительно более глубокими знаниями в специальных вопросах, за решение которых они несут самостоятельную ответственность.

Пятое. Неизбежным спутником специализации является организация. Благодаря ей работа специалистов сводится к какому-то общему результату. Если специалистов много, такого рода координация становится важной задачей. Работа по координации деятельности специалистов становится настолько сложной, что появляются специалисты по организации. Крупные и сложные хозяйственные организации становятся, даже в большей мере чем машины, наглядным проявлением высокого уровня развития техники.

Шестое. Характер использования времени и капитала в современном производстве, специализация предприятий, потребности крупных организаций и проблемы функционирования рынка в условиях передовой техники – все это предопределяет необходимость планирования. Решение задач должно осуществляться таким образом, чтобы оно оказалось правильным не только для настоящего времени, но и для того периода в будущем, когда по выполнении смежных и дополняющих их работ будет завершён весь процесс. Необходимость выбора правильного решения становится тем более настоятельной, поскольку возрастает объём капитала, расходуемого для выполнения этих задач. Следовательно, условия, которые сложатся ко времени завершения всей работы, равно как тенденции, действующие в течение этого времени, должны быть предусмотрены заранее.

Глава III. Природа промышленного планирования

2

В рыночной экономике покупатель исходит из того, что уплачиваемая им цена обеспечивает получение желаемого результата. Ничего больше при этом не требуется. Покупателю, который выражает намерение что-либо купить, адресуется ответное предложение компании, которая удовлетворяет его потребности. Предлагая дополнительную плату, он получает дополнительные товары или услуги. В свою очередь и фирма посредством аналогичных предложений покупает рабочую силу, материалы и оборудование, нужные ей для производственных целей.

Планирование существует потому, что описанный механизм перестал быть надёжным. Развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее – на месяцы и даже годы вперёд. Но через несколько месяцев или лет вполне может оказаться, что потребитель не проявит готовности покупать соответствующую продукцию. Далее, если предложение рабочей силы и, скажем, производство углеродистой стали и будут увеличиваться в соответствии со спросом, то нельзя быть в полной мере уверенным в том, что окажутся в наличии специалисты определённой квалификации и соответствующие материалы, которых требует новейшая технология. Действия, которые нужно предпринять в обоих этих случаях, очевидны: определяя, чего пожелает потребитель и что он готов будет купить, фирма должна сделать также всё для того, чтобы продукция, которую она решит производить, нашла спрос у потребителя по цене, обеспечивающей ей достаточное вознаграждение. Она должна также предусмотреть возможность получения рабочей силы, материалов и оборудования, которые нужны ей, по ценам, согласующимся с ценой, которую она получит за свою продукцию. Фирма должна осуществлять контроль над продукцией, которую она продаёт, и над продукцией, которую она покупает. Она должна поставить на место рынка планирование.

Нет нужды доказывать, что по мере увеличения продолжительности процесса производства и потребности в капитале для компании становится всё более рискованным полагаться на неконтролируемые колебания покупательского спроса, и чем сложнее становится технология производства того или иного продукта, тем риск больше. Можно почти наверняка предвидеть, что даже через два-три года сохранится относительно устойчивый потребительский спрос на такие продукты, как клубника, молоко или свежие яйца.

Но нельзя быть настолько же уверенным в том, что люди, также без побуждения извне, захотят приобрести автомобиль определённого цвета или формы или транзистор определённого размера или конструкции.

Воздействие развития техники и связанных с ним изменений, которое сказывается в том, что рынок рабочей силы или оборудования становится менее надёжным, а планирование потребности в них и источников получения – необходимым, точно так же не вызывает сомнений и может быть показано на простейшем примере¹. Если на строительстве дороги использо-

¹ Цена предложения сугубо специализированных материалов, деталей и рабочей силы является, пользуясь специальным термином, неэластичной, см. на след. странице

ются кирки и лопаты, то рабочих можно нанять в тот же день, когда будет принято решение о начале работ.

Кирки и лопаты применяют на разнообразных работах, соответственно на рынке их имеется достаточное количество. При наличии промышленной резервной армии безработных (которое Маркс считал неизбежным) нанять рабочих не представляет труда. Но с той же быстротой можно приступить к делу, переманив рабочую силу у другого предпринимателя, использующего неквалифицированных рабочих, с помощью обычного для рыночных отношений приёма, а именно обещания платить больше.

Но, когда речь идёт о строительстве современных автострад с использованием сложного оборудования, рыночный механизм уже не действует с прежней надёжностью. Найти инженеров, проектировщиков, специалистов по дренажным системам и тех, кто занимается расчисткой участков от деревьев, зелеными насаждениями, строительством мостов и так далее, может оказаться не так просто даже с помощью значительного увеличения оплаты.

Бульдозеры и тяжёлые землеройные машины нельзя купить с той же лёгкостью, как кирки и лопаты. Во всех этих случаях необходимы какие-то предварительные шаги с целью обеспечить получение всего необходимого по подходящей цене. Рыночные отношения должны быть модифицированы путём некоторого планирования¹.

Когда речь идёт об инженерах – специалистах по инерционным системам, конструкторах автоматических систем, специалистах по исследованию сверхпроводимости и аэродинамике, инженерах по радиоконтролю и радиоизмерению, равно как и о титановых сплавах (в сравнении со сталью) и космических аппаратах (в сравнении с мотоциклами), полагаться на рынок можно в значительно меньшей степени. Потребности в них должны быть тщательно рассчитаны и спланированы. Этот характерный для нашего времени факт находит своё выражение и в терминологии, которой пользуются ныне и предприниматели и правительство. Во времена граж-

см. на предыдущей странице точно так же как и спрос на сугубо специализированную продукцию. В первом случае значительное (и обременительное) повышение цен не обеспечит дополнительного предложения. Во втором случае значительное (и в равной мере обременительное) снижение цен не гарантирует дополнительных заказов.

¹ Тот факт, что планирование необходимо, ещё не означает, что оно осуществляется надлежащим образом, как каждый имел возможность убедиться, наблюдая в любой момент за любой строительной площадкой. Планирование, т.е. расчёт потребности и распределение материалов, машин, рабочей силы и услуг субподрядчиков, необходимо. Но в конкретных условиях оно осуществляется весьма неточно и неквалифицированно, поэтому всегда чего-то не хватает.

данской войны квартирмейстеры искали всё, что им было нужно, на рынке. Точно так же поступали и подрядчики, которые выполняли их заказы. В наше время соответствующие заказы программируются.

С точки зрения промышленной компании планирование заключается в том, чтобы предусмотреть действия, которые нужно предпринять в период от начала процесса производства до его завершения, и подготовиться к выполнению этих действий. Оно заключается также в том, чтобы предвидеть любые неожиданности, которые могут возникнуть по ходу дела, и иметь возможность справиться с ними¹. С точки зрения экономиста, специалиста в области политических наук и прочих учёных мужей, планирование заключается в том, чтобы заменить цены и рынок как механизм, определяющий то, какая продукция будет производиться, авторитетным решением, устанавливающим, что будет произведено и потреблено и по каким ценам. Таким образом, термин «планирование» употребляется в двояком смысле.

На практике, однако, эти два вида планирования, если их можно так назвать, тесным образом связаны друг с другом. Фирма не может с пользой для дела предусмотреть и спланировать будущие действия или подготовиться к непредвиденным обстоятельствам, если она не знает, каковы будут цены на её продукцию, объём её продаж, издержки, включая расходы на рабочую силу и капитал, и что она сможет получить при таком уровне расходов. Если рынок ненадёжен, фирма всего этого не знает, а следовательно, она не может планировать. А поскольку с развитием техники и связанной с ним специализации рынок становится всё более ненадёжным, промышленное планирование ещё в большей мере станет невозможным, если только рынок не уступит место планированию. То, что фирма считает планированием, в немалой мере заключается в стремлении свести к минимуму влияние рынка или избавиться от него.

Глава V. Капитал и власть

6

В связи с требованиями, диктуемыми техникой и планированием, резко возросла потребность промышленного предприятия в специализиро-

¹ На практике (управление предприятием)... преследует цель свести к минимуму неопределённость, свести к минимуму последствия неопределённости или же то и другое (*R. Harris, The Economic Theory of «Managerial «Capitalism, New York, 1964, p. 232)*

ванных знаниях и соответствующей форме организации этих знаний. Индустриальная система вынуждена полагаться в основном на внешние источники этих знаний. В отличие от капитала фирма не может сама себя обеспечить этими знаниями. Кроме того, эффективность этих знаний может быть достигнута только при эффективной форме их организации. Если иметь в виду нормально функционирующую предпринимательскую организацию, она, как правило, располагает теперь достаточным капиталом. Но обладание капиталом само по себе не даёт ныне никакой гарантии того, что необходимые специальные знания могут быть получены и должным образом организованы. Опыт прошлого даёт основания предполагать, что источник власти в промышленном предприятии переместится ещё раз – на этот раз от капитала к организованным знаниям. И можно предполагать, что это найдёт отражение в перераспределении власти в обществе.

По сути дела это уже произошло. Источник власти перемещается ныне от одного фактора производства к другому, точно так же как два столетия назад он начал перемещаться в развитых странах от земли к капиталу. Этот процесс происходил в течение последних пятидесяти лет и продолжается в настоящее время. В подтверждение этого можно привести десяток самых очевидных доказательств: утрата власти в современной корпорации акционерами; неуязвимые позиции успешно действующей администрации корпорации; ослабление притягательной силы банкира в обществе; то, как странно звучит мысль, будто Соединёнными Штатами Америки правит Уолл-стрит; все более настойчивые поиски специалистов, способных работать в промышленности; наконец, тот престиж, которым пользуются образование и педагоги.

Этот переход власти оказался замаскированным, поскольку позиции капитала, как это в своё время было и с землей, кажутся непоколебимыми. Мысль о том, что власть может принадлежать не капиталу, а кому-либо ещё, кажется неправдоподобной, а те, кто высказывает её, считаются людьми, занятыми несерьёзным оригинальничанием. Он оказался замаскированным ещё и потому, что власть не перешла к какому-либо из признанных факторов производства, как они изображаются в обычной педагогической литературе по экономике. Она не перешла к труду. Рабочий класс завоевал ограниченный контроль над заработной платой и условиями труда, но не приобрёл никакой власти над предприятием. К тому же на рынке труда продолжает действовать тенденция к избытку рабочей силы. Если чрезмерно избыточные сбережения не находят применения, первым следствием этого оказывается безработица, а если сбережения находят применение, это ведёт к замене машиной неквалифицированного труда и труда средней квали-

фикации. Таким образом, от избытка капитала страдают наряду с капиталистом неквалифицированные рабочие и рабочие средней квалификации.

Не перешла власть и к классическому предпринимателю – лицу, которое использовало некогда свою возможность распоряжаться капиталом для того, чтобы соединить его с другими факторами производства. В индустриальной системе это исчезающая фигура. Помимо возможности распоряжаться капиталом, его отличительными качествами были воображение, способность принимать ответственные решения и готовность рисковать деньгами, и нередко собственными. Ни одно из этих качеств не имеет существенного значения для организации знаний или эффективной конкуренции с ними.

В действительности власть перешла к новому фактору производства, как его с полным основанием могли бы назвать те, кто ищет во всём нечто новое. Это совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц – от руководителей современного промышленного предприятия до основной массы рабочей силы – и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями. От эффективности именно этой организации, как в неявной форме признается в большинстве теорий предпринимательства, зависит теперь успех современного частного предприятия.

Если бы эта организация распалась или исчезла каким-либо иным образом, нет никакой уверенности в том, что её вновь можно было бы создать, а попытки расширить её для выполнения новых задач представляют собой дорогостоящее и порою малоперспективное занятие. Мы вновь сталкиваемся здесь с проблемой неопределённо высокой цены и связанной с этим проблемой власти.

Глава VI. Техноструктура

2

Необходимость получения и оценки информации, поступающей от многих лиц, в процессе принятия решений в современной промышленности обуславливается тремя основными моментами. Она вытекает, во-первых, из технологических потребностей современной промышленности. Дело не в том, что эти потребности всегда являются необычно сложными; человек средних способностей вполне может приобрести соответствующие знания в различных отраслях металлургии и химии, технологии производ-

ства, материально-технического снабжения, управления производством, контроля качества, трудовых отношений, оформления и сбыта продукции, – знания, необходимые, скажем, для производства современного автомобиля. Но даже предложение специалистов, обладающих средними способностями, не поддается точному прогнозу, а для того чтобы быть на уровне современных достижений во всех этих областях науки, техники и профессионального мастерства, требуется немалое время даже для человека исключительных способностей. Самое простое решение, позволяющее использовать людей со значительно более заурядными способностями и значительно точнее предугадывать результаты деятельности, состоит в том, чтобы привлечь лиц, имеющих достаточную квалификацию или опыт в различных узких областях специальных знаний или профессионального мастерства. Поставляемая ими информация объединяется затем для разработки модели и производства данного автомобиля.

Широко распространено мнение, и его не оспаривают ни учёные, ни инженеры, ни промышленники, что современные достижения в области науки, техники и производства представляют собой плод трудов нового и весьма необычного поколения людей. Это мнение продиктовано исключительно тщеславием; если бы дело обстояло так, подобных достижений было бы очень немного. Подлинное достижение современной науки и техники состоит в том, что знания самых обыкновенных людей, имеющих узкую и глубокую подготовку, в рамках и с помощью соответствующей организации объединяются со знаниями других специально подготовленных, но таких же рядовых людей. Тем самым снимается и необходимость в особо одарённых людях, а результаты такой деятельности, хотя и менее вдохновляющей, значительно лучше поддаются прогнозу.

Вторая причина, обуславливающая необходимость объединения специальных знаний, определяется прогрессом техники, связанным с ним использованием капитала и вытекающей отсюда потребностью в планировании, которое предполагает установление контроля над внешними условиями производства. Рынок является в значительной степени сферой, не требующей особых умственных усилий. Висконсинскому фермеру, о котором мы уже упоминали, незачем предвидеть потребность в удобрениях, пестицидах и даже запасных частях к машинам; они имеются на рынке, и рынок всегда готов поставить их. Стоимость всей этой продукции по существу одинакова для весьма толкового фермера и для его соседа, не отличающегося, где правая и где левая сторона. Фермеру нет также нужды разрабатывать свою стратегию цен или сбыта; рынок поглощает все молоко по преобладающей цене. Привлекательность рынка (по крайней мере для эко-

номистов) в значительной степени объясняется тем, что он, как считали, упрощает жизнь. Лучше простая ошибка, чем сложная истина.

Ибо планирование неизбежно порождает сложные проблемы. Производитель ракет, космической техники или современных самолётов должен предвидеть, какие ему понадобятся специализированные заводы, специализированная рабочая сила, необычные материалы и сложные комплектующие изделия, а также принимать меры, чтобы обеспечить их наличие в тот момент, когда они потребуются. Как мы видели, рынок не может обеспечить всего этого или же ненадёжен в этом отношении. Не существует также открытого рынка и для готовой продукции такого рода. Здесь все зависит от настойчивости и умения изыскивать контракты в Вашингтоне, Лондоне или Париже.

Такой же дар предвидения и соответствующие действия требуются, хотя и в меньшей степени, от предпринимателей в автомобильной, пищевой и химической промышленности. Они также должны предвидеть свои потребности и управлять рынками. Короче говоря, планирование требует чрезвычайно разнообразной информации. Оно предполагает наличие людей, располагающих различной информацией или специально подготовленных для получения нужной информации. Нужны люди, обладающие знаниями, которые позволяют предусматривать потребности и обеспечивать предложение рабочей силы, материалов и прочих условий производства; люди, которые обладают знаниями, необходимыми для того, чтобы разработать плановую стратегию цен и соответствующим образом убеждать покупателей приобретать продукцию по этим ценам; люди, которые обладают нужной информацией, позволяющей им эффективно сотрудничать с властями и следить за тем, чтобы власти действовали в нужном направлении; требуются, наконец, люди, которые способны организовать поток информации, необходимой для выполнения всех этих и многих других задач. Таким образом, к потребности в специализированных технических и научных знаниях и способностях, обусловленных современной техникой, добавляются новые, чрезвычайно обширные потребности, вытекающие из планирования, необходимость которого обусловлена уровнем техники.

И наконец, из потребности в разнообразных специализированных знаниях вытекает необходимость их координации. Знания должны быть использованы в соответствии с общей целью. Говоря конкретнее, информация по большим и малым вопросам должна поступать от различных специалистов, проходить проверку с точки зрения её надёжности и целесообразности и использоваться для принятия решения. Об этом процессе, который нередко получает неправильное истолкование, стоит поговорить особо.

Глава XXVIII. Дополнительная сводка

I

Главные очертания индустриальной системы сейчас находятся в нашем поле зрения. Большинство считает эту панораму грандиозной. Кое-кто склонен преуменьшать сложность вероятных социальных последствий индустриальной системы. Но кто, безусловно, ошибается в оценке индустриальной системы, так это тот, кто пытается свести её характеристику к однозначным суждениям. Эта система производит блага и оказывает услуги в огромном и все возрастающем объёме. В промышленных странах, и особенно в Соединённых Штатах Америки, ещё имеется много бедных людей. То обстоятельство, что они не являются центральной темой настоящей работы, не должно восприниматься как доказательство либо незнания факта их существования, либо равнодушия к их судьбе. Но бедняки, с каким бы критерием к ним ни подходить, находятся вне индустриальной системы. Это люди, которые не привлечены к её обслуживанию или не могут приобрести квалификацию.

Индустриальная система – надо помнить её границы, как они были определены нами, – не только устранила бедность для тех, кто вовлечён в её орбиту, но и значительно облегчила бремя ручного труда. Думается, что только люди, никогда не занимавшиеся тяжёлой и скучной работой, могут относиться равнодушно к факту её исчезновения.

Когда-то считалось, что экономическая система снабжает человека теми продуктами труда и искусства, которыми он в прошлые времена окружал себя, в соответствии с его чисто личными и суверенными запросами. Этот источник побуждений к экономической деятельности до сих пор превозносится в официальных славословиях современной экономической системе. Но если эта система и приспосабливается к запросам человека, то вместе с тем – мы в этом достаточно убедились – она все больше приспосабливает человека к своим нуждам. И она должна это делать. Приспособление человека к нуждам современной экономической системы – это не обыденные упражнения в искусстве сбывать товар.

Оно обусловлено глубокими органическими особенностями системы. Применение передовой техники и крупных капиталов не может находиться в зависимости от приливов и отливов рыночного спроса. Оно требует планирования, а самым существенным условием планирования является контроль над поведением покупателей, то есть возможность его предвидения.

Этот контроль влечёт за собой и другие важные последствия. Он создаёт гарантию, что мужчины и многие женщины будут трудиться с неослабева-

ющим напряжением, как бы ни был велик имеющийся у них запас благ. И он содействует тому, чтобы общество измеряло свои достижения ежегодным приростом продукции. Представим себе, что каждый человек ставит перед собой конечную цель и, достигнув её, заявляет: «Я получил то, что мне нужно. На эту неделю мне хватит». Ничто не может так поколебать экономическую дисциплину, чем подобное поведение. Оно не случайно считается безответственным и непрактичным. Такое поведение привело бы к тому, что рост продукции уже не являлся бы настоящей общественной необходимостью. Достижения общества не могли бы тогда измеряться ежегодным приростом валового национального продукта. И, поскольку рост производства не имел бы больше первостепенного значения, нужды индустриальной системы уже не пользовались бы автоматическим приоритетом.

Изменение установок, которое потребовалось бы при этом от общества, было бы ужасным.

Хотя потребители являются объектом управления, они не очень тягостятся им. Оно затрагивает душу, а не тело. Процесс управления направлен на то, чтобы сперва добиться молчаливого согласия или внушить убеждение; последующее действие является реакцией на это вызванное извне душевное движение и потому несколько не сопровождается чувством принуждения. Мы покупаем автомобиль новой конструкции или новое слабительное средство не потому, что нас заставляют это сделать, а потому, что мы убеждены в необходимости иметь такие вещи. Любой человек, способный противостоять внушению, может избежать этого контроля. Но оттого, что нас физически не принуждают, управление нашим поведением не становится менее действенным. Наоборот, физическое принуждение было бы гораздо менее эффективным (правильное понимание этого момента встречается редко).

2

Индустриальная система вовлекла имеющиеся ресурсы капитала, а в значительной мере и ресурсы рабочей силы в орбиту своего контроля и тем самым в орбиту своего планирования. Её влияние глубоко проникло также и в сферу деятельности государства. Те задачи государственной политики, которые имеют жизненно важное значение для индустриальной системы – регулирование совокупного спроса, сохранение крупного государственного (хотя и преимущественно технического) сектора, от которого зависит это регулирование, обеспечение благоприятных условий для внедрения передовой техники, подготовка все возрастающего числа обученных и образованных работников, – считаются самыми настоящими задачами общества.

Это убеждение согласуется с нуждами индустриальной системы. Влияние техноструктуры развитой компании простирается вплоть до возможности формировать спрос на определённый продукт или ряд продуктов, производимых этой фирмой. Отдельные представители техноструктуры разделяют заботы государства о проектировании, совершенствовании и производстве закупаемых им изделий, подобно тому как техноструктура в целом разделяет точку зрения государства на социальные цели, например по вопросу об эффективной системе национальной обороны. И представители техноструктуры приспособливают проектирование и совершенствование изделий, закупаемых государством, а также потребность в них к своим собственным целям. Эти цели неизбежно отражают нужды техноструктуры и её системы планирования.

Наряду с этими переменами, будучи отчасти их следствием и отчасти причиной, произошли глубокие сдвиги в экономической и политической власти. Влияние в обществе финансиста и профсоюзного лидера уменьшилось. Их почитают сейчас больше за их бывшее высокое положение, чем за нынешнюю силу. По сравнению с предпринимателем минувших времён техноструктура гораздо меньше использует методы прямого политического давления. Но это объясняется тем, что она приобретает куда большее влияние, выступая как удлинённая рука государственной бюрократии, а также в результате своего воздействия на психологическую атмосферу общества. Нужды техноструктуры в области научных исследований, техники, организации и планирования явились причиной возникновения крупного сословия педагогов и учёных. И хотя одностороннее подчинение культуры, находящейся под опекой индустриальной системы, потребностям производства материальных благ выражено очень сильно, оно всё же не является полным. Рост доходов создаёт благоприятную почву для существования ещё одной прослойки – прослойки деятелей искусства и интеллигентов, пребывающих вне индустриальной системы.

Глава XXXV. Будущее индустриальной системы

I

Из всех слов, имеющих в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами. Не обошлось бы также

без констатации того обстоятельства, что эти ужасные вещи возникли по меньшей мере с молчаливого согласия индустриальной системы или в результате того, что в них она нуждалась сама.

2

Размышления о будущем выявили бы также важное значение тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации. Об этом следует сказать несколько дополнительных слов. Конвергенция связана прежде всего с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной техникой и со сложной организацией как наиболее важным следствием названных факторов. Все это требует контроля над ценами и, насколько возможно, контроля над тем, что покупается по этим ценам.

Другими словами, рынок должен быть заменён планированием. В экономических системах советского типа контроль над ценами является функцией государства. В США это управление потребительским спросом осуществляется менее формальным образом корпорациями, их рекламными отделами, агентами по сбыту, оптовыми и розничными торговцами. Но разница, очевидно, заключается скорее в применяемых методах, чем в преследуемой цели. Ведущееся в крупном масштабе промышленное производство требует в том и другом случае, чтобы верховная власть рынка и потребителя была в значительной степени устранена.

Крупное предприятие нуждается также в самостоятельности. Вторжение внешней, некомпетентной воли для него вредно. В несоветских экономических системах это означает необходимость лишения капиталиста реальной власти. Крупные и сложные организации могут использовать разнообразные знания и таланты и тем самым успешно функционировать только при условии полной самостоятельности. Следует ещё раз подчеркнуть, что речь идёт не о такой обособленности, которая делает фирму подвластной рынку, а о такой, которая позволяет фирме самостоятельно планировать.

Индустриальной системе внутренне не присуща способность регулировать совокупный спрос – способность обеспечить покупательную силу, достаточную для поглощения всего, что она производит. Поэтому она полагается в этой области на государство. При полной занятости не существует механизма, позволяющего стабилизировать цены и заработную плату.

Эта стабилизация тоже является функцией государства. В экономических системах советского типа также ведутся тщательные подсчёты соот-

ношения между объёмом получаемых доходов и стоимостью товарной массы, предоставляемой покупателям. Стабилизация общего уровня заработной платы и цен является, бесспорно, естественным следствием фиксирования цен на отдельные товары и ставок заработной платы.

И наконец, индустриальной системе приходится полагаться на государство в деле обеспечения обученными и образованными кадрами, которые стали в наше время решающим фактором производства. То же имеет место и в социалистических индустриальных странах. Десять лет назад, вскоре после запуска первого спутника, в Соединённых Штатах Америки наблюдался значительный и модный интерес к вопросам подготовки научных и инженерных кадров. Многие доказывали, что советская система, придающая большее значение функциям государства, среди которых выдающееся место занимает забота об образовании, имеет в этом отношении естественное преимущество.

Мы видим, таким образом, что конвергенция двух как будто различных индустриальных систем происходит во всех наиболее важных областях. Это чрезвычайно отрадное обстоятельство. Со временем (и, пожалуй, скорее, чем можно себе представить) оно опровергнет представление о неминуемом столкновении, обусловленном непримиримым различием. Сказанное здесь о конвергенции двух систем не скоро получит всеобщее признание. Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно. Только наиболее одержимый идеолог или самый пламенный пропагандист может цепляться за свои взгляды, сознавая, что всё большее число людей считает их устаревшими. Самолюбие – это великий фактор духовного обновления.

Понимание того факта, что в ходе своего развития обе индустриальные системы сближаются, будет содействовать, надо полагать, установлению согласия относительно общей опасности, таящейся в гонке вооружений, и необходимости покончить с ней или же начать соперничать в более благоприятных областях. Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее.

Джон Гэлбрейт

Экономические теории и цели общества¹

(Galbraith John. Economics

and the Public Purpose)

фрагмент из книги

Глава XV. Новая экономическая теория технического прогресса

В настоящее время гораздо очевиднее становится роль технического прогресса в современной экономике и в планирующей системе. Этот вопрос представляет значительный интерес. Немногие вещи более поразительны, чем наблюдающийся в последнее время переворот во взглядах общества на изменения, происходящие в технике. Еще совсем недавно такие изменения являлись абсолютным общественным благом. Только чудачки подвергали это сомнению. Слово «изобретение» было синонимом слова «прогресс». Создатели новинок – инженеры и ученые – были людьми, приносящими обществу наивысшую пользу. Содействие научно-техническому прогрессу было высокоценимой и безусловной функцией государства.

Теперь сомнения – обычная вещь. Все чувствуют, что многие новшества в потребительских товарах есть не что иное, как обман. Считается само собой разумеющимся, что наиболее заметной чертой широко разрекламированных изобретений окажется их неспособность к работе или же выяснится, что они просто опасны.

Общественное движение, названное «конsumerизмом», одним из инициаторов которого является Ральф Найдер, своим происхождением в не-малой степени обязано этим особенностям нововведений. Во все возрастающей мере люди понимают, что технический прогресс, хотя он и выполняет свои задачи, хотя он и позволяет людям летать со сверхзвуковой скоростью или уничтожать ракеты противника, одновременно может привести к вредным социальным последствиям и создать опасность для общества. Все больше распространяется мнение, что при определенных темпах технического прогресса погибнут все, кто мог бы извлечь из него пользу.

¹ М.: Прогресс, 1979. 406 с.

В неоклассической модели рассматривался технический прогресс двух типов. В результате первого из них создавались новые или более совершенные товары или услуги, которые положительно принимались и покупались потребителями, так как они лучше удовлетворяли их потребностям. С другой стороны, технический прогресс приводил к совершенствованию технологических процессов, при помощи которых изготовлялись эти товары или оказывались услуги. (Говоря формально, технический прогресс содействовал либо созданию или изменению функций спроса, либо снижению издержек.) Изобретение или усовершенствование всегда было реакцией на воспринятые желания потребителя. Иначе выглядит, скажем, пример с новой мышеловкой, когда может возникнуть потребность информации потребителя об улучшениях и, возможно, необходимость определенного воздействия для преодоления его врожденного консерватизма. Но достоинство изобретения состояло в том, что оно выявляло потребность. Убеждение определяло отношение к потребности, само оно потребности не создавало. Изобретения или усовершенствования технологических процессов снижали затраты на производство, а также в конечном итоге и цены. В преимуществе этого сомневаться не мог никто.

Поскольку технический прогресс обеспечивал получение индивидуальным потребителям лучших или более дешевых товаров, то не удивительно, что неоклассическая теория была о нем самого высокого мнения и вместе с тем сурово осуждала любые препятствия на его пути. Рабочие могли сопротивляться новым технологическим процессам, так как они опасались потерять работу. Производители могли добиваться запрещения как изделий, так и новых технологических процессов, поскольку они опасались морального старения своих капиталовложений. В обоих случаях наносился ущерб общественной заинтересованности в получении более дешевых или более качественных товаров. Поскольку дело обстояло так, то подобные препятствия – всякую оппозицию «техническому прогрессу» – расценивали как исключительно вредную. Вообще говоря, подобным образом к ней относятся и до сих пор.

В планирующей системе технический прогресс, подобно любой другой деятельности, в высшей степени организован. Вещь, которую следует изобрести, или усовершенствование в технологическом процессе, которое надо осуществить, обычно обосновываются заранее. Разработка, за редкими исключениями, ведется в соответствии с установленными графиками и в пределах утвержденных бюджетов. Представление о полностью стихийном изобретении, сделанном отдельным человеком на основе блестящей, новаторской мысли, не совсем еще мертво. Частично его жизнеспособ-

способность вызвана тем обстоятельством, что такое изобретение, поскольку оно не связано с большими затратами и не зависит от организации, доступно и малой фирме и, таким образом, рыночной системе. Без этого теоретически нововведения всех видов были бы исключительной собственностью планирующей системы с ее ресурсами специализированных знаний, организацией и капиталом.

Большинство нововведений действительно требует таких специализированных знаний, организации и финансовой поддержки. По поводу того, что основная масса затрат на научно-исследовательские и проектно-конструкторские разработки осуществляется крупными фирмами, никаких расхождений во мнениях нет. Остается лишь установить тот факт, что, поскольку технический прогресс становится организованным и спланированным, он также полностью переходит на службу техноструктуре. Так как теперь он служит техноструктуре, а не потребителю, он, как и следовало ожидать, вступает в противоречие с целями общества.

Технический прогресс в том случае, когда он направлен на совершенствование производственного или других процессов, в отличие от нововведений в области производства товаров или оказания услуг служит двум целям техноструктуры. Он уменьшает издержки производства и тем самым дает возможность устанавливать такие цены, которые стимулируют больший объем продаж. Таким образом, он служит положительной цели техноструктуры – обеспечению роста.

Прогресс в области технологических процессов в то же время укрепляет власть и безопасность техноструктуры и, таким образом, служит ее защитным целям. Такая функция отличается некоторой сложностью.

В современной корпорации, как уже отмечалось в предыдущих главах, производственным фактором, который не находится всецело под контролем техноструктуры, является рабочая сила. Поэтому сохраняется некая возможность бросить вызов власти техноструктуры. Этот вызов, особенно вызов со стороны любого из профсоюзов, практически нейтрализуется соглашением, которое исключает вмешательство профсоюза в то, что называют прерогативами администрации. Указанный вызов еще более нейтрализуется контролем фирмы над ценами, заключением коллективных договоров внутри целой отрасли и негласным взаимопониманием, существующим среди фирм, что рост заработной платы должен осуществляться за счет общества. Таким образом, ни всей отрасли, ни любой отдельной фирме не угрожает такое повышение заработной платы, которое она не может переложить на плечи других *[Мы можем отметить, что результатом прогресса в области технологии является то, что происходящее*

снижение издержек снижает и сумму повышения заработной платы, которое планирующая система вынуждена перекладывать на общество при помощи ценового механизма. Это в свою очередь способствует осуществлению положительной цели роста. В рыночной системе, если не считать сельского хозяйства, выигрыш от роста производительности, как правило, теряется. Вот почему повышение заработной платы в сфере обслуживания, которое происходит параллельно с ее повышением в планирующей системе, со временем вызовет намного большее повышение цен.].

Совершенствование производственных процессов почти неизменно приводит к замене труда капиталом. В планирующей системе накопления, которые являются источником капитала, в широких масштабах осуществляются за счет доходов фирмы, т. е. поступление капитала находится в ее ведении и под ее контролем. Цены на машины и оборудование легче поддаются предсказанию, чем расходы на заработную плату. Машины после того, как их установили, забастовок не объявляют. Таким образом, издержки капитала и результаты его деятельности отличаются гораздо большей стабильностью и надежностью, чем издержки на рабочую силу и результаты ее функционирования.

Следовательно, технический прогресс и сопутствующее ему вытеснение труда капиталом повышают надежность дохода фирмы и поэтому служат защитным целям технотруктуры. Практически это означает, что для современной корпорации вопрос о машинах, способствующих экономии затрат труда, является отнюдь не только финансовым вопросом. Вполне мыслима ситуация, когда замена труда капиталом повлечет за собой увеличение затрат. Это произойдет в силу совершенно рациональных причин, так как замена труда капиталом сопровождается дальнейшим укреплением безопасности и власти технотруктуры. Такая замена позволяет планирующей системе осуществлять более полное планирование.

p.s. Великий Гэлбрейт. Слово прощания¹

Станислав Меньшиков
Stanislav Menshikov

Galbraith is great. A letter of farewell

Вечером 29 апреля в больнице рядом со своим старинным трёхэтажным домом на Френсис-авеню в Кембридже (предместье Бостона) умер один из величайших экономистов нашего времени – Джон Кеннет Гэлбрейт. Он не дожил лишь три с половиной года до своего столетия. Как сказал мне подошедший к телефону его старший сын Алан, ушел тихо и мирно. Так уходят праведники.

Он был знаменит, и почти до самой смерти к нему на дом приезжали корреспонденты ведущих газет и телевидения брать интервью на злобу дня. Он обладал редкой способностью говорить и писать красиво, мудро и афористично. Его любили читатели во всем мире, общий тираж его книг перевалил за миллионы, хотя писал он главным образом на сложные экономические темы, причем отнюдь не популярные учебники.

На Западе многие собраты по профессии его не признавали за упорное противостояние господствующим консервативным течениям – т.н. мейн-стриму и почти откровенно завидовали его уникальной творческой плодовитости. Он одинаково критически относился к неоклассикам и монетаристам и только отчасти признавал кейнсианство. В науке это был революционер, подвергавший критике старый капитализм и указывавший пути его радикального реформирования в интересах большинства. Консервативно настроенное экономическое сообщество так и не наделило его Нобелевской премией, чем опозорило себя в веках.

Властвующая элита относилась к нему двояко. Большой бизнес инстинктивно чувствовал в нём классового врага, но реформаторское крыло демократической партии пользовалось его талантами и воплощало в жизнь некоторые его идеи. Во время Второй мировой войны президент Рузвельт назначил тогда ещё 34-летнего и малоизвестного профессора экономики

¹ «Слово». 12–18 мая 2006 года.

главой федерального ведомства по контролю над ценами. Гэлбрейту тогда удалось предотвратить гиперинфляцию. Сразу после войны он возглавил союзническую комиссию по изучению последствий бомбардировок германской промышленности. Приговор комиссии был неожиданным для властей Вашингтона: ущерб военно-промышленному потенциалу фашистского режима был минимальный. Особенно осторожно американцы бомбили находившиеся в Кёльне заводы Форда.

Президент Джон Кеннеди сначала назначил Гэлбрейта своим советником, а затем направил послом в Индию. Ученый критически относился к внешней политике своей страны и постоянно высказывал свои резкие суждения на сей счет в шифровках непосредственно президенту, минуя госдепартамент. В послахе он продержался недолго.

При президенте Линдоне Джонсоне гарвардский профессор резко выступил против войны во Вьетнаме и одно время неофициально возглавлял студенческое антивоенное движение. Вместе с тем по его предложению при Джонсоне была впервые принята федеральная программа борьбы с бедностью, которая предусматривала пособия малоимущим семьям и медицинскую помощь престарелым. Несмотря на попытки Рейгана и других республиканцев свернуть эти программы, они по-прежнему остаются в силе.

Был он не только практиком, но и выдающимся учёным. Я впервые познакомился с творчеством Гэлбрейта в середине 50-х, когда писал рецензию на его книгу «Великий крах» о кризисе 1929–1933 годов. Кеннет, как я его позже стал называть, заставил задуматься о мерах антикризисного регулирования, которые были приняты в США после Второй мировой войны и позволили, в частности, сделать периодические спады производства менее глубокими.

Лично познакомился я с ним в начале 60-х, когда Кеннет впервые приехал в Москву. Я его принимал в ИМЭМО, обсуждал итоги посещения им Госплана и завода имени Лихачева. В тот приезд он обратил внимание на схожие черты в плановой и рыночной экономиках, что побудило его выдвинуть гипотезу о конвергенции социализма и капитализма.

В то время одна за другой в свет вышли три книги Гэлбрейта, в которых сформулирован его главный вклад в экономическую науку. В работе «Американский капитализм» изложена концепция «противодействующих (уравновешивающих) сил» – большого бизнеса, рабочего движения и государства, которые противостоят друг другу и тем самым ограничивают и смягчают негативные проявления монополистического капитализма. До Гэлбрейта никто из немарксистских ученых не отмечал положительную роль профсоюзов в развитии и преобразовании современного капитализма.

В другой работе – «Общество изобилия» – он выявил корни существования зон хронической стагнации и бедности в самой богатой, бахвалящейся внешним изобилием капиталистической стране. Он обрушился на неоклассическую догму, согласно которой рядовой потребитель – это и есть некоронованный король рынка, показав, что в действительности свои законы рынку диктуют крупные концерны. Часть книги посвящена разоблачению паразитического потребления богачей – в духе критики «праздного класса» Торстином Вебленом, американским социологом начала XX века.

Наконец, в третьей и наиболее известной в России работе «Новое индустриальное общество» Гэлбрейт нарисовал структуру капитализма наших дней, противопоставив мир больших корпораций, пользующихся своим доминантным положением на рынке, и мир малого и среднего бизнеса, с трудом выживающего в острой конкурентной борьбе между собой и под гнетом большого бизнеса. Там же он развивает концепцию менеджеризма, вводя социальную категорию технотехники, как истинного хозяина корпораций, пришедшего на смену крупным акционерам – владельцам миллиардных личных состояний.

С этим последним тезисом я, издавший до того «Миллионеры и менеджеры», был не согласен и решил его покритиковать в еженедельнике «За рубежом». Осенью 1967 году во время моей очередной поездки в США он пригласил меня погостить пару дней у него в доме. Приглашение я принял, но при условии, что прочитаю ему вслух свою критику. Он внимательно выслушал, а потом сказал:

– Ваша критика вполне научная, с ней можно спорить и с чем-то соглашаться. Но вот почитайте, что обо мне пишут некоторые профессора в Америке.

Я прочитал в тот же вечер. Это был отвратительный донос в духе нашей борьбы с «космополитами» в сталинские времена.

Вернувшись тогда в Москву, я предложил Николаю Иноземцеву перевести и издать «Новое индустриальное общество» на русском языке. Не без труда нам это удалось. Благодаря этому советский читатель впервые смог читать Гэлбрейта по-русски. Позже у нас стали издавать и другие его книги, в частности мемуары (с моим предисловием).

Работая в США в 70-х годах, я не раз встречался с Кеннетом, причем мы часто весьма откровенно обсуждали состояние советско-американских отношений. Кеннет был большим другом нашей страны, последовательным противником гонки вооружений, сторонником разрядки и тесного взаимного сотрудничества. В этом духе он давал полезные советы, которые я переправлял нашему руководству по закрытым дипломатическим каналам.

На этой основе впоследствии родилась наша книга-диалог, наговоренная у него на ферме в Вермонте осенью 1987 года и опубликованная в 1988 году в США, СССР и ряде других стран. Помню, с каким восторгом Гэлбрейта приняли студенты МГУ, перед которыми он выступал, представляя нашу книгу. Худощавый великан (рост 203 сантиметра), он и внешне производил неизгладимое впечатление. Тогда же ему вручили диплом почетного доктора МГУ.

Всякий раз бывая в США, я старался заезжать в гостеприимный дом на Фрэнсис-авеню. В 1998 году моё посещение совпало по времени с его 90-летием. В эти дни «Фонд Горбачева» устраивал в Бостоне международный семинар о глобализации, и я предложил Михаилу Сергеевичу заехать к юбиляру. Он согласился, и мы втроём провели в беседе больше часа. Позже один из близких сотрудников Горбачева объяснил, что тот с тревогой отмечал признаки собственного старения, и ему на примере Гэлбрейта захотелось представить себе, сколько лет активной жизни ему осталось. Повидав лично маститого экономиста, он будто бы преисполнился оптимизма.

Глубоко соболезную семье покойного, прежде всего его вдове Китти, милой интеллигентной женщиной, которая до сих пор в свои 90 с лишним лет продолжает ездить по белу свету. Только в позапрошлом году мы с ней виделись в Париже на международной научной конференции в честь 95-летия Гэлбрейта. Китти достойно представляла там заболевшего мужа.

Кеннет и Китти вырастили трех достойных сыновей. Старший, Аллан – один из ведущих частных адвокатов в Вашингтоне, человек состоятельный и солидный, демократических взглядов. Средний, Джеймс – профессор Техасского университета, работает по проблеме неравенства доходов, возглавляет Ассоциацию экономистов за мир и безопасность, выступает в американской печати и на страницах «СЛОВА» с критикой внешней и внутренней политики Буша. Младший, Питер, в прошлом дипломат в чине посла, подготовил выходящую в скором времени книгу с критикой агрессии США против Ирака.

Сказать, что Джон Кеннет Гэлбрейт покинул этот мир преждевременно, было бы неверно. Бог дал нам его, когда человечество больше всего в нём нуждалось, и забрал его к себе, когда он своими трудами более чем выполнил свою жизненную миссию, воздвигнув себе своими трудами нерукотворный памятник. Ушёл близкий друг, замены которому нет.

Амстердам

Гэлбрейт: возвращение
монография

оформление и вёрстка Илья Бернштейн

Подписано в печать 12.03.2017. Формат 60×90/16.
Гарнитура CharterC, FranklinGothikC.
Печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Культурная Революция»
адрес Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б
тел. (499) 973 1662
e-mail editor@kultrev.ru